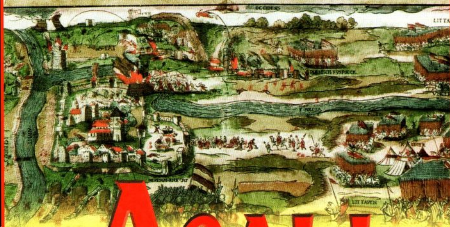

Деды

дайджест публикаций о беларуской истории

НЕИЗВЕСТНАЯ ИСТОРИЯ

ДЕДЫ

ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Минск
«Харвест»

УДК 94(476) (059)

Дайджест публикуется с 2009 года

Взгляды и концепции авторов статей могут не совпадать с точкой зрения редактора-составителя дайджеста

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание безгонорарное.

На первой странице обложки: вверху – Осада Полоцка войсками Стефана Батория в 1579 г. (гравюра XVI века); внизу – косинёры Тадеуша Костюшко перед боем (худ. Ю. Хелминский). На последней странице обложки: вверху – реклама Могилёвского пива; внизу – в зарешеченном вагоне (к воспоминаниям З. Ковш).

Деды : дайджест публикаций о беларуской истории. Выпуск 12 / Составление, научное редактирование А. Е. Тараса. – Минск : Харвест, 2013. – 272 с.

ISBN 978-985-18-2140-8

Материалы двенадцатого выпуска дайджеста разделены на четыре тематических раздела. Они посвящены различным вопросам истории ВКЛ, Речи Посполитой, БНР и БССР. Всего в выпуске 16 материалов, 110 иллюстраций, 2 карты.

ISBN 978-985-18-2140-8

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

СЕДАЯ СТАРИНА

ОТ КРЕВЫ ДО «ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ»

Великое Княжество Литовское и Немецкий орден в 1385–1409 гг.

Геннадий Саганович,
кандидат исторических наук

После смерти Ольгерда (в мае 1377 г.) для Великого Княжества Литовского наступило едва ли не самое напряженное время его борьбы с Немецким орденом. Ситуацию осложняли внутренние проблемы, связанные с борьбой за престол.

Стремясь избежать войны с Орденом, Ягайло в 1382 г. подписал с тевтонцами в Дубисе мирный договор*. По нему он отдал им половину Жамойтии и обязался впредь согласовывать свою внешнюю политику с орденским руководством.

Справка: Ягайло, занявший престол великого князя Литвы после смерти отца, сразу вступил в конфликт со своим дядей Кейстутом, князем Трокским.

Крестоносцы, используя в своих интересах этот конфликт, в 1379 г. заключили перемирие с Кейстутом, а в 1380 г. и с Ягайло. В 1381 г. Кейстут захватил власть в Вильне, но в июне 1382 г. Ягайло вернул себе столицу. Во время переговоров с Кейстутом и его сыном Витовтом он вероломно захватил обоих и отвез в Кревский замок, где Кейстут вскоре был тайно убит. Витовт разделил бы судьбу отца, однако осенью ему удалось бежать к крестоносцам. — *Ред.*

Чтобы не исполнять этих трудных обязательств, Ягайло пытался найти сильного союзника. Сначала таковым виделся великий князь московский Дмитрий Иванович (Донской; правил в 1359–1389 гг.). Но он сам находился в сильной зависимости от Золотой Орды. Тогда Ягайло стал сближаться с Польшей. Переговоры, начатые еще осенью 1384 г., закончились известной Кревской унией — подписанием 14 августа 1385 г. союзного договора между Ягайло и польскими панами, согласно с которым литовский монарх должен был жениться на королеве Ядвиге, занять польский королевский престол, крестить всю Литву (т.е. Беларусь и Жамойтию. — *Ред.*/ и «прибавить» (applicare) свои земли к Короне Польской.

Что означало это загадочное «applicare»? Менялось ли государственно-политическое положение ВКЛ после кревского акта?

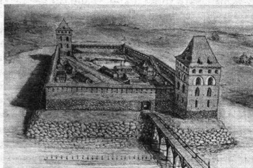

Из журнала «Спадчына», 2000, № 1, с. 102–115. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Дубиса, замок на одноименной реке, левом притоке Нёмана.

Тезис о полной инкорпорации монархии Гедиминовичей польской Короной, введенный в литературу 100 лет тому назад, а потом справедливо подвергнутый критике многими историками, надо сразу отвергнуть, так как он не согласовывается с известными событиями. В пользу инкорпорации говорят разве что вассальные акты удельных князей, которые с 1386 г. присягали на верность королю Ягайло и королеве Ядвиге. Однако, если бы ВКЛ превратилось тогда в провинцию Короны и исчезло как субъект международного права, то Немецкий орден прекратил бы войну с ним, поскольку Польшу и Орден связывал Калишский трактат 1343 года*. Источники свидетельствуют, что Ягайло пытался распространить правомочность этого акта и на ВКЛ, но Орден не соглашался и сам вел переговоры с Витовтом о перемирии.

В этой связи совершенно неубедительно выглядит распространенное в историографии (особенно польской и литовской) толкование целей унии как сознательного стремления Ягайло «создать оборонительный союз с Польшей против Ордена и, опираясь на Польшу, упрочить свое положение в Великом Княжестве Литовском, а также укрепить господство в беларуских и других восточных землях». Дальнейшие события показали, что политические цели Короны и ВКЛ совпадали редко. Акт, подписанный в Креве, не стал тем порогом, после которого принципиально изменился характер отношений между ВКЛ и Орденом. Военные действия и дипломатические переговоры между ними продолжались, а это свидетельствовало о сохранении Великим Княжеством государственной индивидуальности. В Мариенбурге /орденской столице, ныне Мальборк в Польше. — *Ред.*/ и впредь рассматривали ВКЛ как своего потенциального союзника против поляков.

Кревский замок (реконструкция)

Можно согласиться с мнением некоторых немецких историков, считающих, что тезис о Кревской унии как сознательном создании военного союза против Ордена — всего лишь недоказанная гипотеза. Видимо, прав был Курт Форштройтер, который отметил, что для ВКЛ личная уния с Польшей стала значимой не столько в политическом, сколько в культурном плане, ибо немецкие влияния она заменила на польские.

Кревский акт и связанное с ним крещение Литвы радикально ухудшили международное положение Немецкого ордена. Объединив Великое Княжество и Польшу под верховенством одного монарха, уния изменила расстановку сил в Центрально-Восточной Европе в невыгодную для рыцарского государства сто-

* По Калишскому договору Тевтонский орден отказался от Куявии и Добжиньской земли, но сохранил за собой Восточное Поморье с городом Данциг (Гданьск). — *Ред.*

рону (территориально и в плане людских ресурсов Корона и ВКЛ весьма значительно превосходили орденское государство). Фактически Кревская уния поставила под вопрос дальнейшее существование Ордена в этом регионе: исчезала последняя языческая страна в Европе, с которой боролось рыцарство Христово... В этом смысле небольшое беларуское местечко стало тем местом, где было положено начало упадку Тевтонского ордена.

Осуществление подписанных в Креве соглашений – брак Ягайло с Ядвигой (18 февраля 1386 г.), его коронация в качестве короля Польского (4 марта) и крещение Литвы – означало тяжелое политическое поражение Ордена. Он фактически терял идеологические основания для своего дальнейшего существования.

Немецкие рыцари могли избрать несколько возможных путей: признать, что поставленная перед ними задача выполнена, и ликвидировать Орден как государство; изменить задачи Ордена в соответствии с новыми обстоятельствами; не признавать унию и христианизацию Литвы и продолжать «Heidenkampf» (войну с неверными). Орденское руководство избрало последний вариант: оно не признало крещения Литвы как реального факта, стремилось всячески противодействовать реализации унии и продолжало организовывать «рейзы» /рейды. – *Ред.*/ на Литву и Русь. Уже осенью 1385 г. оно начало широкую дипломатическую кампанию, задачей которой было доказать недействительность крещения Литвы и справедливость своей борьбы. И еще целых 50 лет Орден не оставлял своих попыток добиться этой цели!

Союзники поначалу не проявляли агрессивных намерений в отношении Ордена. Ягайло, став после крещения королем Владиславом II, пригласил на коронацию в Краков и великого магистра, однако тот не только отклонил приглашение, но именно в дни торжества начал военные действия.

Когда в феврале 1386 г. против Ягайло восстал его старший брат – Андрей Ольгердович (1325–1399), князь Полоцкий, поддержанный союзным ему смоленским князем Святославом Ивановичем, то в войну вмешался ливонский ландмагистр Конрад Цёльнер. Из Ливонии на Вильню и Ошмяны двинулись два рыцарских контингента. Хронист отметил, что рыцари захватили много людей и домашнего скота, а тех, кого не могли взять с собой – убили. Немцы помогли князю Андрею овладеть Лукомлем и вернулись в свои пределы. Тем временем войско других братьев Ягайло (Скиргайло, Корибута, Лугвена, Константина и Витовта) разгромило смолян 29 апреля 1386 г. на реке Вихре, под Мстиславлем. Святослав Иванович погиб в этом сражении.

(Андрея Ольгердовича весной следующего года Скиргайло захватил в плен в Полоцке. Около трех лет он находился в заключении в одной из польских крепостей, а после освобождения перешел на сторону Витовта. – *Ред.*)

Через некоторое время крестоносцы удачно использовали для раскола союзников личный конфликт между Витовтом и Ягайло.

(Суть конфликта заключалась в том, что в 1382 г. Ягайло отдал своему брату Скиргайло (1354–1394) во владение Трокское княжество – домен убитого Кейстута. В конце апреля 1387 г. Ягайло даровал Скиргайло еще и Полоцкое княжество, а также города Бобруйск, Игумен, Логойск, Любеч, Любешаны, Минск, Пропойск, Речицу, Свислочь. С этого момента Скиргайло фактически стал наместником Ягайло в ВКЛ.

Обиженный и оскорбленный Витовт с 1388 г. развернул вооруженную борьбу против Скиргайло. Гражданская война в 1392 г. увенчалась Островским соглашением, закрепившим победу Витовта. — *Ред.*)

Витовт Кейстутович возглавил литвинско-русинскую оппозицию, выступавшую против Ягайло. В конце 1389 г. он начал переговоры с Орденом, послав к великому магистру своего брата Жигимонта (1365–1440) и князя Андрея Полоцкого. Потом попытался занять Вильню, но операция не удалась, и бунтовщику пришлось спасаться бегством. Так в начале 1390 г. Витовт во второй раз (после 1382 г.) перешел на сторону Немецкого ордена, теперь уже с родичами, со своими панами и боярами. 19 января 1390 г. возле Гродно он подписал соглашение с руководством Ордена. Став по нему ленником тевтонцев, Витовт формально отдал им Гродно, а также другие города в своих владениях (к сожалению, хронист не указал, какие конкретно).

В Пруссии Витовта охотно поддержали. В борьбе за верховную власть в ВКЛ Кейстутович ждал помощи и от московского князя Василия I, за которого выдал дочь Софью (сватовство произошло в 1390 г., свадьба состоялась в Москве 1 сентября 1391 г.). Но реально ставку на него сделал только Орден, который в течение двух следующих лет вместе с Витовтом устраивал общие походы против ВКЛ, доходя до самой Вильни. Уже в феврале 1390 г. большое орденское войско в сопровождения Витовта пошло на Гродно, оттуда — на Кернов. Ягайло спешно послал для обороны Вильни коронного подканцлера Клеменса Москвожевского с польским войском. Зимой хоругви польского посполитого рушения (ополчения) вторглись на Подляшье, где захватили города Брест и Каменец, принадлежавшие Витовту, а в середине апреля, после 50-дневной осады, заняли и Гродно, где сидел немецкий гарнизон во главе с Марквардом фон Зальцбахом. К городу приблизился было Витовт с отрядом немецких рыцарей, однако для помощи защитникам Городно им не хватило сил.

Вскоре сторону Витовта заняла Жамойтия. В Мариенбурге появились 30 жамойтских посланцев, которые 20 мая 1390 г. подписали союзное соглашение с Витовтом и орденскими властями. Третий пункт этого договора предусматривал разрыв ВКЛ унии с Польшей и подчинение княжества Немецкому ордену. Так эта война приобрела еще одно основание и вступила в новую фазу.

Уже в конце лета 1390 г. Витовт совместно с маршалом Конрадом фон Валленродом и ливонским магистром осуществил большой поход на столицу великого княжества. «Собрав Литвы и Руси немало», Скиргайло пытался перекрыть им путь к Вильне, но был разбит. В битве с рыцарством погибло много князей, в частности смоленский князь Глеб, заславский Симон, Глеб Чарторыйский и другие. Но в Вильне объединенные силы жамойтов и тевтонцев смогли занять только Нижний замок. Хотя они имели артиллерию и метательные машины, в их составе были английские лучники, виленский гарнизон во главе с Клеменсом Москвожевским успешно оборонял Верхний замок. Во время пятидневной осады погиб Тавтивил (в крещении Конрад), брат Витовта, да и рыцари понесли значительные потери. В отместку Витовт расправился с пленными защитниками замков, в том числе с князьями Коригайло Ольгердовичем (1369–1390) и Наримонтом Гедиминовичем. Их отрубленные головы насадили на жерди — для устра-

шения защитников Верхнего замка. Тем не менее, грандиозная экспедиция 1390 г. не принесла ожидаемых результатов.

Тогда великий магистр разослал гонцов по Германии собирать рыцарей для нового большого похода. В августе 1391 г. в Кёнигсберг прибыло много знаменитых «гостей», в том числе граф Генрих Дерби (в 1399–1413 гг. он был королем Англии Генрихом IV), а с ним 300 конных рыцарей. Войско пошло на Старое Ковно, откуда Конрад фон Валленрод повел европейских гостей к Трокам, а Витовт с жамойтами и орденским маршалом остался опустошать окрестности. Из хроник известно, что в том же году поляки помогали оборонять не только Вильню, но и Гродно, Меречь и Вилькомир. Крестоносцы вернулись в Пруссию только 20 сентября, когда узнали, что Ягайло вторгся в их владения.

Сражаясь за свое наследство, Витовт не знал покоя. В декабре ему удалось вернуть Гродно. Этой победой он был обязан позиции защитников: литвины во время осады выказали верность своему князю и принудили польский гарнизон сдать город. Стремясь наращивать успех, в январе следующего 1392 г. Витовт инициировал поход в Понемонье. Совместно с комтуром Рагнита и «гостями», он прошел по восточной Гродненщине, приблизился к Лиде и разгромил новогрудского князя Корибута Ольгердовича, который только чудом избежал плена*. В мае Витовт вместе с маркграфом Зальцбахом появился под Медниками и находился там 8 дней, угрожая Вильне, после чего с большой добычей вернулся в Пруссию. В начале лета они вместе провели еще один удачный поход в Понемонье. Севернее Гродно, на Нёмане, появились опорные базы Ордена — замки Нойгартен и Метенбург, а еще раньше — Ритерсверден, где стояли немецкие гарнизоны.

Тогда Ягайло пошел на уступки. Его тайное письмо сильно повлияло на позиции Витовта. Уже в конце июня он перешел на сторону Ягайло. Покидая Орден, Витовт сжег Ритерсверден, а потом разрушил и новые замки Нойгартен и Метенбург, пленив застигнутых там немецких рыцарей и купцов. 5 августа 1392 г. в имении Остров, что под Лидой, произошла историческая встреча и примирение братьев, закрепленное договором о передаче Витовту власти над Великим Княжеством.

Согласившись признать Витовта своим наместником в ВКЛ и вернув ему вотчинные владения, Ягайло лишил немцев стратегического союзника. Между двоюродными братьями на три года установилось согласие, что сразу увеличило их военный потенциал. Орден же столкнулся с проблемами организации дальнейшей борьбы. Начались конфликты между «гостями», приехавшими из разных стран Европы. Например, в результате стычки английских рыцарей с шотландскими в 1391 г. был убит племянник шотландского короля, а в следующем году англичане замучили одного прусского аристократа и его слуг.

Национальные конфликты между участниками походов подрывали саму идею крестового похода против «неверных». Поэтому с 1394 г. англичан исключили из участия в походах на Литву. Между тем числом участников «рейзов» рыцари

* Замок Рагнит стоял на левом берегу Нёмана. Ныне здесь расположен город Неман Калининградской области Российской Федерации. — *Ред.*

Британского королевства уступали только французским, так что приток новых сил существенно сократился.

С другой стороны, чешский король Вацлав IV в 1395 г. призвал Орден прекратить военные акции против ВКЛ, и Папа римский обратился к великому магистру с просьбой не воевать более «земли литвинов и русинов». Это же требование апостольская столица через 8 лет (т.е. в 1403 г.) повторила как ультиматум. Правда, реально политика рыцарского государства еще имела неофициальную поддержку со стороны династии Люксембургов — и упомянутого короля чешского Вацлава, и его брата, короля венгерского Сигизмунда*. Потому, несмотря ни на крещение Литвы, ни на требования Папы, Орден находил возможности продолжать «войну с язычниками».

Очередная измена Витовта активизировала рыцарей. Уже в начале 1393 г. орденский маршал осуществил два успешных похода на литовско-польское пограничье, достиг Гродно, сжег Витовтов Сураж и вывел множество пленников. Потом на эту же крепость, укрепления которой не успели восстановить после предыдущего нападения, провели рейд соединенные силы Конрада Кибурга, комтура Балги, и орденского маршала**. Понеся потери при переправе через Неман, они все же взяли штурмом гродненский замок и разрушили его.

Конрад фон Юнгинген, магистр Тевтонского ордена

Особенно активно Орден начал действовать с декабря 1393 г., когда великим магистром стал Конрад фон Юнгинген /он оставался магистром до своей смерти, наступившей 30 марта 1407 г. — *Ред.*/. Уже в январе 1394 г. была организована большая экспедиция на ВКЛ с участием «гостей» из Европы. Через Гродно войско достигло устья Вялии, где разделилось на три группы, и пошло, как пишет хронист, «на Русь»: на Новогрудок, Лиду, Мервечь и Дорогичин. Нигде не встречая отпора, рыцари «повоевали много окружающих земель», сожгли поселения, награбили и с огромной добычей вернулись в Пруссию.

Зимой следующего года в Пруссии опять собралось европейское рыцарство, которое требовало нового похода «на Литву». Экспедиция началась ближе к весне. Орденский контингент и «гости» обошли Гродно и направились к Новогрудку, жители которого успели поджечь строения и спрятаться в лесу. Оттуда войско крестоносцев двинулось на Лиду, но и там было уже все сожжено. Зато, спустившись ниже, рыцари заняли Дорогичин и несколько недель безнаказанно

* Вацлав IV Люксембургский (1361–1419) — король Чехии в 1378–1419 гг. и одновременно император священной Римской империи в 1378–1400 гг.

Сигизмунд I Люксембургский (1361–1437), брат Вацлава, в 1378–1415 гг. был маркграфом Бранденбурга; в 1387–1437 гг. королем Венгрии; в 1410–37 гг. императором Священной Римской империи; в 1419–21 гг. одновременно еще и королем Чехии. — *Ред.*

** Балга, или Бальга — ныне поселок Весёлое в Калининградской области РФ.

хозяйничали в Берестейской земле, пока весеннее наводнение не принудило их возвращаться. Они увели с собой 2200 пленных, 1400 лошадей и много скота.

Только летом 1394 г., когда рыцари осуществляли новый большой поход, Витовт сумел организовать оборону. На этот раз великий магистр во главе контингента прусских и ливонских рыцарей подошел к сожженному Витовтом Мариенвердеру, чтобы отстроить замок. Витовт со своим войском появился рядом еще до того, как собрались все силы Конрада фон Юнгингена, и начал переговоры. Вскоре дело дошло до сечи, но с подходом остальных орденских формирований Витовту пришлось отступить. Победив, рыцари двинулись прямо на столицу и 29 августа окружили ее. Однако 23 дня осады и артиллерийского обстрела ничего не дали, и магистр решил возвращаться. Эта безрезультатная экспедиция стала последним походом немцев на Вильню.

Кроме военных экспедиций в 1390-е гг. чрезвычайно активно работала орденская канцелярия, задачей которой была пропаганда против Ягайло и Витовта. К примеру, в 1393 г. орденские посланцы на рейхстаге во Франкфурте утверждали, что польский король постоянно укрепляет неверных — литвинов и русинов, поставляя им оружие, доспехи, лошадей, мастеров-оружейников и т.п., поэтому сражаться с врагами Христа становится все труднее и труднее. Орден попрежнему не желал признавать право Польши на роль посредницы в христианской миссии, монополизировав ее исключительно для себя.

С целью сбора информации великий магистр засылал в ВКЛ своих разведчиков (zeitungsboten), наемных платных агентов. Как свидетельствуют орденские документы, информаторами и проводниками обычно были местные жители из жамойтов и литвинов. Составленное в конце XIV — начале XV века «Описание литовских путей» содержит подробную информацию более чем о 100 маршрутах из Пруссии в Жамойтию, Виленский край и беларуское Понемонье.

В идеологическом противостоянии с Орденом Ягайло и Витовт пользовались теми же методами, что и противник. Польский король провозглашал, например, что Немецкий орден — не защитник, а враг христианства, и утверждал, что на землях ВКЛ немецкие рыцари уничтожают приходские костёлы, сооруженные за счет Польши. Великий магистр опровергал это обвинение в письме к императору, называя его злостным вымыслом. Пропагандистская активность обеих враждующих сторон на территории европейских государств особенно возросла в 1390-е годы, когда стало уменьшаться количество рыцарей, желающих воевать за идею. Поэтому обеим сторонам пришлось делать ставку на наемников, особенно в Силезии и Богемии, откуда и Орден, и Польша вербовали больше всего своих сторонников.

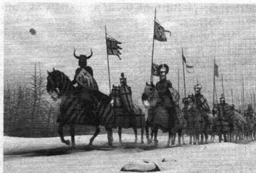
После нападения крестоносцев на владения Витовта, организованного в феврале 1396 г., великий князь литовский пошел на сближение с Дерптом. 26 марта 1396 г. он, епископ Дерптский, герцог Альбрехт Мекленбургский и епископ Виленский заключили «вечный мир ради взаимной пользы и блага»*. Постепенно складывалась опасная для Ливонского ордена коалиция, в которую входили Померания, Польша, ВКЛ, ливонские епископства и даже пираты. Случайно рас-

* Альбрехт III (1340–1412), герцог Мекленбургский, в 1364–1389 гг. был также королем Швеции. — *Ред.*

крытый план участников этого союза предусматривал их общие действия против Ливонского ордена и поход на Ригу. Так что орденским властям было чего беспокоиться. Вдобавок ко всему, в 1396 г. тевтонцы потерпели поражение под Никополисом*.

В таких условиях Мариенбург стал склоняться к передышке. После временного перемирия с Витовтом, подписанного 28 июля 1396 г., на Дубисе ожидалась встреча орденских послов с уполномоченными ВКЛ, однако великий князь не прислал туда своих представителей. Тогда Конрад фон Юнгинген взялся готовить очередную военную экспедицию. Рагнитский комтур вторгся в Жамойтию, а рейнский — в Литву. Контрдействия со стороны Витовта почему-то не последовали.

16 января 1397 г. началась серия переговоров, затянувшихся на год. Орден все еще не оставлял надежды разорвать союз Польши и ВКЛ. Хорошие возможности для этого открывала теперь поддержка сепаратистских планов Витовта. Интересам последнего больше отвечала экспансия на восток и юг, что противоречило интересам Польши. Вступив в конфликт с королевой Ядвигой из-за дани (которую он отказался платить), великий князь литовский сам стал сближаться с немцами. В 1398 г. Витовт принял предложение великого магистра Конрада фон Юнгингена провести переговоры о примирении.

Набег немцев на литвинов

Согласно с договоренностью, 21 апреля послы Немецкого ордена приехали к великому князю в Гродно, где через два дня стороны согласовали проект договора. В сентябре документ о мире был заверен печатями монархов и высшего государственного чиновничества обеих сторон на неманском острове Салин (или Залинверден), находящемся вблизи впадения Невежиса. Договор заключался без согласия Ягайло, хотя и не являлся для него тайной. Собранные на острове паны

* В битве при городе Никополис (на южном берегу Дуная, ныне Никополь на территории Болгарии) 28 сентября 1396 г. турецкий султан Баязет нанес сокрушительное поражение объединенному войску венгерских, тевтонских и французских рыцарей. — *Ред.*

и бояре жамойтских и беларуско-украинских земель объявили Витовта «королем литвинов и русинов» и поддержали его антипольскую настроенность.

Ратифицированный на Салине акт договора подтвердил, что Жамойтия принадлежит Ордену. Витовт обязался помочь рыцарям завоевать Псков, а также построить им два-три пограничных замка — в качестве компенсации за причиненные ранее разрушения. Тевтоны же взялись поддержать Витовта в осуществлении его восточных планов, в частности по захвату Великого Новгорода, отпустили на свободу его брата Жигимонта и других пленников.

С одной стороны, Салинский договор поставил Орден в неприглядное международное положение. Получилось, что государство, призванием которого являлась война против врагов христианства, само заключило союз с нехристями: ведь в лагере Витовта были не только язычники-жамойты и православные русины, которых Папа римский считал схизматиками, едва ли не худшими чем язычники, но и татары! Выходит, что политические выгоды этого союза привлекали прусские власти больше, чем международный имидж. Но, с другой стороны, Витовт отказался от Жамойтии, что стало важным дипломатическим успехом орденского государства. Вместе с аннексией шведского острова Готланд, Салинский договор обозначил кульминацию территориальной экспансии Немецкого ордена в Центрально-Восточной Европе.

Недолгий союз Пруссии с ВКЛ быстро воплотился в практические действия. Рыцари воевали под хоругвями Витовта, видимо, уже сразу после подписания Салинского договора. А летом 1398 г. орденские формирования помогли Витовту разгромить татар в южных степях. На Днепре в честь этой победы великий князь возвел замок по образцу орденских твердынь, назвав его Иоганнесбургом.

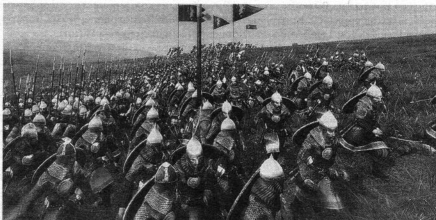
Готовился большой поход против Орды. Сам Папа римский Бонифаций IX благословил войну христиан против татар и выдал привилей на крестовый поход Витовта. Для участия в экспедиции против Золотой Орды кроме Короны (400 человек) свой контингент (100 рыцарей) прислал великий магистр Конрад фон Юнгинген. Однако битва на реке Ворскле 12 августа 1399 г. закончилась катастрофой, которая разрушила далеко идущие планы Витовта. После поражения он появился у Ягайло в Кракове, а в начале 1400 г. польский король сам приехал к нему в Вильню. Предполагается, что именно тогда Ягайло уступил Витовту «suprerum principatum» в ВКЛ /т.е. признал его великим князем, а не своим наместником. — *Ред.*/, и отношения между двоюродными братьями стали превращаться в действительно братские.

Формально от битвы на Ворскле и до момента подписания виленской унии 1401 г. еще сохранялись дружественные отношения между Витовтом и Немецким орденом, тогда как между Короной и рыцарским государством нарастала напряженность. Незадолго до Ворсклы умерла королева Ядвига (17 июля 1399 г.), которая при жизни старалась не допускать обострения противоречий с тевтонами. Витовт тоже старался не конфликтовать с Орденом, которому был обязан помощью. Летом 1401 г. в Пруссию ездила его жена великая княгиня Анна, а он сам, вероятно, вынашивал планы каких-то общих с немцами антитатарских акций*. Витовт даже способствовал сближению польского короля с великим ма-

* Анна — жена Витовта с 1372 г. до своей смерти в 1418. Ее происхождение точно не установлено, но в любом случае она не была православной русинской княжной. Это выдумка. — *Ред.*

гистром Ордена. Но после поражения на Ворскле ему пришлось фактически отказаться от программы завоеваний восточных земель.

На отношения между ВКЛ и Орденом существенно повлиял акт унии, заключенной 11 марта 1401 г. в Вильне. На съезде в столице были подписаны три документа – от литовского боярства, от Витовта и акт польских магнатов. Ягайло по этому договору официально передал Витовту «supremum principatum» над землями Литвы и Руси, оставив за собой почетный титул «supremus dux», не имевший реальной силы (хотя было оговорено, что после смерти великого князя верховная власть над ВКЛ должна вернуться к польскому королю). Наделение Витовта пожизненным титулом великого князя стало юридическим признанием равенства ВКЛ с Короной.

Русины Великого Княжества Литовского в атаке (компьютерная графика)

Орден с тревогой отнесся к новой унии, восприняв ее как скрытый антинемецкий союз. Из Мариенбурга в европейские государства, в том числе в апостольскую столицу, поехали посланцы, которые говорили, что польский король объединился с русинами и даже с московским князем. Они также утверждали, что война против Витовта и Ягайло полностью легитимна, ибо, дескать, Польша поддерживает язычников в Литве и помогает схизматикам-русинам. Виленская уния вообще характеризовалась как опасная для христианства, так как к ней принадлежат еретики (имелись в виду опять же православные), а Ягайло и Витовт провозглашались «князьями язычников».

Сразу после унии Витовт радикально изменил свои отношения с немцами. Когда в том же 1401 году начались волнения в орденских владениях Жамойтии, великий князь, который год назад помогал немцам усмирять жамойтов, на этот раз поддержал бунтовщиков и резко порвал с рыцарями. Именно жамойтское восстание стало причиной возобновления войны с Орденом и новой серии его опустошительных рейдов в ВКЛ. Уже в том году экспедиции против ВКЛ организовали как ливонские рыцари, так и прусские.

Тевтоны действовали по старому сценарию, руководствуясь принципом «vide et impera» /разделяй и властвуй/. На этот раз они попытались использовать Витовтового соперника Свидригайло (1370–1452). Свидригайло, за которым стояла «вся Русь», буквально связал руки Витовту. Благодаря ему, уже осенью 1401 г. взбунтовались Подолия и Смоленск, так что Витовту пришлось срочно организовывать поход на смолян. А орденский маршал в начале 1402 г. несколько дней опустошал окрестности Гродно.

Идя по следам Витовта, Свидригайло в марте 1402 г. появился в Мариенбурге и подписал соглашение о своей вассальной зависимости от Ордена – по образцу Салинского договора. Немцы помогали ему деньгами, направляли послов во взбунтовавшийся Смоленск и на Подолию, организовывали военные акции. Так, комтур Балги напал на Гродно. Летом того же года с севера по Неману их контингент поплыл на Вильню, но люди Витовта в нескольких местах загородили реку, и поход сорвался. Контрдействия войско ВКЛ проводило редко. Только перед Рождеством 1402 г. литвины осуществили нападение на Рагнит.

По инициативе Свидригайло в январе 1403 г. прусский маршал Вернер фон Тетинг совместно с ливонским магистром Конрадом фон Витингофеном провел двухнедельный поход в ВКЛ, во время которого они захватили 4 тысячи пленных. В отместку, Витовт в апреле вторгся в Ливонию, сжег Динабург /ныне Даугавпилс в Латвии/ и Юргенсбург /ныне Юрбаркас/. Поддерживая восставших против Витовта, Свидригайло несколько раз приезжал из Ливонии в Смоленск. Но уже 2 июля между Витовтом и маршалом Ордена была подписан договор о прекращении военных действий (до личной встречи с великим магистром) и об обмене пленными.

Встреча Конрада фон Юнгингена и Витовта произошла 8 сентября 1403 г. на Дубисе, правда, завершилась она безрезультатно. В качестве причины срыва переговоров фигурировали поддержка немцами бунтовщика Свидригайло и ситуация в Смоленске. В следующем году Витовту пришлось вместе с польским отрядом силой подчинять этот город.

Вскоре Орден смягчил свое отношение к ВКЛ. Всего на день позже дубисской встречи была подписана булла Папы римского Бонифация IX, который признал факт христианизации Литвы и запретил рыцарям военные экспедиции против ВКЛ. Послание из апостольской столицы, полное упреков в адрес крестового рыцарства, произвело сильное впечатление в Ордене, власти которого обратились к папе с апелляцией. Правда, в Мариенбурге уже не противились примирению с Витовтом, так как именно тогда Орден вел борьбу с Данией за Готланд. Опасаясь экспансии участников Кальмарской унии, рыцарское государство стремилось расширить свой территориальный плацдарм в Балтийском регионе*. Еще в 1398 г. оно организовало большой поход своих сухопутных и морских сил на остров Готланд**. В 1403 и 1404 гг. походы повторились. Эти походы стали самыми масштабными акциями Ордена до Грюнвальда. В результате весь Гот-

* Кальмарская уния была оформлена в 1397 г. в шведском городе Кальмар по инициативе королевы Маргариты Датской (1353–1412). Ее участниками стали Дания, Норвегия (с Исландией) и Швеция (с Финляндией). Уния формально существовала 126 лет, до 1523 г. – *Ред.*

** Площадь острова Готланд 2994 кв. км, это на 394 кв. км больше нынешнего герцогства Люксембург. – *Ред.*

ланд – самый важный опорный пункт балтийской торговли – был занят немцами. Попытка Дании отобрать остров в 1404 г. закончилась безрезультатно.

Для решения затяжного противоборства, которое утомило всех, 18 мая 1404 г. в замок Рациёнж (находился недалеко от орденского города Торн, нынешнего польского Торуня) съехались первые лица ВКЛ, Короны и Ордена. Ягайло и Витовт успели договориться со Свидригайло, и тот участвовал в переговорах на их стороне. Рациёнжский договор, подписанный 22–23 мая 1404 г., подтвердил предыдущие условия мира с Орденом и те же границы: Витовт «навечно» уступал немцам Жамойтию до Невежи, а также часть Судовии. Корона же путем выкупа вернула себе Добжиньскую землю, однако подтвердила остальные пункты условий Калишского трактата 1343 г., подписанного еще Казимиром III. Союз Свидригайло с Орденом был ликвидирован.

Сначала этот мир казался прочным. Когда летом 1404 г. жамойты снова подняли восстание, подавлять его маршалу Ордена помогало литовское войско во главе с Витовтом. В 1406 г., принимая участие в походе Витовта против великого князя московского, комтур Рагнита привел под Брянск отряд немецких рыцарей. В сентябре 1408 г. двухтысячный орденский контингент снова помогал великому князю в акции против Москвы. А еще раньше, в феврале того же года, хоругви ВКЛ участвовали в походе ливонского ландмагистра на Псковщину.

Но вскоре после избрания новым великим магистром Ульриха фон Юнгингена (1407–1410), брата умершего Конрада, противоречия между свежеиспеченными союзниками снова стали обостряться. В июне 1409 г. в анексированной Орденом Жамойтии началось очередное восстание, которое Витовт на этот раз поддержал, правда, неофициально. А после того, как Ягайло заявил, что он на стороне Витовта в его борьбе за Жамойтию, великий магистр Ульрих фон Юнгинген объявил войну польскому королю, получившую название «Великой» (16.08.1409–1.02.1411 гг.). В ней столкнулись давние антагонисты Центрально-Восточной Европы – немцы и славяно-балтский блок.

ПОД ПОЛОЦКОМ ДОЖДИ
Записки 1579 года

Рейнгольд Гейденштайн,
секретарь короля Стефана Батория

СМЕРТЬ СИГИЗМУНДА АВГУСТА

Король и великий князь Сигизмунд II Август умер 7 июля 1572 года*. После Люблинского сейма 1569 года он отослал жену Екатерину**. Хотя и прежде всегда любил женщин, теперь еще сильнее запутался в амурных интригах и стал думать о разводе с женой. Он начал добиваться от Папы разрешения на это, видимо надеясь получить наследника от другой, или чтобы свободнее быть с той, которую любил сейчас.

В то время, когда он возглавлял в Варшаве сейм, ему донесли, что жена его, Екатерина, умерла в Линце /в Австрии. — *Ред.*/ Это сообщение доставил королевский посол Ян Кирус, ксёндз Вроцлавский. Сигизмунд Август залился на это искренними слезами. Все смотрели с удивлением, ибо такое решение было ему желательным и согласно с его мыслями.

С той поры был всегда печален; и вскоре заболел, и только один раз был в сенате. Распустив сейм ввиду распространения заразы, страдая умом и телом, он поехал в Кнышин.

Когда в мае /1572 г./ покинул Варшаву, предчувствуя свой близкий конец, написал завещание в трех экземплярах и запечатал его своими печатями. Один из них отдал своей сестре Анне, второй оставил при себе, а третий положил в Тыкоцине, где раньше поместил все свои ценности.

В завещании все свое движимое и недвижимое имущество разделил поровну между наследницами — своими сестрами: Софией, княгиней Брауншвейгской; Катариной, королевой Шведской; и королевой Анной. И он добавил только то предостережение, чтобы королеве Шведской, которая еще не получила своего приданого и Анне были обеспечены по 32 тысячи золотых как сумма приданого.

Свою наследственную собственность в Литве и Подолии он разделил на три вида. Первые были отданы ему во владение еще при жизни отца — Сигизмунда Старого, другие — приобретены от матери (королевы Боны) на основе разных прав и обязательств, и третьи, которые он получил по завещаниям, или через куплю. Хотя из этого третьего вида собственности раздал много разным лицам и хотя многие владеют ими, они, по Божьему и человеческому праву, принадлежали ему. Справедливым было чтобы эта его собственость и другое движимое имущество, как собственность его самого и его предков, досталась его потомкам. Этим всем сестры его или их дети должны были наделиться поровну, а если бы

Из журнала «Спадчына», 2000, № 6, с. 90–122. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* В ВКЛ и в современной Беларуси имя Сигизмунд пишут как Жигимонт. — *Ред.*

** Екатерина Габсбург (1533–1572), австрийская принцесса, была младшей сестрой Елизаветы, первой жены Сигизмунда II Августа. — *Ред.*

их не было, то все это должно было перейти в пользу Польского Королевства и Великого Княжества Литовского...

Местом погребения определил себе Краков, если умрет в границах Польши, а если бы смерть застала его в Литве — Вильню, а именно костёл св. Анны, где уже лежали его жены — Елизавета (Габсбург; 1526–1545) и Барбара (Радзивилл; 1520–1551).

Ордену иезуитов подарил тыкоцинскую библиотеку с тем условием, чтобы каждую неделю один из его друзей говорил проповедь. Костёлу св. Анны в Вильне даровал все свое серебро, как то, что находилось в обеих его личных сокровищницах, так и то, что использовалось ежедневно. Выделил из него только золотой крест и подарил краковской часовне, где покоился его отец Сигизмунд Старый.

Всю сбрую и всякого рода воинское снаряжение отписал королевству польскому, если оно находилась там, и Литве — то, что было в Литве. То же, что было в Тыкоцине в его наследственном замке, — ибо он считал Тыкоцин своею собственностью, — должно было остаться в нем.

Он призывал своего преемника, кто бы он ни был, и сословия обоих народов — польского и литовского, — которых он назначил опекунами своего наследия, чтобы они не нарушали ни в чем его воли и не обидели его сестер.

Сигизмунд II Август

Незадолго перед смертью все те ценности, которые ранее поместил в сокровищницы, и те, которые находились в руках казначеев для ежедневного использования, кроме того, все золотые и серебряные вещи и 200 тысяч золотых червонцев он собрал и сложил в Тыкоцине и поставил над ними охрану, а старосте торжественно приказал, чтобы он никому их не выдавал, кроме сестры Анны (1523–1596).

Но когда умер, то не было при нем никаких денег. /Драгоценности короля были разграблены, в связи с этим велось следствие, позже прекращенное по приказу Анны. — *Ред.*/ И когда его тело лежало в небрежности и никто о нем не радел, Станислав Чарнковский, референдарий польский, справил за свой счет одежду и другие предметы для убранства покойника.

Умер на 52 году жизни и 42-м правления, ибо уже в 10 лет необычным способом был призван к правлению своим отцом (в Литве на великое княжение был избран в 1529 году, королем польским — от 1548 года).

Смерть его вызвала не только заботы, но и разговоры среди людей. Одни осуждали его увлечение женщинами, другие рассуждали о несчастливых его женитьбах, иные вспоминали заинтересованность магическими суевериями. Были и такие, которые утверждали, что он бесправно, против воли общества и без созыва элекционного сейма был возведен на королевство только волею отца, с принижением воли сейма, и потому правил так несчастливо.

Зато другие расхваливали до небес заслуги всего рода Ягайловичей с точки зрения интересов Речи Посполитой и интересов частных родов: они доказывали, что сам Сигизмунд Август соединил Литву теснее с Польшей и присоединил к ней Ливонию, которая была добыта из частных рук и указом великого князя Александра стала собственностью Литвы.

Хвалили его приветливость, которой он привлекал к себе всех, быстроту в разрешении разных дел, а наиболее — счастливые времена Речи Посполитой при нем. Во времена его долгого правления не было никакого ущерба для государства, за исключением Полоцка, который отобрала Москва за несколько лет до его смерти (15 февраля 1563 г.). Но зато были присоединены целые провинции, а другие домогались присоединения. Над Москвой было одержано несколько побед. С немецким императором подписан постоянный мир.

ЛИТВА ПОСЛЕ ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ

Литва за несколько лет до смерти Сигизмунда Августа была соединена с польским королевством на сейме в Люблине на вечные времена. Но, хотя она была принята к единству на совершенно приемлемых и равных правах, — не только не слилась совсем с Польшей, и не удовлетворилась тем, что приобрела, но даже стала настойчиво требовать все то, что она потеряла через это соединение. И хотя сначала сам Ягайло как высший литовский владетель /supremus dux/ отдал Литву польскому королевству так*, что она навсегда должна была быть под властью короля польского с королевскими братьями, также как и с другими князьями, Литва эти условия начала частично расторгать, а частично менять.

Отныне частыми возмущениями против польских постановлений она напоминала о том, что ее принудили, и что Литва имеет свои собственные права. Из-за этого даже все главные трудности, как, например, в последней войне с Москвою, ей приходилось нести самой, ибо польские сословия считали ненужным оказывать ей помощь, поскольку она сама всегда уклонялась от общих прав.

После всего этого, главным образом стараниями самого Сигизмунда Августа, она была снова соединена с польским королевством так, что ей оставлены были все частные права, а в политических отношениях она была уравнена во всех правах с польскими сословиями. Таким образом, из двух стран была создана одна Речь Посполитая. Отныне был один государственный совет, один сенат, и сколько польских, столько же и литовских сенаторов вошло в сенат, тогда как до этого литовских сенаторов было очень мало.

Таким образом, и в правах и в вольностях Литва приобрела больше, чем утратила, но, несмотря на это, не была удовлетворена. Больше всего ее беспокоили провинции Волынь, Киев и Подолия, которые Сигизмунд Август присоединил к польскому королевству, а она считала их несправедливо оторванными от себя**. Среди этих провинций Подолия, имеющая больше шляхты русского про-

* Гейденштайн имел в виду Кревскую унию 1385 года. — *Ред.*

** Суть проблемы заключалась в том, что Сигизмунд Август весной 1569 г. объявил эти три воеводства своими личными владениями. Тем самым они автоматически отошли к Короне, т.е. к Польше. Однако эти воеводства являлись житницей Великого Княжества. Не удивительно, что магнаты и шляхта ВКЛ еще долго протестовали против незаконной передачи их в состав Польского королевства. — *Ред.*

исхождения, охотней соединялась с Польшей; Киев же и Волынь, где литовские князья имели большие владения, склонялась к Литве.

К этому присоединились частные несогласия. Князь Роман Сангушко (1536–1571), в то время гетман польный Великого Княжества, прославленный во многих походах, который занимал в Литве первое место богатством и происхождением, был возмущен гибелью двух своих братьев, из которых одного убил Мартын Зборовский в Чехии, а второго — королевский шляхтич Желяховский на Волыни. За эти личные обиды он решил мстить публичным выступлением. Других же беспокоили мысли об опасности со стороны Москвы ввиду самого объединения, называемого унией, ибо думали, что Литва утратила свою самостоятельность.

ЛИТВИНЫ И ПОЛЯКИ

Со съезда в Касках (25 октября 1572 г.) польские паны послали к литвинам Петра Зборовского, сандомирского воеводу, и Яна Тамицкого, каштеляна /коменданта — *Ред.*/ гнезненского. Знатнейшие литвины собрались в начале декабря в Мстибогове*, чтобы послушать это посольство, и ответ их был следующий:

В актах унии нет упоминания о другом сейме, как только о сейме элекционном. Поляки же не только для определения времени и места элекции устраивают разные съезды, но даже вещи такого особого значения, как порядок элекции, оборона границ, пенсия войску и другие подобные дела решают уже теперь, хотя, как думают литвины, это должно быть решено советом и согласием всех не на съездах /шляхты/ отдельных частей государства, но на общем сейме. Они не хотят брать на себя ответственность за то, чтобы в таком большом деле без ведома своих товарищей, а также шляхты и городов вынести какое-то окончательное постановление. Они, однако, будут стараться, чтобы литвины собрались как можно быстрее в Вильне, подобно тому, как поляки собрались в Касках, и чтобы через неделю после /праздника/ Трех Королей (6 января) выехали на сейм в Варшаву**. Но если по разным причинам не смогут все лично прибыть, а именно ввиду опасности со стороны Москвы, то они пошлют в Варшаву своих послов и дадут им полные полномочия относительно всех тех дел, о которых идет речь.

Литвины также подняли снова спор из-за Волыни, Киева, Подолии и Брацлава, утверждая, что родством, повинностями и владением имущества они составляют с этими провинциями будто одно тело, ибо мало таких с обеих сторон /границы/, чтобы не имел имущества на другой стороне. Никакого спора они бы не начинали и никаких постановлений не выносили, если бы в приглашении на Люблинский сейм о заключении согласия было какое-нибудь упоминание об этом. Более того, постановление относительно этих краев было вынесено без

---

* Мстибогово — местечко (ныне деревня Мстибово) в Волковысском районе Гродненской области, на берегу речки Ольшанка. Название происходит от имени боярина Мстибога, у которого было здесь в начале XIII века укрепленное имение. В 1572 и 1576 гг. в Мстибогово происходили съезды шляхты ВКЛ. — *Ред.*

** Местечко Каски (Kaski), ныне деревня, находится в 39 км западнее Варшавы. — *Ред.*

извещения литвинов и против их прав. По этой причине они просят, чтобы с сеймиков были посланы на великий вальный сейм в Варшаве соответствующие поручения. А если эту боль их и обиду отклонят, то тем самым будет нарушена взаимная любовь и приязнь.

После этого они вынесли постановление, чтобы доходы и оплаты с Волыни и Подляшья вносились в казну Великого Княжества, ибо они будто бы имели на это право и этим решением не нарушали подписанной унии, так как с давних времен эти доходы принадлежали казне Великого Княжества, а своей присягой на унию литвины не отреклись этих земель.

Далее они объясняли, что королева Анна (сестра Сигизмунда Августа) никакой власти над ними иметь не может; что они, имея собственные права и будучи людьми свободными, никакой власти, кроме власти государственной, не признают. На сейме в Касках о них говорили, будто они хотели вести переговоры с Москвой о Ливонии, — неправда, — этого не было у них даже в мыслях. Поляки могут узнать об этом от посольства Гарабурды, писаря Великого Княжества, и из ответа самого царя*. Наоборот, можно доказать, что из польской канцелярии выпускаются письма от имени покойного короля, в которых без ведома наместника Ливонии и без ведома литвинов приказано отдать несколько замков шведскому королю, но этот приказ наместник Ливонии Ян Ходкевич пока не исполняет.

Кроме того, литвины доказывали, что вопреки правам Литвы и наместника Ливонии поляки послали послов в Ливонию и поручили им созвать там сеймики, что является опасностью для государства.

В конце они потребовали, чтобы литовская монета была пущена в оборот по цене ее действительной стоимости и в Польше, как об этом было постановлено еще при жизни Сигизмунда Августа. Они не отрицали, что вели сношения с чужеземцами, но делали это частным порядком. Мало того, они объясняли, что причиной тому было поведение поляков, которые хотели отстранить литвинов от элекции.

БОЙКОТ ПОЛЬСКИХ СЪЕЗДОВ

Литвины, приглашенные на сейм в Варшаву, собрались на свой съезд в Вильне и там постановили направить только послов. Послали комендантов: Евстахия Воловича — трокского и Павла Паца — витебского, а также несколько лиц от шляхетского сословия. Также написали, что ввиду далекой дороги послы их не смогут прибыть в назначенное время и опоздают, возможно, дней на пять.

Отсутствие своих сенаторов литвины оправдывали или дальностью места, или договором на унию, по которому должны съезжаться все только на элекционный сейм, или тогда, когда сам примас (архиепископ гнезненский) созывает сейм. Они объясняли, что по важным причинам не могут послать одновременно послов от рыцарского сословия. Пац и Волович посылаются только потому, чтобы договориться с поляками о времени и месте элекции, и Парчев для

* Михаил Гарабурда (ум. 1586) — один из пятерых сыновей полоцкого боярина Богдана Гарабурды. Великий писарь ВКЛ с 1566. Ездил послом в Москву в 1560, несколько раз в период 1563–1584. — *Ред.*

этого наиболее подходит; о нем шла речь не раз на предыдущих съездах: он на равном удалении от всех и является выгодным для наблюдения за передвижением врага и для противодействия его движениям*.

Литвины думают, что хорошим временем для съезда был бы день святого Войцеха (23 апреля), ибо надо считаться с тем, что они живут далеко, и с тем, что они должны созвать у себя предэлекционные сеймики, а важнейшей причиной является то, что весной, когда реки, озера и болота оттают, меньше будут опасаться врага, так как он обычно бывает деятельным зимой. Они сообщали, что враг уже осадил Ревель, а сам царь с войском стоит под Полоцком, о чем свидетельствуют пожары с той стороны. Он намерен напасть внезапно на неготовых к войне литвинов и посылает послов к ним только для отвода глаз. Надо и с нашей стороны как можно скорее послать послов с целью каким бы то ни было способом задержать его.

Литвины просили поляков о помощи против Москвы, ибо казна Великого Княжества совсем пуста, а против такого врага нужны и наемное войско, и деньги.

Далее жаловались на королеву Анну и показывали ее письма епископу Виленскому, в которых она называет Литву своей собственностью, и поручает лесничим, чтобы ей прислали соответствующие налоги, а в то время, когда поляки собирались на сейм в Варшаву, она сама позвала их в Ломжу и даже прислала форму присяги. Они просят, чтобы все дела с королевой Анной отложили до элекционного сейма и заверили, что в Тыкоцинском деле будут действовать совместно с Польшей.

Рейнгольд Гейденштайн (Reingold Heidenstein

Старые споры за Волынь, Киев, Брацлав и Подляшье они возобновили и утверждали, что эти земли были оторваны от Литвы на сейме в Люблине бесправно и что в воззвании поляков об этом не было сделано никакого упоминания, и ради этого они требуют еще до элекции возвращения этих краев.

Они также хотели, чтобы их земский предводитель (маршалок) имел место в сенате между комендантами, чтобы литовская монета, как об этом было постановлено раньше, принималась по своей цене везде и в польском королевстве.

Они жаловались, что в Ливонии без их ведома и наместника Яна Ходкевича поляки своей собственной волей созвали сейм.

Что до переговоров с Москвой о Ливонии, в чем их обвиняли, они возражали и утверждали, что это даже не приходило им в голову, наоборот — они утверждали, что на основании писем, которые вышли из польской канцелярии, поляки отдавали несколько замков шведам, несмотря на то, что Ливонией до этого времени управлял литовский наместник. Это дело после уведомления шляхетских послов принесло много врагов Красинскому.

* Город Парчев (Parczew) находится в нынешнем Люблинском воеводстве Польши. — *Ред.*

Все это литовские послы говорили явно, тайно же сенату доносил воевода сандомирский о том, о чем он дознался в Мстибогове и что подтвердил комендант троцкий Евстафий Волович, а именно: какие опасности угрожают Литве со стороны Москвы и какие переговоры ведутся с царем. Больше всего жаловались на Кируса, который частыми поездками в Литву вызывал подозрение и сеял недоразумения между Литвой и Польшей.

Потом были совещания – надо ли сообщать шляхте обо всем этом; делались замечания, что надо, но как можно осторожнее. Тогда постановили, чтобы сандомирский комендант Героним Осолинский и троцкий – Евстафий Волович, отодвинув в сторону всех свидетелей, обо всем этом только послам шляхетского сословия сказали, но из этого ничего потом не вышло.

ДЕЛО НАЛОГОВ

На съезде в Варшаве во время бескоролевья (январь 1573 г.) возникли новые недоразумения. Литвины требовали, чтобы элекция короля была перенесена в Литву, о чем поляки не хотели и слышать. Русины убедительно доказывали, что если сначала не будет обеспечена защита их украинских границ, они вообще не приедут на элекцию. В этой связи делались разные предложения. Одни считали, что недостаточно было собрано налогов на оборону, поэтому каждый должен частным порядком помочь государству со своего поместья. Другие держались того взгляда, что не надо вводить никакого налога, но каждый лично должен идти на войну.

Шел разговор и о выборе гетмана. Были пожелания, чтобы был избран кто-нибудь из поляков и чтобы против врага выступил не только гетман со старостами пограничных замков, но каждый шляхтич со своим почтом.

Начался спор об этом с литвинами, которые понемногу прибывали. Они желали помощи от Польши, но им ответили, что как польские сенаторы во время бескоролевья распоряжаются доходами в Польше, так и литовские в Литве. Если они желают определенной помощи, пускай дадут отчет о доходах Великого Княжества, тогда обе страны будут спасаться общими доходами, в противном случае пускай введенным у себя налогом обеспечивают свои собственные нужды, как это сделала Польша.

Литвины ответили, что их налога недостаточно для отпора Москве, особенно по той причине, что поляки с обидой для Литвы оторвали от нее несколько воеводств.

СТЕФАН БАТОРИЙ И ЛИТВИНЫ

Коронационный сейм закончился 13 мая 1576 года.

Литвины собирали у себя разные съезды для совещания о положении вещей, один в Гродно, а второй сразу после коронации в Мстибогове.

По той причине, что уже раньше присоединился к Баторию Ян Ходкевич, виленский комендант, муж большого веса в Литве, он потянул за собой многих других, особенно когда узнали о коронации и браке короля Стефана Батория с Анной, сестрой Сигизмунда Августа. Литвины немедленно определили послов

к королю для переговоров с ним и для обеспечения своих прав, несмотря на то, что элекция и коронация произошли без них.

Как везде, так и в Литву, император прислал тайно силезца Яна Кохирского, чтобы он уговаривал к сохранению верности австрийскому дому Габсбургов. Но посол, увидев, что ничего не добьется, вернулся в Германию, передвигаясь по ночам.

Меж тем к Баторию прибыли литовские послы и присягнули ему на верность: Ян Ходкевич, виленский комендант, Евстафий Волович, трокский комендант, Ян Кишка, крайчий, Александр Ходкевич, гродненский староста. Они просили, чтобы не считали изменою то, что король был избран и коронован без них.

Баторий выдал им подверждение прав и торжественно присягнул, что всегда сам лично будет командовать войском и присоединит к Литве все ее земли, завоеванные московскими царями.

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ С МОСКВОЙ

Из Варшавы король и великий князь Стефан Баторий приехал в Гродно.

Больше всего беспокоило его то, что на войну с Москвой собрано еще мало денег, а хотя собраны были бы даже все налоги, то их не хватит на расходы. Насколько возможно, он сам покрывал недостаток, частью одалживая деньги, а частью — пополняя из своей личной казны.

Стефан Баторий

По всей Речи Посполитой он приказал собирать солдат. Послал к своему брату, князю Семиградскому, чтобы тот прислал ему несколько рот венгерской пехоты и несколько отрядов конницы. И еще он поручил Криштофу Разважевскому и Эрнесту Вайгеру вербовать войско в Германии.

Литовские паны, как только Баторий сообщил им о своих намерениях, за свой счет выставили солдат, сколько кто мог. Оказалось, что этого войска соберется до 10.000. Баторий этой вестью и усердием литвинов был очень обрадован и сейчас же выехал в Вильню.

Николай Радзивилл /«Рыжий»; 1512–1584/, которому Баторий раньше отдал гетманство Великого Княжества, а затем, после сложения Яном Ходкевичем полномочий наместника Ливонии, временно доверил ему и эти провинции, — поставил командиром над войском в Ливонии своего сына Криштофа /по прозвищу «Перун»; 1547–1603/, подчашего господарского и гетмана дворного Великого Княжества. Последний напал на врага и опустошил земли вплоть до Дорпата /Дерпта/. Теперь он приехал в Вильню, чтобы повидаться с королем и отцом. Вслед за ним прибыло войско, которое требовало выплаты пенсии.

В Вильне Баторий начал готовиться к войне и приказал лить медные пушки, которые по своему опыту считал наилучшими.

В Ковне он приказал построить замечательный мост. Этот мост состоял из отдельных секций, соединявшихся между собой, а когда надо было, их разнимали и на возах перевозили в нужные места. Для перевозки одной секции моста требовалось не более двух волов.

Поскольку не все войско еще собралось и долго — до святого Яна — держались сильные холода, так что негде было пасти лошадей, король, ввиду отсутствия других занятий, занялся литовскими делами, которые откладывались с давних времен.

Отсюда он послал в Москву Василия Лопатинского с сообщением причин войны. Причины были такие:

Во время мира царь вошел в Ливонию и опустошил ее; с послами Речи Посполитой обошелся неподобающим образом; от прекращения военных действий отказывался двусмысленными письмами; в это же время Венден осадил большим войском и, наконец, его послы неприлично обошлись с королевской персоной.

Царь Иван отослал Гарабурду, литовского посла в Москве, которого держал до этого времени, с тем только ответом, что он быстро пришлет к королю когонибудь из своих людей для окончательного выяснения этого дела.

И действительно, из Москвы прибыл кто-то и требовал от Батория, чтобы тот воздержался от военных действий, а что до Ливонии, — чтобы Баторий определил представителей для переговоров.

Баторий ответил, что он никак не может согласиться на прекращение военных действий, а что до Ливонии, то было бы напрасно и смешно желать окончания этого дела мирным способом. В любом случае царь уже принял перемирие и отрекся от всяких претензий к Ливонии, а если бы теперь пожелал какой-нибудь ее части, то поступил бы вопреки принесенной им присяге. Если бы он захотел сохранить мир с Литвой, а спор о Ливонии решал бы оружием, то это было бы неслыханным до сих пор видом перемирия. Король знает о том, что во времена Сигизмунда Августа и во времена обоих бескоролевий подобные перемирия предлагались царем, но он, Стефан Баторий, может принять перемирие только на определенных условиях. Кто же, в конце концов, не предвидит того, что если бы Ивану повезло в Ливонии, то он немедленно нашел бы причины к нарушению перемирия с Литвой. Он нашел бы такую причину даже в самом перемирии, которое ранее заключил, если бы король сейчас отступил из Ливонии.

После отъезда московских послов прибыло посольство от татар, предложившее королю военную помощь против Москвы на основе перемирия, освобождающего татар от помощи королю только против турецкого султана. Хан сообщал, что он нападет на Москву с другой стороны, просил подарков и требовал утишения казаков.

Ему ответили, что подарки он получит, а ему обычно давали несколько тысяч золотых и разных тканей; что низовые казаки, как сборище людей с разных сторон и разной религии, не находятся под властью короля, среди них встречаются даже турки и татары. Но король сделает, что будет возможно, чтобы казаки не причинили никакой обиды татарам. Однако татары не пришли на эту войну, ибо были призваны турецким султаном на войну с Персией.

Прибыл также князь Курляндии и Семигалии и просил, чтобы ему был утвержден феод и выдана инвеститура*. Король ему приказал, чтобы он задержался в Дисне и попутно сообщил об этом деле сенаторам.

Войску король приказал собраться в начале июля под Свирью. Уже прибыла венгерская пехота и соответствующее количество конницы, присланной Криштофом, князем Семиградским.

Мелецкий требовал от короля, чтобы польское войско собиралось как можно скорее**.

30 июня 1579 года Баторий поехал из Вильни в Свирь***. Здесь он осмотрел часть литовской конницы. Не было ничего красивее ее. Особенно выделялись отряды князей Радзивиллов и Яна Кишки.

Здесь, размышляя окончательно о плане войны, Баторий решил созвать общее совещание и выяснить вопрос: куда должно двинуться войско.

Николай Мелецкий

Литвины советовали направиться через Ливонию на Псков и взять этот большой и важный город, хотя бы это дело сопровождалось наибольшими трудностями. Они доказывали, что Псков не сможет сопротивляться, так как его стены в заброшенном состоянии, и что никто не думает про его оборону так как он находится далеко от театра военных действий.

Баторий держался другой мысли.

Он начинал эту войну с той целью, чтобы освободить Ливонию из-под власти Москвы. Если бы теперь пошел в Ливонию, то еще больше разорил бы ее своим войском и войском врага, а результат войны был бы неясный. Во всяком случае, война затянулась бы уже потому, что там много замков и укрепленных городов, а также и войску не хватило бы провианта, который большое количество войск быстро бы исчерпало. Если бы все войско собралось в Ливонии, то осталась бы открытой Литва со стороны Днепра и возникла опасность нападения врага оттуда. Если бы король пошел на Псков не через Ливонию, а через земли врага, то было бы это против правил военной науки — оставлять позади себя столько вражеских замков и крепостей, а самим так далеко заходить во вражескую страну, что возвращение назад через ее опустошенные земли было бы невыгодным.

---

* Феод (лен) — земли, пожалованные сеньором в наследственное владение своему вассалу. Инвеститура — документ (акт), выдаваемый вассалу на право владения феодом.

Суть дела такова. В ноябре 1561 г. Готхард Кетлер (1517–1587), магистр Ливонского ордена, подписал в Вильне договор с королем и великим князем Сигизмундом II Августом, по которому Орден прекратил свое существование. При этом часть орденских земель вошла в состав ВКЛ (Задвинское герцогство), а другая часть образовала герцогство Курляндию и Семигалию, вассальное по отношению к ВКЛ. Г. Кетлер хотел получить от С. Батория подтверждение своих прав на это герцогство. — *Ред.*

** Николай Мелецкий (ок. 1540–1585) — староста Хмельника, с 1569 г. — коронный великий гетман и воевода Подольский. — *Ред.*

*** Свирь — местечко на берегу одноименного озера. Ныне поселок городского типа в Мядельском районе Минской области, в 45 км от Мяделя. — *Ред.*

Король думал, что добьется того и другого, если возьмет Полоцк, который стоит на Двине и откуда близко как до Ливонии, так и до Днепра. Действуя по порядку, можно будет тогда углубиться в царский край и, обойдя Ливонию, отсечь от ее Ивана и полностью взять под свою власть. Идя этим путем, король не был бы далеко от Литвы и легко мог бы прийти на помощь и Ливонии, и Литве.

Баторий принял во внимание еще и то, чтобы открыть судоходство ливонцам и Литве по Двине до Рижского порта, чем очень легко можно будет обеспечить Ливонию и угнетать врага, и от этого будут большие торговые выгоды.

После взятия Полоцка вся Двина сразу будет в его руках, ибо Двина зависит от Полоцка, оттуда москали посылают войско и провиант в Кокенгаузен и другие ливонские замки, делают по Двине вылазки и отрезают подвоз товаров в Вильню и Ригу, чем парализуют их торговлю.

И, в конце концов, Полоцк был захвачен царем недавно, а чем свежее память об этой неудаче, тем больше будет радость при его взятии и тем большая слава от его возвращения.

Нашлись такие, которые доказывали трудности взятия Полоцка и утверждали, что для начала войны это будет трудным предприятием. Они говорили, что город укреплен самим своим положением и построенными укреплениями, что он достаточно обеспечен продовольствием, пушками, порохом и всем, что нужно для обороны, и по этой причине выдержит самый сильный штурм.

Но Баторий не хотел отступать от своего плана, имея еще и надежду на то, что слава об этом разнесет далеко его имя.

Каспар Бекеш

Имея разноплемённых наемных солдат — поляков, венгров и немцев, — он решил сообщить им о войне и ее причинах, чтобы все убедились в справедливости его дела. Для этого он издал воззвание на латинском языке, переведенное затем на польский, немецкий и венгерский языки. В нем он перечислил все те обиды, какие Литва получила от Ивана, и другие причины войны. Это воззвание, напечатанное потом в разных местах, хорошо известно.

По правилам военной науки надо было послать вперед какой-то отряд, который стерег бы врага, засевшего в крепости, и наблюдал бы за дорогами.

Баторий послал к Полоцку Николая Радзивилла и его сына Криштофа во главе литовского отряда. Он добавил им Каспара Бекеша с венгерской конницей и несколькими ротами пехоты*.

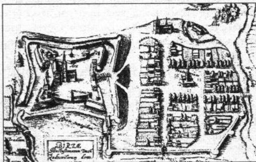
Из Свири Баторий отправился в Дисну. И он шел таким порядком: поскольку на правом фланге находились вражеские замки Красное, Суша и Туровля, он послал туда Мелецкого с польским войском, а сам двигался по левой стороне. Передовые поиски проводил Януш Зборовский.

* Венгерский князь Каспар Бекеш (1520–1579) был соперником С. Батория в борьбе за трон Трансильвании, но после избрания последнего королем Речи Посполитой стал его союзником и другом. Умер и похоронен в Вильне. — *Ред.*

В пути король осмотрел литовское войско, недавно прибывшее, приведенное разными литовскими панами — Стефаном Збаражским, воеводой трокским, Николаем Дорогостайским, воеводой полоцким, и Юрием Зеновичем, комендантом полоцким. Все нашел в наилучшем виде.

Уже несколько дней шли проливные дожди. Они очень мешали перевозке пушек и другого тяжелого оружия, и так сильно, что король не однажды приказывал отпрягать лошадей от своих собственных возов, чтобы ускорить переправу. С самого начала это было неприятно, зато дожди основательно подрезали позицию тех, кто советовал тащиться длинными дорогами к Пскову.

Под Дисной Мелецкий представил королю польское войско, уже полностью собранное, проверенное, разделенное на роты и хоругви. Оно проходило перед королем с распущенными знаменами, всадники, покрытые стальными шишаками и панцирями, имели пики, палаши и по два ручных пистолета, привязанных к седлам, и, проходя мимо, они поднимали сильный шум, как и пехота, которая имела только ружья.

Замок Биржи

Также прибыл запоздавший остаток литовского войска: 900 человек конницы Яна Ходкевича, который сам остался дома, так как был тяжело болен, и вскоре умер от этой болезни /4 августа 1579 г. в возрасте 42 лет. — *Ред.*/; Яна Глебовича, минского коменданта, и многих других.

Прибыли также Криштоф Разважевский и Эрнест Вайгер с немецким войском. Не имея права производить набор в Германии открыто, они вербовали войско тайно. Они привели хорошо вооруженных и воинственных людей.

Силы Стефана Батория с точки зрения вооружения и подготовленности были таковы, что Мелецкий считал их лучше любого другого войска, приготовленного к войне, которое когда-нибудь видел в своем краю или за границей. Хватало всего как пехоте, так и коннице.

Враг сосредоточился под Псковом, а часть войска направил в Ливонию. Быстро переправившись через Двину под Кокенгаузеном, занятым раньше, и разбив здесь 250 человек конницы герцога Курляндского, стоявшей на другом берегу реки, разграбив Зельбург, замок герцога Курляндского, и Биржи, замок князя Криштофа Радзивилла, этот вражеский отряд быстро ушел назад за реку*. Войско же князя Радзивилла, как я уже упоминал, пошло вслед за ним в Вильню за пенсией. Тогда король послал Яна Тальвоша, жмудского коменданта, с войском, собранным на скорую руку.

* Кокенгаузен — бывший полоцкий замок Кукейнос, ныне г. Кокнесе в Латвии; замок Зельбург находился на левом берегу Двины в ее среднем течении; Биржи (Birzai) — ныне город в Летуве, в Паневежском районе. — *Ред.*

Филону Кмиту (ок. 1530–1587), который был старостой в Орше, король приказал, чтобы тот пристально следил за действиями врага в районе Днепра.

Между тем войско, посланное с виленским воеводой Николаем Радзивиллом, переправилось через Двину при помощи переносных мостов, что были сделаны в Ковне.

Враг не препятствовал переправе: то ли по причине воинской дисциплины – без приказа начальника солдаты не смели выходить из крепости, – то ли потому, что считали, будто основное войско собралось в Свири, а отряд, который переправлялся здесь, невелик.

За Двиной наши немного задержались. Дело в том, что царь, когда занял Полоцк 17 лет тому назад, весь простор земли между Дисной и Полоцком оставил незаселенным, и он быстро зарос густым кустарником. Но венгерская пехота очень быстро и ловко прорубила дорогу топорами.

ПОЛОЦК И ПОЛОЦКАЯ ЗЕМЛЯ

Полоцк имел когда-то своих отдельных князей. В 980 году от Р. Х., или, как летописцы считают, от сотворения мира 6488, князем полоцким был Рогволод. Потом Полоцк достался его детям и внукам. Наконец, когда их род извелся, Полоцк вместе с другими землями перешел под власть Великого Княжества.

Во время правления Ягайло, когда происходила коронация Ягайло в Кракове, брат его Андрей захватил Полоцк в свою собственность, но Полоцк у него отобрали. С той поры он всегда был под властью Великого Княжества Литовского. Но в 1563 году его захватил Иван Васильевич, великий князь московский.

Полоцкая земля имеет около 150 тысяч шагов в длину и столько же в ширину. Она плодородна, в ней великое множество рек и озер. Река Двина судоходна, начало берет в Московском государстве, недалеко от Торопца, а в ее устье стоит порт Рига. Из всех северных рек она самая приятная и красивая. Со стороны Москвы в нее впадают Дриса и Усвят, в Литве – Дисна и Ула, со стороны Смоленска – Каспля. По берегам этой реки стоят литовские и московские замки, особенно в устьях малых рек, от названия которых эти замки получили свои имена. Небольшая речка Полота дала название городу и замку, а также всей земле.

Перед завоеванием Иваном эта страна имела только один город Полоцк, а также замок Озерище. Озерище стояло возле озера, откуда вытекает река Оболь. Доступ к Озерищу очень узкий*. Когда Иван захватил этот край, то везде появились замки и гарнизоны с той целью, чтобы сохранить его за собой и препятствовать судоходству, а также сдерживать набеги, которые часто делались по реке с обеих сторон. Сигизмунд Август основал замки Дисна, Воронь и Лепель на острове того озера, который создается рекой Лепель**.

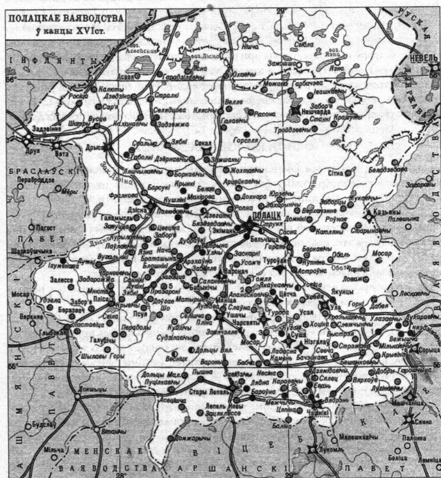
* Озерище, или Езерище – ныне так называется поселок городского типа в Городокском районе Витебской области. Замок был построен в XIV веке на полуострове озера, недалеко от современной деревни Местечко. Прямоугольный замок (100 x 120 м) имел 3 башни, земляной вал с деревянными стенами и ров. Во время паводков территория замка превращалась в остров. Замок уничтожался в 1565, 1579 и 1654 гг. – *Ред.*

** Вероятно, автор имел в виду реку Эссу и два озера. – *Ред.*

Раз я дошел до этого места, кстати будет дать сведения о природе и положении этой местности.

Через эту часть Литвы текут две реки, обе судоходные, они находятся одна от другой в удалении не более 1000 шагов, но текут к разным морям. Первая, Лепель, впадает в Улу, тоже судоходную, а Ула в Двину, которая возле Риги впадает в море. Вторая – Березина – течет в обратную сторону и сливается с Днепром, который впадает в Черное море.

Если бы в этом краю господствовал мир, то легко было бы правительству обе реки, столь близкие друг другу, соединить /каналом/, и тогда север, запад и восток были бы соединены торговым путем. Но Двину печалит московский царь, а Днепр – царь, татары и казаки.

Сигизмунд Август приказал построить в устье Улы замок и для этого выписал итальянского архитектора, но этот архитектор погиб, а враг не позволил вести строительство. Когда враг снова вознамерился усилить это место, Радошковский по приказу Сигизмунда Августа долго, но напрасно осаждал его. Через год Роман Сангушко, брацлавский воевода, воспользовавшись тем, что царь выводил старый гарнизон и вводил новый, напал и отобрал замок (20 сентября 1568 г.). Верхнюю часть этой земли Сигизмунд Август усилил еще раньше строительством замка Чашники при слиянии Лепеля и Улы*.

Также и Иван со своей стороны построил пять замков и этим обеспечил владение землей. По дороге на Псков, в слиянии рек Дрисы и Нищи, стоял замок Сокол напротив литовских замков Дисны и Дрисы. Дальше стоял замок Нещереда (Нещарда) над озером того же названия, в 30 тысячах шагов от Заволочья; замок Ситно – по дороге в Великие Луки в верхнем течении Полоты. Казяны или Казьян над рекой Обаль, которая обтекает его. Замок Усвят – над рекою того же названия, что впадает в Двину напротив Суража, который стоит на реке Каспле. С левой стороны Двины при истоках реки Туровли, впадающей в Двину, он построил замок Туровлю, а замок Сушу построил с литовской стороны, у озера, в таком месте, что он окружен вокруг водой. И он приказал еще укрепить это место, и без того сильное своим положением, и посадил там гарнизон. Недалеко оттуда поставлен был замок Красный, тоже направленный против Литвы.

ОСАДА ПОЛОЦКИХ ЗАМКОВ

Литовские казаки под командованием Франтишка Жука ночью (31 июля 1579 г.), подойдя к замку Красный и быстро приставив лестницы, овладели им – вместе с гарнизоном, амуницией и немалыми запасами провианта.

После этого они напали на замок Казяны за Двиной и разрушили его**.

В это время виленский воевода Николай Радзивилл прибыл с войском под Полоцк. Увидев это, враг немедленно выступил из замка и выстроил своё войско перед воротами, но боя не принял и вернулся в замок. Литовская конница в нетерпении бросилась за ним под самые стены и нескольких убила.

В это же время венгры и литвины, по дороге на Псков, ворвавшись неожиданно, взяли и сожгли замок Ситно (4 июля).

У короля, который ехал к Полоцку, по левую руку был замок Сокол. Опасаясь, чтобы враг вылазками из Полоцка не причинил какого-нибудь вреда нашим запасам провианта, он советовался с Мелецким, не следует ли его добыть. Но, не желая отрывать силы от большого дела на такие мелочи, все же отказался от своего намерения и поспешил под Полоцк. Вслед за Мелецким король через три дня прибыл с сильным войском из-за Двины к Полоцку.

Когда наши стали под городом, то москали поубивали пленных литвинов и поляков, что с давних времен были в неволе, привязали к плотам и пустили по Двине, желая таким способом напугать наших.

* Чашники находятся при впадении речки Улянки в Улу. – *Ред.*

** Казяны, или Козьян, был взят раньше, 23 июля 1579 г. – *Ред.*

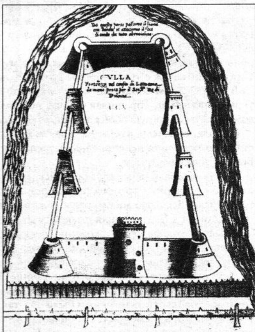
Король, взяв с собой только Яна Замойского и Каспара Бекеша, а Мелецкому поручив стеречь вылазки из замка, объехал город, высматривая наиболее подходящее место для штурма.

Замок Красный

Полоцк имел два замка: один Верхний, построенный на самом высоком месте, и другой, который москали на своем языке называют Стрелецким, а еще город /посад/ – Заполотье.

С юга Полоцк стоит на Двине, которая, чуть изогнувшись на запад, после этого прямо течет к Риге. Река Полота течет с севера на восток рядом со Стрелецким замком, оттуда снова поворачивает на север и огибает подошву горы, на которой стоит Верхний замок, отделяя его от города, а недалеко оттуда впадает в Двину.

Замок Ула

Верхний замок стоит на высоком холме. С юга у него Двина, с севера и запада река Полота и Заполотье, с востока – Стрелецкий замок. Холм, на котором он стоит, обрывистый, укреплен глубокими рвами и валами, а также другими способами. Стрелецкий замок расположен восточнее и ниже Верхнего замка. С западной своей стороны он соединяется мостом с Верхним замком.

Город раньше располагался с другой стороны, возле того холма, на котором царь поставил Стрелецкий замок, но он был уничтожен врагом во время осады – сгорел. Когда царь Иван захватил Полоцк и стал думать о том, как его отстроить (ибо это место очень удобно для тор-

говли), он видел, что его легко захватить со стороны Заполотья. Желая устранить такую возможность, он перенес город на другую сторону реки, а Верхний замок поместил между обеими реками. Таким способом был создан треугольник, одну сторону которого представляет Двина, другую — Полота и Верхний замок, а третью — рвы и башни Стрелецкого замка.

Баторий говорил, что надо начинать штурм с Верхнего замка, как самого сильного, по той причине, что если бы все другое было взято, а этот замок еще держался, то все усилия пойдут впустую, ибо он еще долго будет иметь возможность держаться; если же Верхний замок будет взят, то наши найдут там провиант и всякие военные припасы, свезенные туда Иваном, и одновременно Стрелецкий замок и Заполотье утратят возможность сопротивляться. Тем более, что даже если взять сначала Заполотье, это не улучшит доступа к Верхнему замку, ведь его еще отделяет Полота.

Бекеш же советовал сначала взять Заполотье. Хотя бы потом весь гарнизон собрался в Верхнем замке, то по причине тесноты ему труднее будет защищаться, а наши, оживленные надеждой, будут энергичнее штурмовать. И не намного труднее добывать Полоцк с этой стороны, чем с других, ибо Полоту можно везде перейти вброд. Действительно, Полота в то время была очень мелкой.

Замойский держался мысли короля и тем более его поддерживал, что во время второго осмотра лично обследовал то место, где раньше находилось Заполотье и которое москали называли «Пожаром». Он убедился, что с этой стороны валы не столь высоки, а рвы не такие глубокие, как с других сторон, и что Стрелецкий замок с этой стороны не может удобно обстреливать осаждающих.

В то время, когда Баторий советовался об этом с Мелецким и другими сенаторами, немцы, не спрашивая никого, перешли Полоту, заняли место под городом у Двины напротив обоих замков и там расположились лагерем.

Король, опасаясь, чтобы из зависти не возникла между разными народностями которая-нибудь неприязнь, разрешил штурм города и с той стороны, где Бекеш стоял с венграми.

Теперь выбрали место для королевского лагеря за рекой Полотой, между ней и озером, чуть ниже того места, которое заняли немцы, и за два дня перевели туда войско. Все наше войско расположилось таким порядком:

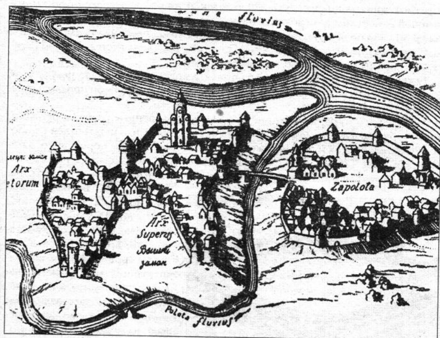
От Дрисы к Полоцку, идя по берегу Двины, стали венгры под Заполотьем. Это было выгодное место, особенно для подвоза продовольствия, так как нижняя часть Двины была спокойной. Отсюда доставляли провиант для всего войска, и здесь стоял на реке переносной мост.

Немного ниже венгров, с другой стороны Полоты, стал Николай Радзивилл, воевода виленский, со своим сыном Криштофом. Их войска состояли из наемников и добровольцев литовских и были расставлены на разных позициях.

За Полотой и озером встал королевский лагерь. Здесь находились сенаторы и польская конница, а также Николай Криштоф Радзивилл /«Сиротка»; 1549–1616/, надворный литовский маршал, который возглавлял королевский двор при отсутствии маршала польского.

В самом центре лагеря стояли сенаторские палатки — тем ближе к королю, чем более высокую должность занимал сенатор. Они имели вид улиц и были рас-

ставлены густо — в три ряда. В центр их вело двое ворот и столько же ворот в сам лагерь. Изнутри лагерь охраняли возы, связанные цепями, по обыкновению поляков, которые, ожидая внезапного нападения, копают ров, насыпают вал, а за ним ставят возы, что придает лагерю характер сильной крепости.

Слева направо: Нижний замок, Верхний замок, Заполотье
(рис. С. Пахоловицкого, 1580 г.)

Выше королевского лагеря стали немцы. У них было 500 человек отборной пехоты, присланной Яном Фридрихом, маркграфом Магдебургским. Пруссаки хотели быть вместе с немцами и тоже стали в их лагере.

Прибыли добровольцы с Подолии и других окраин королевства, что было причиной их опоздания. Между ними выделялся сын князя Константина Острожского с отборным отрядом конницы, и много других.

В это время Бекеш разрешил штурм Заполотья и, устроив окопы, разваливал стены из пушек.

Москали, сомневаясь в обороне города, вынесли оттуда все имущество, зажгли его и отступили в замки.

Наши подвинули подкопы под Верхний замок вплоть до реки Полоты, которая, как я говорил, омывает подошву горы, на которой он стоит. Венгры привыкли к работе, и здесь работали очень много, ибо приходилось проводить окопы через часть города, часто через свалки, кладбища и клоаки.

Постановили вести штурм таким порядком: венгры должны были штурмовать со стороны Заполотья. Недалеко от них поляки. А далее — литовская пехота под командованием Стефана Збаражского, воеводы трокского, Евстафия Воловича и некоторых других.

В центре между ними, чуть ниже, недалеко от реки Полоты, образуя как бы верхушку треугольника, стояли 200 человек отборной венгерской пехоты, набранной Замойским. Они должны были, в зависимости от нужды, помогать либо венграм, либо полякам, которые штурмовали с обеих сторон чуть выше от них.

С другой стороны замка, над рекой Полотой, где она стыкуется с замком Стрелецким, немцы начали подводить окопы к замку.

Бекеш начал первым стрелять из пушек, а когда это дало мало результатов (они только дырявили деревянные стены, но не разваливали), он приказал стрелять огневыми пулями.

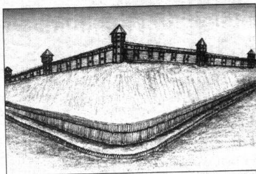
Изобрел эти пули сам Баторий во времена внутренних разрух в Венгрии. Такие горючие пули забивали в пушки таким способом, что между пулей и порохом находился песок или пепел, а поверх еще и трава, чтобы порох не мог загореться от пули. Такими пулями обстреливали стены. Они, попав в дерево, долго тлеют, их трудно погасить, и потому они очень полезны для разнесения пожара. Именно так Баторий сжег маяк во время осады Данцига.

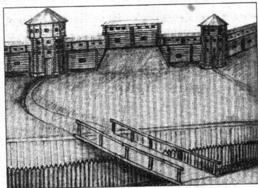
Но под Полоцком и огневые пули дали мало результатов. Те, которые летели высоко, пробивали только стены, а бросаемые низко, ближе к фундаменту, по той причине, что место, где стояли наши пушки, было выше замка, подали на землю и тухли.

Ветер дул непрерывно, все время с одной стороны, и лили проливные дожди.

Полота так вздулась, что ее не только не могли переходить как раньше вброд, но даже и конница переходила с опаской. Все мосты между лагерями вода сорвала. Остался только один, построенный сразу после прихода к Полоцку Яном Боремисом между окопами и крепостью, который штурмовали.

Войску было невыгодно идти на штурм по одному мосту. Бекеш, собрав рыбац-

Верхний и Нижний замки (реконструкция)

кие лодки, постелил на них новый мост. Но этот мост враг в скором времени разрушил пушками, и остался только один — тот, который соорудил Боремис, но и этот, непрерывно обстреливаемый врагом, был в большой опасности.

Бекеш, видя, что пушки и зажигательные пули ничего не могут сделать, поощрял всех, кто стоял ближе к замку, большими наградами, чтобы они подожгли стены факелами. Многие бросались напрямик через мост и холм под замок. Литвины и поляки упрямо бежали туда друг за другом.

Однако повсюду мужество наших воинов встречало отважный отпор врага. Враг сбрасывал на наших огромные бревна, поднятые с этой целью на стены. Сброшенные сверху, они катились по отлогости горы и всякого, кто попадал под них, убивали насмерть или калечили. Дети и женщины, подвергаясь опасности, старательно тушили огонь. Они приносили воду и тушили ею пожар или лили кипяток на наших.

Дождь и непогода все время помогали осажденным так, что простой солдат приписывал эти изменения в природе каким-то чарам или волшебным словам. Дожди не давали жечь город, заливали рвы и размывали землю до такой степени, что наш солдат нигде не мог стоять.

Тогда погибли несколько выдающихся мужей, и среди них Николай Мадази, образованный воин, венгерский вождь. Он был убит пулями, когда советовался возле польских пушек со Станиславом Пенкасловским и другими начальниками. Николай Криштоф Радзивилл (Сиротка), надворный литовский маршал, был тяжело ранен в лоб и глаз куском дерева со стены, долетевшим до лагеря.

Не меньшие потери понес и враг, ибо как только он собирался в одном месте, чтобы тушить огонь, немедленно уничтожался выстрелами из наших пушек. Гибло много не только от пуль, но еще больше от обломков дерева, которые вырывали ядра и пули.

К трудности самой осады надо еще добавить недостачу провианта и воинских припасов. Их привозили из Дисны и с нижней Двины. Все пространство земли между Вильней и Полоцком враг разорил до Постав. Вильня, которая находилась на расстоянии 225 тысяч шагов, не могла удобно доставлять провиант, так как замок Суша был еще в руках врага. Гарнизон этого замка, подкравшись ночью, напал на казаков, которые взяли Красный, разбил их, а замок сожгли, сровняли с землей. Доставка провианта из Вильни по этому пути совсем прекратилась.

В верховьях Двины стоял замок Туровля, его гарнизон не давал заготовлять фураж в том крае. На этот замок с несколькими легкими пушками напал Франтишек Жук, надеясь, что возьмет его на испуг или благодаря внезапности, ибо силой такую крепость взять было трудно. Его гарнизон видел, что Полоцк не взят и потому держался хорошо.

Со стороны Пскова и Великих Лук, на удалении 100 тысяч шагов, лежали густые леса. Собравшийся под Псковом враг, узнав про осаду Полоцка, послал для освобождения города отборное войско под командованием Бориса Шеина и Федора Шереметьева. Видя, однако, что все дороги охраняются нашими, москали задержались возле Сокола и не смогли пробиться в Полоцк. Они делали вылазки

на Дисненскую дорогу и захватывали наших, посылаемых за провиантом и фуражом.

Против этого войска Баторий послал Криштофа Радзивилла, сына виленского воеводы, с отборной литовской конницей. К нему присоединился Ян Глебович, комендант минский.

Враг либо скрывался в замке, либо стоял на месте и не желал принимать бой. Наши бросились на него, и под самыми стенами начался бой конницы. С обеих сторон погибло какое-то количество людей. Захватили в плен нескольких москалей и вернулись в главный лагерь.

Для этого предприятия нужны были большие силы, но Баторий решил сначала довести до конца осаду Полоцка и потому оставил только довольно значительный отряд литовской конницы для наблюдения за врагом с этой стороны.

Ко всему, дожди так испортили дороги, что обозные лошади не могли выбраться из трясины и гибли на дорогах.

Вообще везде грунт так был насыщен водой, что даже под палатками сенаторов, сделанными из кожи, невозможно было отдыхать на земле.

Таким образом, отовсюду для наших был отрезан подвоз провианта, а купцы, ввиду большого растояния и трудности пути, редко показывались в лагере.

Цена на провиант и фураж возросла настолько, что о ней до сего времени не слышали в Речи Посполитой, ибо осьмина овса стоила 10 талеров и его покупали только для лучших коней.

Были такие поляки и венгры, что ели павших лошадей. Дело странное и необычное. Однако удивлялись не этой еде, но тому, что те, которые ели, совсем не болели.

Эта нехватка больше всего докучала немцам, потому что они обычно воевали среди городов и на урожайных землях и никогда не терпели никакого недостатка. По той причине, что они стояли в конце лагеря, продовольствие получали последними.

Перед ними стояли венгры и литвины, а дальше королевский лагерь, и кто стоял ближе к Дисне, тот получал продовольствие первым.

Пруссаки, которые хорошо знали край и местные условия, продовольствие привезли с собой на возах.

Однако всех превосходили своей выдержкой венгры. Бекеш, хотя и болел ревматизмом и корчами живота, не падал духом и говорил, что никогда не чувствовал себя лучше. Всегда был возле пушек, там ел, там спал и постоянно находился в такой опасности, что те, которые были вокруг него, а среди них Ян Куровский, не раз обрызгивали его своей кровью.

Баторий, озабоченный такими трудностями, созвал совет и поставил вопрос, что делать дальше.

Все единогласно требовали того, о чем уже давно говорили вслух: надо идти штурмом на Верхний замок и атаковать его со всех сторон всеми силами.

Баторий не соглашался на это только потому, что если бы такой штурм, на который возлагалась вся надежда, не удался, ничего нельзя было бы сделать, как только прекратить осаду. Он советовал другую акцию.

Он снова издал воззвание к венграм и назначил им огромную награду, если они постараются зажечь замок, уговаривал конницу, чтобы она, оставив лошадей, шла на штурм вместе с пехотой. При этом приказывал, чтобы они не отступали от стен до того времени, пока последние не будут охвачены пламенем, на что раньше не обращали внимания. Наконец, уверял, что под стенами они в большей безопасности от вражеских пуль, чем на удалении. В конце он призывал лучше умереть под стенами от вражеских выстрелов, чем отступить с позором от осады.

Осада Полоцка войсками Стефана Батория в 1579 г. (Гравюра XVI века)

Этот призыв оказал влияние на солдат, они бросились под влажные стены, неся с собой все, что нужно было для их поджога.

Словно в награду за эту отвагу дождь понемногу ослабел, и огонь, подложенный под фундамент, сжег дотла подожженную сторону стен. Оттуда он так широко раскинулся, что его трудно было потушить, и он полыхал весь день.

Это было 29 августа 1579 года.

Под вечер нельзя было пройти на холм через великое пламя, ибо пожар еще бушевал, а другой дороги в замок не было.

Дальнейшие действия отложили до следующего дня.

В то время, когда Баторий отступил в лагерь, венгры, посоветовавшись между собой, через вышеупомянутый мост напали на замок прямо сквозь ужасное пламя, которое их сильно обожгло. По их примеру пошла польская пехота.

Но гарнизон выкопал ров с той стороны, где начался пожар, поставил на нем небольшие пушечки и выстрелами из них встретил наших. Той же дорогой они принуждены были отступать через пламя, а враг, набравшись отваги, погнался за ними.

В это время 200 человек венгерской пехоты Замойского, стоявшей на страже у моста, ведущего к замку, увидев, что наши в опасности, бросились им на помощь, напали на москалей и отбили их.

Баторий, который вернулся уже в лагерь, обратил внимание на это движение, и приказал послать соответствующую помощь. Сам же постоянно наблюдал за дорогой на Сокол. Мелецкий, сойдя с лошади, позвал с собой много шляхты и бросился на помощь пушкам и окопам.

Враг не прекратил боя, но со всех башен, особенно из центральной, самой высокой, стрелял во все стороны. Даже Баторий, который вел разговор с Замойским, оказался в большой опасности, так как когда Замойский для перемены места отошел и стал за королем, а всадник встал на его место, то всадник был убит пулей рядом с королем.

Ночь прекратила это движение, но все были взвинчены тем, что не захотели сразу использовать пожар и завершить штурм, чем придали отваги врагу, а у наших отняли много мужества. Между поляками и венграми даже возникли ссоры. Поляки упрекали венгров в безрассудной торопливости и в начале столь невыгодной атаки, а венгры обвиняли поляков в том, что поляки недостаточно поддержали их в нужное время.

На другой день, чтобы успокоить возбуждение, начали снова штурм.

Как я уже говорил, царское войско, сжегши Заполотье, отступило в замок, но, поскольку Заполотье лежало в конце, откуда легко было оборонять обе стороны, они попытались снова занять оставленное ими место.

Баторий, узнав об этом, и не желая позволить им окопаться в этом месте, приказал выбить оттуда врага. Венгры мигом овладели этой частью горы, а оттуда, согласно приказу, продвигали окопы дальше. Имея над собой венгра Петра Раца, они зажгли первую городню, и пламя было видно всю ночь.

Наши, передвигая вперед огромные штурмовые машины, поражали ими врага и за ночь настолько прорвались через ров, что утром оказались вблизи окопов врага и заняли оттуда нижнее место, где находился свежевырытый окоп. Благодаря этому оба фланга врага так были обнажены, что даже в самом замке трудно было держаться.

Враг тогда утратил всякую надежду на оборону и решил сдаться.

Послали послов от имени всех бояр и всего московского войска. Они просили сохранить жизнь всем тем, кто был в замке, и право, чтобы каждый в своей одежде мог идти туда, куда он хотел.

Только епископ Киприан, которого называют владыкой, и московские воеводы не советовали сдаваться. Они упорно доказывали, что лучше смерть, чем плен. Они хотели даже бросить огонь в порох и взорвать замок и самих себя, но солдаты не позволили им сделать это, — поэтому замкнулись они в церкви святой Софии и говорили, что вывести их оттуда могут только силой.

Баторий, задержав послов, приказал привести владыку и воевод.

Став перед королем, они по обычаю своего народа приветствовали его поклонами до земли. Один из их, Пётр Волынский, жаловался на другого — Василия Микулинского, что тот донес на него царю, за что царь держал его долго в кандалах. Баторий ответил им, что теперь не время рассматривать это дело и отдал их под караул Лаврену Войну, литовскому подскарбию.

Баторий послал отряд поляков и венгров для занятия замка.

Множество непогребенных трупов заражали воздух так, что Баторий, несмотря на свое желание, должен был воздержаться от того, чтобы молебное богослужение отправить в самом замке.

Он назначил сразу отряд для того, чтобы защитить московских солдат от всякого унижения и разделил их на две части – одну, которая хотела поддаться королю, и другую, желавшую вернуться в Москву. Каждому оставлено было право распорядиться своей особой и своими вещами.

Большинство пожелало вернуться в Москву к своему хозяину, хотя хорошо знали, что они идут на верную смерть и на тяжкие муки.

Царь, однако, простил всех, то ли ввиду того, что их заставили сдаться, то ли потому, что в несчастье пал духом и забыл о своей жестокости. И он разослал их по другим замкам: в Великие Луки, Заволочье, Невель, Усвят, чтобы там они свой позор сдачи Полоцка искупили отвагой.

Баторий особо предостерегал наших, чтобы им не чинили никакой обиды.

Случилось так, что какой-то солдат, думая, что легко скроется в толпе, начал их грабить. Баторий, увидев это, сам ударил этого солдата буздыганом. Этот случай вызвал у врага большое к нему уважение.

В замке находили много трупов наших солдатов, убитых гарнизоном.

Во время голодовки много наших забирались в огороды, окружавшие замок, и там собирали разные овощи для пропитания. Пойманным приходилось умирать мучительной смертью. Замечено, что москали больше всего мучили немцев. Сажали их по колени в котлы и, подложив огонь, варили живыми в кипятке. Связав сзади руки шнурками, ранили им живот и все тело так, что казалось, будто на них был панцирь из ран.

Наши солдаты, увидев это, возмутились настолько, что Баторий, не желая нарушить слово, данное врагу, вынужден был дать эскорт из двух рот конницы для тех, что возвращались в Москву.

Назавтра король отправил в лагере молебное богослужение и послал приказ в Польшу, чтобы такое богослужение отправили везде.

Добычи было найдено намного меньше, чем надеялись найти в такой замечательной крепости. Когда-то много золота и серебра, церковного и частного, сложили в соборе св. Софии шляхта и купцы полоцкие, но после взятия города москалями (в 1563 г.) весь этот клад, за исключением небольшой части, москали увезли с собой в Москву. То, что осталось, король даровал войску, но это его не удовлетворило.

Нашли также очень ценную библиотеку. Как свидетельствовали образованные люди – может быть, более ценную, чем вся добыча вместе. Находились там разные летописи, а больше всего работ докторов греческой церкви, между ними работы Дионисия Ареопагита «Об иерархии небесной и церковной»*. Говорят, что эти книги, написанные славянским языком, большею частью были переведены с греческого Мефодием и Кириллом.

* Дионисий Ареопагит – первый афинский епископ, ученик апостола Павла. Жил в середине I века н.э. Ему приписывают целый ряд сочинений, написанных во второй половине V века н.э. – *Ред.*

В Полоцке нашли еще столько пороха, несмотря на то, что уже много его употребляли, что хватило бы на долгую упорную осаду. Также было достаточно продовольствия и фуража, так что наше войско наконец подкрепилось.

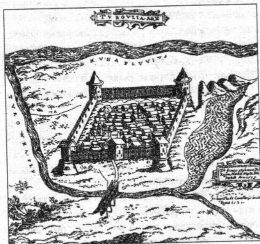
ОСАДА ТУРОВЛИ, СУШИ И СОКОЛА

После освобождения Полоцка, чтобы удовлетворить неудовлетворенное в своих надеждах на богатую добычу войско, король Стефан Баторий заплатил ему двойное жалование.

В Полоцком крае держались еще вражеские замки Сокол, Туровля и Суша. Король понимал, что невозможно говорить о мирной жизни в этой стране до той поры, пока не будут взяты эти замки.

Наиболее беспокоили короля Сокол и Туровля. Дело в том, что Сокол стоял на дороге в Псков и получал оттуда значительную помощь. Король беспокоился, чтобы не пришли оттуда новые силы и не появилась постоянная угроза.

Туровля, что стояла на Двине, давала возможность врагу грабить всю эту страну.

Замок Туровля

Под Сокол король послал Мелецкого, который взял с собой польскую конницу и пехоту, и наемников-немцев.

Под Туровлю он думал отправить Бекеша с немцами, но на это предприятие уже было дано обещание Николаем Радзивиллом, воеводой виленским, Мартину Курчу с казаками. Добавив ему старосту ульского, князя Константина Лукомского, воевода Николай Радзивилл послал его под Туровлю.

Солдаты царского гарнизона, догадавшись, что Полоцк сдался королю, так как уже несколько дней не было слышно пушечных выстрелов, убежали через противоположные ворота, несмотря на то, что их начальники запрещали это делать (4 сентября 1579 г.). Царские же воеводы остались в замке, их доставили к королю.

Суша была самой сильной крепостью, ибо имела сильный гарнизон и достаточно провианта, но потому, что стояла с левой стороны Двины, на литовской земле, уже самим своим положением легко могла быть принуждена к сдаче. Пока ее оставили в покое и она сдалась сама 6 октября 1579 г.

Сделав все это, король взялся за упорядочение Литвы с административной и церковной стороны.

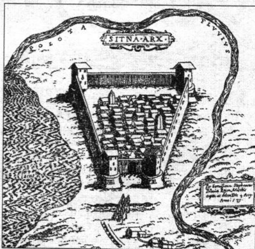
Замковую церковь, построенную из камня и довольно большую, поскольку она с давних времен принадлежала к греческому обряду и имела значительное число прихожан, король оставил при православном епископе, который жил в Витебске, но имел власть над Полоцкой церковью.

Для католиков он выбрал другую церковь. Он подарил ей значительное количество земли и владений неподалеку от нее, и определил на ремонт всю годовую прибыль с таможни. Этот костёл он отдал иезуитам, зная их набожность и рвение к обучению народа.

Говорят, что тамошние крестьяне, не имея достаточно рук для обработки земли, кроме своих жен заводят ещё жен для малых сыновей, заранее венчая их. Заполнив таким способом свои дома, отцы отдавали своим сыновьям этих жен, когда они достигали взрослого состояния.

Король приказал венграм засыпать рвы и окопы, вырытые для штурма. И он показал, как именно желает отстроить разрушенную часть стены, и как усилить замок. На это все выдал он деньги и определил руководителей.

Раньше Полоцк, как и Киев, управлялся наместником. Не было там ни воеводы, ни коменданта, во всем Великом Княжестве было только двое воевод и комендантов: виленский и трокский. Когда же сенат Великого Княжества численно вырос, Полоцк, Киев и даже Витебск стали отдельными воеводствами.

Замок Ситно

Когда царь захватил Полоцк, полоцким воеводой был Станислав Давойна. Его вывезли (в 1563 г.) с женой Петронелой и вместе епископом полоцким А. Шишкой в Москву в неволю и там он долго мучился в кандалах. Его жена из рода Радзивиллов там умерла. Давойна же вернулся в Отечество, ибо Сигизмунд Август выкупил его за несколько тысяч дукатов.

Когда в 1569 году при Сигизмунде Августе была заключена уния Литвы с Польшей и установлено одинаковое число сенаторов литовских и польских, то появилось много новых литовских воевод и комендантов. В Полоцком воеводстве было тогда еще несколько поветов, не занятых москалями. По этой причине признали необходимым назначить полоцкого коменданта наряду с воеводой. Комендантом был назначен Юрий Зенович.

Царь Иван часто шутил в Боярской Думе по этому поводу, говоря: если у Сигизмунда Августа он отберет еще одно воеводство, то Сигизмунд вместо него будет иметь 5 или 10.

Станислав Давойна, пока жил, пользовался титулом полоцкого воеводы. Умер он во время бескоролевья в 1573 году.

Когда Стефан Баторий был избран польским королем и великим князем литовским, то по просьбе литвинов, которые боялись уменьшения числа литовских сенаторов, Баторий назначил полоцким воеводой Николая Дорогостайского-Олехновича, а теперь отдал ему власть в возвращенном Полоцке.

Замок Сокол

Городничим (так называется тот, кто имеет власть над замковыми укреплениями) король назначил Франтишека Жука и оставил надлежащий гарнизон, составленный из конницы и пехоты.

Сигизмунд Август отдал полоцкой шляхте собственность и поместья в разных местах вместо тех, какие эта шляхта потеряла после оккупации Полотчины Иваном, на тех условиях, что они вернутся в свои поместья, когда будет возвращен Полоцк. Баторий теперь вернул полоцкой шляхте ее полоцкие поместья, разрешив, кроме того, держать еще шесть лет те, какими они владели в настоящий момент до того времени, пока не приведут в порядок свои опустошенные земли.

Тем временем Мелецкий, подойдя к Соколу, сильно там страдал, так как дожди залили дороги, и не хватало провианта.

Пушки король послал по реке Двине в Дрису, что стоит при слиянии Дрисы и Двины, а оттуда Дрисой под Сокол. Под Соколом наших задержала река Дриса, так как переносный ковенский мост остался в Полоцке для перевоза провианта, а сделать быстро другой было трудно.

Несмотря на это, воевода брацлавский Ян Збаражский с частью конницы переплыл реку и стал на другом берегу на псковской дороге.

Николай Уровецкий, выдающийся ротмистр, донес Мелецкому, что он знает способ переправы войска на другую сторону. Он построил из больших бревен плоты, связал их цепями, и войско легко перешло по ним.

Московское войско, видя, что не сумеет помешать переходу, хотело, однако, напугать переправившихся и послало конницу из разных народов, подчиненных Москве, как конница казанская и астраханская. Она везде показывалась с ужасным криком.

По причине плохих дорог и потери под Полоцком фуража наше войско действительно не имело никаких возов с собой. Лагерь стал не в круг, как обычно, но каждый стал над Дрисой, где мог.

Враг, видя, что наших было немного и что они утомлены недавней осадой и походом, и чувствуя себя достаточно сильным, подавляя страх, — о чем позже

узнали от пленных, — решил ночью сидеть в замке, а на рассвете, после подготовки, сделать против нас сильную вылазку.

Но помешал случай. Доброславский, назначенный Мелецким начальником над пушками, выстрелил для пробы в замок тремя горючими пулями. Из этих пуль две вызвали пожары, которые гарнизон немедленно погасил. Третья же врезалась в нижнюю часть стены и, упав между горючим материалом в еловые засеки, причинила огромный пожар (11 сентября 1579 г.). Увидев это, Мелецкий дал нашим сигнал трубами, чтобы они брались за оружие. Москали, напуганные этими звуками, и думая, что наши уже входят в замок, разбежались в разные стороны через разные ворота.

Шереметьев с частью конницы, отступая в Псков, встретил по дороге Яна Збаражского, брацлавского воеводу, который стерег врага с этой стороны и попал в плен живым с каким-то числом своих.

Те же, которые с Борисом Шейном бросились в другую сторону, напали на немцев. Немцы, охваченные желанием мести за муки своих земляков, в чем они имели свежий пример в Полоцке, перебили весь этот отряд вместе с Шейном.

Те, что остались в замке, просили милости, но немцы напали на них и стали всех убивать. Тогда возмущенный гарнизон внезапно опустил заслон над воротами и убил около 50 человек немцев, закрытых в крепости.

В этот момент Разважевский, остаток немцев и поляков как можно скорее выломали ворота. Половина гарнизона была перебита, другая, не находя нигде спасения, бросилась в пламя и там погибла.

Началась такая страшная резня, что Эрнест Вайгер, выдающийся муж, ветеран, переживший много боев, утверждал, что нигде, ни в какой стычке, не видел столько трупов. Многие убитые лежали без кожи, даже сам Шейн, так как немцы сдирали человеческий жир, считая его лучшим лекарством от ран. А среди убитых было много толстых.

Потом царь Иван в своих письмах Баторию укорял этим случаем, приводя его как пример нечеловеческой жестокости, а также укорял использованием зажигательных пуль, доказывая, что Баторий использовал против него не силу и бой, но разные военные хитрости.

Нашим досталась значительная добыча, особенно много гербового серебра, спрятанного там боярами. Эта добыча подкрепила и обогатила даже солдат.

Гусар ВКЛ (XVI век)

Баторий раздал всем высшим и низшим начальникам, а также солдатам, которые отличились в этой войне, разные воинские награды и даже староства. Одновременно он определил места для каждого отряда.

После этого король поехал в Дисну. Там он оставил все пушки, пригодные для войны, ибо в будущем планировал взять Великие Луки и Псков.

Коротко об авторе

Рейнгольд Гейденштайн (ок. 1553–1620) — немецко-польский юрист, дипломат и хронист. Родился в Кёнигсберге, учился в Кёнигсбергском (с 1566 г.), Виттенбергском (с 1571 г.) и Падуанском университетах.

Был секретарем Фридриха Альбрехта, герцога Пруссии, с 1582 г. — секретарь короля Стефана Батория, а с 1587 г. — короля Сигизмунда III Ваза.

Находился в дружеских отношениях с коронным канцлером и гетманом Яном Замойским (1542–1605), под влиянием которого в 1591 г. перешел из лютеранства в католичество.

Служил в королевской канцелярии, выполнял ответственные дипломатические поручения, занимался кодификацией нормативных актов. В конце 1612 г. по состоянию здоровья оставил службу и занялся историко-литературной деятельностью. В частности, написал биографию Яна Замойского.

Главный его литературный труд — «Записки о Московской войне» — был издан в Кракове еще в 1584 г. на латыни (переведен на русский язык в 1889 г.). В нем Гейденштайн в хронологической последовательности изложил события последних пяти лет Ливонской войны (1578–1582 гг.). Труд написан на основе документов, свидетельств непосредственных участников, а также ряда сочинений других авторов, посвященных этой войне.

АЛЕКСАНДР СУВОРОВ:
для России — герой, для Беларуси — каратель

Алесь Калюта,
(часть I);
Евгений Анищенко,
кандидат исторических наук (часть 2)

Часть 1

Александр Васильевич Суворов родился 13 ноября 1729 г. в Москве в семье крестника царя Петра I, его денщика и переводчика Василия Ивановича Суворова (1705–1775). Отец, очень скупой, старательно приумножал свое состояние. Саша в детстве был маленьким, хилым, плохо сложенным и некрасивым. Это выработало в нем непомерное честолюбие. Кто научил Сашу Суворова грамоте, неизвестно. Мальчик рос замкнутым и диким, но благодаря чтению биографий великих людей, которые он воспринимал буквально, стал любителем «умных высказываний» и нравоучений.

Царь Петр I в 1705 г. ввел рекрутский набор крепостных крестьян в солдаты сроком на всю жизнь. Все иностранные армии (кроме прусской) были наемными. А дворянам царь Петр приказал проходить воинскую службу с нижних чинов. Но они быстро нашли способ обходить это неприятное требование. Мальчиков записывали на службу по рождению и даже до него. Таким образом, ребенок, живя дома, постепенно рос в чинах. Так и Александра записали мушкетером в Семеновский полк, находившийся в Санкт-Петербурге.

Только в октябре 1742 г. 19-летний юноша явился в полк – уже в чине капрала. До конца своей солдатской службы капрал жил в доме дяди. Другие рекруты-дворяне (многие с семьями) жили в комнатах по четыре человека. Положение солдат-дворян приравнивалось к офицерскому. Они ездили за границу, выполняли серьезные поручения, посещали балы.

Приступив к фактической службе, Александр довольно медленно продвигался в чинах. Николай Репнин (1734–1801), например, в 28 лет был уже генерал-майором. Но и сейчас находятся еще любители выискивать какие-то воинские заслуги А.В. Суворова до его 40-летия.

10 мая 1754 г. Суворов стал поручиком (на 25 году жизни), перевелся из Семеновского полка в Ингерманландский и сразу получил годовой отпуск.

В 1757 г. Россия начала боевые действия против Пруссии (Семилетняя война 1756–1763 гг.). Отец Александра, Василий Иванович Суворов сделал весьма успешную карьеру. В 1754 г. он стал членом Военной коллегии, в 1760 г. – сенатором. А в январе 1761 г. он был назначен генерал-губернатором захваченной русскими Восточной Пруссии, в Кёнигсберг (нынешний Калининград).

Суворов-младший служил при нем порученцем. Присутствие на войне, пусть далеко от передовой, дало возможность быстрее получать чины и награды. 9 ок-

тября 1758 г. Александр стал уже подполковником. Ровно через два года он в составе российских войск вошел в Берлин. При Регенвальде в 1761 г. 32-летний подполковник впервые «понюхал пороха» – был «повреждён контузиею в ногу».

После смерти Елизаветы Петровны (1741–1761) на престол взошел Петр III (1761–1762). При нем единственный раз за свою историю Россия не аннексировала, а покинула оккупированные ею территории, в данном случае – прусские. 24 апреля 1762 г. с Пруссией был заключен союз.

Петр III издал «Манифест о вольности дворянства», ликвидировал тайную канцелярию, прекратил гонения на «диссидентов» (католиков и протестантов). Готовилась секуляризация церковных земель. Такую «доброту» императору не простили. Через полгода царствования он был свергнут в результате дворцового переворота и вскоре задушен в Ропше*. Престол заняла его жена Екатерина Алексеевна, или – точнее – София-Шарлотта-Фредерика-Августа Анхальт-Цербстская. Эта развратная, но умная немка, стремясь получить поддержку военнослужащих, многих повысила в чинах и должностях.

Василий Иванович Суворов — отец Александра

Василий Иванович принял активное участие в возвышении Екатерины II. Именно под его «охраной» задушили Петра III. Новая императрица наградила Василия Ивановича орденами Св. Анны и Св. Александра Невского, произвела в чин генерал-аншефа, сделала кавалером Андреевского ордена.

А сын Александр в 33 года получил чин бригадира – промежуточный между полковником и генерал-майором. Однако некоторые ровесники Александра Васильевича (и даже люди моложе его) стали уже генералами, что давало потом ему основания лицемерно заявлять, что он «не прыгал смолоду в чинах».

* * *

Тем временем возникла проблема, связанная с выборами нового короля Речи Посполитой. Там со смертью Августа III (1763 г.) кончилась «эпоха Сасов», длившаяся 65 лет. В это время престол конфедеративного государства занимали представители Саксонской династии: сначала Август II (в 1697–1733 гг.), потом 29 лет корону носил его сын Август III (в 1734–1763 гг.).

Россия хотела поставить на королевский престол бывшего посла в Санкт-Петербурге от Речи Посполитой, бывшего любовника Екатерины II, шляхтича из Брестского повета Станислава-Августа Понятовского (1732–1798). По просьбе магнатов Чарторыйских и других царское правительство ввело в Беларусь и Польшу свои войска. Королем на вальном сейме – «самом тихом», при полном молчании депутатов, 7 сентября 1764 г. был избран нужный кандидат – 32-лет-

* Ропша находится недалеко от Петергофа. Ныне это Ломоносовский район Ленинградской области. – *Прим. ред.*

ний «пан Станислав». Он стал королем Августом IV. Нескольких депутатов, бурно выражавших протест, русские офицеры арестовали и выслали в Россию. А молчаливое возмущение трактовалось как согласие. На подкуп депутатов сейма, заседавшего во дворце, окруженном российскими войсками, правительство Екатерины израсходовало 1,5 млн рублей золотом.

Вскоре под давлением прусского посла и российского полномочного министра Екатерины II при королевском дворе князя Н.В. Репнина (того самого, что стал генералом в 28 лет) был подписан договор, по которому представители всех христианских конфессий провозглашались равными в политических и гражданских правах. Россия и Пруссия взяли на себя обязанность не допускать в Речи Посполитой никаких реформ. «Для поддержания порядка» в наиболее крупных городах Беларуси и Польши встали российские гарнизоны (всего до 15 тысяч человек). Союзники заставили сократить армию ВКЛ до 7 тысяч, Польши — до 8 тысяч.

Против короля-марионетки, уравнения конфессий в политических правах и вмешательства соседних государств во внутренние дела Речи Посполитой 29 февраля 1768 г. была создана конфедерация в местечке Бар (Украина). В связи с волнениями в Литве, Польше и Украине Россия ввела туда дополнительную армию под командованием Веймарна. Силы конфедератов не превышали 15 тысяч конников во главе с целым десятком предводителей, непрерывно ссорившихся между собой.

Во время этих событий бригадир А.В. Суворов тренировал свой Суздальский полк, заставляя солдат проходить до 40–50 верст в день. Во время одного из учебных походов по его приказу солдаты «примерным штурмом» взяли женский монастырь. Только личное вмешательство Екатерины спасло бригадира Суворова от церковной анафемы (проклятия).

Получив приказ выступить на подавление польских конфедератов, он за 30 дней прошел со своим полком 869 верст по российскому ноябрьскому бездорожью из Новой Ладоги до Смоленска. Тогда дневной переход не превышал 11–12 верст, а солдаты Суворова проходили по 30 верст в день! Бригадир отбирал по пути у местного населения (русского, беларуского, польского) подводы и продовольствие, чтобы как можно скорее дойти до Варшавы.

У деревни Орехово (в нынешнем Малоритском районе) 1 сентября 1769 г. Суворов со своими солдатами внезапно напал на отряд конфедератов, которым командовали братья Пулавские — Казимир и Юрий. Штыковая атака против кавалерии противоречила уставу, но... принесла успех. Бригадира немедленно повысили в чине до генерал-майора. Так А.В. Суворов в 40 лет стал, наконец, генералом — за успехи в борьбе с повстанцами.

Затем Суворов разместил подчиненные ему войска в Люблине, откуда посылал отряды для борьбы с партизанскими формированиями конфедератов. Пленных по его приказу отправляли в Россию.

20 февраля 1771 г. Суворов атаковал конницей местечко Ландскрону (под Краковом). Он потерял при этом много солдат и офицеров. Большие потери понес Суворов и в бою возле деревни Тынец. Наконец, 12 мая 1771 г. он взял замок Ландскрона лобовой атакой. Затем свежеиспеченный генерал 17 суток гонялся

за Казимиром Пулавским, но безрезультатно. Восхищенный его хитростью, Суворов даже послал ему табакерку в подарок.

Узнав о выступлении великого гетмана ВКЛ Михаила Казимира Огинского (1730–1800) в поддержку конфедератов и его успешных действиях, Суворов самовольно покинул Люблин и за две недели прошел большую часть Беларуси. В деревне Столовичи (ныне в Барановичском районе) стояло войско гетмана графа Огинского, по совместительству – поэта и композитора*. В ночь на 12 сентября Суворов внезапно напал и разбил его.

Михаил Казимир Огинский, великий гетман ВКЛ

В апреле 1772 г. конфедераты вынуждены были оставить Краковский замок. Хотя мелкие отряды партизан еще долго совершали успешные вылазки, австрийские и прусские войска заняли значительную часть польских территорий. Между Россией и соседними странами 5 августа 1772 г. была подписана конвенция о разделе Речи Посполитой. Россия забрала себе часть Беларуси (Литвы) с городами Витебском, Могилёвом, Гомелем.

«За рвение» Суворов был награжден орденами Св. Анны I степени, Св. Георгия 3-го класса и Св. Александра Невского. В «восточные польские земли» были введены еще два российских корпуса. В одном из них, под командованием генерал-фельдмаршала графа Ивана фон Эльмита, и стал служить А.В. Суворов.

* * *

Одной из причин русско-турецких войн было стремление императрицы Екатерины подчинить своей власти всех славян («славянские ручьи сольются в русском море») и православную Грецию. Планировалось создать Греческую империю (новую Византию) под покровительством России. Второй внук Екатерины II – Констанин Павлович (1779–1831) – получил свое имя «с намеком», в честь византийских императоров, добрая дюжина которых была Константинами. Но на пути реализации «греческого проекта» стояли Турецкая империя и ее вассал – Крымское ханство. Использовав первый подходящий предлог, Россия начала войну.

Суворов оказался на первой русско-турецкой войне (1768–1774) только в конце ее, в 1773 г. Под командованием командира дивизии генерал-поручика Николая Салтыкова (1736–1816), который был моложе его на 7 лет, Александр Васильевич со своим отрядом провел разведку боем при Туртукае, потом оборонял захваченный у турок город Гирсово.

Затем под командованием генерал-поручика Михаила Каменского участвовал в наступательной операции при Козлудже**.

* Не путать его с Михаилом Клеофасом Огинским (1765–1833). – *Ред.*

** М. Каменский (1738–1809) был на 9 лет моложе А.В. Суворова. Генерал-майором он стал в 31 год (в 1769), а генерал-поручиком в 35 лет (в 1773) – за боевые заслуги. – *Прим. ред.*

Армия под командованием фельдмаршала Петра Румянцева и флот во главе с графом Алексеем Орловым одержали ряд побед над смелыми, но плохо обеспеченными и организованными турками. 10 июля 1774 г. Турции пришлось подписать мирное соглашение, по которому Российская империя приобрела Керчь, Кинбурн и Азов, тем самым получив выход к Черному морю. Для Молдовы и Валахии был установлен «особый режим». Российские историки вот уже более 200 лет утверждают, что этих захватов «требовали жизненные интересы государства»...

В Петербурге жил в это время Шагин-Гирей (1745–1787), обрусевший брат свергнутого крымского хана — ставленника турецкого султана. На Крымский полуостров вошел 20-тысячный российский корпус и привез с собой «законного» хана, который правил с 1776 до 1783 года. Так Крым стал «независимым», но под протекторатом России. В апреле 1783 года комедия кончилась, государыня императрица «изволила высочайше повелеть» о присоединении Крыма к Российской империи.

За «усердие» в этой войне Суворова произвели в чин генерал-поручика.

* * *

В 1773–1775 гг. в Российской империи бушевала крестьянская война во главе с Емельяном Пугачевым (1740–1775). Этот донской казак участвовал в Семилетней войне и в первой русско-турецкой, дослужился до хоружего. Пугачев под именем царя Петра III поднял восстание яицких (уральских) казаков, которое охватило Поволжье, Оренбургский край, Урал и Башкирию. Екатерина так испугалась, что готовилась эмигрировать. Командиры карательных войск долго не могли совладать с восставшими рабами. Наконец, правительство мобилизовало все государственные ресурсы. Силы пугачевцев уступали регулярным войскам и организацией, и вооружением, и выучкой.

По приказу императрицы Суворов прибыл в распоряжение главнокомандующего, генерал-аншефа Петра Панина 24 августа 1774 г., именно в тот день, когда силы Панина разгромили восставших холопов у Сальникова завода (недалеко от Царицына). Только за то, что Суворов быстро отрапортовал о своем прибытии, императрица наградила его 4 тысячами червонцев. Генерал-поручик А.В. Суворов сформировал конный отряд (около 700 человек) и бросился ловить Пугачева, собиравшего подкрепление. Но вскоре с отчаянием узнал, что «царя Петра III» уже выдали соратники. Они предали атамана, чтобы сохранить свои никчемные жизни. Отличиться Суворову не удалось. Осталось только забрать «смутьяна» у коменданта Яицкого города (нынешний Уральск) полковника Ивана Симонова. 1 октября Суворов привез Пугачева и его младшего брата Фрола в прочной деревянной клетке в Симбирск (нынешний Ульяновск).

10 января 1775 г. пугачевцев вместе с вождем казнили в Москве. В одежде крестьянского «царя» щеголял теперь яицкий казачий сотник Петр Харчев, которому изменники сдали своего атамана. Во всех населенных пунктах взбунтовавшегося края стояли виселицы и колы с «глаголем» (крюком) для подвешивания за ребро. Разумеется, они не пустовали.

За «боевые заслуги» на войне с народом царица Екатерина наградила Суворова золотой шпагой с эфесом, украшенным бриллиантами.

***

В 1778 г. Суворов был назначен начальником войск на Кубани. В 1783 г. его наградили орденом Св. Владимира за «присоединение к Всероссийской империи разных кубанских народов», чуть позже присвоили чин генерал-аншефа. То и другое – за кровавое «умиротворение» коренных жителей Северного Кавказа, сопротивлявшихся принудительному присоединению к России. В некоторых дореволюционных изданиях можно прочитать о том, как суворовские «чудо-богатыри» по ночам подкрадывались к мирным селениям, а затем поджигали их со всех концов и вырезали всех жителей поголовно.

В 1787 г. Екатерина «знакомилась» с жизнью подданных. До Киева она и ее свита ехали из Петербурга в каретах, далее вниз по Днепру – на галерах. На берегах реки «толпился народ и стада», которых по приказу Г.А. Потемкина сгоняли к пути движения императрицы. Были также построены «цветущие селения» (пресловутые «потемкинские деревни») – своеобразные полномасштабные декорации. Что касается 240 городов и сёл, основанных на захваченных южных землях (их назвали «Новой Россией») по указу Екатерины, то они, принудительно заселенные, на самом деле были жалкими деревнями, и едва успев родиться, вскоре почти все погибли. Под Кременчугом суворовские войска «восхитили» царицу и всех придворных боевой выучкой. На вопрос Екатерины, чем отблагодарить, генерал-аншеф попросил заплатить за квартиру. Хозяину дома вручили 3 рубля 50 копеек, а Суворову – табакерку в бриллиантах за 7000 рублей.

В 1787–1791 гг. Турция попыталась вернуть земли, потерянные в войне с Россией. Против нее в союзе с Россией выступила Австрия. Российский военачальник князь Григорий Потёмкин поручил Суворову командовать одним из пяти корпусов. Суворов выиграл битвы на Кинбурнской косе, на реке Рымник и при деревне Фокшаны (в Румынии). Принял участие в осаде крепостей Очаков и Измаил. Адмирал Федор Ушаков нанес поражение турецкому флоту. Турции пришлось отдать России все северное побережье Черного моря от Днепра до Кубани. Отныне Крым надолго стал «исконно русской землёй». Только после распада СССР вдруг оказалось, что этот полуостров вовсе и не русский. Кто бы мог подумать?!

А к фамилии Суворова добавили слово «Рымникский» и графский титул. Ему вручили бриллиантовые «знаки» стоимостью в 50 тысяч рублей золотом, ленту Андреевского ордена, очередную шпагу с бриллиантами, бриллиантовые эполеты, драгоценный перстень и орден Св. Георгия. Была даже отчеканена медаль с его профилем.

***

Под воздействием Великой французской революции 1789 года правящая верхушка Речи Посполитой начала проведение реформ. 3 мая 1791 г. в Варшаве была принята конституция, для того времени весьма прогрессивная. Несмотря на сопротивление России было отменено право «либерум вето», много десятилетий парализовавшее работу сеймов, сделаны попытки увеличить армию. Но сторонники старых порядков (прежде всего магнаты, которые не хотели терять право на абсолютную власть в своих владениях) пошли на измену государству. В Петербурге, в присутствии Екатерины II, они 27 апреля 1792 г. подписали акт

конфедерации, зачитанный в местечке Тарговица (Украина) под фальшивой датой 14 мая. Поскольку широкой поддержки среди соотечественников у них не было, они «попросили» помощи у царицы Екатерины, которая сразу ввела 100-тысячную армию (вдобавок к прежним 15 тысячам) на территорию Беларуси и Польши.

В это время Суворов укреплял границу со Швецией в завоеванной перед тем части Финляндии. Он обратился к императрице с требованием послать его на «новые подвиги», но получил отказ, который воспринял «с отчаянием». Правда, в 1793 г. Суворов по приказу Румянцева разоружил взбунтовавшиеся полки Речи Посполитой, включенные в состав российской армии, что дислоцировались в районе между Могилевом и Егорлыком.

Король Станислав Август Понятовский вскоре присоединился к тарговичанам. Но радость конфедератов была преждевременной. Сопротивление небольшой армии Речи Посполитой во главе с князем Юзефом Понятовским быстро было подавлено.

А.В. Суворов предлагает деньги казачьим старшинам за помощь в борьбе против повстанцев

В январе 1793 г. Пруссия и Россия во второй раз разделили между собой земли Речи Посполитой. Вся восточная Беларусь вместе с Минском вошла в Российскую империю.

В ответ на этот грабеж 24 марта 1794 г. в Кракове началось восстание во главе с уроженцем Кобринского уезда Андреем-Тадеушем-Бонавентурой Костюшко. Повстанцы хотели вернуть территории, захваченные соседними государствами в 1772 и 1793 гг. Восстание охватило и Беларусь. В течение весны — лета инсургенты (до 80 тысяч, в том числе много крестьян с косами) одержали ряд побед.

Царское правительство бросило на подавление «польского мятяжа» регулярную армию (60 тысяч) во главе с князем Н.В. Репниным, закаленную в войне с турками. Австрия ввела на территорию Польши 35-тысячную армию.

Опять понадобился специфический «талант» Суворова. Его корпус срочно перебросили с турецкой границы. Уже 12 июня он разоружил возле Белой Церкви последнее формирование (8 тысяч человек) войск Речи Посполитой. Оттуда Суворов двинулся на наши земли. 3 сентября его корпус (11 тыс. чел.) у Дивина (в нынешнем Кобринском районе) смял 2000 повстанцев-конников генерал-майора Кароля Сераковского. На следующий день Суворов занял Кобрин. А 6 сентября, присоединив корпус Исаева, Суворов успешно атаковал возле Крупчицкого монастыря (под Брестом) постанцев во главе с самим К. Сераковским (1750–1817). Повстанцы не ожидали нападения через болото. Но русские солдаты по приказу своего командира разобрали для строительства гати все

хаты в ближайшей деревне. За Брестом корпус Сераковского был окончательно рассеян, путь на Варшаву открыт.

На Кобринщине продолжал действовать отряд во главе с Казимиром Рущицем — один из самых успешных на Беларуси. Но под стремительным напором российских войск, превосходивших повстанцев и численностью, и качеством, повстанцам пришлось покинуть населенные пункты и уйти в леса. В одном из писем самого Суворова исследователи нашли признание в том, что «поляков» русские задавили количеством.

12 августа 1794 г. сдалась Вильня. 10 октября в битве под Мацеёвицами раненного Костюшко, лежавшего без сознания, захватили в плен казаки генерала Ферзена. Восстание, оставшись без главного руководителя, под натиском войск соседних государств стало угасать.

15 октября Суворов сломил отчаянное сопротивление повстанцев у Кобылок, а 23 октября его батареи уже обстреливали Прагу, предместье Варшавы на правом берегу Вислы. Вечером озверевшие русские солдаты ворвались сюда и вырезали всех, вплоть до младенцев. Суворов прекрасно знал, что грабеж и жестокость присущи русским солдатам. Посылая их на штурм, он всегда обещал трофеи, прежде всего «баб и вино».

3 января 1795 г. произошел третий, последний раздел Речи Посполитой между ее соседями. Она прекратила свое существование. Почти вся этнографическая Беларусь оказалась в составе Российской империи. По требованию Екатерины II вальный сейм в Гродно утвердил аннексию. 25 ноября Станислав Август со слезами на глазах отрекся от престола, получив от бывшей любовницы 330 тысяч червонцев "на содержание».

В начале 1798 г. он умер в Петербурге. Похоронили нашего последнего короля в родовом поместье Волчин на Брестчине. Участников восстания Костюшко ссылали в Сибирь или карали смертью. Их собственность экспроприировали.

Александр Васильевич получил жезл фельдмаршала стоимостью 15 тысяч рублей. Надев солдатский мундир, этот 67-летний человек в пустой церкви прыгал через табуреты, выкрикивая при этом фамилии генералов, которых обошел чином. В 1796 г. ему вручили ордена страны, которую он поработил — «Белого Орла» и Св. Станислава.

***

6 ноября 1796 г. на российский престол взошел 42-летний Павел I. Он сразу освободил из тюрьмы Костюшко и его соратников.

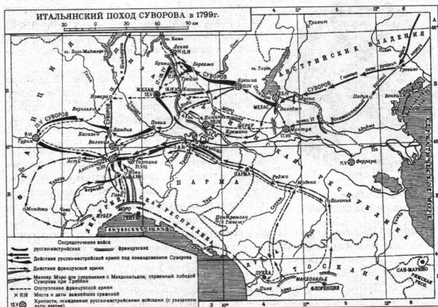
После захвата Наполеоном острова Мальта в январе 1797 г. Павел I взял ее под свое покровительство и, несмотря на свое православное вероисповедание, стал гроссмейстером католического Мальтийского ордена. Начались переговоры с Папой римским, которому подчинялся орден, о соединении католической и православной церквей.

Французская революционная армия еще в 1793 г., не ожидая нападения антифранцузской коалиции, перешла национальные границы и установила на занятых землях республиканский строй. Теперь в ответ на это Россия взяла на себя роль «жандарма Европы».

Адмирал Ушаков выбил французов с Ионического архипелага, из Неаполя и Рима. Павел I послал Суворова в Италию на войну с французами. Ему вручили мальтийский крест, включенный в российскую наградную систему. По пути в Италию Суворов встречался в Митаве с бежавшим из Франции Луи-Станисловом, будущим королем Людовиком XVIII, от которого тоже получил награды*. Старый вояка на глазах у французских придворных аристократов пообедал в казарме из солдатского котла, потом высморкался в два пальца и спокойно вытер их о мундир, увешанный бриллиантами стоимостью в несколько деревень. Позже Людовик XVIII писал, что причуды Суворова похожи на сумашествие.

14 марта 1799 г. Суворов взял на себя командование русско-австрийской армией. Пишут, что за 4 месяца он заставил французов оставить всю Северную Италию. Это большое преувеличение, достаточно посмотреть на карту итальянского похода Суворова. Тем не менее полководец получил перстень с миниатюрным портретом российского императора и приставку к своей фамилии — «князь Италийский».

По приказу штаба союзных войск главный военачальник 23 августа двинулся в Швейцарию, а Италию опять заняли французы. Желая зайти им в тыл, Суворов пошел через Сен-Готардский перевал, но оказался в окружении. Прорываться

* Луи-Станислав (1755–1824), правнук Станислава Лещинского, был королем Франции под именем Людовик XVIII в 1795–1824 гг. (до 1813 г. формально). С 1791 по 1813 г. он находился в эмиграции, жил в разных странах, в том числе в 1797–1801 гг. в российской Митаве (ныне латвийская Елгава). — *Прим. ред.*

пришлось с большими потерями через заснеженные горы. «Героически» форсировали хребет Раснитох, куда не ходили даже охотники. Солдаты падали в пропасти, умирали от голода и холода. В Мутенской долине окруженные русские прорвались, атаковав штаб армии Массены, затем перешли через хребет Паникс.

Но русско-австрийский союз распался. Англия отобрала у французов Мальту. Наполеон согласился вернуть остров Мальтийскому ордену, вступил в переговоры с Павлом I. 15 ноября 1799 г. русская армия пошла домой. Так закончился поход ради спасения Европы от революции.

Солдаты-«альпинисты» получили за него по два рубля, офицеры — больше. А Суворов удостоился высшего военного чина — генералиссимуса. До него в России его имели только князь А.Д. Меншиков (в 1727 г.) и муж императрицы Анны Леопольдовны, принц Антон-Ульрих.

* * *

Всю свою жизнь А.В. Суворов шокировал знакомых и незнакомых людей «немытой откровенностью, бесцеремонностью, неуместными шутками».

«Вздорный чудак с озорными выходками, прихрамывающий, неуступчивый, неуклюжий в общении» женился только в 43 года (т.е. в 1772 г.) по приказу отца, который боялся, что угаснет род. Невесту ему нашел отец. На брак А.В. Суворов смотрел как на тяжелую обязанность, мешающую любимому делу. Семья занимала последнее место в его жизни, к женщинам он был равнодушен, в отличие от мальчиков.

Жена А.В. Суворова — Варвара Прозоровская

Свадьба прошла словно штурм: 18 декабря 1773 г. обручение, а уже 22-го — венчание. 23-летняя Варвара Прозоровская (1750–1786), «красавица русского типа», любила мужчин. Она «гуляла» и до замужества и после.

Но маленький сутулый человечек с морщинистым обветренным лицом, редкими волосами и выцветшими глазами, ставший ее супругом ввиду суровой необходимости, ей не нравился. Она пошла за него лишь потому, что родители обеднели, надо было как-то устроиться.

Варвара Ивановна часто ссорилась с мужем из-за его склонности к мелочной экономии, не воспринимала спартанского быта. Вынужденные путешествия с Суворовым плохо отражались на ее здоровье.

Варвара состояла при императрице, весьма свободные нравы которой общеизвестны. Примером государыни вдохновлялась и госпожа Суворова. Дважды супругов мирили церковные чиновники и сама Екатерина II. Но вскоре после рождения в августе 1784 г. сына они все же разошлись*.

* У Александра Суворова и Варвары Прозоровской было двое детей. Дочь Наталья (1775–1844), в замужестве графиня Зубова, мать шестерых детей, и сын Аркадий (1784–1811), имевший в браке с княжной Нарышкиной четверых детей. — *Прим. ред.*

А.В. Суворов в 1796 г. обобщил свой военный опыт в маленькой книжке (брошюре) «Наука побеждать». В этом сочинении, написанном в традициях армейского фольклора, внимание акцентируется на быстрых переходах, внезапности нападения и штыковых атаках («пуля – дура, штык – молодец»), ибо огнестрельное оружие, дескать, дорого и неэффективно.

***

За 30 лет Суворов участвовал в 60 сражениях и 20 походах – исключительно в захватнических и колониальных войнах. Его «специализация» – подавление освободительных движений. Как это ни смешно, но его, всегда кому-то подчиненного, второстепенного военачальника, сравнивали с Наполеоном. Зато Суворов стал кавалером всех российских орденов – нацепил на себя все ленты, украсился всевозможными заграничными наградами.

Он славился непредсказуемостью, раздражительностью, мстительностью, нерациональностью. Ненавидел своих начальников, так как «не ценили». Те, в свою очередь, обвиняли его в незнании тактики, самовольстве, самоуправстве, мордовании солдат, в приписках, завышении количества убитых врагов и преуменьшении своих потерь. Чужие победы он придирчиво критиковал, а свои возвышал. «Вот человек, который хочет уверить, что он неглуп, но никто ему не верит», – сказал о Суворове фельдмаршал П. Румянцев.

«Субординация», – любил говорить Суворов. Зато сам, одетый в ночную сорочку, часами читал нотации подчиненным, одетым в полную парадную форму и обливавшимся потом в комнате, натопленной как баня (старик панически боялся сквозняков).

При дворе полководец ежеминутно бросался целовать платье императрицы. Его кривляние, юродствование и шутки смущали даже придворных фрейлин, отнюдь не страдавших скромностью. Сама императрица завешивала при нем зеркала, которых он боялся. Генерал выпрашивал все новые регалии. Его скорее отсылали «по важным делам» подальше от двора. Суворов болезненно переживал, если его обходили в наградах, и живо интересовался, сколько будут платить за очередной титул.

***

Все офицеры и генералы, принимавшие участие в подавлении восстаний, а также фавориты двора щедро наделялись землями с крепостными на «новоприобретённых территориях». Вот и Суворов 15 августа 1795 г. получил от царицы Екатерины «в воздаяние знаменитых заслуг... в Литовской губернии часть экономии Брестской, бывшей в числе королевских столовых имений, Ключ Кобринский с прочими ключами, фольварками и селениями...».

Новое владение в Литве в четыре с лишним раза превышало те, что он уже имел. После смерти отца А.В. Суворов получил в наследство 1900 душ в Новгородской, Костромской, Владимирской губерниях, Пензенском наместничестве и Московском округе, не считая городских домов и другой собственности. На Кобринщине же собственностью полководца стали 8087 душ мужского пола.

Здания административной единицы Ключа Кобринского под названием Губерния были заложены еще под руководством подскарбия ВКЛ, гродненского

старосты и администратора экономии /личного владения короля/ Антония Тизенгауза в 1768 г. в километре от города. Был вырыт пруд, посажен парк. Из Кобринской ратуши сюда перебралась местная администрация.

Впервые Суворов приехал в свои новые владения в последние дни марта 1797 г., выйдя в отставку.

Генералиссимус любил звонить в колокола и «учить» хор в местной церкви. Он никак не мог понять, что город Кобрин не крепостная деревня, и ему не принадлежит. Мещан заставляли выходить на барщину. Посланцы от города срочно отправились в Санкт-Петербург с жалобой. С облегчением вздохнули кобринцы, когда 22 апреля царь Павел «высочайше повелел» старому чудаку отправиться в село Кончанское Новгородской губернии.

Второй раз генералиссимус останавливался в Кобрине после возвращения из Швейцарии в феврале 1800 г. Почти два месяца, поправляя свое здоровье, он непрерывным ворчанием досаждал всем, кто его досматривал. Унять больного удавалось только рассказами о всеобщем преклонении перед его «подвигами».

* * *

В новоприобретенных землях россияне вводили свои порядки. В России под лицемерным названием «крепостное право» существовало рабовладение. Российский историк Петр Щебальский (1810–1886) писал в своей книге «Расказы о Западной Руси» (1866 г.):

> «Крепостное право распространилось на такие части России, где перед тем его никогда не существовало, — на Белоруссию и Малороссию. Лишение свободы нескольких миллионов людей и отдача их в неволю без всякой вины, было делом истинно чудовищным».

Рабство нашим предкам принесли «подвиги» карателя Суворова.

Тем более удивительно, что полководец, который умер в Санкт-Петербурге 6 мая 1800 г., стал в Беларуси «вечно живым». В 1946 г. «вдруг нашли» в Кобрине дом Суворова на теперешней улице его имени (бывшая Губерниальная). На самом деле, как свидетельствуют документы, этот дом никакого отношения к полководцу никогда не имел.

В бывшем поместье Губерния (ныне парк имени Суворова в черте города) генералиссимус проживал в два своих приезда в доме на берегу заводи. Это здание не сохранилось. Тем не менее, в старом доме на улице имени Суворова 1 мая 1948 г. открыли музей полководца с немногочисленными второстепенными экспонатами, имеющими косвенное отношение к его жизни. Вывеска на доме-подделке «здесь жил Суворов» обманывает невежественных туристов.

Автору попала в руки книга 1940-х гг. с описанием экспозиции всех музеев Суворова на просторах СССР. На пустом месте из ничего были созданы по единому плану абсолютно одинаковые музеи с идентичными экспозициями. Есть там и Кобринский музей.

Недавно открыта /статья написана в 1999 г. — *Ред.*/ еще одна экспозиция в специально построенном двухэтажном каменном строении в Кобрине. Этот комплекс создан в минимальный срок, на основе материалов, что наскребли в запасниках беларуских музеев. Учреждение не имеет проблем с финансированием, в нем даже ведут «научную работу».

Поставлены несколько памятников Суворову. Около местечка Дивин и Крупчицкого монастыря «нашли» дубы, под которыми якобы отдыхал генерал. Естественно, установили вывески.

Парадоксально, что полководец с чрезмерно раздутыми заслугами, нахватавший чинов и наград благодаря родственным связям и собственной наглости, игравший второстепенные роли в далеко не самых справедливых войнах, так ценится в Беларуси, где он пролил море крови.

Часть 2

«РАЗДВИНУЛ ПРЕДЕЛЫ РОССИИ»

Суворову как никакому другому историческому деятелю досталась немеркнущая слава среди разных «собирателей и хранителей славянских земель», которых за это старательно восславляли в памятниках, музеях, орденах и т.п.

Знаменательно, что еще в 1913 г. под сенью царствовавшего тогда дома Романовых был создан специальный комитет по увековечиванию памяти полководца. По призыву комитета на местах были созданы мемориальные отделения с участием разного рода почетных членов, особенно из лиц начальственного состава. Такой комитет в г. Пружаны Гродненской губернии возглавил уездный предводитель дворянства, который 4 марта 1913 г. обратился к местным чиновникам и просвещенным особам со следующим призывом:

«В последнее десятилетие XVIII столетия имя великого Суворова прогремело победоносно под Кобрином Гродненской губернии (бой под Кобрином и Крупчицами 4 и 6 сентября 1794 года), и победы эти озарили неувядаемою славою русское оружие.

Здесь в пожалованной императрицей Екатериной Великой вотчине в расположенной вблизи города Кобрин усадьбе непобедимый полководец в молитве и размышлениях проводил последние месяцы своей жизни перед своим отъездом (в марте месяце 1800 года) в Петербург. В Кобрине по сей день сохранилась историческая церковь во имя святых Верховных апостолов Петра и Павла, прозванная народом «Суворовская», в которой говел и молитвенно обращался к Богу славный полководец.

В настоящее время эта деревянная небольшая церковь пришла в ветхость и со всех сторон ее затеснили еврейския постройки. Стремясь сохранить и поддержать исторический памятник о славном воине, комитет, состоящий под покровительством его императорского величества, государя императора, озабочен, чтобы место возле суворовской церкви было расчищено путем покупки еврейских построек и на нем была (не уничтожая старой) воздвигнута новая каменная церковь памяти незабвенного героя.

Комитет обращается к Вам в глубокой надежде, что почтить имя Великого Суворова, составляющее гордость России, пожелает большинство ея граждан и при их помощи окажется возможным воздвигнуть не только храм, но также памятник и школу имени Великого полководца генералиссимуса князя Суворова».

Это обращение стоит в ряду инициатив, приуроченных к празднованию 300-летия дома Романовых в 1913 г., среди которых значились сборы пожертвований на увековечивание памяти разного рода общественных и государственных дея-

---

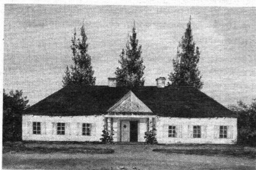
Из газеты «Секретные исследования», 2009, № 3.

телей России, которые «раздвинули ея пределы на пространстве шестой части мирового материка».

В результате столь внушительного пропагандистского обрамления жилища евреев пошли на снос, а на их месте добровольные жертвователи воздвигли Петропавловскую церковь в честь Суворова.

Традицию восхваления Суворова продолжили большевики. Только, разумеется, не посредством строительства храмов в его честь. Подсчитано, что в годы германо-советской войны 1941–1945 гг. имя Суворова носили 40 партизанских отрядов. Его имя в Беларуси, кроме минского суворовского училища и специального музея в Кобрине, было присвоено около 60 улицам городов. Размах этой героизации был таков, что существовали даже 23 колхоза, названные в честь «замечательного сына русского народа, гениального непобедимого полководца, самоотверженного патриота России».

Бутафорские переименования в связи с увековечением носителя «лучших качеств русского народа» дошли до того, что его дом в Кобрине во время реставрации «по предложению трудящихся» в 1978 г. отправили на дрова и заменили сооружением из шлакоблоков. Видимо, в надежде на то, что это фальшивое сооружение увеличит привлекательность «бесценной реликвии союзного значения прогрессивного политического деятеля, много сделавшего для объединения белорусов с великим русским народом».

Музей А.В. Суворова в Кобрине (старый и новый)

Шлакоблочные стены стояли до 2005 г., когда было решено заложить на самой высокой точке Кобрина фундамент под Суворовский храм-памятник, аналогов которому нет даже в России. Сам московский патриарх благословил проект, и в который раз для сооружения грандиозного комплекса «международного уровня» был создан опекунский совет. Правда, вскоре строители умерили пыл и заявили, что воздвигают только Свято-Христорождественский храм в честь 60-летия освобождения Беларуси.

Почему же до сих пор живет этот начальственно-пропагандистский зуд переименований и воздвижения монументов? И почему тех,

кто пытался пересмотреть иконостас героев, доставшихся от царизма, развенчать канонизированных идолов, озлобленные голоса окрестили клеветниками, поставившими целью «облить грязью героев далекого прошлого, близких и дорогих советскому народу». Чем же А.В. Суворов так «любезен народу», которого заботливая «большевистская партия воспитывала в духе глубокой любви и уважения великого полководца», который, как писали в 1940–50-е годы сталинские пропагандисты, демонстрировал «несокрушимую мощь русской военной силы»?

Защищать Суворова взялся и директор Кобринского военно-исторического музея Е.В. Бабенко (См.: Кобрин-Информ. 5 апреля 2007 г. Е. Бабенко. Историческое мифотворчество).

Различные обвинения в адрес своего кумира он стремится опровергнуть с помощью цитат из сборников и сочинений, среди которых выделяет биографию Суворова, написанную Александром Петрушевским, и работу о падении Польши (точнее Речи Посполитой) Николая Костомарова*.

Что касается А.Ф. Петрушевского, то, исходя из содержания подобранного им материала, невозможно сомневаться в направленности этого произведения. А Н.И. Костомаров в своем труде стремился доказать, что «Польша только под давлением России и могла устроиться», что только «железная рука» типа Суворова могла «обуздать беспорядок и самоуправство», выборность правителя страны и другую вредную демократию.

Естественно, что ссылки именно на врагов демократии, пусть ограниченной, шляхетской, на руку современным поклонникам авторитаризма, воодушевленным сторонникам милитаристского управления с помощью «жалезнага парадка», ежовых рук самодержца. Именно на это обстоятельство в первую очередь следует указать автору, который по своему статусу хранителя прошлого обязан уважать, сохранять и пропагандировать многомерность исторического прошлого.

Бабенко приходится напомнить, что о восстании 1794 г. надо судить не по обрывкам из Петрушевского и Костомарова, а по громадному морю специальной литературы, среди которой стоит назвать хотя бы работы русского генерал-майора Н. Орлова о штурме Праги (предместья Варшавы) войсками Суворова и сочинение Б. Шиндлера о последнем руководителе восстания Т. Вавжецком**. Сделать обзор этих работ не позволяет формат публикации, поэтому я ограничусь теми сюжетами, которые Бабенко назвал «нелепыми и голословными».

СПОРЫ О ПОЛКОВОДЦЕ

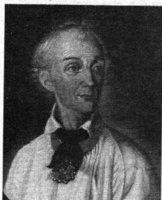
К числу таких мифов он относит утверждение о том, что Суворов вымолил у императрицы Екатерины II разрешение лично расправиться с участниками восстания Костюшко. Более того, он заявляет, что Суворов рвался применить свой военный талант не в Польше, а во Франции. В качестве доказательства Бабенко

* Петрушевский А.Ф. Генералиссимус князь Суворов. Тома 1–3. Санкт-Петербург, 1884; Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. Киев, 1870. – *Прим. ред.*

** Орлов Н.А. Штурм Праги Суворовым в 1794 году. СПб., 1894. Szyndler B. Tomasz Wawrzecki: Ostatni naczelnik powstania kosciuszkowskiego. Warszawa, 1976.

ссылается на прошение Суворова к царице от 24 июля 1794 г. о посылке его волонтером в союзные войска, имея в виду австрийские войска.

Эти заявления рассчитаны на глупцов. Хотя Суворов действительно просился в союзные войска, он ни словом не обозначил, в какие именно, и на каком театре действий (А.В. Суворов. Письма. М, 1986, с. 274.). Напомню в этой связи, что союзные войска (австрийские и прусские) воевали в это время против польских повстанцев. Если, согласно Бабенко, «ни о каком вымаливании разрешения на усмирение польского мятежа не могло быть и речи», тогда полной бессмыслицей выглядит появление Суворова с 14-тысячным войском под Кобрином, а затем руководство им войсками союзников при штурме Варшавы и его предместья Праги. А это бесспорный исторический факт.

Парадный портрет Александра Суворова

На самом деле, еще в середине июня 1794 г. Суворов стал выражать в заявлениях начальству свое неудовольствие от медленного усмирения «польского мятежа» теми, кто привык вертеть, как он выражался, «павлиньими перьями и угодностью» при царском дворе.

В письме О.М. Рибасу 14 и 24 июня он пожалел о передаче русских войск в Польше под команду князю Николаю Репнину, ибо таким путем «я остаюсь ни при чем». То, что он рвался возглавить истребление польского мятежа лично, видно из его письма фавориту царицы Платону Зубову от 30 июня, где он пишет:

«...в Польше начальникам нашим вместо того, чтоб быть в невежественной нерешимости и плавать в роскошах, надлежало (...) мечу и искру, рождающую пожар, последним в миг затушить. Был бы я не праздeн, то не стыдился бы я себе просить двадцать тысяч солдат для потушения всех мятежей в их первоначалии» (А.В. Суворов. Походы и сражения в письмах и записках. М., 1990, с. 353).

А 15 июля он прямо назвал своей «непрестанной мечтой... театр в Польше: там бы я в сорок дней кончил» (А.В. Суворов. Письма. М. 1986. с. 268, 271, 274).

Это рвение усмирить Польшу за 40 дней Суворов выражал в тот момент, когда войска союзной Пруссии, получив отпор, ушли от Варшавы, и когда ему, Суворову, 7 августа поступило предложение идти на Брест, чтобы там «сделать сильной отворот ...дерзкому неприятелю». Именно так, а не иначе, выглядят обороты речи Суворова накануне его похода через Кобрин — Брест к пражскому предместью Варшавы. Выходит, Бабенко не опровергает, а создает мифы.

Больше всего Бабенко ополчается на заявления многих авторов о зверствах войск Суворова — по его мнению это злобные выдумки. Он пытается доказывать гуманное отношение полководца к мирным жителям и военнопленным, тем самым противопоставляя генерала-карателя руководителям восстания 1794 г. в Великом Княжестве Литовском, которые якобы пополняли ряды своих воинских частей с помощью виселиц.

При этом Бабенко цитирует три выдержки из сборника документов о восстании 1794 г. на территории современной Беларуси, в которых говорится о виселицах в Воложине, Сморгони и старостве Опсы графов Мануцы, выставленных для принуждения помещиков дать крестьян в ополчение. Составитель этого сборника нашел подобные устрашающие примеры еще в Гродно, Лиде, Николаеве, Поставах (см.: Я. Аніщчанка. Палітычная гісторыя часоў падзелу Рэчы Паспалітай. Мн., 2006, с. 185). Однако нигде в подобных случаях не говорится о повешенных. Таких жертв на тех виселицах не называет и Бабенко для опровержения, по его представлению, мифа о народности восстания Костюшко.

Сам Т. Костюшко не одобрил повешение 12 сановных панов в Варшаве и даже велел наказать семерых подстрекателей расправы с этими аристократами. Костюшко грозился сурово наказывать за всякое внесудебное самоуправство и уличный самосуд в отношении военнопленных (Булгарин Ф. Воспоминания, с. 691).

Следовало бы знать господину Бабенко и о том, что прокламации восставших пестрели воззваниями к народу и от имени народа, что в рядах восставших действовали созданные еще в 1789–91 гг. полки «народной кавалерии».

Если обратиться к историческим реалиям военных операций Суворова, то уместно привести его собственные признания о нравах своих врагов или конфедератов, которых он называл «возмутителями и бунтовщиками».

Реальный портрет А.В. Суворова (худ. Жан-Пьер Норблен)

К примеру, 7 сентября 1769 г. он докладывал главнокомандующему, генерал-поручику Ивану Веймарну, что под Слонимом бунтовщики русского мушкетера С. Демина «вешали троекратно, однако он спасся» самым чудесным образом. 12 декабря 1769 г. Суворов рапортовал, что конфедератский вождь Мосчинский «пленных наших содержал весьма ласково, поил, кормил очень хорошо». 12 июня Суворов писал, что «возмутительской командир Новицкой погреб убитых при себе человеколюбиво, також содержал пленных ласково» (А.В. Суворов. Документы. М., 1949. Том 1, с. 181, 199, 259). В его реляциях не раз встречаются упреки в адрес своих офицеров, которые «пиют кофии на панских дворах и играют в тавлей» вместе с инсургентами.

А вот сам он приказывал в отношении мятежников «ломать, колоть палашами, рубить штыками» (там же, с. 245, 253, 262, 270, 353).

Суворов трижды лично осмотрел оборонительные рубежи под Прагой и 26 октября велел учить своих солдат «стрелять по головам... как под Измаилом». Он требовал при штурме «стрельбой не заниматься, бить и гнать врага штыком, работать скоро, храбро по-русски». Показательно, что защитников Праги сам Суворов один раз насчитал 12000 мирных и 3000 вооруженных чел., а в другой раз – 17000 солдат и 2500 гражданских людей. В день штурма Праги (4 ноября) он писал, что за 3 часа «славно кончил» 26-тысячную армию врага, из которой

спаслось едва 2000, а в плен попало более 10.000 человек (А.В. Суворов. Походы и сражения, с. 359–360, 361. Он же. Письма, с. 281). В другом рапорте он сообщал, что из 26.000 защитников Праги было убито на месте 12.000, утопилось и спаслось 4000, попало в плен 10.000 чел. (А.В. Суворов. Документы. М., 1949. Том 1, с. 16).

Бабенко почему-то не приводит этих страшных, хотя и противоречивых цифр, зато упрекает оппонентов в дезинформации за разнобой в данных статистики. Так кто кого запутывает?

К. Бартошевич в своей истории восстания Костюшки наиболее вероятным считает количество защитников Праги в 23.400, из которых 18.600 были регулярными силами, а 4800 – мещанами. Историк пишет:

«Суворов приказал уничтожить пушечным огнем мост, так что желавшие спастись бегством вынуждены были бросаться вплавь и топились. Целая армия была уничтожена, почти все население Праги было вырезано, и лишь несколько сот человек спаслось в Варшаве. Из-за спорности рапортов, трудно даже вообразить, сколько было убитых, раненых, взятых в плен и тех, кто утонул. Только приблизительно можно очертить число убитых и раненых в 6000, взятых в плен в 10000, искалеченных в 7000». (Бартошевич К. История костюшковского восстания. /Перевод с польского/. Вена, 1913, с. 357, 359).

О «ГУМАНИЗМЕ» СУВОРОВА

Если суворовский приказ «щадить» складывающих оружие и не трогать невооруженных в самом деле не только существовал, но и был объявлен трижды, тогда посмотрите, как «живо и по-русски» орудовали его подчиненные в воспоминаниях свидетеля, немца Фридриха Нуфера. Тот с ужасом осматривал среди убитых коней, собак и свиней груды окровавленных тел:

«...людей обоего пола, старых, младенцев на грудях умертвленных матерей. Вся Прага была в огне и дыму, в котором разносилась ругань озверелых солдат. Казаки... хватали за ноги евреев, били их лбами о стены и оземь до тех пор, пока не вытекали мозги, а обнаруженные у них деньги делили между собой. Казаки забавлялись убийством этих нещастных существ, называя их заговорщиками».

Немецкий офицер Севме констатировал эпизоды демонстрации «гуманизма» Суворова и его штыковых исполнителей:

«Россияне убивали беззащитных стариков, женщин и даже детей. Полковник Ливен рассказывал мне с ужасом, что сам видел русского гренадера, который нанизывал на штык всякого поляка, которого он только встречал на своем пути, не исключая даже тяжело раненых, а потом еще разбивал им головы тесаком со словами – вот вам, собаки» (Бартошевич К. История.., с. 359–360).

Суворовские «чудо-богатыри» (излюбленное название подчиненных ему солдат в российской историографии и пропаганде) рьяно исполняли приказ своего начальника «славно работать, по-русски» штыками. Вот так их «мягкосердечный» вождь экономил порох, пули и время, отдавая город на растерзание победителей.

Руководитель обороны Праги генерал Юзеф Зайончек так вспоминал о защитниках Праги:

«...войско, составленное из остатков разных разбитых дивизий и которое в числе 10.000 противостояло 40.000 москалей». (...) «Жители того предместья были целиком вырезаны: женщины, дети, священники – все были беспощадно истреблены. Опьяневшие в своем зверстве и разнузданности московские солдаты вырезали 15.000 невинных жертв» (Зайончек И. История революции 1794 г. Львов, б/г., с. 196–199, 202, 204, 206, 207).

Русский участник штурма Праги генерал-майор Лев Энгельгардт так передает виденное им. По его словам, русские вели артобстрел Варшавы с берега Вислы:

« До самой Вислы на всяком шагу видны были всякого звания умерщвленные, а на берегу оной навалены были груды тел убитых и умирающих воинов, жителей, жидов, монахов, женщин и ребят. При виде всего того взоры мерзятся таковым позорищем. Поляки потеряли на валах 13 тыс. чел., из которых третья часть была цвет юношества варшавского; более 2 тыс. утонуло в Висле, около 800 человек из гарнизона уцелело, перешедши на другую сторону; 14680 взято в плен, из числа которых восемь тысяч на другой день отпущены в дома; умерщвленных жителей было несчетно. Русские потеряли 580 человек убитыми и 960 ранеными». (Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997, с. 132–133).

А вот что видел русский генерал Иван фон Клуген:

«Дрались штыками, прикладами, саблями, кинжалами, ножами, даже грызлись. Наши солдаты врываясь в дома, умерщвляли всех, кто им ни попадался. Ожесточение

Резня в пригороде Варшавы — Праге

и жажда мести дошли до высочайшей степени... офицеры были уже не в силах прекратить кровопролитие... Один из наших отрядов зажег мост на Висле и отрезал бегущим отступление. У моста настала снова резня. Наши солдаты стреляли в толпы, не разбирая никого, — и пронзительный крик женщин, вопли детей наводили ужас на душу. Справедливо говорят, что пролитая человеческая кровь возбуждает род опьянения. Ожесточенные наши солдаты в каждом живом существе видели губителя наших во время восстания в Варшаве. «Нет никому пардона!» — кричали наши солдаты и умерщвляли всех, не различая ни лет, ни пола. Несколько сот поляков успели спастись по мосту. Тысячи две утонуло, бросившись в Вислу, чтоб переплыть. Взято в плен до полутора тысяч. В четыре часа времени совершилась ужасная месть за избитие наших в Варшаве» (Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2001, с. 692, 693–694).

У того ж Фаддея Булгарина вы найдете свидетельства о поощрении и восхвалении Суворовым пьяной вакханалии своих «освободителей». А где же хваленое милосердие? Во всяком случае, не в строках поэта Александра Пушкина:

И мы о камни падших стен
Младенцев Праги избивали,
Когда в кровавый прах топтали
Красу Костюшкиных знамен.

Даже скупой на комментарии военный историк-эмигрант Антон Керсновский отметил, что из 20 тысяч защитников Праги было убито 8 тысяч, утонуло 2 тысячи, и пленено 9 тысяч человек. (Керсновский А.А. История русской армии. Том 1. Белград, 1933, с. 160).

Никаким лжецам не удастся обелить своего кумира словами о том, что «никаких карательных акций против мирного населения с ведома и тем более по приказу Суворова не было и быть не могло». Не удастся им скрыть эти зверства и пустыми словами о том, что никогда не было галантных армий, что законы военного времени всегда жестоки. Их опровергают солдаты, заранее нацеленные приказами Суворова на беспощадное уничтожение «бунтовщиков», трижды призванные теми же приказами «без отдыха» орудовать штыками, озверевшие от крови, опьяневшие от вседозволенности, охваченные гнусной жаждой грабежа и насилия.

Даже официальные историки российского Генерального штаба в 1900 году не стали отрицать того факта, что «русские солдаты избивали всех, не давая никому пощады» (Суворов в сообщениях профессоров Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1900, с. 315). Правда, при этом они утверждали, что Суворов приказал «разрушить мосты» через Вислу для того, чтобы «спасти» Варшаву от грозящей ей кровавой вакханалии. Но если это так (именно эту версию поддерживает Бабенко), то надо признать, что Суворов сознательно превратил Прагу в западню с целью полного истребления ее защитников. Он обдуманно отдал их на лютую показательную расправу своих головорезов, чтобы последствия «бунта» своими глазами видели жители Варшавы с противоположного берега.

ЛЮБИТЕЛЬ ПРЫГАТЬ

У самого же автора этого азиатски жестокого плана был свой шкурный мотив. Именно за показательное истребление жителей Праги Суворов получил чин фельдмаршала. Свою радость от этого он ознаменовал тем, что прыгал в церкви через ряд стульев, выкрикивая имена трех генерал-аншефов, которых таким образом «обскакал».

Свежеиспеченный фельдмаршал быстро забыл свои гуманные распоряжения относительно пленных. Когда к фельдмаршалу явилась с просьбой очередная делегация поляков, Суворов подпрыгнул перед ними со словами: «Императрица вот такая великая». А затем присел и сказал: «а Суворов вот такой маленький». Ходатаи все поняли и ушли ни с чем (О. Михайлов. Суворов. М., 1973, с. 324–325.). Сколько же цинизма в этой сцене, устроенной старым паяцем, который еще вчера провозглашал свои амнистии от имени той же великой императрицы.

Не похож Суворов на гуманиста и в плане опровержения «мифа», будто бы именно он на штыках своих солдат принес крепостное право на земли Беларуси. Зачем же, в таком случае, он уничтожал тех, кто хотел освободить беларуских крестьян от рабства? И почему он не дал «вольную» беларуским крестьянам, пожалованным ему в вечное рабство «в воздаяние ратных заслуг»? А в подаренной ему Кобринской экономии было, кстати говоря, 6922 мужчины и 6300 женщин крестьян, а еще 552 мужчины и 480 женщин имелось в кобринском лесничестве – вместе 14254 души обоего пола (РГВИА, ф. ВУА, д. 18451, л. 7 об.).

Ну, и последнее. Заявления о том, что своей военной деятельностью Суворов остановил процесс ополячивания беларусов, – беспардонная ложь. С пресловутым «ополячиванием» царизм боролся путем русификации населения, запрета униатской церкви, насаждения московского варианта православия. Суворов здесь не при чем.

Давно пора ликвидировать все суворовские памятники на нашей земле, эти символы российских колонизаторов и «державников», стоявших и в прошлом и сейчас на одной и той же «платформе»:

> «Занятая нами страна должна принадлежать, конечно, России по ее праву завоевателя».

Беларусам надо поклоняться своим, а не чужим героям. И в любом случае – не тем, кто чинил расправу над нашими предками!

Коротко об авторе

Е.К. Анищенко более 20 лет работал в Институте истории АН БССР (НАН РБ), исследовал период разделов Речи Посполитой. В своих работах он убедительно доказал, что основную ответственность за это несет русский царизм. Е. Анищенко автор 370 публикаций, в том числе 16 книг. Одна из них посвящена национально-освободительному восстанию 1793–94 гг. под руководством Тадеуша Костюшко.

3 Зак. 1936

«НАРОДНОЕ ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ» в БЕЛАРУСИ в 1812 году

Андрей Попов,
доктор исторических наук

23 ноября 2012 г. на базе Беларуского государственного университета состоялась международная научная конференция «Война 1812 года и Беларусь». Ключевое место среди пленарных докладов заняло выступление самарского историка, доктора исторических наук, профессора А.И. Попова – автора монографии «Великая армия в России: погоня за миражом» (Самара, 2002 г., 440 страниц). В своем докладе он жестко раскритиковал беларуских официальных идеологов, которые пытаются посредством подтасовки фактов реанимировать в современной исторической памяти беларусов имперские и советские мифологемы. Доклад вызвал широкий резонанс. Печатаем его по публикации в Интернете от 4 декабря 2012 г.

Многие поколения современных российских и белорусских читателей воспитаны ещё на советской, а правильнее сказать, марксистско-ленинской литературе. Именно поэтому они до сих пор говорят и пишут о «народном партизанском движении» 1812 г. Уже более 10 лет мы пытаемся доказать российскому читателю, что идеологизированные представления советских времён не соответствуют историческим фактам. Белорусской же публике наши аргументы, скорее всего, остаются не известными.

Не так давно мы развенчали измышления белорусского дилетанта М. Голденкова, сочинившего массу разных глупостей. В частности, он попытался представить себя как низвергателя мифов о «народной войне», но всего лишь развенчал байку о «русском Сцеволе», сознательно замалчивая тот факт, что российские историки давно уже это сделали [1].

Голденков попытался также сказать «новое слово» о партизанах. Он многозначительно заявил:

«Между партизанами и партизанской войной – большая разница . Партизанская война – это удары по инфраструктуре более сильного противника... Такую войну может вести как гражданское население, так и армия. Если армия воюет по-партизански ... то это не означает, что армия – это партизаны. Партизанами принято называть вооружённые отряды гражданского населения . Но историки, описывая 1812 год, в партизаны записывали и специальные армейские подразделения (тут главным «партизаном» стал Денис Давыдов), и беглых крепостных, и дезертиров-ополченцев».

«Партизаны – простые крестьяне», но число партизан историки «значительно преувеличили, записав в партизаны даже отряды регулярной армии, выполнявшие специальные диверсионные задания».

Упомянув об отряде Дениса Давыдова, автор тут же предупредил:

«Не стоит путать партизанскую войну и партизан как таковых. Денисов вёл партизанскую войну, но не был никаким партизаном – он являлся офицером регулярной армии, выполняющим спецзадание. Эскадрон Давыдова был армейской диверсионной группой, но пропагандисты сделали партизаном и Давыдова».

«Если и были настоящие классические партизаны, то в основном в Смоленской губернии», где появились «первые крестьянские по-настоящему партизанские отряды», которые нападали на мародёров и фуражиров.

Отчитав советских авторов, Голденков сам выступил ярым пропагандистом их измышлений. Вслед за ними он записал в число партизан некоторых гражданских лиц, в том числе и В.В. Кожину, хотя отметил, что «толком описать, что же именно героического сотворил отряд Кожиной, никто никогда не мог», так что, возможно, что это «очередной пропагандистский миф». В итоге он заключил, что «партизанское движение в войне 1812 года никак нельзя было назвать массовым».

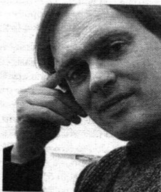
Попытка Голденкова открыть что-то новое о партизанской и народной войне вылилась в очередную демонстрацию дремучести самого «первооткрывателя». Будучи незнаком с источниками, он буквально перевернул всё с ног на голову! В аутентичных источниках крестьянские дружины никогда не назывались «партизанами», к каковым тогда относили только «партии» и «летучие корпуса», высылаемые именно из армии! Отождествление крестьянских отрядов с партизанскими расцвело «махровым цветом» именно в марксистской литературе. Выражения «диверсионный отряд» в ту эпоху не существовало, а слово «диверсия» имело совсем иное значение, чем ныне. Вовсе не «пропагандисты» сделали Давыдова партизаном, а сам он себя так называл, да и в отряде его был вовсе не один эскадрон – автор явно черпал информацию об отряде из дешёвого советского фильма.

Профессор Андрей Попов выступает на конференции в Минске

Выражение «партизанское движение» неприменимо к 1812 г., ибо оно было заимствовано марксистами из реалий Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. А утверждение Голденкова, будто «между партизанами и партизанской войной – большая разница», может объяснить разве что психиатр [2].

Лишь спустя полгода после того, как мы разоблачили бредни Голденкова, на них среагировали официальные идеологи Беларуси: О.В. Пролесковский и Л.Е. Криштапович. Они обрушились на безымянных «нарушителей спокойствия», имён которых почему-то не назвали, а обвинили некоторые средства массовой информации [3]. Само по себе развенчание откровенно бредовых идей – дело, конечно, богоугодное, но вопрос заключается в том, с каких позиций это делается, и хорошо ли сами критики

Михаил Голденков

представляют себе исторические реалии 12-го года. Ниже мы рассмотрим по пунктам аргументы не только этих идеологов, но и других белорусских авторов, которые выступили с докладами на научных конференциях, проведённых 17–18 мая и 26 июля сего года в Витебске и Могилёве [4].

Сразу скажем, что все эти аргументы были взяты идеологами из книги Е.И. Корнейчика «Белорусский народ в Отечественной войне 1812 г.» (1962 год). Им бы ещё следовало сослаться на книгу Л.Н. Бычкова (1954 год), одного из родоначальников той глобальной фальсификации, о которой пойдёт речь в нашем докладе. Сама по себе ссылка на специальное исследование вполне оправдана, но тут возникает вопрос, насколько фундированы источниками были выводы Бычкова и Корнейчика. Проведём «пунктуальное» исследование.

1. Вслед за Корнейчиком официальные историки пишут, будто «белорусский народ с первых же дней войны поднялся на борьбу против захватчиков». Но у читателя сразу возникает вопрос насчёт «первых дней», ибо сначала война прошлась по тогдашней Литве, и лишь затем докатилась до тогдашних двух Белорусских губерний. Наиболее разухабисто в этом плане высказался Бычков, заявивший, будто «крестьянское партизанское движение против завоевателей поднялось с самого начала вторжения неприятеля на территорию России, сейчас же при появлении наполеоновской армии (...) крестьяне Литвы и Белоруссии развернули против вражеских войск партизанские действия» [5]. Эти утверждения являются чистой воды вымыслом, ибо не подтверждаются никакими источниками.

2. Вслед за Корнейчиком нынешние историки заявили, что «крестьяне повсеместно выходили из повиновения своим панам, ярым приверженцам Наполеона. Они скрывались в лесах или отходили вместе с отступающими русскими войсками». Эта мысль позаимствована из книги В.Г. Краснянского (1902 год), который писал:

> «Православные крестьяне белорусы, составлявшие коренную массу населения Минской губернии, совсем иначе относились к французскому владычеству, чем поляки». Они бежали в леса и здесь среди них мы встречаемся с первыми героями партизанской войны. (...) Стоило только отдельным французским солдатам неосмотрительно удаляться в сторону от движения армии, как они попадали в руки крестьян; расправа с ними была коротка: их беспощадно убивали».

Но в качестве доказательства Краснянский привёл один-единственный факт, который, по его же словам, сохранился «в летописи тогдашней уголовной хроники». А именно, два солдата из корпуса маршала Л.Н. Даву заблудились и попросили крестьян вывести их на дорогу, но те заманили их в лес и забили палками. Карательный отряд разыскал виновных в этом убийстве 3 крестьян деревни Есьмон, нашли мундир 8-го линейного полка и отвели виновников в суд, но один из них сумел сбежать [6].

Заметим, что такого полка в Великой армии не было, а историками за 110 лет не приведено более ни одного другого примера, хотя все они дружно писали, будто «такие случаи были не редкостью». Ни одного факта отступления белорусского населения вместе с русской армией мы в источниках не встречали. Да и называть упомянутых мужиков партизанами язык не поворачивается.

3. Корнейчик написал, что некий польский генерал выслал в местечко Грозово отряд с предписанием забрать определённое количество продуктов. Но крестьянин-проводник привёл неприятельский отряд к русскому арьергарду, где тот и был уничтожен. Но когда читаешь сам пересказанный Корнейчиком документ, то понимаешь, что его рассказ является банальной фальсификацией. На самом деле генералу М.И. Платову была доставлена «перехваченная вчера у мужика записка на польском диалекте о заготовлении фуража и прочего неприятелю», и документ этот был подписан генералом Ю. Василевским, главным комиссаром-распорядителем 5-го (польского) армейского корпуса [7].

4. Идеологи вычитали у Корнейчика, будто Жером Бонапарт, прибыв в Гродно «разрешил своим войскам (немцам и полякам) открыто грабить городских жителей», а сам Корнейчик ещё прибавил, что «население Гродненщины не давало наполеоновским войскам добровольно ни крошки хлеба».

На самом же деле, Жером отдал своим войскам приказ, предусматривавший применение самых суровых мер против грабителей. Командующий 8-м корпусом генерал Д.Ж. Вандам «предписал зачитать этот приказ во главе каждой роты, предупредив, что всякий грабитель будет немедленно предан военно-полевому суду и расстрелян в двадцать четыре часа».

Лейтенант Й.Ф. Гиссе вспоминал:

> «С развёрнутыми знамёнами и гремящей музыкой мы перешли мост через Неман и с энтузиазмом продефилировали через город (...) Жители восхищались опрятностью, красотой и хорошей выправкой войск, не замечая при этом, как голод привёл в беспорядок все наши внутренности».

Подполковник Л.В. Конради писал, что измученные голодом вестфальцы надеялись найти в Гродно квартиры, но Жером, желая защитить жителей от солдат, разместил последних вне города в покинутых деревнях, а грабителей приказал расстреливать. Вандам, приведённый в отчаяние тем, что солдаты его корпуса были лишены регулярного распределения продовольствия и не могли сами добывать продукты, в резкой форме высказал это Жерому, за что был отстранён от командования [8].

Таким образом, утверждение Корнейчика прямо противоречит показаниям источников.

5. «Проходя через Докшицы, они полностью разграбили населенный пункт и сожгли», — пишут идеологи о французских солдатах вслед за Корнейчиком, который ещё и указал даты: 19–21 июля. Но знакомство с реальными документами показывает, что местечко вовсе не было полностью уничтожено, а там лишь несколько раз подвергались грабежу магазины [9].

6. Идеологи утверждают, будто «в начале войны, пока русские армии отходили в глубь страны, белорусы оказывали им всемерную помощь продовольствием, подводами, давали надёжных проводников и разведчиков и даже принимали участие в боевых операциях вместе с регулярными войсками . Большую помощь оказывали наши предки русской армии и в сборе сведений о неприятеле». Но и эти заявления противоречат реальным фактам. А они таковы.

Штабс-капитан П.Е. Кромин донёс М.Б. Барклаю де Толли, что «в Могилёве очень заметна приверженность неприятелю некоторых обывателей». Местные

поляки устроили Даву горячий приём. Тем не менее, маршал произнёс речь и выразил удивление, «что не находит в здешней губернии того энтузиазма и польского духа, который зрел в прочих губерниях». Зная, что среди слушающих его людей имеются «партизаны русские», он предостерёг их, «чтобы опасались быть вредными, надеясь впрочем, что дух польский еще в здешних жителях возродится». Согласно русским документам, в Мстиславльском повете 5 помещиков «были партизанами Польши. Сии лица еще при сближении неприятеля к границам Могилевской губернии, встретив его, делали прием» [10].

Мы специально процитировали эти документы, чтобы слушатели поняли, что в ту эпоху слово «партизан» ещё сохраняло своё первоначальное значение: «сторонник», «приверженец», говоря по современному, «партиец».

Лубочное изображение партизан

В Лепеле местные поляки «встретили французов с хлебом и солью». Чиновник полиции П.А. Шлыков донёс, что «неприятель во всех местах принимается от жителей с знаками их удовольствия, но даже и там, где нет его, а только ожидается, они как бы встречают гостей, толпясь в той стороне, откуда ожидают его прихода, и из жителей противных сему, есть весьма малая часть». Шлыков велел жителям Бешенковичей перевезти муку и овёс на другой берег реки, но те отказались. Казаки приехали в Бешенковичи, чтобы сжечь магазины, но жители им этого не позволили. Шлыков писал, что и «в городе Витебске во многих жителях видно много патриотизму польского». Русским чиновникам для ведения разведки в Беларуси приходилось использовать евреев [11].

Впрочем, среди чиновников и помещиков Могилёвской губернии были и те, кто «оказал усердие российскому правительству», в частности, они вели разведку и отговаривали жителей от сотрудничества с неприятелем. Мы нашли в архиве сведения только о семерых таких лицах, так что назвать это явление массовым никак нельзя [12].

7. Идеологи заявили, что «белорусские крестьяне также вели и партизанскую борьбу против наполеоновских захватчиков. Они производили нападения на небольшие группы противника», а «крестьяне из деревни Тростянки Игуменского уезда Минской губернии организовали партизанский отряд , который возглавил их односельчанин Тарас. Отряд производил нападения на вражеских солдат и местных польских помещиков, помогавших Наполеону».

Этот факт позаимствован ими из книги Краснянского, который написал, что крестьяне во главе с Тарасом Борисёнком зверски убили помещика Гласко и всю его семью из 12 человек, их трупы сожгли на громадном костре и затем подожгли имение. От себя заметим, что в польских документах помещик назван Бдам

Хласко, а Тарас Борисёнок – Петруком , и что уезды в этой губернии именовались поветами [13].

Таким образом, откровенно уголовное дело, которое сам Краснянский отнёс к проявлениям классовой борьбы, нынешние идеологи классифицировали как партизанскую борьбу, что никак не соответствует действительности.

Крестьянские мятежи в Белоруссии были направлены не только против профранцузски настроенной шляхты, но и против помещиков, оставшихся на стороне России и подавляли их в равной мере и французские и русские карательные отряды. В частности, «партизан» генерал Ф. Винцингероде вынужден был высылать из своего «летучего корпуса» казаков для наказания бунтовщиков [14].

8. Краснянский писал что «среди уголовных дел этой эпохи подавляющий процент составляли дела о возмущении крестьян против помещиков, поджогах их имений и убийстве своих панов», а именно 25 из 28 дел за сентябрь. Например, крестьяне деревень Староселье, Можан, Есьмон и Клевки Борисовского повета укрылись в лесах и нападали на помещиков. Минский губернатор генерал Ж. Барбанегр выслал карательный отряд, чтобы наказать бунтовщиков и заодно выловить собственных мародёров. А вот Корнейчик беспардонно солгал, будто эти самые «крестьяне – партизаны Борисовского уезда Минской губернии ушли в лес, где организовали партизанские отряды, которые производили нападения на французских солдат и истребляли их» [15].

На самом деле, это также было ни что иное, как проявление классовой борьбы, и ничего партизанского в их действиях не было. Польский историк Я. Ивашкевич констатировал, что изо всей Литвы наибольшее количество проявлений крестьянского непослушания дали именно Борисовский и Игуменский поветы Минского департамента.

9. Идеологи привели и совсем уж анекдотичный пример: «В Могилевской губернии борьба против оккупантов приняла настолько большой размах, что командование находившегося в Могилеве гарнизона французских и польских солдат, опасаясь открытого народного восстания , приказало даже подвязать веревками церковные колокола». Думается, что в научных спорах подобным россказням вообще не должно быть места. Да и французских солдат в гарнизоне Могилёва не было.

10. Официальные историки пишут:

> «Масштабными были действия партизанских отрядов в конце лета 1812 года в окрестностях Витебска. Партизаны массово истребляли наполеоновских солдат витебского гарнизона, отправлявшихся из города в деревни на поиски продовольствия». Интендант Витебска А. Пасторе признавался, «что ему с большим трудом удавалось обеспечивать продовольствием 12-тысячный гарнизон города, из которого выйти было невозможно, не рискуя попасть в руки партизан». Об угрожающем характере партизанского движения в Беларуси для оккупантов говорит и тот факт, что Наполеон незадолго до Бородинского сражения вынужден был выделить из своих главных сил отряд в 10 тыс. солдат и отправить его на подкрепление витебскому гарнизону, изнемогавшему под ударами партизан».

Корнейчик же завершил данный сюжет следующим пассажем:

«Новое сильное пополнение витебского гарнизона , произведенное за несколько дней до генерального Бородинского сражения, когда Наполеон должен был дорожить каждым солдатом, проливает яркий свет на то огромное значение боевого взаимодействия, которое сложилось между русской армией и белорусскими партизанами в борьбе против армии Наполеона» [16].

А теперь посмотрим, как всё было на самом деле. Согласно русским документам, прапорщик Ласовский 18 августа под Витебском «для открытия неприятеля ходил с охотниками, спешив взвод драгун, бросился в штыки на засевших в хате» 18 человек, 6 убил, а остальных взял в плен.

Находившийся в тот момент в городе немецкий капитан Ф. Рёдер удивился, зачем нужно было поднимать по тревоге весь гарнизон, если на фуражиров напали только казаки, которые ещё дважды в тот день приближались к городу. Это были партии из «летучего корпуса» Винцингероде, который 19 августа «прибыл к воротам Витебска и навел ужас на его гарнизон, поспешивший притянуть со всех окрестностей свои караулы и фуражиров, значительное число которых попало в руки наших казаков».

По русским данным, отряд Винцингероде захватил 800 пленных, но сразу после этого нападения он отступил в глубь России [17].

Подведём итог. Численность гарнизона Витебска Корнейчик, вслед за Пасторе, завысил ровно в три раза. Выдвинутый против отряда Винцингероде сводный корпус генерала Д. Пино насчитывал 8 тыс. чел. и гарнизона Витебска он вовсе не пополнял, не имея такой задачи, а входившие в его состав 4 кавалерийские бригады успели-таки принять участие в Бородинской битве, до которой ещё оставалось 3 недели. Таким образом, не существовало никакого «широкого партизанского движения» в районе Витебска, а, следовательно, и «боевого взаимодействия между русской армией и белорусскими партизанами».

11. Официальные историки пишут, будто «история знает и примеры совместных действий кавалерийских разъездов русской армии и белорусских партизан. Так, партизаны под руководством крестьянина Максима Маркова 8 сентября 1812 года разбили французский разведывательный отряд, стремившийся занять деревню Жарцы Полоцкого уезда. Затем они были задействованы в боях за Полоцк вместе с регулярными войсками». Корнейчик написал, что Марков «установил тесное боевое содружество с казаками Ипатова», а генерал Е.И. Властов в рапорте «дал высокую оценку подвигу белорусских партизан. И такие случаи были не единичны» [18].

На самом деле в рапорте Властова буквально сказано, что жители деревни Жарцы, которых он называет «русскими мужиками», узнав о приближении неприятеля», упросили одного казака, чтобы он ими командовал, и отразили (а не разбили) отряд фуражиров от своей деревни. Итак, Властов назвал крестьян не партизанами, а «мужиками», которых «отменная любовь и приверженность к отечеству, а к врагам оного непримиримая вражда побудили вооружиться по собственной своей воле». Итак, речь идёт о 22 русских крестьянах, которые «ходили без спросу в ополчение», для защиты деревни держали «род бикета» (пикета) и были поддержаны казаком из полка подполковника И.И. Платова.

100 лет назад Н. Поликарпов впервые окрестил этих мужиков «партизанами», но всё же отметил, что их подвиг был фактически единичным примером, ибо

вся Витебская губерния «находилась всецело под сильным польским влиянием» и влиянием иезуитов, которые «проповедовали антиправославие». Советские же сочинители про эту оговорку «забыли», выставляя пример этих крестьян как один из множества подобных случаев [19].

Таким образом, и в данном случае «белорусские партизаны» аннигилируются, «оставив в осадке» русских мужиков, которые, по выражению источника, «сражались несколько раз сами собою с французами, защищая собственность свою».

12. Бычков заявил, будто «в Могилеве, Витебске и других городах Наполеон был вынужден оставлять целые воинские части для борьбы с крестьянами Литвы и Белоруссии». Мы детально изучили состав гарнизонов Великой армии, и авторитетно заявляем, что таковых задач неприятельские гарнизоны не имели, но были вынуждены, по настоятельным просьбам помещиков, высылать против бунтующих крестьян небольшие карательные отряды.

Крестьяне грабят помещичью усадьбу

Бычков писал, будто «в Белоруссии, Литве, на Украине крестьяне-партизаны блокировали гарнизоны наполеоновских войск, непрерывно нападали на транспорты и обозы противника». Корнейчик утверждал, будто борьба белорусских крестьян «была ударом с тыла по коммуникациям и базам противника. Белорусский народ приводил в расстройство тыл, подрывал боеспособность врага, ослаблял его силы» [20].

Все эти заявления являются реминисценциями событий 1941–1944 гг. и не имеют абсолютно никакого отношения к войне 12-го года. С середины августа 1812 г. главная коммуникация Великой армии на территории тогдашней Беларуси проходила через Ляды, Дубровну, Оршу, Коханово, Толочин и Бобр, и никаких нападений «народных партизан» на этом участке вообще не было, хотя гарнизоны здесь были микроскопическими.

13. Корнейчик громогласно заявил, будто «повсеместное выступление крестьян Литвы и Белоруссии против оккупантов и помещиков угрожало положить конец могуществу Наполеона... Ненависть и непокорность населения Белоруссии и Литвы явились сильнейшим ударом по военному могуществу Наполеона». Ссылаясь на фразу генерала Ф.П. Сегюра о том, что французы нашли в России «вторую Испанию», Корнейчик объявил, будто «этой второй Испанией были Белоруссия и Литва, крестьянство которых, подобно испанским повстанцам, не страшилось никаких карательных отрядов» [21].

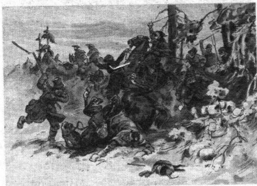
После всего вышесказанного эти утверждения могут вызвать разве что недоумение и ехидную улыбку. Все неприятельские мемуаристы заговорили о предчувствии «второй Испании» только после того, как наполеоновская армия всту-

пила в коренные русские земли, когда началась по-настоящему «истребительная война», не признававшая никаких общепризнанных правил ведения боевых действий.

Свою статью официальные идеологи тоже завершили безапелляционной фразой, не терпящей возражений: «То, что белорусский народ поднялся на борьбу с наполеоновским нашествием, – непреложная историческая истина (...) Такова правда истории».

Однако проведённый нами объективный анализ реальных фактов наглядно показал, каким образом более полувека назад советские фальсификаторы буквально из ничего выдули «мыльный пузырь» «народного партизанского движения» в Белоруссии в 1812 г.

Время появления этой фальсификации вполне объяснимо. О «крестьянском партизанском движении» советские авторы писали ещё в 30-х гг. XX века, но тогда они признавали, что началось оно со Смоленской губернии [22]. Лишь после окончания Великой Отечественной войны, когда на самом деле в Белоруссии была развёрнута партизанская война, некоторым рьяным идеологам захотелось отыскать такое же явление в войне 1812 г. и ради этого они пустились во все тяжкие.

Фантастический рисунок, изображающий нападение партизан на отряд французских войск

Между тем, ещё 100 лет назад К.А. Военский констатировал, что в отличие от Литвы, где многие надеялись на возрождение государственности, «в Белоруссии эти ожидания и надежды разделяло лишь верхнее польское и ополяченное сословие. Сам же народ, по вере православный, а по происхождению русский, относился к французам, как и в чисто-русских губерниях, враждебно и с боязнью потерять религиозную и национальную независимость». «Исторически забитое и угнетенное население не могло, конечно, проявить того патриотического подъема, который так ярко вспыхнул в чисто-русских губерниях, и ограничивалось лишь бегством, уходом в леса без партизанских набегов».

Военский считал, что Белоруссия – «это нечто среднее между Польшей, охваченной патриотическим духом, и Россией». С этим мнением можно было бы согласиться, но с одним уточнением. К тому времени из населения Белоруссии около 43 % были униатами, около 38 % – католиками, около 7 % – православными (вместе со староверами), 1,6 % – протестантами; остальные – иудеи, мусульмане и др. Что касается крестьян, то около 80 % из них были униатами.

Военский писал, что крестьяне Белоруссии «представляли инертную массу, хотя и тяготевшую духовно к России, но неспособную к активному выступлению

и патриотическому подъему. С несчастным, забитым белорусом, в конце концов, можно было сделать все, что угодно, и подчинить какому угодно правлению» [23].

Историк здесь явно «переборщил», ибо многочисленные крестьянские бунты, которые ни русские, ни французские власти так и не сумели усмирить до конца войны, указывают на наличие у крестьян социальной активности. Польский историк М.В. Кукель верно заметил, что в Белоруссии, при совершенной политической пассивности высшего слоя, равно мало склонного как к выступлению на стороне Наполеона, так и к защите русского царизма, на первый план выдвигались проблемы социального порядка, а именно, крестьянский вопрос.

Развивая мысль упомянутых выше историков, мы ещё в 2002 г. пришли к следующему выводу:

> «Исходя из того, что народное сопротивление неприятелю, ужесточение "скифской тактики" (путём уничтожения не только казённого, но и личного имущества), массовый уход гражданского населения, усиление религиозной пропаганды, появление у неприятеля предчувствия "второй Испании" – всё это началось со времени вступления в Смоленскую губернию, мы полагаем возможным говорить, что именно с этого времени противоборство приобрело для российского народа характер отечественной, национальной войны.
>
> На уступленных до этого противнику территориях, относительно недавно инкорпорированных в состав Российской империи, рассчитывать на придание войне такого характера вовсе не приходилось. Напротив, такой характер война имела тогда для политически активной части польско-литовского населения, мечтавшей о возрождении своей Родины и официально провозгласившей восстановление своего Отечества.
>
> Теперь же неприятель вступил в коренные русские земли, где на подмогу армии были призваны представители всех сословий, в том числе и крепостное крестьянство. Так что и манифесты царя, и призывы Барклая по сути дела взывали к единению сословий перед лицом национальной угрозы. Только теперь противоборство принимало, с российской стороны, характер отечественной войны. До этого времени шла обычная "политическая" война двух империй за спорные территории, недавно перешедшие к России в результате разделов Польши, и тогда именно Наполеон разыгрывал национально-патриотическую польско-литовскую "карту", хотя и очень осторожно» [24].

Но, видимо, в Белоруссии наши статьи и монографию не читали. Из нынешних белорусских историков только А.Г. Агеев отважился выступить против официальной концепции «народной партизанской войны». Он поставил под сомнение тезис Корнейчика о том, что белорусский народ развернул против французов «масавы партызанскі рух», и задался вопросом, «откуда же взялась мифологема о мощном партизанском движении?». Агеев верно указал на то, что упомянутые деревни Староселье, Есьмон и Клевки, этот псевдо-«партизанский край», находятся в Минской губернии, тогда относившейся к Литве, а в «Могилевской губернии не выявлено партизанских отрядов, которые бы воевали с французскими отрядами».

Он верно подметил, что советские авторы «связали антифеодальную борьбу белорусского крестьянства с национально-освободительной борьбой белорус-

ского народа против французских оккупантов», и что на картах районы крестьянских мятежей «обозначены как районы действия партизанских отрядов».

На это Агеев резонно возразил, что «однозначно связывать антифеодальную и национально-освободительную войну довольно проблематично. Никак нельзя обходить тот факт, что крестьянская война развернулась на территории, занятой как французской, так и русской армиями», и мятежи подавляли отряды обеих армий. Рост классовой борьбы был вызван несколькими факторами: ослаблением государственной власти, ростом российских податей и повинностей, присутствием в стране французской «революционной армии», солдаты которой «несли идеи французской революции». Он верно заметил, что под Витебском действовали не народные, а армейские партизанские отряды.

Но выводы Агеева оказались «нерешительными». Он пишет: «Народное партизанское движение в Беларуси было значительно слабее, чем в русских российских землях», «в Беларуси нечего и говорить о тысячных партизанских отрядах, о тысячах партизан в одном повете и т.п.». Широкое народное сопротивление

Различия между партизанскими партиями и кордонами

Параметры	ПАРТИЗАНСКИЕ ПАРТИИ	КОРДОНЫ
Инициаторы	командующие армиями	император и местная администрация
Состав	лёгкая кавалерия, казаки, егеря	крестьяне, обыватели, ополченцы
Командиры	кадровые офицеры	отставные офицеры, чиновники, помещики, поместная администрация
Место действия	на занятой неприятелем территории, на его коммуникациях: Польша, Литва, Белоруссия, Смоленская и Московская губернии	на незанятой противником территории, в «прифронтовой» полосе: Смоленская, Московская, Черниговская, Рязанская, Тульская губернии
Задачи	нападение на обозы, транспорты, артиллерийские парки, мелкие отряды, эстафеты, недопущение фуражировок	оборона своих деревень от разорения фуражирами и мародёрами, иногда преследование отбитого неприятеля
Время	июль – декабрь	сентябрь – начало ноября
Способы действий	постоянное маневрирование и внезапные нападения, «поиски» и «экспедиции» в тыл противника. Инициируют и поддерживают «народную войну» и опираются на неё	...патрулирование района обороны, созыв жителей соседних селений на угрожаемый участок. Опираются на поддержку партизан, казаков, малых армейских отрядов и губернских ополчений
Вооружение	стандартное армейское	топоры, вилы, косы, рогатины, охотничье и отнятое у противника оружие
Отношение к пленным	отправляли в главную квартиру, где сдавали под расписку	чаще всего уничтожали самыми жестокими способами

французы встретили только после Смоленска, а «на просторах Беларуси борьба крестьянских партизанских отрядов не достигла размеров партизанской войны. Анализ форм борьбы белорусских партизан показал, что большей частью эта борьба ограничивалась укрыванием скотины в болотах и лесах, закапыванием хлеба в ямах ...По сути, крестьяне вели борьбу за выживание своих семей в условиях войны». Да и другой доклад Агеева на конференции в Могилёве содержит слова «Партизанское движение 1812 года на территории Беларуси»... [25].

Таким образом, Агеев так и не рискнул сказать «правду-матку» до конца, а именно, что никакого «народного партизанского движения» в двух Белорусских губерниях в 1812 г. вообще не было, а было резкое обострение социальной борьбы, никакого отношения к партизанской войне не имевшее. Бегство в леса и болота вряд ли вообще можно назвать борьбой с неприятелем, а «крестьянских партизанских отрядов», как и «народного партизанского движения» не было не только в Беларуси, но и в России. Народное сопротивление противнику в коренной России в 1812 г. следует именовать «народной войной» и чётко отличать её от «войны партизанской», каковую вели тогда только отряды, высылаемые из армии.

В заключение мы прилагаем к статье таблицу, чтобы белорусский читатель смог яснее понять различие между партизанскими отрядами и народными дружинами (именовавшимися тогда «кордонами»), созданными в коренных российских губерниях в 1812 г.

Источники ссылок

[1] Попов А.И. Иван Сусанин 1812 г. // Отечественная война 1812 г. в Калужской губернии и российской провинции. Малоярославец, 2001, с. 44–60; он же. Русские амазонки, Геркулес, Сцевола и Иван Сусанин 1812 года // Известия Самарского научного центра РАН. Спец. выпуск. Самара, 2002, с. 88–98.

[2] Голденков М. Наполеон и Кутузов: неизвестная война 1812 г. Минск, 2011; Попов А.И. «Неизвестная» война // Эпоха 1812 года // Труды ГИМ. Вып. 187. М., 2012, с. 429–445.

[3] Пролесковский О., Криштапович Л. Вместе мы врага громили // «Беларуская думка», 2012, № 6, с. 3–7.

[4] Вилейко С.Л. 1812 год: партизанская и народная война // Война 1812 года: события, судьбы, память. Витебск, 2012, с. 128–132; Бережинский В.Г., Горелов В.И. Тактика войсковых партизанских отрядов в Отечественной войне 1812 г. // там же, с. 132–136; Кутырева О.С. Француз боек — да партизан стоек! // там же, с. 136–138.

[5] Бычков Л.Н. Крестьянское партизанское движение в Отечественной войне 1812 г. М., 1954, с. 27–28; Бережинский В.Г., Горелов В.И., с. 132.

[6] Корнейчик Е.И. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 г. Минск, 1962, с. 33–34; Краснянский В.Г. Минский департамент великого княжества Литовского. СПб., 1902, с. 47–48; Вилейко С.Л., с. 130.

[7] Корнейчик Е.И., с. 35; Сборник РИО. Том 139. СПб., 1912, с. 73; 1812–1814. М., 1992, с. 78.

[8] Корнейчик Е.И., с. 36–37; Попов А.И. Генерал Вандам в России // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 1999, с. 75–77.

[9] Корнейчик Е.И., с. 40–41; Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Том XXXVII. Вильна, 1912, с. 210, 215-16, 224, 229.

[10] Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Том XIV. СПб., 1910, с. 24; Сб. РИО. Том 139, с. XVI, 6, 9, 10, 139; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3585. Л. 9–10 об.

[11] ВУА. Том XIV, с. 24, 30, 37–38, 48, 49, 54, 58, 63, 66–67, 93–94.

[12] РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 3585. Л. 5–6.

[13] Бычков Л.Н., с. 28; Корнейчик Е.И., с. 60, 72; Краснянский В.Г., с. 49–50; Iwaszkiewicz J. Litwa w roku 1812. Kraków — Warszawa, 1912, s. 248.

Капитан А. Бялковский вспоминал, что польские солдаты «начали втолковывать тамошним крестьянам плохо понятую вольность. Они сказали им, что в герцогстве Варшавском введены принципы свободы, заключающиеся в том, что холоп является равным своему помещику. Холопы, пользуясь присутствием наших войск, напали на двор своего барина (мстя ему за особые обиды) и вырезали всю семью. Естественно, что такое убийство не могло избежать заслуженной кары. Упомянутые крестьяне были схвачены, отданы под суд и расстреляны в Могилеве» (Bialkowski A. Wspomnienia starego żołnierza. Gdynia, 2003, s. 154).

[14] Попов А.И. «Летучий корпус» генерала Ф. Винцингероде в 1812 г. М., 2011, с. 13, 18–19.

[15] Краснянский В.Г., с. 46, 48; Бычков Л.Н., с. 22; Корнейчик Е.И., с. 60–61, 71; Iwaszkiewicz J., s. 247.

[16] Корнейчик Е.И., с. 61–62; Вилейко С.Л., с. 130–31. Некто Червяков соврал, будто помимо отряда Винцингероде, «к Витебску приближались и крестьянские дружины» (Червяков Д. Партизанские отряды в Отечественной войне 1812 г. // ВИЖ. 1941, № 6-7, с. 52–53).

[17] Попов А.И. «Летучий корпус» генерала Ф. Винцингероде, с. 21–23.

[18] Бычков Л.Н., с. 57; Корнейчик Е.И., с.. 64-66; Вилейко С.Л., с. 131.

[19] ВУА. Том XVIII, с. 103; Поликарпов Н. Серые герои Отечественной войны 1812 г. // Тысяча восемьсот двенадцатый год. 1913, № 11-12, с. 417–418; Левшин А.Г. Партизаны в Отечественную войну. М., 1912, с. 16; Бабенышев П. Донские казаки в войне 1812 г. Ростов-на-Д., 1940, с. 63; Игнатович И.И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX в. М., 1963, с. 95.

[20] Бычков Л.Н., с. 28, 59; Корнейчик Е.И., с. 75; Вилейко С.Л., с. 132.

[21] Корнейчик Е.И., с. 44–46.

[22] Барер И. Война 1812 года // «Исторический журнал», 1937, № 8, с. 47–56; Бычков Л. Война 1812 года и крестьянство России // там же, с. 58–70; он же. Крестьянское партизанское движение против нашествия Наполеона в Россию в 1812 г. // «Исторический журнал», 1938, № 10, с. 61–73.

[23] Сб. РИО. Том 139, с. XVI.

[24] Партизаны и народная война в 1812 г. // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы. Можайск, 2000, с. 172–207; Партизаны 1812 г. // Исторические исследования. Вып. 3. Самара, 2000, с. 73–93; О классовой борьбе крестьянства в 1812 г. // Самарский исторический ежегодник. Самара, 2000, с. 7–19; О народном характере Отечественной войны 1812 г. // Воинский подвиг защитников Отечества. Ч. 2. Вологда, 2000, с. 68–88; Великая армия в России: погоня за миражом. Самара, 2002, с. 102–117, 324–325; Белорусский эксперимент Бонапартия // «Родина», 2002, № 8, с. 36–39; Классо-

вая борьба и патриотизм крестьянства в 1812 г. // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Том 11. № 6, с. 43–51; Добрые поселяне // «Родина», 2012, № 6, с. 17–22.

[25] Агееў А.Р. Партызанскі рух 1812 года на Магілёўшчыне: анамалія ці заканамернасць? // Война 1812 года: события, судьбы, память. Витебск, 2012, с. 138–141; Агеев А.Г. Партизанское движение 1812 года на территории Беларуси в интерпретации историографии XXI столетия // Отечественная война 1812 года в судьбах народов России и Беларуси. Минск, 2012, с. 6.

Примечание

А.И. Попов не знаком с книгой А.Е. Тараса «1812 год – трагедия Беларуси» (248 страниц), вышедшей в 2012 г. двумя изданиями (в июне и в августе), общим тиражом 3200 экз. Кроме того, ее опубликовал российский журнал «Военно-исторический архив» (начиная с № 7 за 2012 год и кончая № 4 за 2013). В этой книге есть раздел, который называется «Мародерство и сопротивление ему». Там сказано:

«Однако принципиально неверно выдавать стихийное сопротивление крестьян грабежам и реквизициям за антифранцузское народное движение, как это делает, например, Елена Филатова». (...) В западных губерниях не существовало партизанского движения как формы борьбы гражданского населения против оккупантов» (с. 173).

ДОБАВЛЕНИЕ «В ТЕМУ»

Небольшая книга «Правда о войне 1812 года» российского автора Евгения Понасенкова, изданная в 2004 г. (текст имеется в Интернете), вызвала ожесточенные споры. Некоторые российские «ура-патриоты» поспешили обвинить автора в «подрыве основ». Ниже мы приводим интервью с Е. Понасенковым.

Вопрос. **Почему вы подвергли сомнению такую вроде бы безусловную вещь, как поражение Наполеона?**

Ответ. С военной точки зрения в 1812 году победили французы – ибо нанесли русским поражение во всех главных битвах (Смоленск, Бородино, Малоярославец), а с точки зрения политической и экономической выгоды победила Англия. Для России это катастрофическое поражение по всем статьям: в зоне военных действий помещики лишились усадеб, крестьяне – домов.

Тактика бездарного русского командования была такова: если сражаться не умеем, всё уничтожим! Торговля остановилась, что означало крах купечества. Выиграли от войны, может быть, только православные священники: они вдруг вошли в моду... Но на территории, занятой наполеоновской армией, большинство священников присягнули Наполеону. Точно так же они вели себя во время ордынского ига (молились за хана 300 лет).

Вопрос. **Каковы тогда были цели Наполеона в кампании 1812 года, зачем он вообще сюда полез? Имелось ли в виду покорение России?**

Ответ. К 1812 г. сам Александр I уже поработал агрессором дважды: в 1805 г., когда он пошел на Францию и русских солдат погнал через всю Европу, после чего Наполеон погнал их обратно и уничтожил под Аустерлицем. И в 1807 г., когда Александр вновь повел свою армию во Францию, но его развернули под Фридландом.

В сделанных за колоссальные деньги из нашего кармана агитках на телеканалах не сообщают, что «народное ополчение» царь созвал не в 1812 г., а еще в 1806-м, чтобы идти на Францию! И тогда православный царь обманул дворян: после войны в 1807 г. им их рабов не вернули, а заковали в рекруты на 25 лет! Дальше Александр приказал Синоду отлучить католика Наполеона от православной церкви (!), что тот немедленно исполнил, объявив Наполеона «жидовским лжемессией». Наполеону же был нужен только мир с Россией: между двумя странами не было геополитических противоречий.

Юбилействующие потомки ведь не знают, что Англия платила Александру по 1250 фунтов стерлингов за каждую сотню русского «пушечного мяса», а это для феодальной монархии, которая не умеет зарабатывать, было выгодно. Из зависти к Наполеону Александр сделал из своего народа биологический сырьевой придаток, торгуя солдатами!

Напомню: ради мира Наполеон не преследовал разбитые остатки русской армии ни после Аустерлица, ни после Фридланда.

Если бы он хотел идти на Москву – у него был идеальный шанс в 1807-м: он стоял на Немане, куда его привел Александр, а русская армия была небоеспособна! Но Наполеон предложил заключить союз. Он не только не наложил на царя-агрессора контрибуцию, но и подарил Белостокскую область, закрыл глаза на захват Финляндии, Молдавии и Валахии. За эти подарки Александр даже наградил «антихриста» орденом Святого Андрея Первозванного, снял анафему, расцеловал на плоту в Тильзите. Наполеон был счастлив и написал в Париж, что теперь можно будет расслабиться.

Но не тут-то было: Александр в тот же день с шизоидной энергией начал сколачивать новую армию. Он увеличил расходы на оборону с 63,4 до 118,5 млн рублей! В стране начался финансовый кризис. Кстати, фактически Россия продолжала торговать с Британией: просто товары провозились под флагами нейтральных государств. Наполеон это знал, жаловался в переписке, но ничего не мог поделать. Чтобы получить деньги на новую агрессию, Александр в 1810-м продал в крепостное рабство 10.000 государственных крестьян.

В итоге уже в 1810-м, когда Наполеон еще мечтал о союзе, Александр выставил на границе три армии! А 27 и 29 октября 1811 г. подписал «повеления» о начале глубокого наступления в Европу! Только трусость прусского короля, который не хотел еще раз пускаться в авантюру войны с Наполеоном, остановила царя.

В 1812-м, испробовав все средства сохранить мир, Наполеон был вынужден начать кампанию – глубокое вторжение на осень не откладывают. Ему нужен был лишь приграничный бой, чтобы Александр следовал своей же подписи под Тильзитским трактатом. Но православный царь отважно убыл из армии в Петербург и издалека наблюдал, как русская армия храбро отступает. Вдумайтесь: 24 июня – переход Немана, а 14 сентября – вступление Наполеона в Москву. Между ними – более 900 км, значит, русская пехота и артиллерия умудрились «маневрировать» со скоростью в среднем 11 км в сутки (это по лесам и болотам!).

Вопрос. **И в талантах Кутузова вы тоже сомневаетесь?**

Ответ. Помещики теряли имения, и начался ропот. Александр, чтобы они не ругали «немца» Барклая и реально виноватого во всем царя, устроил назначение классово им родного владельца 5567 крепостных Кутузова.

О его талантах: он был хорошим офицером под началом Суворова, затем носил кофе в постель молодому любовнику Екатерины Платону Зубову (за что получил ди-

ректорство Шляхетского корпуса и командование в Финляндии), а вот в роли командующего все его достижения сводятся к поражению в обоих генеральных сражениях: под Аустерлицем и под Бородино, причем у Кутузова в обоих случаях был численный перевес, при Бородино он находился в укрепленной позиции — и все равно умудрился потерять, обороняясь, больше, чем наступающий неприятель, отступил и сдал Москву!

В городе он оставил более 20 тыс. русских раненых, которые заживо сгорели в пожаре, устроенном лубочным «патриотом» генерал-губернатором Ростопчиным.

Вопрос. **Почему, по-вашему, Наполеон ушел из Москвы?**

Ответ. Наполеон 36 дней жил в Москве – и его никто (!) не тревожил; он бы так жил до горбачевской оттепели, но есть было нечего (как и русской армии, кстати), и он ушел. По ходу дела нанес поражение Кутузову еще и под Малоярославцем. За все время отхода Наполеона Кутузов ни разу не вступил с ним в бой основными силами. У нас любят говорить о потерях в армии Наполеона, но забывают, что из Тарутино Кутузов вывел 130 тысяч, а в Вильно привел 27 тысяч – это при 90 % небоевых потерь! Мороз и голод ведь никого не различают!

Вопрос. **Действительно ли русские массово переходили на сторону захватчика и присягали ему?**

Ответ. Мне удалось выяснить, что крестьяне Волоколамского, Серпуховского, Коломенского, Покровского уездов Московской губернии заявили, что «Бонапарт – в Москве, стало быть, он наш государь». У них не было не то что понятия родины (они с географией незнакомы), но и понятия «малая родина» – их ведь часто продавали без земли и отдельно от семьи! Потому никто и не встал «на защиту царя и Отечества». Вдумайтесь: на исконно русскую территорию вступили всего 160 тысяч французов – два раза по митингу на Болотной площади! Где же «дубина народной войны»?

Байку про «отечественную войну» придумал Николай Палкин к 25-летнему юбилею: реформы буксовали, и ему была необходима патриотическая атака на население. Мне самому стоило многих лет труда осознать, что в 1812 году параллельно с локальной кампанией Наполеона (узкая полоска вдоль Смоленского тракта) в стране развернулась настоящая крестьянская война, которая охватила 32 губернии! А теперь мы празднуем всё это, тратя 2,4 миллиарда рублей из кармана потомков тех, кого власть, простите, поимела.

Вопрос. **Как быть с Толстым? Была ли действительно «наложена рука сильнейшего духом противника», независимо от результата конкретного сражения?**

Ответ. Давайте не смешивать синее с квадратным: если вы хотите поразмышлять о философии Толстого, я предложу обсудить Мопассана и Моэма. Наука история – отдельно, беллетристика – отдельно.

Вопрос. **Что «вам было» за вашу монографию?**

Ответ. Здесь парадокс: я начал публиковать свои исследования, будучи еще студентом истфака МГУ, и ко мне стали подходить педагоги: «Ты все правильно выяснил, но зачем всех подставлять такими публикациями, пиши в стол!»

Несколько позже я обнаружил неожиданную поддержку от тогдашнего директора Института российской истории РАН Андрея Николаевича Сахарова. Он даже в телеинтервью заявил, что в моей монографии «все правильно». И сегодня многие ученые признают мои выводы.

Часть II
О НАШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

ЛИТВА ИЛИ БЕЛАРУСЬ? ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Владимир Егоров,
историк и лингвист

Письмо автора редактору альманаха

Добрый день, Анатоль!

Высылаю Вам статью для «Дедов». Наверное, Вы опять скажете, что она злая. Может быть, но, поверьте, честное слово, злость берёт, когда читаешь опусы доморощенных историков и лингвистов. Нельзя, недопустимо широко публиковать такое! Этому необходимо как-то противодействовать, и мои заметки – попытка хоть какого-то, в меру моих сил, противодействия.

Если решите статью публиковать, то, умоляю, не правьте нормальные русские слова на ваш ужасный сленг. Лучше не публикуйте вообще. Да, впрочем, Вы и сами, прочитав мои заметки, поймёте, что исправление в них всего белорусского на «беларуское», а литовского на «летувисское» просто приведёт к потере смысла самой статьи.

С уважением, Владимир Егоров

***

Исчезновение Советского Союза с политической карты мира породило целый ряд новых суверенных европейских и азиатских государств. Но как-то незаметно наряду с ними объявилось новое, если считать новым хорошо забытое старое, государство на исторической карте средневековой восточной Европы – Великое княжество Литовское (далее ВКЛ). Не то чтобы о нём совсем не было известно, но историческая наука СССР существование такого государства по возможности обходила молчанием, по принципу «не буди лихо, пока тихо». Лиха было целых два.

Во-первых, ВКЛ не находилось места в официальной советской исторической доктрине; само его существование не вписывалось в тот благостный сценарий «объективно необходимого и исторически прогрессивного» собирания Москвой русских земель, что рисовали советские учебники истории.

Во-вторых, как показало время, признание существования ВКЛ вряд ли способствовало бы поддержанию мира и спокойствия в «братской семье народов». Действительно, долго дремавшее и разбуженное распадом СССР с сопутствую-

щим крахом советских идеологических доктрин и исторических концепций подспудное лихо сразу проявилось спором между Литвой и Беларусью об истоках ВКЛ и перетягиванием на себя его исторического наследства.

Эти заметки – взгляд со стороны на этот любопытный спор, взгляд ни в коем случае не судьи, а лишь стороннего наблюдателя, им заинтересовавшегося, но в нём не заинтересованного. Соответственно, цель заметок – не вынесение вердикта о правоте или неправоте сторон по существу спорного вопроса, а всего лишь сторонняя оценка отдельных привлёкших внимание автора аспектов спора и аргументации сторон. Она никого ни к чему не обязывает и вообще имеет смысл только в том случае, если дискутирующие стороны объективно заинтересованы в поиске истины и готовы прислушаться к мнению если не второй, то хотя бы третьей стороны.

Суть диспута, как она видится извне, заключается в вопросе, чьим историческим предшественником было ВКЛ, Беларуси или Литвы, и, соответственно, кто обладает правом на его историческое наследие. Этот основополагающий вопрос дискутируется по нескольким направлениям, среди которых доминируют, пожалуй, два: на белорусской или литовской территории возникло ВКЛ, и были ли, условно говоря, литовцами или белорусами его князья-основатели.

Также в двух аспектах проявляется своеобразие этого спора. *Во-первых,* он ведётся не только и даже не столько учёными историками, сколько, если так можно выразиться, широкой общественностью в средствах массовой информации, то есть журналистами и просто любителями истории. *Во-вторых,* в этом споре обе стороны стараются доказать не только и не столько свою правоту, сколько свой патриотизм и практически одними и теми же аргументами.

***

Позиция литовской стороны внешне выглядит простой. Литовцы говорят, что их страна сохранила своё историческое название «Литва», её нынешняя столица (Вильнюс) была также и столицей ВКЛ, а литовцы так и остались литовцами. Следовательно, Литовская Республика и есть прямая историческая наследница ВКЛ.

Белорусы тоже апеллируют к столицам ВКЛ и утверждают, что все известные столицы ВКЛ – Новгородок (ныне Новогрудок), Городня (Гродно) и Вильня (Вильнюс) – стоят на исконно белорусских землях, а их названия имеют очевидные славянские этимологии. Что касается этнонима «литва», то во времена возникновения ВКЛ он относился к предкам не современных литовцев, а нынешних белорусов, так как летописная литва была не литовской в нынешнем понимании, то есть восточнобалтской, а какой-то иной, западнобалтской, чаще всего на эту роль предлагаются ятвяги (судавы).

На этом пунктике белорусская сторона породила термин «летувисы» для обозначения современных жителей Литвы. Цель порождения этого языкового перла, о котором речь пойдёт ниже, очевидна: чтобы, не дай бог, не перепутать современных жителей Литовской Республики с аборигенами той давней Литвы, а заодно и обитателей ВКЛ, для которых в той же белорусской лексике утвердился термин «литвины» практически как синоним этнохорониму «белорусы».

А раз белорусы Беларуси и литвины ВКЛ — один и тот же народ, то Республика Беларусь и есть историческая наследница ВКЛ.

Далее, литовцы уверены, что князья-основатели ВКЛ были этническими литовцами и носили соответствующие имена. На литовских сайтах весьма популярна некая этимологическая таблица, объясняющая эти имена из современного литовского языка.

Белорусы, в свою очередь, утверждают, что, поскольку литва и её первые князья были этнически западными балтами, то имена у них тоже западнобалтские. Расхожий аргумент в пользу этого утверждения — отсутствие в зафиксированном летописями княжеском именослове ВКЛ окончаний на «-с», которые, по убеждению белорусских дилетантов-этимологов, обязательно должны присутствовать в «летувисских» именах.

Есть и ещё одно соображение в пользу западнобалтскости древней литвы — различная передача фрикативных согласных в именах функционеров ВКЛ древнерусским языком летописей и современным литовским языком. Здесь прослеживается типичное соответствие шипящим «ж» и «ш» современного литовского языка свистящих «з» и «с» древнерусских летописей.

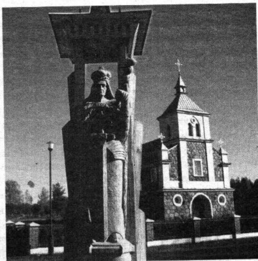
Памятник Витовту Великому в Летуве

Аргумент смотрится весомо, так как почему-то считается, что отсутствие шипящих свойственно именно западнобалтским языкам. Но на самом деле реальных оснований для такого утверждения нет. Из всех западнобалтских языков кое-какие данные о фонетике имеются только для прусского языка, самые ранние письменные свидетельства о котором относятся к XIV веку, когда прусский язык уже подвергся сильнейшему германскому влиянию.

Кроме того, вся прусская лексика дошла до нас в документах, написанных на нижненемецких диалектах, в которых не было шипящих. То есть, немцы-информанты при всём желании не могли передать используемой ими графикой звуки «ж» и «ш», даже если те были свойственны древнепрусскому языку. Не говоря уже о ятвяжском, на котором, по мнению белорусской стороны, говорили

князья-основатели ВКЛ и о фонетике которого вообще практически ничего не известно.

Как заметили ещё древние философы, большинство споров происходит не потому, что люди об одном и том же имеют разное мнение, а оттого, что одни и те же вещи называют разными именами, либо наоборот, разные вещи – одним и тем же именем. Поэтому прежде чем погружаться в глубь соседского спора, имеет смысл определить его предмет и основные фигурирующие в нём понятия. Заодно придётся разобраться с белорусским русским языком.

Памятник Витовту Великому в деревне Пелеса Вороновского района Гродненской области

ЗАМЕТКА О БЕЛОРУССКОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Что касается Литвы, то она с обретением независимости не поменяла своего названия: по-литовски по-прежнему называется Lietuva, по-русски, как и прежде, Литвой. Не изменилось и самоназвание литовцев, литовец называл и называет себя lietuvis, русские его называли и называют литовцем. А вот белорусы для своих оппонентов в споре за наследство ВКЛ придумали новые специальные словечки «Летува» и «летувис» как транслитерации собственных литовских названия страны и этнонима.

Как мы уже отмечали, цель этого словотворчества – однозначно разделить литовцев-«летувисов» сегодняшней Литвы-«Летувы» и литовцев-«литвинов» ВКЛ как этносы совершенно разные, лишь по историческому недоразумению имеющие в современном русском языке одинаковые названия. Поскольку здесь мы всего лишь определяем понятия, не будем углубляться в проблему этнической идентификации жителей ВКЛ Литвы и Беларуси, а только констатируем очевидную безграмотность продукта белорусского словотворчества.

Среди современных языков не так много осталось таких, кто сохранил окончания существительных в именительном падеже, литовский – один из них. Литовское lietuvis состоит из основы lietuv- и окончания единственного числа именительного падежа мужского рода -is, говорящего, в частности, о мягкости конечной согласной основы и близкого по своей функции русскому «ь». В литовском языке, флективном, как и большинство индоевропейских языков, при склонении это окончание изменяется по падежам и числам: lietuvio, lietuviui, ..., lietuviai, lietuvių и т.д.

И в русском, и в белорусском языках при грамотном заимствовании иностранных слов, имеющих окончание в именительном падеже, принято это окончание языка-донора отбрасывать, дабы позволить заимствованному слову склоняться по правилам языка-акцептора. Например, греческое Ἡρακλῆς перешло в русский язык как «Геракл» без греческого окончания именительного падежа -ης и, лишившись его, честно приобретает другие, русские, окончания в процессе склонения: Геракла, Гераклу и т.д. Аналогично латинский Spartacus стал у нас Спартаком, а не «Спартакусом».

В соответствии с этим правилом так же должны отбрасываться окончания именительного падежа заимствованных склоняемых литовских существительных. То есть, при заимствовании в русский язык, равно как и в белорусский, опять же речь идёт о корректном заимствовании, литовское lietuvis обязано превратиться не в «летувис», а в «льетувь» (с возможными вариантами «льетувль» и «льетувий»). Правда, поскольку в русском и белорусском языках этнонимы и этнохоронимы, то есть термины этнической и национальной принадлежности, редко употребляются без специфических формантов, для полной корректности к «летувь» следовало бы добавить соответствующий суффикс и получить, например, «льетувец». Собственно, именно так и получился давно прижившийся в русском языке этнохороним литовцев. А поскольку разница между «льетувец» и «литовец» слабо уловима, то, право слово, лучше не насиловать русский язык и оставить в нём литовцев традиционными и привычными литовцами. Если же очень хочется различать современных жителей Литвы и древних насельников ВКЛ, то представляется более разумным придумать отдельный термин не для первых, у которых в русском языке есть устоявшийся всем понятный этнохороним, а для вторых, если по каким-то причинам не устраивает широко применяемый для обитателей ВКЛ и вроде бы тоже прижившийся термин «литвин».

Попутно можно заметить, что объективно та же проблема окончаний именительного падежа, но с точностью до наоборот, стоит перед литовцами. И они её решают зеркально, добавляя соответствующее окончание именительного падежа к заимствованным словам, такого окончания не имевшим. Так русский Иванов в Литве становится Ivanovas вовсе не из-за вредности литовцев, которым обязательно хочется искорёжить русскую фамилию, а просто потому, что иначе они не могли бы её склонять в родном языке. Слово Ivanov в литовском несклоняемо, но Ivanovas нормально склоняется по первому литовскому склонению: Ivanovo, Ivanovui и т.д. А вот женский вариант той же фамилии «Иванова» подпадает под парадигму второго литовского склонения в своём оригинальном виде и поэтому переходит в литовский язык без всяких изменений: Иванова в литовском остаётся Ivanova и склоняется Ivanovos, Ivanovai и т.д.

Проблема заимствования склоняемых имён существовала испокон века и во всём мало-мальски цивилизованном мире решалась именно таким образом. Так, германское имя Ludwig перешло в латынь в форме Ludovicus, получив окончание -us, чтобы склоняться по правилам латинского языка: Ludovici, Ludivico и т.д. Когда поздняя вульгарная латынь утеряла склонение существительных, все эти добавленные окончания отпали за ненадобностью, и во всех современных романских языках это имя уже фигурирует без них: Luigi /Луиджи/ в итальянском, Luis /Луис/ в испанском, Louis /Луи/ (с непроизносимым «s» на конце)

во французском. Кстати, в русский язык латинизированная версия этого имени перешла в форме именительного падежа «Людовик» тоже без окончания -us.

Затронув эту тему, нельзя не отметить, что древние обитатели современных Беларуси и Литвы были куда грамотнее нынешних. Двуязычные правители ВКЛ пользовались не только разными языками, но и разными вариантами своих имён в зависимости от языка, на котором общались со своими подданными. Они осознавали, например, что балтской форме именительного падежа имени Gediminas соответствует славянская форма «Гедимин», балтскому родительному падежу Gedimino — славянский родительный «Гедимина», балтскому дательному Gediminui — славянский дательный «Гедимину», и так далее. Поэтому в летописях ВКЛ, грамотно писанных русским языком (сами летописцы ВКЛ называли его «руским», а нынешние белорусы любят называть «старобелорусским»), Гедимин всегда был Гедимином, а не каким-то там «Гедиминасом», а литовцы — литовцами, а не какими-то «летувисами», какой бы смысл ни вкладывался ими в понятие «литовец».

В случае Белоруссии вопрос, изменилось ли название белорусского государства в русском языке, оказался не столь непростым. Белоруссии нет в списке переименованных государств русскоязычной Википедии. Но если БССР, то есть республику в составе СССР, чаще всего называли по-русски Белоруссией, то с обретением независимости сами русскоязычные белорусы стали называть свою страну, оставшуюся строго в границах БССР и сохранившую политическую преемственность с БССР, включая членство в ООН, исключительно по-белорусски «Беларусь». Это собственно белорусское название, получившее официальный статус, можно считать прижившимся и в русском языке, даже спеллеры его заглатывают без всякой отрыжки.

Тем не менее, традиционно в русском языке страна называлась Белоруссией, и изменение статуса государства вовсе не требует обязательного изменения его традиционного названия, даже несмотря на неприлично настойчивые требования белорусской стороны. Прецеденты говорят против этого. Например, Польша и Финляндия некогда были в составе Российской империи, но и после отделения от России названия этих стран в русском языке не изменились. То же самое относится к другим бывшим республикам СССР, той же Литве в частности.

Этнонимы и этнохоронимы в разных языках складывались исторически поразному, и в мировой практике они не обязательно в точности копируют автоэтнонимы и автохоронимы. Финны называют свою страну Suomi, однако мы зовём её Финляндией и в этом не одиноки: у англичан и немцев она — Finland, у французов — Finlande. Немцы называют свою страну Deutschland, мы — Германией, французы — Allemagne. Примеры можно множить бесконечно. Практика настолько обычна и общепринята, что даже поляки, редко упускающие возможность предъявить России претензию по любому поводу, не требуют, чтобы мы называли Польшу «Польска».

И ладно бы, если бы дело было только в названии страны. Коли белорусам это так трепетно необходимо для национального самоутверждения, можно пойти им навстречу и называть Белоруссию Беларусью. Настоящая беда не в этом. Во многих, очень многих читанных мной белорусских публикациях на рус-

Памятник Миндовгу в Друскениках

ском, подчёркиваю, русском языке наряду со словом «Беларусь» повсеместно встречаются слова «беларус» и «беларуский» и исключительно в таком виде: в обоих словах через «а» и с одним «с» в прилагательном. Обоснование этой вопиющей и, к сожалению, навязчивой безграмотности прямо-таки по-детски простое: так эти слова пишутся по-белорусски. Но ведь речь-то не о белорусском, а о русском языке! Разумеется, белорусы имеют право писать по-белорусски так, как считают нужным, и вряд ли одобрят сознательное коверканье их родного языка иностранцами. А вот коверкать русский язык они почему-то считают возможным и даже обижаются, когда им в этом «праве» отказывают.

Здесь, правда, есть нюанс. В Республике Беларусь русский язык не иностранный, а один из двух государственных. Вот только непонятно, какой русский язык имеется в виду. Конституция Беларуси этого не уточняет: «Государственными языками в Республике Беларусь являются белорусский и русский языки» (статья 17). Коротко и неясно, хотя язык всё-таки, заметим, в русском тексте конституции страны — «белорусский», а не «беларуский»!

В принципе можно говорить об особом белорусском русском языке, который может отличаться, в деталях или даже очень существенно, от российского русского языка. Например, в моём компьютере есть 18 (!) спеллеров английского языка, то есть можно утверждать, что в мире имеется 18 разных английских языков (великобританский, американский, австралийский, индийский и пр.). Но при отсутствии специальной оговорки конституция Беларуси вроде бы не подразумевает какой-то особый белорусский русский язык. Да и зачем он Беларуси? Нормирование и кодификация языка — сложное, хлопотливое и недешёвое дело. Куда ни шло, если речь только о частностях, например, введённая указом президента Беларуси норма всегда писать слово «Президент» с прописной буквы. В конце концов, это всего лишь вопрос внутрибелорусского чиновничьего письменного этикета. В дореволюционной России до отделения церкви от государства была схожая восходящая к Библии норма всегда писать с заглавной буквы слово «Бог».

Другое дело, когда в белорусском русском новоязе меняются правила грамматики, в частности специально для слов «белорус» и «белорусский» вместо соединительной гласной «о» ни с того, ни с сего появляется отсутствующая в русском языке в этой функции «а», а из суффикса «-ск-» исчезает долженствующее там присутствовать «с». Причём в другом аналогичном прилагательном новояза «летувисский» повсеместно двойное «с» сохраняется! То есть фактически одновременно с введением «правила» здравый смысл тут же его дезавуирует.

Ей-богу, трудно понять, зачем Беларуси лишняя головная боль с собственным русским языком, новыми правилами и исключениями из них? Не разумнее ли выучить русский язык, как он есть, и сосредоточить усилия на своём родном, тоже государственном, в котором продолжается давнее противостояние официальной нормы с «тарашкевицей», при том что большей части населения это противостояние «по барабану», и оно вполне обходится ненормированной «трасянкой» и ненормативной русской лексикой.

ЗАМЕТКА О ЛИТОВСКИХ ЭТИМОЛОГИЯХ

У Литвы в борьбе за наследство ВКЛ есть аргумент, выставляемый литовской стороной как козырной, — этимология имён первых литовских князей, известных нам из летописей. Эта этимология есть в Интернете на нескольких литовских сайтах, она везде одинакова и, безусловно, имеет один источник. К сожалению, этот первоисточник мне определить не удалось, поэтому в дальнейшем буду пользоваться информацией из таблицы, размещённой на русскоязычной страничке сайта «Средневековая Литва» одного профессионального литовского историка*. В этой таблице даётся «этимология двухосновных личных имен наиболее известных деятелей средневековой Литвы».

Вот мы и пробежимся по некоторым из этих двухосновных имён, только говорить будем всё-таки не об основах, которые на самом деле в полном виде просматриваются в означенной таблице скорее как исключение, а о компонентах составных имён.

Памятник Миндовгу в Новогрудке

*(http://viduramziu.istorija.net/ru/names.htm)

Первым в составленном по алфавиту перечне стоит имя Algirdas, летописное «Ольгерд». Оно объясняется через современные литовские alga — «вознаграждение» и girdas — «слух, известие», из которых почему-то конструируется значение имени «известный вознаграждением». Но, во-первых, первый компонент имени Ольгерда, строго говоря, не alga-, а al-, что, правда, можно объяснить элизией: Algagirdas → Algirdas. Во-вторых, girdas — это «слух» (в таблице приводится и однокоренной глагол girdėti — «слышать»), в крайнем случае «известие», а не «известность». То есть на самом деле должно получиться скорее «слух о вознаграждении» или «вознаграждённый известием». В-третьих, есть ли вообще смысл даже в словосочетании «известный вознаграждением», не говоря уже о «слухе о вознаграждении» или «вознаграждённом известием»? Я его, если честно, не улавливаю и не поверю, что нашлись бы родители, способные так назвать своего ребёнка.

Похожая история с именем Vaišalgas (Войшелк), в котором из vaišės —«угощение» и всё того же alga вдруг получается столь же лишённое смысла «вознаграждающий гостеприимством». Комментарий в таблице поясняет, что взятое казалось бы с потолка гостеприимство, по-литовски vaišingumas, имеет тот же корень vaiš-, вот только остаётся непонятным, куда в имени Vaišalgas делись его многочисленные суффиксы.

Та же картина со следующим по очереди именем Gediminas (Гедимин). Вместо ожидаемых компонентов gedi- и -min нам подсовывают gedauti — «тосковать» и mintis — «мысль» опять с явно лишними добавками в основах gedau- и mint-. Окончательно добивает предлагаемое в таблице значение имени вовсе не «тоскующая мысль» или «мыслящая тоска», а почему-то «стремящийся мыслить» без всяких пояснений. Остаётся только догадываться о подоплёке подмены, ведь «тоскующий по мысли» — это... получается что-то вроде недоумка. Впрочем, если честно взять исходные компоненты и не модифицировать их искусственно, то итог выйдет ничуть не лучше, ибо по-литовски корень gėd- встречаем в слове gėda — «стыд, позор», а корень min- в глаголе minti — «топтать». Может быть для второго компонента чуть получше выглядит иная возможная этимология из minia — «толпа» с тем же корнем min-, но мягкой конечной согласной.

Имя Butautas (Бутовт) объясняется через butis — «бытие» и tauta — «народ» с опять неожиданной итоговой конструкцией «необходимый народу». Здесь так же, как и ранее, на самом деле для толкования имени взято не слово butis, а производное от того же корня прилагательное butinas — «необходимый», которое в имени не очень-то проглядывается. Так что, если по-честному, получаем невнятное «бытие народа», либо с чуть большим смыслом, но с некоторой натяжкой предложенное «необходимый народу».

Тот же компонент butis — «бытие» мы видим в имени Butividas (Будивид) вместе с толком не объяснённым компонентом vid-. Для этого vid- таблица предлагает глагол, причём в третьем лице перфекта išvydo — «увидел». Перфект здесь видимо понадобился потому, что и в литовском инфинитиве išvysti, и в основе презенса išvyst- этого глагола никакого vid-, извините за невольный каламбур, не видно. Без явно лишней приставки iš- тоже ничего не выходит, так как инфинитив vysti имеет вообще другое значение — «вянуть». То есть вновь всё шито бе-

лыми нитками, а сшитым выходит весьма оригинальное предлагаемое толкование – «тот, кого необходимо увидеть». Ну и имечко!

То, что фантазии автору табличных этимологий не занимать, хорошо демонстрирует объяснение имени Dausprungas (Довспрунг) как «много сопротивляющийся» из литовских daug – «много» и sprangus – «трудно проглатываемый»! На фоне того, что «много трудно проглатываемый» вдруг превратился в «много сопротивляющегося», уже не до таких мелочей, как куда-то пропавшая согласная в daug и непонятная метатеза (перестановка гласных) в sprangus. И вновь не могу поверить, что родители в здравом уме могут дать такое имя своему сыну.

Однако не надо думать, что всё в рассматриваемой таблице – полная ерунда. Некоторые имена в ней действительно имеют вполне разумное объяснение из литовского языка. Например, этимологизация имени Mindaugas (Миндовг) из mintis – «мысль» и daug – «много» не только корректна чисто формально, но и полноценна семантически. Действительно, mintdaug превращается в mindaug с учётом того, что балтские языки не знают удвоения согласных (кстати, эту особенность унаследовал у них белорусский язык), из-за чего от стоящих рядом «t» и «d» вследствие ассимиляции с последующим исключением удвоения остаётся только «d». А что касается смысла этой конструкции, то балтское имя «Миндовг» вполне синонимично известным средневековым славянским княжеским именам «Болемысл» и «Осмомысл».

В историю вошли три сына Ольгерда с именами, вторым компонентом которых был «-гайло» (-gaila): Ягайло (Jogaila), Мингайло (Mingaila) и Свидригайло (Švitrigaila). Следует признать, что первые компоненты всех трёх имён действительно имеют разумные литовские этимологии: joti – «ехать верхом», minti – «мыслить», švitrus – «быстрый, ловкий». Хуже с общим вторым компонентом. Предлагаемое объяснение через galià – «сила, мощь» можно было бы с натяжкой принять, хотя «галя» (с ударением на втором слоге) и «гайла» (с ударением на первом) всё же звучат по-разному и не очень-то похоже. Но принимать его не хочется, поскольку в литовском языке есть умалчиваемое таблицей слово gaila – «жаль, жалко, прискорбно». Конечно, это звучит не так красиво, как «сила» и «мощь», но и тут можно было бы прибегнуть к проверенному методу автора таблицы и воспользоваться суффиксальными производными от того же корня: gailestis – «жалость, милосердие» или gailestingas – «сострадание». Но, увы, смысл от этого всё же проиграет.

Из приведённого краткого обзора можно сделать вывод, что имена князей ВКЛ действительно частично этимологизируются из современного литовского языка, но, следует признать, лишь частично: что-то – да, что-то – нет. А как быть с тем, что нет?

ЗАМЕТКА О ГЕРМАНСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЕ

Это может показаться неожиданным, но многие компоненты имён средневековых литовских князей гораздо лучше этимологизируются из готского или, обобщая, древнего восточногерманского, а не из балтских языков, в частности литовского. Однако прежде чем перейти к готским этимологиям, необходимо сделать пару технических замечаний по передаче готской лексики.

Оригинальную письменность готского языка на основе греческой азбуки – алфавит Ульфилы IV века – никто практически не использует из-за вычурности и отсутствия соответствующих общедоступных шрифтов. На Западе любители готского языка обходятся тривиальной латиницей с добавлением нескольких буквосочетаний и символов древнегерманского алфавита. В России таких любителей практически нет.

К тому же эти заметки не специальный труд по лингвистике, они рассчитаны на широкий круг читателей, поэтому в дальнейшем тексте для передачи готской лексики используется простая латиница без дополнительных букв и буквосочетаний, пусть даже в ущерб фонетике, тем более что точного звучания давно мёртвого готского языка всё равно никто не знает.

Существительные в готском языке, как и в литовском, имеют обязательное окончание в именительном падеже. Этих разных окончаний довольно много, так как у каждого из трёх родов в готском языке есть по нескольку разных окончаний. Чтобы не затруднять восприятие и не затемнять смысл, далее готские слова переданы только своими основами.

Теперь можно перейти к готским этимологиям имён князей средневековой Литвы, начав с самых первых легендарных литовских князей Свинторога и его сына Геримунда, с которых ведётся традиция княжения в Литве.

Имя «Свинторог» в литовском передаётся как Šventaragis, то есть «праздничный рог». Абстрактно этимология не лишена смысла. Конкретно говорить труднее – неизвестно, трубили ли жрецы языческой Литвы в рога, и ходил ли вкруговую рог с каким-нибудь священным хмельным напитком во время праздников, но в принципе ни то, ни другое исключить нельзя. О применимости словосочетания «Праздничный Рог» в качестве имени к отпрыскам княжеского рода предоставляю судить читателю.

Теперь примерим к Свинторогу готскую альтернативу. Для первого компонента имени «свинт-» в готском есть абсолютно точная этимология swint – «сильный, здоровый», swinti – «сила, мощь». Для компонента «-рог» возможны два толкования. Во-первых, из готского rag(in) «правление, господство, власть», чей скандинавский аналог ragn также является компонентом хорошо известной этимологии Ragnvald для летописного полоцкого князя Рогволода. Второе толкование связано с древними ругами (ру́гами), историческими обитателями балтийского Поморья, непосредственными соседями западных балтов и близкими родственниками го́тов.

В упомянутой выше таблице литовских этимологий имени «Геримунд» нет, и мне не удалось подыскать для него удовлетворительное объяснение из литовского языка. Зато готское объяснение для Геримунда лежит, что называется, на поверхности: ger – «копьё» с вариантом heri – «войско» и mund – «защита».

Как мы видели ранее, литовская этимология для имени «Ольгерд» «известный вознаграждением» не отличается глубоким смыслом и убедительностью объяснения, зато готская даёт очень хорошее толкование из al – «весь, всеобщий» и gerdi – «пастух, пастырь», либо, хотя и менее вероятно, gerda – «очаг, домашний очаг, дом».

Можно также рассмотреть готскую альтернативу компоненту «-гайло» в именах Ягайло, Мингайло и Свидригайло – многозначное готское gail – «весёлый,

радостный», а также «гордый, заносчивый». Если принять её, то вслед за ней придётся признать возможность не только чисто германских или чисто балтских, но и смешанных балтско-германских имён правителей летописной Литвы и ВКЛ, в которых балтизированные германцы к традиционным древним, но уже утерявшим для них смысл германским компонентам примешивали более актуальные и понятные им балтские.

Очень интересно рассмотреть с этимологической точки зрения имя великого литовского князя Витовта. В упомянутой выше таблице оно передаётся по-литовски как Vitautas с объяснением «видимый народом» через всё то же за уши притянутое išvydo – «увидел», из которого к тому же в имени осталась-то всего одна буква (!) «V», и tauta – «народ». Закроем глаза на постоянные натяжки, на очередную бессмыслицу словосочетания «видимый народом» и обратим внимание на то, что в польском языке это имя передаётся как Witold, очевидно германское по происхождению и имеющее известную этимологию «лесной владыка». Вновь о том, что имеет больший смысл, «видимый народом» или «лесной владыка», предоставляю судить читателю.

Проект памятника Ольгерду в Витебске

Если предположить, что именно имя Witold было родным германским именем князя, то оно при переходе в русский язык летописей ВКЛ, часто называемый белорусами также старобелорусским языком, лингвистически закономерно должно было превратиться в «Витоўт» (с полугласным «ў») из-за типичной для старобелорусского лабиализации «л» перед взрывной согласной и оглушения последней в конце слова. В противовес белорусскому, литовскому языку ничто не мешало заимствовать исходное имя «Витолд» без всяких фонетических изменений лишь с добавлением необходимого окончания, то есть в виде Vitoldas. Поэтому имеющая хождение в современном литовском форма Vitautas могла получиться при заимствовании имени не из исходного германского или польского, а только из старобелорусского языка. То есть, бессмысленный «видимый народом» Vitautas – никак не исконное литовское, а заимствованное и вполне осмысленное германское имя, причём заимствованное не прямо, а через белорусский язык: Witold → Витоўт → Vitautas. Попутно можно заметить, что русскоязычный вариант «Витовт» тоже производен от белорусского «Витоўт».

В качестве шутки, в которой, чем чёрт не шутит, быть может отыщется доля правды, можно было бы также предложить германскую этимологизацию вто-

рого компонента имени Довспрунг вместо не внушающей доверия рассмотренной ранее литовской. Действительно, немецкое Sprung — «прыжок, скачок» — точно соответствует искомому, да и значение комбинированного балтско-германского имени «много скачущий» («попрыгунчик»?) представляется куда более приемлемым, чем «много трудно проглатываемый».

Среди имён летописных деятелей средневековой Литвы встречаются откровенно германские. Например, в «Литовской метрике» есть такие имена должностных лиц Литвы XIV–XVI веков, как Гаштольд (XIV век), Кгастовт (XV век) и Кгаштолт (XIV век). Очевидно, что это одно и то же родовое имя, уже скорее фамилия, представители которой несколько веков служили родине. Появление в начале варианта «Кгастовт» дополнительной буквы «к» говорит о том, что к XV веку в старобелорусском языке звук, передаваемый в начале слова буквой «г», уже стал фрикативным, каковым остаётся и в современном белорусском языке. Поэтому для передачи начального взрывного согласного в старобелорусском стало широко использоваться буквосочетание «кг». Что же касается перехода «льд» Гаштольда в «вт» Кгастовта, то он полностью аналогичен рассмотренному выше для пары Witold → Витовт. Также интересны сами по себе неустойчивость лабиализации и колебания в написании между шипящим и свистящим, но сейчас для нас они несущественны. Гораздо существеннее то, что эта фамилия, изначально Гаштольд, хорошо объясняется либо готским Gastald — «жадный, корыстолюбивый», либо немецким Gestalt — «фигура, облик, образ». Заметим, в обоих случаях со взрывным согласным в начале слова.

Не знаю, готскому или немецкому варианту отдать предпочтение, но в любом случае происхождение фамилии германское. Всё же более вероятным представляется, что пришла она в ВКЛ с каким-то орденским немцем. Как-никак к XIV веку уже не один десяток лет граничило ВКЛ с Тевтонским орденом и активно взаимодействовало с ним не только на полях брани. Германское происхождение семейства прослеживается до самого последнего его представителя, Олбрехта Кгаштолта, имя которого тоже было немецким (древнегерманское Albrecht, с вариантом Olbrecht, из которого получилось верхненемецкое Ulbricht).

Но орденские тевтоны — это относительно поздно. А допустимо ли говорить о каких-то германцах в «доорденской» предыстории ВКЛ применительно к его началам и самым первым владыкам?

Среди белорусских историков, похоже, доминирует убеждение, что начальная литва как этнос была ятвяжской, что государство Литва возникло на земле ятвягов, а его ядром была историческая Ятва, располагавшаяся где-то на пограничье современных Беларуси и Литвы. В этой связи нельзя не обратить внимания на то, что по-литовски «Ятва» — Jotva, а «ятвяги» — jotvingiai. Попутно отметив, что славянский суффикс «-яг-» закономерно получается из балтского -ing- (назализованные мягкие гласные превратились в восточнославянском языке в «я»), обратим внимание на корень jot-, который по существу идентичен самоназванию прибалтийских го́тов «ёт».

Исторически готские провинции Швеции, западная и восточная, называются соответственно «Вэстер-Ётланд» (Väster-Götland) и «Ёстер-Ётланд» (Öster-Götland), то есть «западная земля го́тов (ётов)» и «восточная земля го́тов (ётов)», а назва-

ние административного центра первой из них, Гётеборга (Göteborg), то есть «города гóтов (ётов)», шведы произносят примерно как Ётебурх.

Готы были весьма многочисленным народом, в процессе своих миграций в разное время заселявшим огромные пространства северного Причерноморья, Прикарпатья, Мёзии, центральной Европы, Италии, Франции и Испании. Поэтому логично предположить, что исходный северный готский ареал тоже должен быть достаточно обширным. На рубеже эпох присутствие гóтов, «гутонов» у Плиния и «готонов» у Тацита, зафиксировано в Повисленье. Иордан в качестве прародины гóтов называл юг Швеции и острова Готланд и Борнхольм. Германский фольклор, в частности «Беовульф» и «Видсид» (VIII–IX века), сохранил приблизительное звучание самоназвания восточных готов — «гауты» и «геаты». Экстраполируя данные Плиния, Тацита и Иордана, можно предположить, что на самом деле первоначальный ареал обитания гóтов мог охватывать всё южное побережье Балтийского моря от Ютландии, где их местным самоназванием было «ют», до Немана, где их восточная ветвь, подвергшаяся метисации с западными балтами, сохранила свой этноним «ёт» или «ят» (последний как вариант произношения восточноготского «геат») и позже была известна как jotvingiai-ятвяги.

Одна из наиболее вероятных этимологий названия Литвы, причём как русского, так и литовского Lietuva, — из глагола «лить», по-литовски lieti. В этой связи особое значение приобретает тот факт, что ареально варьируемые самоназвания гóтов, «ют» и «ёт», имеют аналогичную этимологию из готского giutan (произносилось близко к «ютан») или древнегерманского geutan (произносилось близко к «ётан») с тем же значением «лить». Либо это маловероятное совпадение, либо сам этноним «литва» есть не что иное, как балтская калька этнонима прибалтийских гóтов. Если это так, то мы имеем второй аргумент в пользу предположения, что летописная ятва — это балтизированные готы или, в более широком плане, балтизированные восточные германцы, а этноним «литва» — балтская калька с автоэтнонима гóтов. Под таким углом зрения ятва и литва предстают по сути одним и тем же изначально германским этносом на разных стадиях балтизации.

На роль балтизированных восточных германцев помимо гóтов могли бы претендовать руги (роги), некогда населявшие междуречье Вислы и Одера и далее на запад до острова Рюген, а затем вытесненные оттуда готами. Основная масса ругов отхлынула на юг в Подунавье, но часть их вполне могла откатиться к востоку и осесть там локальными островками среди автохтонов-балтов, в том числе где-то на территории современных Беларуси и Литвы. Впрочем, единственным весьма шатким основанием такого предположения остаются имена легендарного первого литовского и летописного первого полоцкого князей, Свинторога и Рогволода, содержащие явный компонент «рог».

Вся эта германская подоплёка летописной литвы в целом выглядит довольно спекулятивно. Но, на мой взгляд, ничуть не более спекулятивно, чем многие литовские этимологии имён князей ВКЛ или муссируемое белорусской стороной утверждение об их неком «западнобалтском» происхождении. Кроме того, новейшие данные литовских археологов (1) о богачёвских и вельбаркских компонентах в культуре восточнолитовских курганов позволяют с полным основанием

говорить о распространении в начале нашей эры не только западных балтов, но и восточных германцев до белорусско-литовского пограничья. Попутно замечу, что это косвенно укрепляет выдвинутое мною в своё время предположение о возможности германского и кельтского проникновения ещё северо-восточнее, на Псковщину и Новгородчину (2).

Гидронимия считается основным доказательством балтского субстрата на территории Беларуси, хотя удовлетворительных балтских этимологий для многих гидронимов нет. Между тем, целый ряд названий рек в Беларуси очень хорошо этимологизируется из готского языка: Сваротва – «Чёрная», Изва – «Ледяная», Мастве – «Мачтовая», Сосва – «Свиная», Лахазва – «Озёрная», Дитва – «Шустрая», Нарва – «Змеиная», Клява – «Трудная», Мытва – «Граничная». Общий для всех этих названий формант «-ва», который считается не то балтским, не то финским, хотя ни в балтских, ни в финских языках он не имеет смысла, на самом деле самое разумное объяснение находит в готском ava, имеющем абсолютно адекватное значение «водный поток, река».

И ещё одна маленькая ремарка. По данным «Неревского словарика», единственного документа, донёсшего до нас несколько ятвяжских слов, ятвяги называли крестоносцев guti. Значит, готы сохранились в исторической памяти ятвягов, сохранились как народ германский, вследствие чего именно с ним ассоциировались орденские немцы.

ЗАМЕТКА О ВОИНСТВУЮЩЕМ НЕВЕЖЕСТВЕ

Как отмечалось выше, тяжба между белорусами и литовцами за наследство ВКЛ ведётся в значительной степени усилиями дилетантов. Пожалуй, воинствующий дилетантизм – одна из наиболее примечательных её черт. Разного рода благоглупостей и откровенного невежества, замешанного на ура-патриотизме, в аргументации энтузиастов хоть отбавляй, «беларусами» и «летувисами» они, увы, не ограничиваются. Не пытаясь объять необъятное, ограничусь лишь несколькими типичными и выразительными примерами из одного только опуса, правда, обширного и тематически разностороннего. Это помещённое в сборник «Предыстория беларусов с древнейших времён до XIII века» (3), любезно присланного мне её составителем, эссе М. Петрова (4).

В Беларуси необычайно популярна концепция комплиментарности этносов, положительной или отрицательной, из теории этногенеза Л. Гумилёва. В белорусской трактовке этой концепции, западные балты почему-то оказались отрицательно комплиментарны своим восточным сородичам, но положительно комплиментарны славянам. Такая странная расстановка знаков «+» и «–» по существу никак не объясняется, а мотивируется, похоже, с одной стороны, нежеланием иметь никакого общего прошлого со своими литовскими визави, а с другой, невозможностью отрицания того факта, что нынешние белорусы в массе своей – результат метисации балтов и славян.

Здесь не место обсуждать теорию Гумилёва, остановимся только на таком казусе, как написание самого слова «комплиментарность», которое в трудах белорусских энтузиастов-этнологов почему-то массово пишется «комплементарность» – через «е». В своём эссе М. Петров, просветив читателей, что «концеп-

цию комплементарности этносов разработал Л.Н. Гумилев», в дальнейшем не только активно оперирует термином «комплементарность», но, более того, настаивает именно на таком написании:

> «Ещё раз обращаем внимание читателей на то, что правильное написание термина "комплЕментарность", а не "комплИментарность"».

Таким образом всплывает ещё одно неписаное «правило» белорусского русского новояза, ведь сам автор теории этногенеза Гумилёв ввёл понятие «комплиментарности» (через «и») и оперировал исключительно этим термином! Вот и гадай тут, то ли белорусские адепты Гумилёва хотят быть «святее Папы», то ли на самом деле даже не читали трудов своего гуру?

Впрочем, Гумилёв тут вообще сбоку припёка. Петрову и его единомышленникам теория этногенеза и концепция комплиментарности понадобились лишь для того, чтобы обосновать свой главный постулат: литовцы («жамойты» в терминологии Петрова сотоварищи) и белорусы (они же «литвины») не могли быть одним и тем же народом и даже родственными народами, так как были некомплиментарны. На основании чего два соседних близкородственных балтских народа, ятвяги и жемайты, вдруг оказались некомплиментарными? Да исключительно на основании того, что «жамойтов» Петров и иже с ним считают предками «летувисов», а ятвягов — предками литвинов и нынешних белорусов, которые не хотят иметь ничего общего с нынешними литовцами. Вот и всё основание.

М. Петров часто затрагивает языковые проблемы и обращается к лингвистике. Привлекает он языковой аспект и в рассуждении о возможности того, что первые князья Литвы были этническими литовцами:

> «Если принять всерьез названную концепцию, то как быть с целым рядом несуразиц? Например, с утверждением, что правящая элита нового государства, особенно в начальный период его существования, состояла из жамойтов (восточных балтов), но государственным языком в нем являлся славянский (старобеларуский). Выходит, что вся верхушка титульного этноса добровольно перешла на сложный для современных летувисов (значит, и для жамойтов в прошлом) чужой язык. Между тем, имена князей и других представителей правящего слоя ВКЛ в своем большинстве были западнобалтскими, хотя транскрипция их — славянской».

Вряд ли в этой цитате стоит комментировать эмоциональное суждение о сложности чужого языка для «современных летувисов», то есть литовцев, которые в массе своей знают русский язык, причём намного лучше, чем, например, белорусы литовский. А вот добровольный переход «верхушки титульного этноса», то есть завоевателей, на язык нетитульного этноса, то есть покорённого ими населения, — вопреки утверждению Петрова, — явление в истории довольно обычное. Гиксосы, захватив Египет, перешли на древнеегипетский; готы и лангобарды, завоевав Рим, тут же восприняли латынь; монголы, покорив пол-Азии, стали говорить по-тюркски; варяги, давшие княжескую династию древней Руси, быстро освоили славянский древнерусский язык.

Необходимое и достаточное условие этого: язык титульного этноса должен быть бесписьменным, а нетитульный этнос иметь более высокую культуру и традицию письменности на своём языке. Именно это условие соблюдается в случае

4 Зак. 1936

ВКЛ. Что же касается «западнобалтских имён» правителей Литвы, то никакие западнобалтские княжеские имена историкам не известны, а имена первых князей Литвы, как мы видели, объясняются частично из восточнобалтского, частично из восточногерманского языков.

Следующее обращение М. Петрова к лингвистике:

> «В языке современных летувисов слово "Литва" отсутствует. Вместо него [! — *В.Е.*] используется слово "Летува" (Lietuva)».

И в развитие темы:

> «Никакой "Летувы" история не знает, она знает только Литву. Это для западных балтов слово "Литва" родное. В ряду самоназваний западнобалтских этносов находятся галиндва (галинды), дайнова (дайновы), крива (кривичи), литва (литвины), мазова (мазуры), ятва (ятвяги)... А в языке восточных балтов (жамойтов) таких названий нет и быть не может, они говорили бы галиндвас, дайновас (или дайновиас), криевас, мазовас (мазойвас), ятвас... Летувисские фантазеры не могут заставить нас называть жамойтов литовцами».

Что ж, с последним заявлением не поспоришь. Если человек упёрся, то его не заставишь. Но и белорусские фантазёры пусть не надеются убедить нас, что восточные балты говорили бы «дайновас (или дайновиас)», «мазовас (или мазойвас)» и «ятвас», потому что современные литовцы, они же восточные балты, говорят, без всяких «бы», совсем не то, что в их уста хочет вложить Петров, а конкретно: Dainava, Mazovija и jotvingiai. И не надо вводить читателей в заблуждение, что «для западных балтов слово «Литва" родное». Нет ни одного документа ни на одном западнобалтском языке, в котором фигурировало бы слово «Литва». Равно как и перечисленные Петровым «самоназвания западнобалтских этносов». И не история не знает никакой «Летувы», а наши летописи, писанные русским (старобелорусским) языком, в котором Литва действительно называлась Литвой. Для всякого мало-мальски знакомого с языкознанием очевидно, что древнерусское «Литъва» и современное литовское Lietuva — это одно и то же слово с практически одинаковым произношением в обоих языках (в древнерусском звук «ъ» произносился как сверхкраткое «о»), но написанное соответственно кириллицей и латиницей. Между прочим, Макс Фасмер из них первичным считал литовское. Но Фасмера доморощенные лингвисты, похоже, не читали, как не читали Гумилёва доморощенные этнологи.

Зато они читают белорусских лингвистов, а М. Петров их даже цитирует:

> «Новогрудчина... находится на границе диалектной зоны, которая была ведущей и определяющей в процессе формирования беларуского литературного языка».

На основании этой цитаты он делает свой вывод:

> «Таким образом, и лингвистика утверждает, что Новогрудчина явилась центром возникновения беларуского этноса».

Каким это таким образом? Ничего такого лингвистика не утверждает! Дело даже не в том, что Новогрудчина — не центр возникновения, а всего лишь «граница диалектной зоны». Главный вопрос: какое отношение литературный белорусский язык имеет к возникновению белорусского этноса, а тем более этноса

летописных литвинов? Этот вопрос не случайно остаётся за рамками рассуждений Петрова, потому что никакой связи-то и нет. Центр возникновения этноса и центр возникновения литературного языка государства – вещи совершенно разные. Например, литературный древнерусский язык возник в Моравии усилиями Кирилла и Мефодия. Так что ж теперь, Моравия – родина древнерусского этноса? Считается, что современный литературный русский язык своим рождением обязан А. Пушкину. Но это никак не значит, что великорусский этнос возник на невских берегах. Наконец, литературный язык австралийских аборигенов – английский. Надо ли продолжать?

И ещё один лингвистический экскурс М. Петрова:

> «В процессе "славянизации" местное балтское население (литвины, кривичи и прочие) постепенно усваивало славянскую грамматику, но при этом сохраняло свою лексику и фонетику. В словах менялись суффиксы и окончания, а не корни».

Проект памятника Ольгерду

Насчёт фонетики никаких возражений. Но с лексикой на самом деле всё происходит ровным счётом наоборот: чужие новые понятия заимствуются в родной язык корнями иноязычных слов, и эти корни обрастают своими привычными приставками, суффиксами и окончаниями. Снова вспомним, как получились заимствованные «Геракл» и «Спартак» в русском языке и Ivanovas в литовском. Ещё наглядный бытовой пример: даже в современном жаргонном русском языке мы пользуемся всё-таки «мобилами», а не «мубайлз».

В широкий круг интересов М. Петрова входит не только лингвистика, но и антропология, обязанная ему «американоидными чукчами», якобы некомплиментарными русским из-за... своей американоидности. В происхождении чукчей есть некоторые неясности, в частности степень участия в их этногенезе американских эскимосов. Но в любом случае чукчи не имеют никакого отношения к американоидной расе, так как и автохтонное население Чукотки, и американские эскимосы относятся не к американоидам, а к монголоидам. Кроме того, если вопрос комплиментарности выносится на расовый уровень, то становится тем более непонятным, почему некомплиментарными оказываются этносы не только одной расы, но одной языковой группы, а именно ятвяги и литовцы.

Не обошёл М. Петров вниманием и ономастику. В качестве аргумента в пользу того, что исконная Литва располагалась на территории современной Беларуси, он приводит многочисленные названия населённых пунктов «Литовка», «Литвинка» и других схожих в Гродненской, Брестской и Минской областях. Для тех же целей идут в ход фамилии, образованные от слова «литвин», тоже широко

представленные по всей Беларуси. И на этом основании Петров делает следующее заключение:

> «В то же время названия, производные от слова «Литва", отсутствуют на территории современной Летувы. Почему? Да потому, что у нас [в Беларуси, — *В.Е.*] проживали литвины, предки нынешних белорусов, а там [в Литве, — *В.Е.*] — жамойты, предки нынешних летувисов».

И невдомёк Петрову, что на самом-то деле эти многочисленные белорусские Литовки и однофамильцы Литвины в Беларуси не подтверждают, а опровергают его тезис.

Населённая китайцами деревня вряд ли получит название «Литовка», а населённая литовцами — может, но только не в регионе, сплошь заселённом литовцами. Литвин не может получить прозвище «Литвин», живя среди литвинов. Название населённого пункта по этническому признаку её обитателей имеет смысл только в чужом этническом окружении, когда именно такой признак выделяет этот населённый пункт среди других окрестных. Прозвище «Литвин», впоследствии превратившееся в фамилию, персонифицирует человека только в том случае, если он живёт среди не литвинов. То есть, в обоих случаях речь может идти только о выходцах из Литвы, живущих вне Литвы. Потому если Литвины и деревни Литовки массово встречаются в каких-то районах Беларуси, то эти районы Беларуси как раз не были Литвой. А вот если в нынешней Литве их нет, то она той давней Литвой быть могла!

В итоге аргументация М. Петрова достигает эффекта, ровно противоположного ожидаемому, невольно заставляя вспомнить народную мудрость: если что-то выглядит похожим на нечто, пахнет, как это нечто, и на вкус не отличается от этого нечто, то, скорее всего, наше что-то и есть то самое нечто.

ЗАМЕТКА О ДРЕВНЕРУССКОЙ НАРОДНОСТИ

Стараясь не только отделиться от СССР, но и по возможности отдалиться от России, подозревая её в неких имперско-реваншистских замыслах, в Беларуси очень не любят признавать какую-либо общность истории белорусов не только с литовцами, но и с русскими. В частности славянскую общность. Любой ценой, иногда даже противореча себе. Так, А. Тарас следующим образом концентрированно выражает господствующую в Беларуси точку зрения:

> «Основу населения будущей Беларуси во все времена... составляли балты. Говорить о массовом переселении славян на эти земли неправомерно. Можно лишь констатировать переход древних балтских племён (ятвягов, кривичей, дреговичей, радимичей) на славянский язык» (5).

Сам по себе этот тезис не вызывает возражений. Однако далее А. Тарас неожиданно говорит о «трёх волнах» переселения славян на территорию современной Беларуси, а ведь слово «волна» как-никак подразумевает именно массовую миграцию. Кроме того, первую «волну» славянской миграции из Поднепровья и Подонья в Полесье он относит к VI и VII векам, из чего, вроде бы, следует, что до VI века в Полесье славян ещё не было. Но тогда как быть с тем фактом, что именно в западном Полесье найдены одни из самых ранних архео-

логических свидетельств безусловно славянской пражской культуры, относящихся к V веку н.э., к её так называемой фазе «0»? То есть объективно белорусское Полесье может претендовать на право называться славянской прародиной и скорее субъектом, чем объектом славянизации балтов. Разумеется, следует оговориться, что это замечание справедливо только для Полесья и не распространяется на всю остальную территорию Беларуси.

В русле той же тенденции И. Ласков (6) отвергает принятую в Советском Союзе схему формирования восточнославянских языков, согласно которой в Киевской Руси сформировалась единая древнерусская народность и существовал единый древнерусский язык, из которого якобы образовался русский, а затем отпочковались под польским и литовским влиянием украинский и белорусский языки. Согласно выражаемой Ласковым белорусской точке зрения, единого древнерусского языка никогда не существовало, был единый сугубо письменный церковнославянский язык Кирилла и Мефодия, известный только узкому кругу грамотных людей, а простое население Киевской Руси говорило кто как может на своих племенных языках и диалектах, причём на территории нынешней Беларуси в ходу были балтские и западнославянские языки, из которых современный белорусский сохранил значительную часть лексики.

Существование в прошлом, а именно во времена Киевской Руси, единой древнерусской народности — один из горячо ныне дискутируемых вопросов современной исторической науки на пространстве бывшего СССР. Накал дискуссии вызван тем, что этот вопрос, представляющий на первый взгляд чисто академический интерес, приобрёл политическую подоплёку и, как следствие, вполне практическое значение. Существование в прошлом единой древнерусской народности как будто бы даёт и историческое обоснование СССР, и основание для очередного грядущего политического объединения по крайней мере его бывших славянских республик, ныне независимых государств. При молчаливо предполагаемом имперском диктате России.

Оставим эту теоретическую проблему теоретикам. Вряд ли в обозримом будущем она материализуется во что-то менее гротескное, чем так называемое «Союзное государство» — не более чем кормушка для избыточных российских и белорусских чиновников. По-моему, с таким же успехом можно обсуждать вопрос о существовании единой римской народности в начале нашей эры и рассуждать о необходимости политического объединения всех романоязычных государств Западной Европы.

Тем не менее, принимая или не принимая «древнерусскую народность», нельзя не признать, что едва ли не с самого начала существования Киевской Руси, по крайней мере с середины XI века, существовало нечто, духовно и ментально объединяющее три её источника и три составные части: Киев, Новгород и Полоцк. Этим нечто была не мнимая «династия Рюриковичей» (7), а реальная «греческая премудрость». Духовная ипостась этой премудрости проявилась православием, византийской культурой и церковнославянским языком, а материальное воплощение — храмами Софии (Σοφία по-гречески — «премудрость»), практически одновременно построенными во всех трёх названных городах по единому пятинефному крестово-купольному архитектурному проекту. Я бы не решился ставить точку в дискуссии о существовании «древнерусской народно-

сти». Вероятно, здесь многое зависит от того смысла, который вкладывается в это понятие. Ибо большинство споров происходит не потому, что спорщики думают по-разному...

Что же касается языка, не могу не согласиться и не могу согласиться с И. Ласковым.

Согласен в том, что украинский и белорусский языки не «отпали» от великорусского, а ведут свою родословную непосредственно из древнерусского языка. Полностью согласен с замечанием Ласкова, что из-за финно-угорского субстрата средневековой Московии разговорный язык в ней оказался ближе к письменному, чем в ВКЛ с его влиявшим на разговорный язык славянским субстратом на большей части территории, соответствовавшей бывшей Киевской Руси. Более того, могу добавить, что великорусский язык вследствие церковных реформ патриарха Никона искусственно сохранил больше устаревших черт церковнославянского языка, чем естественнее развивавшиеся украинский и белорусский.

Однако не могу согласиться с намеренной подменой Ласковым понятий, когда он утверждает, что: «Лингвисты с докторскими степенями знают, что даже сегодня книжный язык и разговорный – далеко не одно и то же... А вот книжный язык Киевской Руси учёные почему-то считают единым разговорным языком для огромной державы, где практически всё население было безграмотным». Никакие лингвисты, ни со степенями, ни без оных, никогда не считали древнерусский язык единым разговорным в Киевской Руси. Он был языком книжным, языком письменным и языком государственным, но никак не разговорным.

В любом государстве, что древнем, что современном, общим для его граждан является именно письменный государственный язык, а не разговорные диалекты. Древнерусский государственный язык был безусловно единым для всей «огромной державы». В частности, на нём написаны летописи и абсолютное большинство документов ВКЛ, хотя его население говорило на разных языках, в том числе польском и литовском («жамойтском» в терминах «беларуского» русского языка), а большинство этого населения было неграмотным. Замечу, именно неграмотным, а не безграмотным, как пишет Ласков, – безграмотностью, кажется, больше страдает население современной Беларуси. Как, увы, и России.

ЗАМЕТКА О ДЕЛЕНИИ И УМНОЖЕНИИ В ИСТОРИИ

Духовно-культурное триединство Киева, Новгорода и Полоцка ощущалось с самого начала Киевской Руси. Внешне оно нашло упрощённое соответственно времени выражение в искусственно сконструированной авторами «Повести временных лет» династии «Рюриковичей», объединившей Новгород и Киев, и в столь же искусственной привязке к ней исконно полоцкой княжеской династии «Роговолжичей». Но внутренне, ментально это триединство больше зависело не от светских, а от духовных властей и поэтому долго сохранялось после развала Киевской Руси в рамках единой русской митрополии. Не случайно для автора «Задонщины», москвича или рязанца XIV века, Русь всё ещё там, на «Киев-

ских горах», а летописцы ВКЛ, «литвины» и «беларусы» в современной белорусской трактовке, и веком позже всё ещё называли свой язык «руским».

В романе «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» Марк Твен отправил своего соотечественника и современника из девятнадцатого века в век пятый. И что вы думаете, провалившийся в далёкое прошлое бедолага янки очутился среди могикан и делаваров, населявших Коннектикут до открытия европейцами Америки? Ничего подобного! Янки оказался в средневековой Англии, точнее, в Британии. В романе Твен грубо нарушает историческую реальность, заставив всех героев говорить на староанглийском языке. Во времена короля Артура на Британские острова ещё не ступала нога англосаксов, а королевский двор и вся страна говорили на кельтских языках. Но обе эти вольности Твена весьма показательны. Для него, янки до мозга костей, прошлое его страны ассоциируется не с Америкой и её аборигенами-индейцами, а с Англией, включая её доанглийский британский период. Для связи с этим прошлым важнее оказалось не территориальное совпадение, а ментальная преемственность и культурно-языковая близость.

Для современных англоязычных жителей США, Канады, Австралии и Новой Зеландии средневековая история их стран — это история Британии и Англии. Разумеется, то же самое справедливо и для жителей туманного Альбиона. Вне всякого сомнения, в средние века существовала единая «английская народность». И тем не менее, кому придёт в голову мысль, что на этом основании завтра англичане вновь отправятся завоёвывать Америку? Так же невозможно себе представить, что американцы подерутся с австралийцами, урывая друг у друга кусочки их общей истории. Весь англоязычный мир мирно делит свою единую средневековую историю, одну на всех, и, мирно разделив, тем самым дружно умножает её, от чего богаче становятся и сама история, и её многочисленные наследники.

Да, белорусы и литовцы не единоязычны, и это объективно усложняет им возможность найти общий язык. Но искать его необходимо, чтобы не делить и не растаскивать наследство ВКЛ, а вместе исследовать, обогащать и умножать. Делать сообща благородное дело, как раньше их предки в ВКЛ. Как принято в современном цивилизованном сообществе. Как требует сама жизнь.

(Январь 2013 г.)

Источники ссылок

1. *В. Вайткявичюс.* Нестереотипный взгляд на культуру восточно-литовских курганов. *Працы гістарычнага факультэта БДУ. Навук. зборнік. Вып. 3. Мн., 2008.*

2. *В. Егоров.* Готские реминисценции. *На авторском сайте* www.ipiran.ru/egorov.

3. Предыстория беларусов с древнейших времен до XIII века. (В серии «Неизвестная история»). *Составитель А. Тарас. Минск: «Харвест», 2012.*

4. *М. Петров.* Литвины и жамойты. *В сборнике «Предыстория беларусов...».*

5. *А. Тарас.* Кто такие беларусы? *В сборнике «Предыстория беларусов...».*

6. *И. Ласков.* Откуда появился беларуский язык? *Там же.*

7. Я всегда настаивал и продолжаю настаивать на мифичности Рюрика, см. *В. Егоров.* Каганы рода русского, или Подлинная история киевских князей. *М: Алгоритм, 2012.*

Письмо А.Е. Тараса В.Б. Егорову

Уважаемый Владимир Борисович!

С любопытством прочитал Вашу статью. Не со всеми Вашими тезисами я согласен, но, поскольку каждый автор имеет право на свое мнение, я опубликую ее в 12-м выпуске альманаха «Деды».

Далее хочу сделать несколько замечаний в связи с Вашими рассуждениями.

(1) О «комплиментарности/комплементарности». Да, сам Л.Н. Гумилев писал это слово через «и». Ну и что с того? Он вообще был не в ладах с фактами. Я прочел несколько его книг и в каждой проверял приводимые им имена, даты, события по энциклопедиям. У Гумилева «точность» в этих вопросах составляет «плюс/минус 100 лет» (то же и с именами). Так что, верить ему на том основании, что он – автор? Где логика? Ведь ни Дeружинскому, ни Петрову Вы не верите, хотя и они – авторы.

Упомянутый термин, как известно, французского происхождения. Смотрим словарь: «complement» – дополнение, «compliment» – «поздравление, приветствие, комплимент». Контекст рассуждений Гумилева не оставляет сомнений в том, что он имел в виду степень взаимного сочетания, дополнения этносов (по принципу, как он сам написал в одном месте, «ключ – замок»). Не комплименты! Ну, перепутал Гумилев точное написание, бывает. Так нет же, Вы с яростью набросились на Максима Петрова, мол, «хочет быть святее Папы».

(2) О пражской культуре. Вы, вслед за рядом авторов, считаете ее безусловно славянской. А я, представьте себе, так не считаю! Не собираюсь спорить по этому вопросу. Приведу лишь цитату из книги А.А. Бычкова «Киевская Русь» (2-е, переработанное издание 2010 г.). Не как истину в последней инстанции, а в качестве доказательства того, что существуют и другие взгляды на вопрос о месте и времени возникновения славянства.

«Никаких доказательств существования славян до VII века мне неизвестно. Многие считают, что термин «сакалиба» или «склонене», встречающийся у восточных и западных писателей, относится именно к славянам. Может быть да, а может быть, и нет. Ибо «сакалиба» с таким же успехом могло быть сарматским названием – так называлась столица саков, в которой правила царица Зарина. (...) Безусловно лишь то, что в IX веке славянский язык уже существовал – примеры этому приводит император Константин Багрянородный. Это уже факт». (с. 442).

Я разделяю этот взгляд Бычкова и, соответственно, отрицаю «безусловное славянство» носителей «пражской культуры», существовавшей в V веке.

(3) О термине «волна». Возможно, что слово «волна» в отношении переселенцев – носителей славянского языка – неудачно. В самом деле, их было мало, они проникали на земли будущей Беларуси в течение длительного промежутка времени, по некоторым оценкам – около 900 лет. Так ведь моя мысль понятна, Вы сами это отметили. Зачем же цепляться к неудачному словесному выражению?

(4) О несогласии с тезисом Петрова:

«В процессе «славянизации" местное балтское население (литвины, кривичи и прочие) постепенно усваивало славянскую грамматику, но при этом сохраняло свою лексику и фонетику. В словах менялись суффиксы и окончания, а не корни».

Насколько мне известно, М. Петров исходил из научного факта, установленного известным лингвистом академиком Ефимом Карским в конце XIX века: 85–87 % слов живого «белорусского» языка (еще не русифицированного), записанных им в этнолингвистических экспедициях, имели балтские корни и славянские форманты. См. его фундаментальный труд «Белорусы» в семи книгах. Так что этот вопрос вовсе не бесспорный.

Приведенные мной примеры показывают, что ЛЮБЫЕ попытки авторов из «новых старых» независимых государств отстаивать нечто свое вызывают у российских оппонентов только отрицательные эмоции. Вы тут же начинаете «махать саблей» не хуже польских шляхтичей – «не позволим!»

Почему? Да потому, что «Москва всегда, во всем, везде была, есть и будет права!» Соответственно, россияне (даже критически мыслящие, как В.Б. Егоров) не прощают нам ничего: ни перебора разных вариантов объяснений исторических фактов, ни использования отвергаемых критиками научных концепций, ни стилистических погрешностей, ни – тем более – желания дистанцироваться от России. Между тем, от политики историкам не спрятаться. Приведу три примера.

Первый. О наших подозрениях в адрес России относительно присущих ей «неких имперско-реваншистских замыслов».

В.В. Путин в свое первое президентство изволил публично заявить, что «Беларуси надо войти в состав Российской федерации шестью областями». Вполне возможно, что лично Вы этих его слов не слышали. Зато в Беларуси их услышали все, растиражировали в газетах и на интернет-сайтах. Они вызвали здесь бурю! Этот деятель сказал «надо!» Кому надо, неужели «белорусам»?

Если это не концентрированное выражение имперской идеологии, то что? ВВП отказал нам в статусе даже «субъекта федерации», в отличие от Татарстана, Башкорстана, Республики Саха и других малочисленных народов РФ. А ведь этнических «белорусов» в своей собственной стране сейчас 7 млн 970 тыс., плюс к ним 1,5 млн граждан РБ иного этнического происхождения. Вот так в России понимают «братское единение славян». И не только понимают, но и работают в указанном направлении. Российская «пятая колонна» в Беларуси орудует вовсю, разумеется, за счет российского бюджета.

Второй. В прошлом году Россия отмечала 200-летие «Отечественной войны русского народа против французских завоевателей». В этой связи посол РФ в Беларуси г-н Александр Суриков в официальном выступлении «выразил недоумение» по поводу того, что в Беларуси сие событие на государственном уровне никак не отмечалось. Еще он сожалел о том, что термин «Отечественная» в школьных учебниках и программах РБ заменен на «Франко-русская».

Объяснения «белорусских» историков, что для предков «белорусов» та война была не отечественной, а гражданской, что пресловутые «разделы Речи Посполитой» мы считаем одним из гнуснейших преступлений царизма, и что «белорусы» не были обязаны воевать за русского царя и русских помещиков-рабовладельцев г-н Суриков отверг как «измышления антирусской пропаганды*.

Третий. Вспомним новейшее благодеяние России в отношении Беларуси: сброс спецподразделением ВВС «Циклон» радиоактивных осадков из облаков на Беларусь в течение семи месяцев с момента Чернобыльской катастрофы! В результате нам досталось 70 % всех радиоактивных частиц, выпавших на землю в 1986 г. Прямой ущерб РБ в результате этой умышленной бомбардировки, по официальным данным, составил 235 миллиардов долларов! Косвенный – еще больше. Теперь попытайтесь представить, какие чувства вызывают у «белорусов» заявления российских официальных лиц о том, что «Белоруссия должна платить за получаемый газ». По всеобщему мне-

* Немецкая шлюха, преступным путем забравшаяся на российский трон, захватила силой и подлостью огромное государство, существовавшее 550 лет, превратила его в бесправную колонию, ввела здесь рабство крестьян и рекрутчину – два жутких бедствия, ранее неизвестных белорусам, развернула оголтелую русификацию с параллельной ликвидацией униатства. Но российские историки категорически не согласны с такими «упреками» в адрес «Святой Руси». Ведь она никогда никого не завоевывала – только освобождала.

нию моих сограждан, Россия должна не менее 30 лет поставлять нам газ бесплатно за совершенное ею преступление, имя которому — геноцид. Статистика заболеваний и смертности в РБ после Чернобыля поистине ужасающая!

* * *

Сегодня москвичи «великодушно» предлагают нам забыть «прошлые недоразумения», поставить памятники «жертвам с обеих сторон». Мы же не хотим ни забывать, ни прощать, а считать преступления недоразумениями — тем более. И те жертвы, которые понесли захватчики-колонизаторы за 220 лет борьбы с нашими прадедами, не вызывают у нас никакого сочувствия. Убивали повстанцы Костюшко или Калиновского русских солдат, вешали русских чиновников — правильно делали.

О каком забвении или прощении может идти речь, когда мы видим горячее желание России снова сделать нас своими рабами! Впрочем, не только нас. Война России против Грузии показала всем бывшим колониям, чего надо ждать от Москвы. Не случайно никто из 14 республик не признал ни Абхазию, ни Осетию.

Поэтому, если «белорусские» авторы где-то и перехлестывают, то на это есть и причины, и поводы. Нашей независимости всего 22 года, в нашей историографии не установленного детально, не выясненного точно — горы! И при этом, специально подчеркиваю для Вас, у «белорусских» авторов нет оснований доверять теориям и выкладкам российской историографии. От Н.М. Карамзина до Б.А. Рыбакова и В.В. Седова — сплошь подтасовки, передергивания, умалчивания и откровенная ложь.

«Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!» С этого принципа начинается российская историография, им же она кончается. Во все времена, в том числе сегодня, она теоретически обосновывала имперский разбой, москвоцентризм, тезис о мифической «Святой Руси» и прочее в том же ряду.

Как видите, Ваша статья меня задела. Не аргументацией, к аргументам как таковым у меня нет претензий, а высокомерным презрением в сочетании с мелочными придирками.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО БЫЛО ЛИТОВСКОЕ ИЛИ БЕЛАРУСКОЕ?

Часть 1. Как беларусы проиграли Летуве

Константин Лашкевич

В соседней Летуве 2009 год проходил под знаком 1000-летия государства. По всей стране состоялись многочисленные мероприятия, апогеем которых явились торжества 6 июля в Вильне – на день коронации Миндовга, основателя Великого Княжества Литовского.

Празднество, к которому наши соседи готовились пять лет, спровоцировали очередную волну споров вокруг наследия ВКЛ. Беларусы считают его своим государством, летувисы – своим. На стороне последних, которые в XX веке состоялись политически, – мировая научная традиция. Беларусы, все еще колеблющиеся между западной и восточной ориентацией, только начинают выбираться из узких национальных рамок. Камень преткновения в том, чье же ВКЛ?

Почему 1000-й год? Потому, что в 1009 году слово «Литва» упоминается в Кведлинбургских анналах в связи с убийством католического монаха-миссионера из Магдебурга Бруно Кверфуртского*.

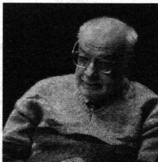
Доктор исторических наук, профессор Анатолий Грицкевич, возглавивший общественный Оргкомитет по празднованию 1000-летия названия Литва в Беларуси, с подобной трактовкой не согласен:

> «Это не 1000-летие государственности, а всего-навсего миллениум названия, которое долгое время встречалось в летописях исключительно как племенная принадлежность. Государство же Великое Княжество Литовское и Русское появилось в 30-е годы XIII столетия. И эта дата имеет большее отношение к Беларуси, чем к Летуве. Наши предки назывались не беларусами, а русинами и литвинами. Термины же «Беларусь» и «беларусы» были навязаны нам российской администрацией в середине XIX века».

В пику ему, заведующий отделом археографии Института истории Литвы Артурас Дубонис отметил на заседании «круглого стола» в Минске под девизом «Тысячелетие Литвы. Литва и Беларусь 1000 лет вместе»:

> «Вольное использование парадигмы «Литва» позволяет беларуским ученым так интерпретировать историю и антропологию, что беларусы превращаются и не в литовцев, и не в славян.

Новая беларуская историография исполняет задачи политологии. Концепция ВКЛ вызвана проблемами становления национального сознания и государственности современного белару-

Анатолий Грицкевич

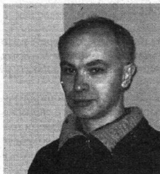

Материалы конференции на Tut.by 15 июля 2009 г.

* Эти «анналы» (т.е. ежегодники) – хроника, которую вели монахи католического монастыря в Кведлинбурге (ныне находится в Земле Саксония-Анхальд, в восточной части Германии. – *Ред.*)

ского народа. Собирается все, что способствует усилению слабого национального самосознания и прокладывает беларусам путь на Запад – от славян до балтов, от великорусской до европейской цивилизации».

Яблоко раздора теперешних беларусов и летувисов – наследие одного из мощнейших государств средневековой Европы – Великого Княжества Литовского, существовавшего с первой половины XIII века до 1795 года на территории современных Беларуси, Летувы, Украины и России (Смоленщина, Брянщина).

Артурас Дубонис

Так кто же является правопреемником Княжества?

Летувисы еще 150 лет назад заручились поддержкой российских идеологов, что позволило им со временем внедрить собственную трактовку в международную историографию. ВКЛ они рассматривают как литовское государство, которое позволило им сохранить этническую самобытность.

Беларусы, называвшие себя потомками литвинов (граждан ВКЛ) в период национального возрождения начала XX века, до сих пор не сумели завершить нациотворческий процесс. Однако наша историография, которой пока не удалось выйти за национальные границы, уверена, что именно Беларусь является главной преемницей ВКЛ, ибо наши земли составляли большую часть Княжества, а старобелорусский язык был государственным. Летувисы говорят нам, что большинство великолитовских князей были балтами, а старобеларуский язык – всего-навсего канцелярским. Беларусы возражают: как это ВКЛ – ваше, если в нем балтов (жамойтов) было всего 5 % населения?

Эти споры тянутся уже более двух десятилетий. С того времени, когда Беларусь получила независимость, а отечественные историки начали извлекать изпод напластований советского вранья запрещенную историю своего народа.

Почему проиграли?

Фактологические споры оставим профессиональным историкам. Сосредоточимся на более интересном и интригующем вопросе о том, как беларусы проиграли литовцам.

Почему проиграли? Потому что столица ВКЛ и центр беларуского возрождения Вильня – сегодня Вильнюс, столица независимой Летувы. Потому что в любом иностранном справочнике вы прочтете, что ВКЛ – это средневековое государство современных летувисов, а теперешняя территория Беларуси была под их гнетом...

Ответ на этот вопрос дает профессор Йельского университета (США) Тимоти Снайдер в переломном исследовании «Реконструкция наций: Польша, Украина, Летува, Беларусь (1569–1999 гг.)».

Вот как комментирует книгу Снайдера в журнале «Arche» доктор исторических наук, преподаватель Университета Южного Стокгольма Андрей Котлярчук:

«Первое поколение летувисской интеллигенции составляли дети зажиточных крестьян – учителя и ксендзы. Этой социальной группе очень легко было построить с нуля новую моноэтническую интерпретацию истории старой Литвы, в которой беларусам и полякам места не было...

Первое поколение беларуских деятелей состояло из шляхтичей и шляхтянок – прямых потомков исторической Литвы. Они были частью этой вековечной многокультурной (беларуско – польско – жамойтско – еврейско – татарской) традиции, что не позволило им определить отдельный беларуский путь. Беларуский язык как славянский довольно близок к польскому и русскому. Поэтому даже слегка образованный беларус всегда мог удовлетвориться польским или российским текстом. Летувисский язык, наоборот, весьма отличается от славянских. Таким образом, филологический факт решил судьбу нации. К тому же, после восстания 1863 года царское правительство поощряло летувисское просвещение и печать (пусть даже кириллическую), тогда как беларуский язык в то самое время оказался под запретом.

Андрей Котлярчук (крайний слева) с коллегами по Содертонскому университету

Если летувисы имели национальный костёл, костёльную печать и образование, то беларусы после уничтожения в 1839 году униатской церкви утратили свою конфессиональную нишу... В условиях существования между российским и польским влияниями именно униатская церковь формально должна была играть роль фундамента нациотворения.

Наконец, если у летувисов была база для развертывания своего движения – прусская «малая Летува» / свой «Пьемонт». – *Ред.*/, где в благоприятных для развития собственной культуры условиях проживали около 100 тысяч балтов, то все беларусы целиком оказались в границах Российской империи. Это лишило их возможностей широкого контакта с Европой, поддержки со стороны всегда более националистической западной диаспоры...»

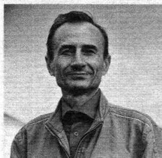

Тимоти Снайдер

Наши предки сохраняли древнее самоназвание «литвины» почти до конца XIX века. Однако поскольку беларуское возрождение началось позже летувисского, наш возрожденцы во главе с Францишком Богушевичем (1844–1900) уже не могли использовать термин «литвин». Осталось взять то имя, под которым нас знали в поздней Российской империи – беларусы.

В начале XX века историк и писатель Вацлав Ластовский (1883–1938) пропагандировал название «Кривия». Лингвист Ян Станкевич (1891–1976) пытался

ввести в обиход термин «Великая Литва». В межвоенной Лиге Наций фигурировали термины Ruthenie Blanche (французский) и White Ruthenia (английский). Однако прижилась именно «Беларусь».

Так беларусы уступили летувисам в конце XIX века, на рассвете нациотворения. А вот как беларусы проиграли летувисам во второй раз...

Захар Шибека

Доктор исторических наук Захар Шибека утверждает, что в противостоянии возрожденческих движений начала XX столетия беларусы опять капитулировали перед летувисами. Он пояснил:

«Да, „нашаніўцы" проиграли летувисам борьбу за древнелитовское наследие. Результатом поражения стало то, что, по сути, ни одно государство не поддержало провозглашенную в марте 1918 года Беларускую Народную Республику как наследницу ВКЛ. А без поддержки на международной арене национальный проект был осужден на провал.

Летувисам же в значительной степени помогла поддержка немцев еще во время Первой мировой войны, что привело к провозглашению Литвой независимости в феврале 1918 (в отличие от беларуской она длилась целых 20 лет), а также /поддержка/ российских режимов – сначала царского, а потом большевистского, которые таким образом противодействовали распространению полонизма».

...И упустили Вильню

В конце сентября 1939 г. Сталин решил отдать Вильню (она была центром западнобеларуских земель, присоединенных Рижским договором к Польше) Летуве и создать на ее территории военные базы, – пишет Тимоти Снайдер. Захар Шибека разъясняет:

«То, что надежды беларусов получить Вильню не оправдались, повредило беларускому делу значительно больше, чем даже аресты и гибель лидеров беларуского движения. Во-первых, это означало, что беларускоязычное население с прилегающих к Вильне земель на данном этапе не присоединится к беларуской национальной идее. Во-вторых, передача Вильни Летуве (вскоре она станет Литовской ССР) подтверждала общепринятое мнение, что наследницей ВКЛ выступает не Беларусь, а Летува. Поскольку произошло слияние старого политического названия и нового этнонима «Литва», то небеларусы не видели связи между современной Беларусью и ВКЛ.

Лишив Беларусь Вильни, нас оставили без мощного исторического оплота, по сути отрезав от западной цивилизации и многовековых европейских традиций. Это была целенаправленная политика руководителей российского государства, которые прекрасно понимали, что республику со столицей в Минске, ориентированном на Восток, значительно проще русифицировать».

Андрей Котлярчук сосредоточил внимание на парадоксе:

«В границах интернационального СССР только в Литовской ССР с разрешения Москвы наряду с коммунистической существовала националистическая идеология, основанная на исторических мифах, – вещь абсолютно невозможная в других республиках».

Как не остаться лузерами?

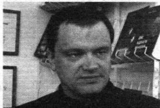
После стольких исторических поражений так и напрашивается вопрос: как беларусам не стать лузерами навсегда? Ответ на него мы попытались найти, обратившись к авторитетным специалистам*.

Захар Шибека, который исследовал и беларуское национальное движение XIX–XX веков, смотрит в будущее с оптимизмом:

«Надо наконец смириться с потерей Вильни, так как в политике не бывает исторической справедливости. Что до приобретений ВКЛ, то здесь у нас есть шанс. Годы суверенитета засвидетельствовали заметный рост национального самосознания. Мы возвращаемся к историческому наследию, так как без этого не можем стать независимым европейским государством, к чему стремимся.

После десятилетий советского пренебрежения серьезное изучение наших исторических корней только начинается. Появляется новое поколение молодых высокообразованных историков, осуществляющих исследования по новейшим мировым методикам. Их задача – создать основательный научный фундамент, который не сможет игнорировать ни беларуское государство, ни весь научный мир».

Главный редактор журнала «ARCHE», автор «Истории беларуского национализма» (2006 г.) Валерий Булгаков видит главную проблему в чрезмерной идеологизированности беларуской историографии, которую в вопросах исследования ВКЛ он ставит ниже летувисской и украинской:

Валерий Булгаков

«Развитость литовской исторической науки проявляется в количестве исследований, их качестве и перечне иностранных языков, на которые они переведены. Кроме того, наша историография, по сути, перенимает концепции времен поздней Российской империи. Уже сама постановка вопроса – «ВКЛ – беларуское государство» – это влияние российской историографии второй половины XIX века. При том, что в последние 15–20 лет в Беларуси наблюдается всплеск действительно аутентичных исследований, нашей главной проблемой по-прежнему остается смешение мифологической и научной перспектив.

Естественно, что с идеологической стороны для беларуского национализма полезно создание историографической визии, что ВКЛ – исконно беларуское государство. С его мифом о золотом веке беларуской культуры, государственным беларуским языком и летувисском этносе, который якобы был политически и культурно отсталым. Однако дикая полемика вокруг этих вопросов не имеет под собой однозначных научных оснований. Ибо, например, в Украине существуют исследования, где государственный язык ВКЛ называется украинским».

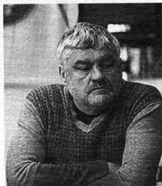
Писатель, историк, один из популяризаторов беларусоцентричной модели истории Владимир Орлов обращает внимание на тот факт, что за годы независимости в свет вышло много исторической литературы, где ВКЛ трактуется как государство наших предков, в котором официальным являлся старобелорусский язык, и где балты составляли национальное меньшинство. Так, по его словам,

* Лузер (англ. loser) – проигравший, потерпевший, оставшийся в убытке. – *Ред.*

во время княжения Витовта /это 1392–1430 гг./ только 1/20 часть населения ВКЛ принадлежала к балтскому этносу. Владимир Орлов отметил:

«Систематическое издание беларусоцентричных исследований привело к значительным изменениям в сознании молодого поколения беларусов. Последние социологические опросы свидетельствуют, что молодежь теперь воспринимает ВКЛ как один из этапов беларуской государственности. Сегодня любой школьник знает, что в средневековье литовцы не завоевывали тогдашние беларуские земли, как об этом рассказывали во времена моего ученичества».

Он также говорит об отсутствии англоязычных исторических работ, написанных с беларусоцентричных позиций, о необходимости влиять на международную концепцию исторической Беларуси, однако первой задачей видит все же локальную:

Владимир Орлов

«Для нас Литва в исторической перспективе – Беларусь. Поэтому, надеюсь, настанет время, когда каждый образованный гражданин Беларуси будет знать, что литвины – это историческое название беларусов. Главная задача, чтобы такая позиция укоренилась в беларуском обществе, а наш исторический паспорт и память стали более весомыми. Когда правда победит в наших головах, в том числе и на самом верху, тогда и наша позиция будет транслироваться за границы страны. И в этом направлении уже есть сдвиги. Очевидно, что без такой отмашки сверху издательство «Беларуская энциклопедия» не взялось бы за основательное трехтомное издание «Великое Княжество Литовское».

Ничья удовлетворит всех?

Но как, отвоевывая свою правду, быть с соседями-летувисами? По словам В. Орлова, диалог беларуских и летувисских историков начался еще в начале 90-х, однако не дал плода, так как летувисские ученые ничего не хотели слышать, оставаясь на своих позициях, которые посредством СССР укоренились в западной историографию. Что-то в этом вопросе изменилось с выходом упомянутой книги Т. Снайдера, который первым из западных исследователей задался вопросом: как такая маленькая страна, как Летува, могла стать наследницей огромного государства «от моря до моря»?

Орлов заметил:

«Возможно, что со вступлением Летувы в Евросоюз и эволюцией летувисской исторической школы их позиция неприятия любых беларуских аргументов изменится на более взвешенную, фактологическую. Красноречивый пример – деятельность литовского посольства в Беларуси, которое всегда подчеркивает, что ВКЛ – наше общее наследие. Вот и литовский посол Эдминас Багдонас пригласил Беларусь вместе с Летувой отметить в 2010 году 600-ю годовщину Грюнвальдской битвы.

Другой пример. На круглом столе «Тысячелетие Литвы. Литва и Беларусь 1000 лет вместе» один из авторитетных литовских историков Альфредас Бамблаускас так и заявил: ВКЛ – наше общее наследие, и вы, беларусы, берите себе от него столько, сколько желаете».

Продолжение слов Орлова находим в высказывании главного редактора Всеобщей литовской энциклопедии Антанаса Рачиса во время февральского /2009 г./ круглого стола в Вильне, обращенном к беларуским коллегам:

«Мы в Литовской энциклопедии отказались от романтического подхода к ВКЛ. Хотя в народе жило крылатое выражение — «Литва от моря до моря», но это лишь красивый миф. Какая же это Литва? Это Великое Княжество Литовское. Какое-то время при великом князе Витаутасе оно, действительно, было великим, но не было в строгом смысле Литвой».

Адам Мальдис

Похоже на то, что отношения историков обеих стран, наконец, начинают приобретать цивилизованные рамки.

Захар Шибека уверен:

«В истории есть вещи, какие невозможно решить консенсусом. Есть противоположные позиции двух народов, каждый из которых вправе посвоему воспринимать и интерпретировать наследие. Будущее — в общем использовании двумя народами наследия ВКЛ».

Его мысль разделяет и Валерий Булгаков, замечая, что единственного правопреемника наследия ВКЛ быть не может:

«В спорах между собой летувисские и беларуские ученые забывают еще и об украинском праве на это государство. Напомню, что до Люблинской унии 1569 года украинские земли тоже входили в состав ВКЛ».

Вот и знаменитый исследователь, профессор Адам Мальдис на недавней беларуско-польской конференции беларусистов предложил не конфликтовать с летувисами, а вместе отметить 800-летие Беларуси в 2017 году:

«Есть записи ирландского законника 1217 года, который попал на территорию Литвы и писал, что его сослуживец пошел на Альбарусию — беларускую землю. Этот же монах присутствовал на коронации Миндовга»*.

Антанас Рачис

Кто у кого украл?

Однажды на литовской выставке высокопоставленный беларуский чиновник, посмотрев экспозицию, язвительно бросил в кулуарах своим собеседникам:

«Выставка о том, как летувисы украли нашу историю».

* Коронация состоялась 6 июля 1253 г. в Новогородке (Новогрудке). — *Ред.*

Не пришло ли время беларуским ученым оставить обиды, отказаться от безмерных амбиций и утопических идей (Вильню с Белостоком все равно не вернуть) и заняться своим делом?

А государственным мужам, которые вслед за советскими идеологами почти два десятилетия убеждают нас в том, что мы с русскими — один народ, что история Беларуси начинается с 1941, ну, в крайнем случае, с 1917 года, — заняться своим?

Чтобы лучших отечественных историков не выгоняли из государственных институтов за исследование «неудобных» тем. Чтобы иностранцы были заинтересованы приехать в Беларусь и взглянуть на проблему с нашей колокольни. Чтобы государственные символы Беларуси не уступали по возрасту символике Летувы, а на международной арене нас знали не хуже летувисов, у которых нам следует много чему поучиться.

Летува, которая в последнее время стала, по сути, беларуским лобби в Европе, шаг за шагом делает нам навстречу. Неужели не ответим тем же?

Часть 2. «Ваше» и «наше»

Интервью с Э. Александравичюсом

Корреспондент «Радио Свобода» Сергей Шупа 25 июня 2011 г. взял интервью у историка, культуролога и публициста, профессора университета имени Витовта Великого в Каунасе, директора Института литовской эмиграции Эгидиуса Александравичюса. Речь шла о беларуско-литовском братстве и о фундаменте сознания ВКЛ.

Сергей Шупа (С.Ш.): Беларусы и литовцы иногда ведут горячие споры на исторические темы. А действительно — что в истории было «наше» и «ваше»? Что надо делить в истории, и вообще надо ли?

Эгидиус Александравичюс (Э.А.): Давайте задумаемся над тем, что нет больших братьев в истории, чем беларусы и литовцы. Не латыши, не поляки, не кто-то другой — только беларусы и литовцы. Потому что по сути, осуществленные представления нашего исторического нарратива (в литовском случае), или желаемые, но еще не осуществленные (в беларуском случае) — они общие.

Иногда я приношу на лекции в большую аудиторию две бутылки водки — литовской «Gediminas» и беларуской «Князь Витовт», и говорю: ну, а теперь вы, литовцы, попробуйте уяснить себе — в чем различие?

Возьмите имеющийся беларуский учебник, в котором те же сюжеты, те же герои, только буквы разные. Списки их достоинств и слабостей те же. В вашем тексте это литовцы, в их тексте это беларусы. Что делать? Не верьте, что правом обладает более сильный, что в поисках единственной правды литовский нарратив сильнее. Способны ли вы понять, что все это — нарративы давно умершего прошлого? Прошлое не меняется, оно давно мертво. Но посредством этого нарратива мы сегодня создаем себя самих.

Наш литовский дискурс как-то сформировался, мы себя, хотя и ограниченно, но очертили через тех героев. А какие у беларусов сейчас альтернативы, чтобы создать фундамент для своей идентичности? Конечно, я как историк, который иногда так или иначе втискивает себя в какие-то профессиональные рамки, могу сказать: ну ясно, Полоцк, Витебск, давнишние княжества Киевской Руси, которые имели историческое и политическое значение, могли бы быть фундаментом для построения тождества.

С.Ш: Ну, вот хоть где-то мы разделились...

Э.А. Но в любом случае литовцы должны понять это братство, ибо мы – наследники общего наследия Великого Княжества Литовского. Правда, я бы не согласился с наиболее радикальными романтичными версиями беларуского нарратива. По крайней мере, они не решают одного вопроса: все же факт то, что эти литовцы, или литвины, или как их еще назвать, были язычниками, последними из могикан, а беларуские или добеларуские земли Киевской Руси были православными. И это различие – язычество литовцев – становится очень важным. Если ты строишь тождество на полоцком нарративе, тогда ты не можешь думать о нарративе этих «последних краснокожих» Европы. И здесь возможны самые разные варианты синтеза, среди которых и такой, когда князь Витовт становится героем песен и покровителем водки, и действительно формируется представление, которое в Литве является достаточно сильным.

Эгидиус Александравичюс

С.Ш: Хорошо, однако все же есть какие-то объективные факты – даже если согласиться относительно роли балтского субстрата в формировании беларуского этноса, все же беларусы и литовцы, или их предки, как бы они ни назывались, говорили и говорят на разных языках, большая часть беларусов принадлежит еще и к другой конфессии. Так до какой степени сохраняется наша историческая совместимость?

Э.А: Здесь следует обратить внимание на одну вещь, которая и в Литве в значительной степени забыта. Когда мы говорим о традициях ВКЛ, то часто забываем о существенных различиях между субъектом политической цивилизации и продуктом филологии. Это аргументы Чеслава Милоша, утверждавшего, что литовцы в конце XIX века превратились из субъекта политической цивилизации в продукт филологии. А стародавний литовец прежде всего принадлежал к политической и гражданской нации.

Не кровь, не язык, не вера, а лояльность и верность «Литовскому статуту» определяли, что такое литовец. Так кому сегодня принадлежит это наследие? Скорее всего тем, кто исповедует те же ценности. Как в какой-нибудь полемике XVI века между поляком и литвином ее участник ответил на вопрос «Kto jest litwin?» Последовал бы типичный ответ: «Ten, ktory kocha wolnosc i szanuje Statut litewski» /«Тот, кто любит свободу и уважает Литовский Статут»/. Тот, кто любит свободу, свободу личности, гражданина и всего общества, и кто дорожит «Литовским статутом», этой конституцией Литвы. И выходит, что в основе тождества лежит определенный тип политического сосуществования.

Я высказал этот тезис в январе 2010 года на презентации «Великой книги ВКЛ» – огромного тома на трех языках, который вышел в Минске, там были историки, представители беларуского официоза и много интеллигенции. Так вот, именно тогда я ощутил, что надо высказать этот тезис, раз уж мы говорим о традиции: не какие-то гены, не этнос, не язык, а эти ценности должны стать для нас наследием, тогда мы и будем наследниками.

Или взять споры о том, кому принадлежит Адам Мицкевич. Скорее всего тем, кто наизусть цитирует «Пана Тадеуша», «Дедов», «Гражину», тем, для кого «Конрад Валленрод» – культовый текст.

С.Ш: И что в духе этого тезиса надо делать сегодня?

Э.А: Надо распространять мысль о братстве литовцев и беларусов – это один момент. А другой момент – как себя вести, если политический порядок или режим у наших братьев совсем не сочетается с этими ценностями, никак не сочетается с великими идеями свободы Великого Княжества?

В ВКЛ во времена до Люблинской унии самым интенсивным образом обсуждалось, чем мы отличаемся от поляков и от московцев. От поляков – ну понятно, там сарматская анархия и все такое, а от московцев тем, что у нас даже властители государства придерживаются законов, тогда как там – тирания, деспотия, совсем другие контуры тождества.

Я исхожу из тех позиций, что мы братья, хотя судьба нас теперь разделила, что достойно сожаления. Все же есть надежда, если смотреть в далекое будущее, на некое единство, чтобы, избавь нас Боже, не укрепились эти границы, чтобы люди контактировали, чтобы изучали языки, чтобы мы понимали друг друга.

С.Ш: А что препятствует сегодня этому пониманию?

Э.А: Я часто говорю литовцам, чтобы они не смотрели с такой страшной серьезностью на свои исторические нарративы. Надо уметь понимать мотивации и представления других и таким образом достигать гармонии. В любом случае проблема не в прошлом, а в сегодняшнем дне, в том, что мы сегодняшние проблемы переносим в прошлое и методом каких-то мифологических процедур пытаемся решить то, что у нас не получается сегодня.

Проблема в том, что сегодня не удается сконструировать гармоничную беларускую идентичность. Не удается создать демократию, неизвестно, что будет происходить дальше с этим законсервированным советским строем, который уже начинает ломаться, как будут страдать люди. Иначе говоря, вот действительно важные вещи. Я пытаюсь объяснить своим студентам, что они должны понять беларусов: это наши братья, у нас с ними очень большой кусок общей ис-

тории, и наши герои могут быть общими. Здесь не обязательна альтернатива «или – или».

Вообще мой либерализм очень близок идеям краёвцев. Однако реальность такова, как она есть. Националистический дискурс имел больше возможностей мобилизовать массы и он реализовал себя в 1918 году. Беларусы были тогда ближе к россиянам, и российские претензии были высказаны более четко, и вот здесь, по-моему, суть всего произошедшего – не в ошибках «беларусизма» беларусов, а в российских интригах и интервенции, в прямой попытке России удержать Беларусь в своем шлейфе.

Теперь все изменилось, и дай Бог беларусам силы воображения и гражданской зрелости, чтобы они дальше создавали себя и увидели себя среди других народов, чтобы поняли, что никакие гены, никакие расовые особенности здесь ничего не определяют. Определяет гражданская лояльность, определенные политические представления. И если уж мы говорим об общем фундаменте ВКЛ, то прежде всего должны видеть, что этот фундамент – не территория, не кровь или что еще, а определенный характер цивилизации. Свобода, господство законов, сообщество свободных людей, которое создает само себя, которое способно уважать попытки других создать такое же сообщество и способно гармонично уживаться с другими.

Я уверен, что Беларусь имеет большое будущее, надо только иметь терпение и не терять надежды.

О ДНЕ НЕЗАВИСИМОСТИ 25 МАРТА
(В память 95-й годовщины БНР)

Александр Погорелый

Для каждого народа Центрально-Восточной Европы идея избавления от иностранного господства и достижения суверенитета своей нации составляла главный смысл борьбы за независимость. Многие народы региона отмечают даже не один день независимости, а несколько: слишком тернист был путь к ней. Однако бесспорно то, что день независимости является символом живучести нации, её единства, единения элиты и народа.

Беларусь в этом смысле не является исключением. Но существует слишком много мифов и стереотипных мнений о Беларуси и беларусах, которые возникли не по воле их самих, а с участием режимов, правивших страной.

Взгляды на Беларускую Народную Республику значительно различаются. Симптоматично то, как относится ко дню 25 марта часть постсоветской городской интеллигенции Беларуси. Отношение этой интеллигенции к национальному возрождению на уровне деклараций – позитивное, но на самом деле память о БНР для них нечто такое, что не имеет особого значения, просто некая абстракция. Учебники истории, популярные пособия, да и многие учёные до сих пор трактуют акт беларуской независимости не в духе национального единения, выражения воли народа через свою элиту, а в духе либо классовой борьбы, либо текучки партийных склок.

В первом случае, безусловно, нужно учесть ретроградные советские тенденции, характерные для современного политического режима в Беларуси, а также инертность и живучесть стереотипов советской эпохи.

Во втором же случае надо присмотреться к особенностям людей, имеющих в Беларуси статус интеллигенции. У них представление о национальной истории сужено до уровня нынешних склок и идейных разногласий, которых не было во времена их молодости, в эпоху «руководящей и направляющей роли КПСС», которую не любило, но которой преданно служило большинство из них. Но непонимание этой частью беларуской интеллигенции акта 25 марта 1918 г. не должно мешать нашему осознанию этого события.

Беларуские интеллектуалы начала XX века имели трезвое представление о том, что национальная идеология не должна быть направлена против кого-то. Это важный момент, так как политика российских имперских властей делала всё, чтобы разорвать беларусов на крестьян и помещиков, социалистов и верноподданных, «русских" и «польских". За сто лет до того у беларусов отобрали государство, их насильно перевели в православие. Такова старая как мир парадигма действий любого имперского режима в отношении захваченной территории.

Беларуская же национальная идея была вполне позитивной и объединяющей, она призывала к осознанию беларусами своих прав, она основывалась на просвещении, на признании национальных, а вместе с тем и человеческих прав всех беларусов. Главной чертой беларуской национальной идеи была не конфронта-

ция с другими народами, а поиск компромисса и объединяющих начал прежде всего с соседними народами, с которыми беларусы когда-то вместе жили в Великом Княжестве Литовском. Не было в ней образа этнически однородного отечества или стремления к этнократии. Происходившие из цивилизационного порубежья, лидеры беларуского национального движения переносили в национальную идеологию опыт сосуществования различных народов и конфессий, среди которых они жили*.

Теперь обратимся к некоторым моментам новой истории, которые объясняют пути беларусов к государственной независимости. Признание существования беларуского народа значило и признание его человеческих прав. Первая Мировая война в 1915 году поделила Беларусь линией фронта на две части. В том же году беларуские деятели попытались возродить Великое Княжество Литовское в виде Конфедерации всех народов, которые ранее в нем проживали. Декларация об этом была напечатана на всех языках бывшего Великого Княжества. Но соседи оказались не готовы к созданию такого государственного образования, опасаясь ассимиляции и возможных конфликтов.

Герб БНР

В 1917 г. беларусы ещё раз убедились в том, что с их правом на существование не считаются. Делегация представителей Беларуси, находившихся на российской стороне фронта, была принята главой Временного Правительства князем Львовым, но добиться признания за беларусами права считаться отдельным народом им не удалось. Представители даже либеральной части тогдашнего российского «истеблишмента» мыслили исключительно имперскими категориями. Большевики, захватившие власть осенью 1917 г., рассуждали примерно так же как эти «либералы». Один из руководителей большевистских органов в Беларуси Вильгельм Кнорин (этнический латыш) считал, что беларусы практически не отличаются от русских – за исключением незначительных этнографических особенностей.

В свете заявлений восстановившего свои президентские полномочия главы одного большого и якобы « дружественного» государства хорошо видно, что эта традиция существует по сей день... Беларусы стучались в закрытую дверь, хотя сами оставались открытыми к сотрудничеству с Россией, которая ни разу не признала их права на существование и самостоятельность.

Беларуские интеллектуалы понимали, что в условиях разворачивавшегося большевистского хаоса надо действовать. Они решили созвать Всебеларуский съезд, который должен был решить, какую форму государственности примет Беларусь. Беларуских представителей съехалось на национальный форум почти 1900 человек. Характерно то, что многие сторонники западнорусизма (идеоло-

* Польский политический деятель того времени Леон Василевский сравнил этно-конфессиональную пестроту Беларуси с аналогичной ситуацией в Боснии. Последующая история опровергла это сравнение, на исходе XX века Боснию разодрала на части кровавая усобица. В Беларуси угрозы гражданской войны нет, и не предвидится.

гии, считавшей беларусов частью великой русской нации, но признававшей за ними значительную самобытность) перешли тогда на национальные позиции.

Большевики смертельно боялись съезда и пошли на его разгон. Беларусь была наводнена пьяной русской солдатнёй, зомбированной большевистской пропагандой. Эти солдаты ориентировались на большевиков. Тем не менее, даже после разгона Всебеларуского съезда 18 декабря 1917 года часть лидеров Беларуского национального движения не перестала считать, что Беларусь должна состоять в федерации с Россией, как они надеялись – демократической. Для них главным было признание культурных и политических прав и самобытности беларуского народа, а не суверенитет как таковой.

Большевиков же, провозгласивших право наций на самоопределение, судьба Беларуси не интересовала. Разогнав легальные органы, представлявшие интересы всех беларусов на российской стороне фронта, большевики сами сожгли мосты возможного сотрудничества с ними. Проигнорировали большевики во главе с комиссаром иностранных дел Чичериным интересы беларусов и тогда, когда фактически поделили Беларусь с немцами на две части, придав этому разделу правовой статус. Не заботила большевиков и судьба беларусов-беженцев военного времени, а ведь страну покинуло более 1,5 млн. человек. Они были предоставлены сами себе, занимались ими беларуские общественные организации в России, но не власти.

Кроме того, этот договор оговаривал границы государственных образований, в том числе Латвии, где уезды, населённые беларусами, трактовались как территории, подлежавшие разделу без учёта интересов местных жителей.

В момент прихода немцев в Минск в феврале 1918 г. исполнительные органы Всебеларуского съезда, вышедшие с уходом большевиков из подполья, взяли на себя функции гражданской власти – они создали Народный секретариат во главе с Язепом Воронко. Немцы особой симпатии к беларуским властям не проявили, отобрали кассу, сняли национальный бело-красно-белый флаг со здания, где находился Народный секретариат. По договору, подписанному в Брест-Литовске в марте, получалось, что они заняли территорию России. Однако в дальнейшем немцы были вынуждены считаться с беларускими властями. Вся организация гражданской жизни легла именно на плечи беларусов.

События развивались таким образом, что нужно было довести до логического конца те решения, которые обсуждал легитимный Всебеларуский съезд. На территории Беларуси стали претендовать поляки, а Литовский совет (Тариба) определял значительную часть населяемых беларусами земель как принадлежащую Литве. Представители последней еще в 1916 г. отказались создавать в будущем совместное Беларуско-Литовское государство, опасаясь, вероятно, ассимиляции литовцев – беларусами.

Однако претензии Польши носили иной характер. Правовой статус беларуских территорий, оккупированных немцами в 1915 г. был другим по сравнению с занятыми в 1918 г. Немцы собирались за счёт Гродненщины и Виленщины удовлетворить потерю Познани и Великопольши будущим Польским государством. Это вызвало резкий протест беларуских лидеров.

9 марта была провозглашена Беларуская Народная республика. Во Второй Уставной грамоте, принятой в этот день, очерчивались границы государства (в

соответствии с картами разработанными академиком, выдающимся языковедом Ефимом Карским) и права граждан. Фактически это была временная конституция.

День 25 марта 1918 г. стал поворотным пунктом в истории Беларуси. Представители народа выразили его волю на суверенитет и право самим распоряжаться своей судьбой. Принятая 25 марта Третья Уставная грамота объявила недействительным Брест-Литовский мирный договор, разорвавший страну на части.

Организация культурной и экономической жизни в Беларуси постепенно переходила к беларусам. Несмотря на оккупационный грабёж со стороны германских войск, удавалось решать проблемы жителей, связанные с обеспечением продовольствием и топливом. Власть центрального руководства независимой республики признавали на местах, к ней обращались за помощью. Независимое Беларуское государство защищало интересы своих жителей. Например, немецкие войска задерживали и интернировали беларусов, служивших в русской армии, помещая их в концентрационный лагерь под Ковно (Каунасом). Беларуские власти ходатайствовали за этих граждан, выдавали им паспорта республики.

Флаг БНР

Удалось наладить деятельность почты, что в то время было особенно необходимо. Выпускало независимое государство и свои почтовые знаки. Была организована помощь для возвращавшихся в Беларусь беженцев. Власти БНР защищали интересы беларуских крестьян от немецких реквизиций.

Самым важным было завоевать признание основной части населения страны, то есть крестьянства. Легитимность в его глазах была очень важна. Позже многочисленные съезды крестьян высказывались за государственную независимость Беларуси, за школы с обучением на родном беларуском языке, за собственную армию. С лета 1918 г. Рада БНР контролировала образование, органы социальной опеки, торговлю. Власти республики успешно организовали сотни школ и десятки гимназий с беларуским языком преподавания, открывались высшие учебные заведения, семинарии для подготовки педагогов. Молодое государство справлялось с решением первоочередных задач, жизненно важных в условиях послевоенной разрухи.

Были установлены дипломатические отношения с Чехословакией, Турцией, Эстонией, Латвией, Украиной и некоторыми другими государствами. Беларуские представители приняли участие в работе Парижской мирной конференции, распространяли там информацию о Беларуси, чем вскоре вызвали сильное раздражение польского руководства. Оно сочло, что мир «слишком много» узнал о беларуской проблематике и о бесчинствах польской оккупации. В числе первых Беларусь была признана Украиной. Украина поддерживала независимость

молодого государства. Велись переговоры о предоставлении Украиной государственного кредита Беларуси.

В международной ситуации, сложившейся в связи с отменой большевиками 29 августа 1918 г. всех договоров, касавшихся Польши, а 13 ноября того же года денонсацией Брест-Литовского договора, фактическая независимость Беларуси имела большое значение. Почти все государства, провозгласившие свою независимость на территории бывшей Российской империи, сначала добивались именно фактической независимости. И лишь способность утвердить её на определённой территории могла открыть дорогу юридическому признанию. Эстония, к примеру, добилась такого признания только к 1920 г. Хищные соседи Беларуси не дали ей такой возможности.

Гімн БНР

Мы выйдзем шчыльнымі радамі
На вольны родны свой прастор.
Хай воля вечна будзе з намі,
А гвалту мы дамо адпор!

Няхай жыве магутны, смелы
Наш беларускі вольны дух;
Штандар наш бел-чырвона-белы,
Пакрыў сабой народны рух!

На бой! За шчасце і за волю
Народу слаўнага свайго!
Браты, цярпелі мы даволі.
На Волю! — усе да аднаго!

Імя і сілу беларуса
Няхай пачуе й бачыць той,
Хто смее нам нясці прымусы
І першы выкліча на бой.

Браты, да шчасця мы падходзім:
Хай гром грыміць яшчэ мацней!
У крывавых муках мы народзім
Жыццё Рэспублікі сваёй!

(Макар Краўцоў)

После того, как Беларусь была оккупирована большевиками и поляками, беларуский крестьянин не забыл о своей республике. Восстание в Слуцке в конце 1920 г. и партизанская борьба первой половины 1920-х годов за Беларускую Народную республику не сумели вымарать из народной памяти ни два десятилетия польской оккупации, ни 70 лет советского режима.

В межвоенные десятилетия день 25 марта отмечался беларусами в Западной Беларуси, в центрах беларуской эмиграции в странах Европы и в США. В советской же части Беларуси отмечали исключительно советские даты. Однако наличие правительства БНР в эмиграции сначала в литовском Каунасе, а потом в чешской Праге вызывало нескрываемое раздражение большевиков, которые требовали ликвидировать его и признать Минск единственным центром Беларуси. Беларуские деятели, не питавшие иллюзий на счёт большевиков, никогда на это не пошли.

Позже, когда большевики расправились почти со всеми вернувшимися в БССР представителями беларуской интеллектуальной элиты, выступавшими с позиции государственной независимости, Рада БНР в изгнании стала политическим и символическим центром, вокруг которого на десятилетия объединилась беларуская эмиграция. Именно она была ревнителем подлинной независимости Беларуси всё это время.

После 1991 г. пришедшие к власти в Беларуси представители бывшей административно-хозяйственной номенклатуры попытались добиться признания символической преемственности между Радой БНР и собой. Но представители Рады не пошли и на это: они прекрасно видели, как правящие круги в 1992–93

гг. фактически торговали независимостью страны, строили планы «интеграции» и «единой валюты» с Кремлём; видели, что для них суверенитет и свобода народа мало что значили. Говорить о сегодняшней ситуации вообще не приходится: торговля суверенитетом в обмен на кредиты и льготы стала принципом существования действующего политического режима.

Беларусь часто сравнивают с Ирландией. Это делали деятели национального движения в начале XX века, делалось это и потом. Сегодня подобными сравнениями часто злоупотребляют, но один пример для нас, беларусов, чрезвычайно поучителен. Пасхальное восстание 1916 г. долгие годы не отмечалось ирландцами на государственном уровне, считалось, что эта дата способствует ультранационалистическим настроениям. Тем более, что и раньше этот день скорее делил ирландцев, чем объединял. Однако история поставила всё на свои места. Спустя 90 лет, с 2006 г., дата восстания стала отмечаться как общенациональный праздник со всеми полагающимися атрибутами: военным парадом, уличными шествиями, салютом и т.д.

В сознании большинства беларусов дата 25 марта уже давно закрепилась как важнейший день в национальной истории. Людям в возрасте от 15 до 55 лет не нужно объяснять его смысл. Даже современные власти не могут с этим не считаться, организуют какие-то отвлекающие «гуляния» в тот самый день.

Вывеска на здании военно-дипломатической миссии БНР в Латвии и Эстонии в сентябре 1919 — январе 1921 гг. (Рига, ул. Николаевская, 20)

Как мы уже отметили, с недоверием к этому празднику относится беларуская городская интеллигенция. На словах готовая служить народу, на деле она относится к нему с презрением. Эти слова — в прошлом — чаще всего обозначали её сервилизм /холуйство. — *Ред.*/ перед властями, а сегодня — перед теми, кто щедрее заплатит. Тезис о несуществовании или слабости беларуской нации сегодня исходит, как правило, именно от этого пласта беларуского общества. В современной Беларуси не надо доказывать живучесть «беларусчыны» и идеалов 25 марта 1918 г. предпринимателям или шахтёрам. В этом нуждаются, как ни странно, лишь те, кто занимается исключительно умственным трудом.

Праздник по понятным причинам не отмечается на государственном уровне, но он стал народным. Стал днем выражения воли беларусов к независимости и свободе, стал идеалом, дорогим для народа.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В СССР

Максим Славинский

От редактора

Этот текст был написан 76 лет тому назад. Читая его сегодня, поражаешься, сколь многое автор сумел разглядеть в тумане грядущих десятилетий. Поистине пророческими оказались его суждения о разделении населения Российской (затем советской) империи на командную (имперскую) нацию и подкомандные нации; о запаздывании процессов формирования наций в странах Восточной Европы; о попытках создания имперской идеологии; о причинах краха царской империи; об особенностях созданной на ее обломках империи советской; о неизбежности распада и этого наднационального образования на составные части именно по национальному признаку.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выпуск отдельным изданием обширного доклада о национально-государственной проблеме в С.С.С.Р., прочитанного в Париже 17 мая 1937 года маститым национологом М.А. Славинским, будет встречен с большим удовлетворением не только теми, кто имел удовольствие присутствовать на самом докладе – а их было не мало – но вообще всей читающей публикой, интересующейся судьбами многомиллионных народов и их общей чудовищной тюрьмы, известной под именем С.С.С.Р. и занимающей одну шестую часть света.

Судьба С.С.С.Р., пожалуй, известна – и тот логический вывод, к которому приходит, путем тщательного научного анализа фактов и явлений первостепенной важности до- и пореволюционного периодов, уважаемый докладчик: его распад на отдельные национальные государства. Он даже предуказывает, что этот процесс не может произойти иначе, как «борьбой и кровью», хотя и не скрывает своего предпочтения – «разойтись подобру-поздорову» этим народам.

Но нужно отдать справедливость и большевикам, вот уже 21 год проводящим кровавую демаркационную линию между русским и не-русскими народами, с самого начала первыми зачеркнувшим слово «Россия», заменив его С.С.С.Р. Последний, как известно, если принять всерьез его «самую демократическую конституцию», объединяет народы на началах свободного союза, оставляя неприкосновенным суверенное право каждого на выход из него, путем одностороннего волеизъявления.

Докладчик прав, конечно, определяя эту сталинскую игру в конституцию, равно как и ленинский лозунг «...вплоть до отделения», большевицкой тактикой,

---

* Предлагаемый доклад, прочитанный 17 мая 1937 г. в Париже, был опубликован в 1938 г. в серии «Bibliotheque du Comite d'Amitie des Peuples du Caucase, du Turkestan et de l'Ukraine» на русском языке в виде брошюры. Печатается по тексту оригинала.

но последняя не только не отрицает, а, наоборот, как нельзя красноречивее подтверждает, что вынужденное теоретическое признание суверенных прав народов ставит на очередь дня неотвратимый вопрос их полного освобождения из под ига Москвы, и вопрос этот не сойдет с очереди, покуда не получит именно этого разрешения.

В этой связи, докладчик очень кстати напоминает, что по переписи 1897 года, отнюдь не грешившей пристрастием в пользу «инородцев», великороссы составляли 47 % всего населения империи, и, чтобы эту пропорцию повысить до 65 %, царскому правительству угодно было отнести к «державной нации» украинцев и белорусов. Небезынтересно тут же отметить, что в 1917 г. как раз украинцы, если не считать поляков и финнов, раньше других отмежевались от «москалей»!

Но этому отмежеванию есть и другое, не менее важное объяснение, и это ясно констатирует докладчик: политическая отсталость русских масс по сравнению с не-русскими массами, в доказательство чего он ссылается на линию поведения как тех, так и других во время революции 1917 года, когда их зрелость и незрелость должны были подвергнуться, как это случается в такой коренной переломный период, суровому экзамену.

Теперь, по крайней мере, никому не придет в голову отрицать, что русский народ не выдержал этого экзамена. Он оказался незрелым, неподготовленным, чтобы отличить социальное от национального, классовое от общегосударственного. Правда, с первых же февральских дней вошло в, употребление в подражание великой французской революции (недаром же прежние русские эмигранты считались лучшими знатоками этой революции, чем сами французы!) слово «гражданин», но русский народ предпочел ленинский клич к братанию «товарищей» по сю и по ту стороны военного фронта. Известно, что из этого вышло: вместо того, чтобы спасти «отечество в опасности», русские массы нанесли ему в спину удар, и вчерашние пораженцы стали их правителями.

С этого момента пути русского и нерусских народов разошлись навсегда, ибо нерусские народы иначе использовали революционную ликвидацию старого режима, основав национальные государства на современных европейских началах и, таким образом, отвергнув большевицкие методы управления почти также, как дикие планы осуществления социализма в отсталой стране. То обстоятельство, что они, еще не успев окрепнуть внутри и не получив никакой поддержки извне для организации и снаряжения своих юных национальных армий, не устояли перед натиском разрушительных сил большевиков с их красной армией, ничего не меняет в первоначальной постановке вопроса: подвластные народы никогда еще не были так крепко охвачены непреодолимым стремлением «уйти прочь от Москвы, от России вообще», по выражению М.А. Славинского, как именно теперь. Разве непрерывные массовые расстрелы нерусских коммунистов за сепаратизм не свидетельствуют о том, что даже эти презренные слуги Москвы признали свое бессилие справиться с центробежной стихией в национальных республиках?

Сам Сталин потерял надежду овладеть ею, ибо он не мог не видеть, как угнетенные народы «освоили» его приказ любить «общее союзное отечество», ловко подменив его, в своих сокровенных вожделениях, собственными родными отечествами, для спасения которых они не останавливаются ни перед какими жерт-

вами. Отсюда и понятное движение так называемой советской революции и возрождение доморощенного воззрения романовских сподвижников, по которому все расы и племена обширной империи брались под общую рубрику «русский народ», и только ему обеспечивалась будущность.

Нужно сказать, что те места доклада М. А. Славинского, которые трактуют о попытках старого режима создать «имперскую нацию, имперскую интеллигенцию» — на самом же деле и тот и другая русские — долженствовавшие всосать в себя и ассимилировать все другие народы с их интеллектуальными элементами, относятся к самым блестящим и наиболее оригинальным. Не имея возможности на них останавливаться и без того в удлинившемся предисловии, и отсылая читателя к самому тексту, мы подчеркиваем только полный крах этих бездарных затей зарвавшихся ура-патриотов, так хорошо выявленный докладчиком.

Хуже того: гоняясь за созданием «имперской нации», старый режим тормозил появление на сцену подлинного великорусского народа с его здоровым патриотизмом. Известно, что в роковой час революции русской нации, как таковой, не оказалось налицо, и этот факт с большим изумлением констатировал один делегат из «инородцев», еще накануне большевицкого переворота, на Демократическом Совещании в Москве.

Сталин не на шутку взялся создать ее, русскую нацию, и для этого целое сонмище казенных историков и литераторов лихорадочно перерабатывает учебники и хрестоматии, а также «учёные» труды большевистских академиков, «а 1а Иловайский», чтобы доказать первенство русского народа среди других народов, возводя в свой прежний ранг былинных богатырей и витязей, киевского, отнюдь не московского периода русской истории, полководцев и царей. Сталин находит, что «первый между равными» русский народ, с его духовным богатством в прошлом и настоящем, в недостаточном почете у других народов и предписывает проводить «в ударном порядке» среди них похороненную, казалось бы, навсегда систему всеобщего обрусения.

Нечего говорить, атавизм берет верх, но эта новая «генеральная линия» Кремля, с радостью подхваченная ничему не научившимися русскими эмигрантами, в свою очередь участившими делать ударение на «русскость» всего и всякого, потерпит точно такое же сокрушительное поражение, как и старая, в области «социалистического строительства». Мы не сомневаемся, что доклад М.А. Славинского значительно посодействует всестороннему обоснованию этого неизбежного конца.

Комитет Дружбы народов
Кавказа, Туркестана и Украины

I

Речь идет об одной из проблем Восточной Европы, а именно, о том процессе, начало которому положено в давний период существования государственного образования, носившего имя царской, позже императорской России, и который ныне, в сменившем ее советском государстве с коротким именем в четыре буквы — СССР, уже близок к своему окончательному завершению.

Изложения своего не буду перегружать фактами. Во-первых, потому, что факты эти всем хорошо известны, — даже и тем заинтересованным, которые хо-

тели бы думать, что они их не знают. Во-вторых, потому, что факты эти слишком многочисленны, и не только для анализа и суждения о них, но и для простого перечисления их, у нас не хватило бы времени.

Позабочусь поэтому о том, чтобы все, что на востоке Европы имело и имеет место в интересующей нас области, все, что относится так или иначе к национально-государственной проблеме, – чтобы все это свести по возможности лишь к одному аспекту, а именно, – к национологическому. Это избавит нас от излишних подробностей, устранит контроверзы, неизбежно возникающие при детальном изложении, и позволит взглянуть на весь вопрос, так сказать, со стороны, т. е. с наибольшей объективностью.

Для начала – несколько слов о заглавии доклада. Оно почти непереводимо на западноевропейские языки, в частности на французский. Причина в том, что национально-государственные процессы в Западной Европе протекали сравнительно давно и не так, как это было в императорской России и как это повторено потом в советском государстве. Иные были времена, иные условия и стадии культурно-политического развития. Благодаря этому, в сознании западных европейских политиков и национологов понятие нации и по сей день почти неотделимо от понятия государства. Это отразилось и на языке. Так, например, французские слова «nation» и «nationalite – оба неизбежно вызывают представление о полном слиянии понятий нации и государства.

Bibliothèque du Comité d'Amitié des Peuples du Caucase, du Turkestan et de l'Ukraine

М. А. Славинский

Национально-государственная проблема в СССР

PARIS
1938

На востоке же Европы, и отчасти в центре ее, можно констатировать обратное явление. Там эти два понятия всегда были отчетливо раздельными, и процесс их слияния явственно обозначился лишь в самое последнее время, – можно сказать, на наших глазах, когда нации, в процессе своего развития, практически стали заканчивать его установлением новых или воссозданием своих прежних национальных государств.

В настоящее время на западе Европы и в центре ее догорели, а на востоке – догорают последние огни великой исторической борьбы за нацию и государство, которая в Европе за последнее столетие шла в двух направлениях. Одно из них формулировано национологией (Блюнчли), и целью его была реализация тезы: сколько наций, столько и государств; иначе говоря, каждая нация должна закончить свое внешнее оформление созданием собственного государства*. Другое направление вытекало из практики многонациональных государств и тезою

* Иоганн Блюнчли (1808–1881), швейцарский правовед, историк и политический деятель. Основное сочинение – «Общее государственное право» в двух томах (1851–52 гг.). Блюнчли делил всякое общество на 4 класса по степени их пригодности к государственному управлению: а) правительственный; б) аристократический; в) средний; г) народный (крестьяне и рабочие). По его мнению, последний из классов в принципе неспособен к управлению. – *Ред.*

его было: в государстве может быть только одна нация – государственная, а остальные должны исчезнуть в ее пользу.

Обе тезы, в сущности, исходили из общей теоретической предпосылки, а именно, из мысли об органическом слиянии нации и государства. Но в практическом своем применении они вели к диаметрально противоположным результатам, а потому были непримиримы и легли в основу длительной и ожесточенной борьбы, с одной стороны, между государством и нациями, с другой – между нациями и между государствами. Мы не можем здесь, даже в коротких словах, проследить исторические перипетии этой борьбы. Укажем поэтому лишь на то, что к нашему времени она, в главных своих очертаниях, в Европе уже закончилась в пользу первой тезы.

Последствия были значительны и многообразны. Политическая карта Европы, на восток от Рейна, приобрела совершенно новый вид. Появилась объединенная Италия, за нею объединенная Германия, а в центре Европы и на Балканах место прежних многонациональных империй заняли новые государства, возникшие на основе права каждой нации на самоопределение. Одно из таких государств возникло даже на крайнем европейском западе, на одном из Британских островов, в виде свободной Ирландии, ныне республиканской.

На востоке Европы, – если считать Европою и СССР, – все запаздывает по сравнению с западом; запоздало и завершение национально-государственной проблемы. Лишь некоторым нациям северо-запада императорской России, использовавшим ее военный разгром, удалось поставить на прочной базе свое государственное оформление*. Все другие нации, вырвавшиеся в 1917 году из «тюрьмы народов», как они называли бывшую Россию, и организовавшие самостоятельное государственное существование, в следующие затем годы потеряли свою независимость после героической, но тщетной борьбы с превосходящими военными силами Советской Москвы.

Борьба этим, конечно, не закончилась. Военное поражение может повлечь за собою гибель государства, но история не знает случаев, чтобы оно могло иметь своим последствием гибель нации. Для этого надобно было бы физически истребить всех ее наличных членов, что в настоящее время невозможно даже и для Советов. Национальный процесс и в таких случаях, как военное поражение, продолжает свое развитие, облекая свою борьбу лишь в новые, соответствующие новым условиям формы. Так случилось и в СССР. Борьбу за государство нации продолжили и там в формах, о которых речь будет ниже.

Нам могут указать, что и на западе Европы борьба наций за государство не везде и не во всем закончена. Да, она там, как выше было сказано, закончилась лишь в главных очертаниях. Отдельные вспышки ее и сейчас еще явственно ощущаются, например, в том, что творится ныне в Испании, а именно, в странном, на первый взгляд, поведении басков, в своеобразной ориентации каталонцев и т. д. Кое-что в этом смысле можно также отметить в средней Европе и на Балканах, – в новых и расширенных после великой войны государствах. Не лишены элементов той же проблемы, – правда, пока только на будущее, – даже и такие старые и, казалось бы, окончательно установившиеся государства, как Англия и

* Автор имел в виду Финляндию, Эстонию, Латвию и Летуву. – *Прим. ред.*

Франция. Но все это для запада Европы уже только детали, только, так сказать, отблеск уходящего в прошлое пожара, тогда как на востоке, в СССР, борьба наций за государство как раз в наше время достигла своего кульминационного напряжения.

Историю национально-государственной проблемы на востоке Европы, в грубых чертах, можно разделить на два периода, резко отличающиеся один от другого, как по длительности во времени и по характеру движения этого процесса, так и по успехам борющихся между собою сторон.

Первый период этого процесса для каждой из наций начинается отдельно, а именно, с момента ее присоединения к бывшей России, а заканчивается для всех одновременно, а именно, с началом так называемой Февральской революции 1917 года. Этот период представляет собою уже законченное целое, его можно поэтому рассматривать статически, давши синтетическую характеристику национально государственной «проблемы» в императорской России в ее целом.

Второй период для всех наций начинается вместе с указанной революцией и для большинства их, если не для всех, продолжается и по сей день. Тут лучше всего подходить к вопросу динамически. Иначе говоря, — так как процесс не прошел еще своей последней стадии, и борьба еще не закончена, то наиболее целесообразно будет ограничиться по возможности лишь изложением данных об элементах борьбы, о ее формах и о силах, вложенных в нее борющимися сторонами. В заключение можно дать и напрашивающийся вывод, который, вероятно, хотя это для дела и бесполезно, будет оспорен заинтересованной стороной.

II

Императорская Россия была, как известно, государством чрезвычайно многонациональным: перепись 1897 года насчитывала в ней свыше ста народностей. Не все они, конечно, были нациями в современном смысле этого слова, когда, кроме наличности широких народных масс, от нации требуется еще известная длительность исторической традиции, существование собственной литературы и наличность действенного кадра национальной интеллигенции. Некоторые из этих народностей были еще в стадии пластического этнографического состояния, выход из которого возможен в разных направлениях. Но и таких среди них, которые с полным правом носили имя нации, уже тогда можно было насчитать не менее двух десятков.

Границы императорской России как в Европе, так и в Азии, не были следствием того или иного органического развития ее, и там, где не касались морей и океанов, казались они хаотическими и случайными, всюду проходя по живому телу народов. В Европе это были финны, литовцы, поляки, украинцы, румыны; на Кавказ — грузины, армяне, азербайджанцы; в Азии — многочисленные местные народности, начиная с туркестанских турок за Каспием и кончая корейцами на далеком тихоокеанском востоке. Это была подлинная колониальная империя, раскинувшаяся на колоссальных просторах двух континентов, с населением уже на год указанной переписи в 120 миллионов. Структура ее, однако, резко отличалась от обычного типа европейских колониальных государств. Отличий было много, укажем наиболее существенные из них.

5 Зак. 1936

Прежде всего бросалось в глаза то обстоятельство, что наиболее ценные и значительные российские колонии расположены были не в Азии, что для того времени казалось бы обычным, а в Европе, где для них как будто бы не должно было быть места. Правда, история Европы знала тоже колониальные периоды своего существования, но это было давно, давно миновало, а те колониальные земли, которые удержались от старого времени или установлены были позже, ликвидированы в пожаре великой войны. Воспоминанием об этом времени остался разве только английский Гибралтар на Пиренейском полуострове. Главная же сила и все внешние возможности императорской России покоились как раз на ее европейских колониях. Особенность эта характерна и для ее преемника – для СССР.

Другим отличием Российской империи было то, что она лишена была какой либо отчетливой внешней раздельности между метрополией и колониями. Пространственно империя эта представляла собою сплошное территориальное единство, и внутренние ее границы проведены были по принципу новейшего административного деления, а не по принципу метрополии и колоний. Эти последние слова, как термины, по отношению к России в официальном языке никогда и не употреблялись. А когда жизнь, во второй половине XIX столетия, практически подошла к необходимости разделить два этих понятия, то для них найдены были такие двусмысленные термины, как «центр» и «окраины».

Такою же внешней неотчетливостью характеризовалось и российское законодательство в вопросе о нациях, о жителях метрополии и колоний. В императорской России существовало установленное законом неравенство в правах по сословиям, но сама принадлежность к той или другой нации официально не влекла за собою ограничения в правах.

Исключением из этого правила были евреи и отчасти поляки, но и те и другие становились полноправными, если первые из них принимали христианство вообще, а вторые, – если отказывались от католицизма. Как курьез и как пример изобретательной последовательности, можно отметить, что поляком – в смысле прав, – в глазах российского правительства мог стать даже чистейший москвич великоросс, если он был женат на польке, не отказавшейся от своего католицизма. Это правило, правда, действительным было не во всей империи, а лишь на территории ее, лежащей между западной границей и Днепром. Устаревшая для Европы теза о нераздельном слиянии религии и нации была таким образом еще действенной не только среди широких народных масс, но и на верхах официальной России.

Эта внешняя видимость какого-то равноправия наций не должна, однако, никого обманывать. Неотчетливость законодательства не мешала государственной практике быть совершенно ясной и определенной. Практика эта разделила все население империи на две неравные части. Меньшая часть – русские, точнее, великороссы, – обладала всеми правами, – конечно, если можно вообще говорить о правах в императорской России. Другая часть, т. е. невеликорусское население империи прав этих не имело, но могло их приобрести, отказавшись от своей нации, – вернее, только от ее права на развитие и на существование, так как нерусское происхождение нового русского в расчет не принималось, а иногда даже бывало для него полезным.

С усложнением внутренних отношений в Империи появились для указанных частей населения и соответствующие официальные термины. Первую из них составили русские, вторую – инородцы. Позже, в короткий, так называемый конституционный период жизни России, длившийся с 1906 по 1917 год, когда уже можно было до известной степени реально говорить о правах, термины эти видоизменились. Русские стали гражданами первого разряда, а прочие отнесены были к разряду второму. Переход из второго разряда в первый оставался свободным, но условия для этого сохранились прежние. – «Станьте сначала русскими», – восклицал в Государственной Думе один из виднейших российских министров, обращаясь к полякам-депутатам, – «и вам будут предоставлены все права».

Дальнейшим, весьма важным отличием императорской России был тот факт, что командная ее нация была меньшинством в составе империи. Перепись 1897 года, в значительной степени благоприятствовавшая великороссам, насчитывает их в количестве приблизительно 47 % всего населения. В действительности их, конечно, было меньше. Для нормального европейского колониального государства такая пропорция между командной и подкомандными нациями была бы, конечно, более чем достаточной. В Британской империи, например, она вряд ли подымается выше 15 %. Но для России, которая стремилась стать более или менее однонациональной, этого было мало. На помощь пришла известная официальная теория о единстве русского народа и о трех его ветвях, – великороссах, украинцах, или как их официально звали, малороссах, и белорусах. Сосчитанные вместе, все эти ветви повышали русский процент приблизительно до 65 %.

Были попытки, – тоже теоретического порядка, – увеличить еще этот процент присоединением поляков, которых, мол, нужно было только «располячить», и они стали бы настоящими русскими, и даже литовцев, которые, де, всегда, были славянами... После польского восстания 1863 года в этом направлении были даже приняты некоторые меры, но от этого пришлось отказаться, как от явно безнадежного предприятия, которое к тому же могло перед лицом Европы обернуться и вредной своей стороною, так как о поляках в Европе помнили и историю их более или менее знали.

Иной эффект давала указанная выше теория о единстве и о трех ветвях русского народа. Об украинцах, правда, в Европе когда-то тоже кое-что знали, но это было давно, а потому и забыто. Европейская наука, особенно на Западе, – приняла эту теорию на веру, а европейская политика, по разным причинам, считала возможным принять ее к сведению, а иногда и к руководству, что содействовало усилению русского престижа вовне.

Мы не будем останавливаться на этой теории подробнее. Хотя она далеко не бесспорна, но это завело бы нас в область контроверз, главным образом филологических и этнографических. Пусть поэтому филологи с этнографами ею и занимаются. Мы же, со своей стороны, можем лишь указать, что национологии нечего делать с этой теорией. Ибо всем национологам из истории наций хорошо известно, что даже подлинная общность происхождения, даже неоспариваемое тождество языка иногда ведет не к образованию единой нации, а является базой

для появления двух и более самостоятельных, подчас даже враждебных одна другой, наций.

Нечто подобное случилось и в самой России. Так, компактная масса, будто бы единого с великороссами, украинского народа упорно и открыто противилась этому официальному отождествлению, не хотела называть себя ни русскими, ни даже малороссами. Для борьбы с этим явлением найдена была подсобная теоретическая теза, в которой говорилось о том, что на территории Украины живут два народа: один – славянский и русский, это – малороссы; другой – темного происхождения, это – украинцы. Первые признаются своими и полноправными, вторые – инородцами, гражданами второго разряда (Меньшиков)*.

Эти и другие, которых не перечисляем, идеологические изощрения годились однако лишь по отношению к славянам и, на худой конец, к европейским народам, которых в империи было не так уже много. По отношению же к народам явно не европейского корня, – а таких было множество на Кавказе, в Туркестане, во всей Азии и даже на территории самой Великороссии, – все это было ни к чему, а создать что-либо новое, идеологически правдоподобное было просто невозможно. Поэтому государственная российская практика по отношению к этим народам обходилась без всякой оправдывающей идеологии.

Там, где было возможно, народы эти игнорировались, как таковые, обрекались на полное небытие, как это делалось с народностями, жившими на территории Великороссии, на Волге и на Урале, в значительной части северной и центральной Сибири. Там же, где это радикальное средство применить сразу и во всей полноте нельзя было, ибо этому препятствовал высокий уровень национального развития, как например, на Кавказе, в Туркестане, в Финляндии и т.д., – там методически и неуклонно принимались меры к тому, чтобы исчезли навсегда сначала внешние формы самостоятельного бытия, как местные автономные учреждения, суды, администрация и даже местное административное деление, после чего уже шли посягательства на внутреннюю жизнь нации, на ее душу, – на язык, на школу, на национальную культуру, даже – на ее религию.

Сто лет такой уничтожающей государственной практики дали свои губительные для наций результаты. С внешней стороны к началу XX столетия императорская Россия была более или менее унифицирована. Унификация эта, однако, имела не жизненный, а мертвенный для государства характер. Прав был один из русских ученых-государствоведов, который в своей книге, изданной незадолго до революции, указал на то, что окраины России представляли собою кладбище автономных установлений (Нольде)**. И на кладбище этом, добавим от себя, могилы были тем свежее, чем позже по времени присоединена была к империи та или иная окраина ее.

Кладбищенская эта работа с внешней стороны произведена была мастерски и неукоснительно. Установлена была на всю империю однообразная, строго

* Михаил Меньшиков (1859–1918), российский публицист. Сотрудничал с газетами «Неделя» (1892–1900) и «Новое время» (1901–1917). Один из создателей Всероссийского национального союза. Расстрелян чекистами во время кампании «красного террора». – *Ред.*

** Борис Нольде (1876–1948), крупный специалист в области международного права, участник многих международных конференций, профессор ряда российских и западноевропейских университетов. С 1919 в эмиграции во Франции. – *Ред.*

централизованная система администрации, суда и школы, единственным языком в которых был язык командной нации. Верхние слои подкомандных наций в значительной степени подвергались обрусению; национальная интеллигенция лишена была поля применения своих сил; проявления национальной жизни и национальные языки загнаны в глухую улицу внутренних отношений. Только на крайнем имперском севере (Финляндия) и на крайнем юге (части Кавказа, Туркестана) заметны были еще очертания национальных установлений, звучал еще в публичной жизни национальный язык. В других областях все это ушло уже как будто в прошлое.

Параллельно с этой унификационной политикой и восполняя ее, велась аналогичная политика фискальная, экономическая, финансовая, тарифная, таможенная, коммуникационная и т.д. В сколько-нибудь детальное изложение ее входить не будем, — это завело бы нас далеко в сторону. Укажем лишь на то, что политика эта носила чисто колониальный характер, насыщенный грубыми эксплуататорскими ухищрениями, давно уже более или менее бесповоротно исчезнувшими из практики европейского колониального властвования. До каких размеров доходили эти ухищрения во всех областях указанной политики, видно из того, что, например, Украина уже перед революцией 1905 года давала имперской казне ежегодно на 250 миллионов золотых рублей больше, чем сама получала из этой казны; что из Одесского, скажем, уезда, выгоднее было отправлять свой хлеб за границу через порты Балтийского моря, чем через свой же уездный черноморский порт — Одессу; что в Туркестане одно время сельское население платило подати с дыма, вьющегося из дымовых труб, с ветра, сушившего развешенное белье и т.д. Правда, в последнем случае подати шли не в казну, а в карманы имперских администраторов, но это обстоятельство лишь красочно дополняло общую картину.

Стороннему поверхностному наблюдателю имперская Россия могла казаться своего рода монументальной фабрикой, машины которой с несокрушимой автоматичностью способны были раздробить, денационализировать, обрусить все подкомандные нации и достичь тем своей цели, а именно, создать в самом деле единонациональное государство. Действительность, однако, была иная. Колоссальный государственный аппарат способен был уничтожать, но не умел творить. Живому национальному чувству подкомандных народов у него нечего было противопоставить, перед живою силою национального сопротивления он был беспомощен. И если правы были те из европейцев, которые в свое время, говоря о военной силе императорской России, утверждали, что эта империя — колосс на глиняных ногах, то надо признать, что правы были и те, которые давно уже замечали, что огромное здание Российской империи, в самых основах своих, медленно, но верно расшатывается неудержимым движением и ростом национального сознания ее подкомандных народов.

Этому расшатыванию всемерно помогало одно обстоятельство, как кажется, не имеющее аналогий в истории европейских колониальных государств. Это обстоятельство, которое в конечном счете гарантировало подкомандным нациям победу в более или менее близком будущем, сводилось к тому, что в России командная нация, — если брать не элиту ее, а широкие народные массы, — была культурно ниже всех присоединенных к ней европейских наций, ниже наций и

народов Кавказа и Туркестана, ниже и многих иных азиатских народностей. Это обстоятельство было фатальным для Российской империи, обрекая ее рано или поздно, – на развал. Значение его сказалось сразу же, в критический для государства период так называемой бескровной революции начала 1917 года, а с особенной силою проявилось несколько позже, — когда в стране восторжествовал большевизм.

III

Центральным заданием российской обрусительной политики было стремление создать однонациональное государство. Для достижения этой цели, на протяжении времени, приведено было в действие две силы.

Одна из них возникла естественно и планомерно в виде огромного имперского государственного аппарата, действовавшего в известном направлении автоматически и без перебоев. В его задачу входила работа, главным образом, порядка, если так можно выразиться, очистительного. На его обязанности было, говоря казенным российским языком, предупреждать и пресекать всякую возможность нормального роста и развития подкомандных наций и народов; он своими действиями подготовлял почву для появления единой государственной нации.

Другой силой, действовавшей параллельно с государственным аппаратом, была так называемая российская общественность. Сила эта как будто совсем не была предвидена государством в его плановых заданиях, — по крайней мере, оно всегда к ней относилось подозрительно и не очень доброжелательно. Тем не менее, она появилась в органической связи с предшествующими ей действиями государственного аппарата, ибо, возникши на приготовленном для нее, так сказать, безнациональном поле, вырастала и укреплялась она в меру принижения и ослабления сил подкомандных наций.

Как и в каких формах велась работа государственного аппарата, некоторое представление можно иметь на основании предшествующего изложения. Оно, конечно, стало бы более полным и красочным, если бы были перечислены все те меры, которыми пользовалась российская власть для подавления некомандных наций, — меры часто совершенно средневековые, вроде, например, воспрещения евангелия на национальном языке и т. п. Но мы этого делать не будем, воздерживаясь от излишнего обилия фактов и от возможности воскресить негодование, теперь уже бесцельное. Укажем лишь на то, что всеми этими мерами, применявшимися во всех областях публичной, а отчасти и приватной жизни, российский государственный аппарат достигал значительных результатов.

Представители подкомандных наций, прошедшие в условиях этих мер школу, проделавшие долголетнюю службу в армии, служившие в государственных и частных учреждениях, превращались в конце концов в своего рода национальные полуфабрикаты. Внутренняя стихия их оставалась еще своя, национальная, но внешность их уже была российская. Окончательную обработку их брала на себя другая, указанная выше сила, — российская общественность, которая должна была превращать их в членов единой имперской нации.

Российская общественность, – опять-таки термин, на европейские языки непереводимый; нелегко найти ему эквивалент и на русском языке. Причина этому все та же, а именно, – особенности российской политической, национальной и социологической группировки населения. Входить в это обстоятельство подробно не будем, и из термина «общественность» возьмем лишь то, что нас интересует, – вернее, то, что так или иначе входит непосредственно в область нациологии. Сделать это необходимо и легко еще и потому, что эта общественность, физически, т. е., все ее члены, взятые en masse /в массе – *Ред.*/, – как раз и представляла собою творимую в России единую имперскую нацию во всех плоскостях интеллектуальной ее жизни. Дополнением к ним в иных плоскостях были, – снова же таки физически, – члены всего российского государственного аппарата. Вместе взятые, эти слагаемые давали верхушку творимой имперской нации, ее элиту.

Для Европы подобного рода элита – явление в многонациональных государствах обычное. Творилась она на национальной базе командного народа и была его верхушкой, отбором, квалифицированным кадром этой нации. С течением времени, под прессом денационализации, а иногда и самочинно, приставали к ней и входили в ее состав и люди иных, подкомандных наций, укрепляя тем ее силу и престиж, увеличивая ее количественно и часто даже качественно. Процесс этот был в высшей степени губителем для подкомандных наций, ибо от них уходили наиболее активные, а часто и наилучшие элементы, и уходили, как правило, навсегда и бесповоротно, порывая все свои связи не только с внешней формой своих наций, но и с внутренней национальной стихией своих народов. В свою очередь, этот процесс был в высокой степени выгоден для наций командных, ибо все потери наций подкомандных шли всецело в их пользу. А возможны были такие последствия потому, что командные нации европейских многонациональных государств, по уровню своего культурного развития обычно стояли выше наций подкомандных и этим весьма содействовали их денационализации.

Иной характер присущ был элите российской. Качественно она была высокого порядка; во многих отношениях она легко выдерживала сравнение с элитами европейских государств, а в некоторых, – пожалуй, и превосходила их. Но в отличие от европейских элит, она страдала одним органическим пороком, который в обычное время сильно тормозил ее развитие, а когда наступил трудный для государства период, погубил ее окончательно. Порок этот состоял в том, что российская элита возникла, росла и развивала свое существование, не имея под собою какой-либо одной определенной национальной базы. Базироваться на какой-либо из многочисленных подкомандных наций, само собой разумеется, она не могла, – хотя бы уже потому, что тогда потеряла бы свой российский характер. А сделать своей базой командную нацию, – великороссов, – она тоже не могла по той простой причине, что великороссы, как это указано выше, культурно стояли ниже всех главнейших подкомандных наций и народов, и им, этим народам, великорусская народная стихия ничего от себя дать не могла. И получилось такое неповторенное в европейских государствах положение, что эта элита, – физически, – через людей, – в некоторой степени была как будто близка всем народам России, потому что среди них всех вербовала она своих

членов; психологически же, — в национальном значении этого слова, — она была всем им чуждою, в том числе даже и — великороссам.

От великороссов — российская элита взяла только главную свою примету, а именно, язык, который для великороссов стал литературным. На основе этого языка и творилась единая имперская нация; вернее — подобие ее, потому что это новое национальное здание строилось так сказать, от крыши к фундаменту, а не наоборот, как это бывает в нормальном национальном процессе. Теоретически, такого рода национальная постройка, может быть, и возможна, но для этого надо было бы, чтобы императорская Россия в том виде, в каком она жила до первой российской революции, просуществовала, не изменяясь, еще несколько сот лет. История же, конечно, такого длительного по времени срока предоставить ей не могла. Поэтому национальное здание российской имперской нации так и осталось незаконченным, — с импозантной крышей и без какого-либо прочного фундамента. Во времени и в пространстве нация эта держалась не своей собственной силой, а той железной арматурой, которая создана была российской государственностью. Покоилась она на человеческом материале этой арматуры, который вертикально, игнорируя национальные разделения, пронизывал все имперское население, начиная сверху от министров и кончая внизу учителем и священником, урядником, и сидельцем казенной винной лавки. Вместе с этой арматурой она стояла, вместе с нею и упала.

Такая неустойчивость самого бытия имперской нации не ускользала от внимания ее интеллектуальных сил. Чтобы устранить этот недостаток, сделан был ими ряд попыток создать национальную идеологию, которая, как камни цементом, спаяла бы психологически разнообразный человеческий материал имперской нации в единое национальное целое.

Первая такая попытка предпринята была давно, еще в дни начального появления имперской нации на российской сцене и исходила, так сказать, из кругов почти что первого набора этой нации. Авторы этой попытки, люди почти исключительно великорусского происхождения (славянофилы московского толка), предложили идеологию, основанную на традициях, взятых из архива старой московской государственности. Эта идеология, в конечном итоге своем, сводилась к трем принципам: православие, самодержавие и народность, — конечно, народность великорусская, — которые и должны были спаять собою разнообразие членов имперской нации.

Этим авторы идеологии как бы хотели приблизить развитие российской имперской нации к типу европейскому, где, как указано выше, денационализация подкомандных наций происходила всецело в пользу нации командной. В России, как мы знаем, этого не было и не могло быть, и славянофильская попытка поэтому не дала желаемых результатов. Официальные российские круги, правда, признали ее, и она оставалась их государственной и национальной идеологией вплоть до конца существования императорской России. Но вне официальных кругов, даже среди великороссов, в пользу которых идеология эта, казалось, была всецело направлена, она не получила достаточного признания. Левая часть великорусской общественности (Герцен и др.) выступили против нее с уничтожающей критикой. Что же касается подкомандных наций, то они либо попросту игнорировали ее, как произведение чуждой и враждебной им мысли; либо, как

это случилось с украинцами, противопоставили ей свою собственную, отнюдь не имперскую, а республиканско-демократическую национальную идеологию (Кирилло-Мефодиевское Братство)*.

Вторая попытка исходила из кругов указанной выше левой части российской общественности. Родилась она в процессе критики московского славянофильства и стала его антитезой, – российским западничеством (тот же Герцен и др.). Это было стремление европеизировать российскую жизнь, вложить в нее принципы политического либерализма и социальной справедливости. Движение это, в начале как бы единое, хотя и расплывчатое, разбилось впоследствии на ряд течений, принявших позже характер партийных группировок. Этот процесс внедрения европейских идей в политическую жизнь императорской России чрезвычайно оживил ее, но никакой идеологии, в которой нуждалась имперская нация, он ей не дал, и дать не мог. Европейские идеалы этого движения отвергнуты были российскими официальными кругами, а за ними, вольно и невольно, и всем человеческим материалом государственного аппарата. И весь указанный процесс силою вещей замкнулся в тесном кругу так называемой российской интеллигенции, т. е. интеллектуальных членов творимой российской нации. Две силы, которые должны были, каждая по-своему, работать над созданием этой нации, вместо того, чтобы сотрудничать, непримиримо враждовали между собою и враждебными друг другу остались вплоть до революции 1917 года и даже позже.

Для полноты можно отметить еще одну попытку создать идеологию для имперской нации в России, – вернее – найти для нее национальную базу. Она исходила из кругов ученых лингвистов (Шахматов) и национологов, защищавших языковую теорию нации (Овсянико-Куликовский)**. Они пытались связать появление российской имперской нации с приведенной выше теорией о предполагаемом единстве так называемых трех русских национальных ветвей. В их представлении имперская нация была четвертой русской народностью, стоящей рядом с великорусской, украинской и белорусской и являющейся вместе с тем как бы синтетическим их объединением.

Если бы эти теоретики были правы, то оказалось бы, что российская имперская нация нашла свою базу, весьма обширную и очень прочную. Но действительная жизнь на их домысел, не лишенный остроумия и диалектической тонкости, вовсе не реагировала. Российские официальные круги и российская об-

* Александр Герцен (1812–1870) – русский публицист, писатель, философ. В 1842–47 гг. возглавлял в Москве левое крыло «западников». Один их основоположников народничества и создателей тайного общества «Земля и воля». Учредил «Вольную русскую типографию» в Лондоне (1853), печатавшую антиправительственную литературу, которую нелегально доставляли в Россию. В 1857–68 гг. вместе с Огаревым издавал за границей газету «Колокол». Автор знаменитых мемуаров «Былое и думы (1852–68 гг.).

Кирилло-Мефодиевское братство – тайная организация, ставившая своей целью создание демократической федерации славянских государств во главе с Украиной. Создано в Киеве в январе 1846, в марте 1847 все члены братства арестованы полицией. Учредители братства – историк Н.И. Костомаров, учитель В.М. Белозерский, чиновник Н.И. Гулак. Объединяло несколько десятков человек. Делало ставку на мирные формы деятельности – просвещение, убеждение, пропаганду. – *Ред.*

** Алексей Шахматов (1864–1920), филолог-славист и историк, академик (с 1894). Крупнейший знаток русских летописей.

Дмитрий Овсянико-Куликовский (1853–1920) – филолог, академик (с 1907). Редактор журнала «Вестник Европы» (1913–18). Главный труд – «История русской интеллигенции» в трех томах (1906–11). – *Ред.*

щественность, т.е. весь комплекс имперской нации, как кажется, этой теории попросту и не заметили. Что же касается указанных ветвей, то они, все три, ни к какому наднациональному синтезу не стремились, а, наоборот, боролись с ним, как с явлением, для них весьма вредным, и заботились каждая лишь о своем собственном органическом национальном оформлении.

Все три, — потому что работала над этим, — правда, не так интенсивно, как две другие, — даже и та ветвь, которая в России должна была бы занимать место командной, — а именно великорусская. Об этом свидетельствует тот факт, что уже во второй половине XIX столетия среди великорусской интеллигенции появилось течение, получившее название почвенников (Григорьев и др.) и возродившееся под тем же названием значительно позже, уже в начале XX столетия (ссылка на имена невозможна, ибо эти люди живут в СССР)*. В этом последнем движении есть все признаки наметившейся сепарации великороссов от имперской нации. Здоровый национальный инстинкт даже великороссов предостерегал от опасности, какой они подвергают будущее своего народа, связывая его судьбу с эфемеридой, какой была российская имперская нация. С государством она началась, с ним и исчезла. В России, в этой стране начинавшихся и неоконченных процессов (мысль Милюкова), и процесс творимой имперской нации остался незаконченным, а живой человеческий материал ее так и не вышел из стадии национальных полуфабрикатов.

Характерным признаком этой стадии является особый человеческий тип, — так называемые люди двух наций. Существовал он в свое время и в Европе, но сейчас он уже там вымирает, и наблюдать его еще можно разве только среди испанских и французских басков, каталонцев и провансальцев, частью — среди ирландцев на Британских островах, а особенно — среди евреев в их европейском рассеянии. В императорской же России эти люди двух наций были чрезвычайно распространенным явлением. В сущности, таким был почти весь человеческий материал российского государственного аппарата и российской общественности, т.е. вся творимая имперская нация. Все ее члены жили, чувствовали, а очень часто и работали сразу в двух национальных секторах, — в российском имперском и в своем национальном, в котором они родились. С одной стороны, это были творимые россияне, с другой — оставались великороссами, украинцами, евреями, грузинами, армянами, туркменами и т.п., — даже и тогда, когда сами они об этом уже и не думали.

В виде многонационального государства императорская Россия начала свое существование в начале XVIII столетия, многонациональной она его и закончила двести лет спустя, — уже на наших глазах. Многонациональной оказалась даже и ее единая будто бы имперская нация. Этот факт имел свое весьма важное значение для динамики национально-государственной проблемы в период после 1917 года.

---

* Аполлон Григорьев (1822–1866) — литературный и театральный критик, а также поэт. Один из лидеров «почвенничества, течения в русской общественной мысли и литературе середины и второй половины XIX века. — *Ред.*

IV

Каково было общее положение командной и подкомандных наций в императорской России к началу 1917 года, — это видно из предшествующего изложения. Сделаем к этому лишь необходимые краткие дополнения.

Относительно структуры Российского государства в Европе распространен был в корне ошибочный взгляд, будто бы подкомандные ее нации были, хотя и численными, но все же меньшинствами, разбросанными среди основного населения командной нации — великорусской.

Действительность была прямо противоположной. Великороссы были большинством лишь на своей национальной территории, где роль меньшинств — довольно значительных — выпала на долю необрусевших остатков, главным образом, финских племен. Племена эти были исконным населением данной территории, но послужили впоследствии расовым фондом, на котором, как на дрожжах, исторически выросла московская народность, которую сравнительно недавно стали звать великорусской, а некоторые, особенно европейцы, вслед за великороссами, зовут ее теперь просто русской.

Сильная количеством своих членов народность эта, будучи более или менее новым национальным образованием, европеизированным вовне, но мало европейская по существу, ко времени, о котором идет речь, не успела закончить цикла своего внутреннего национального упорядочения. Великороссы раньше создали империю, чем стали нацией в европейском смысле этого слова. Все это вместе давало в ней эффект экстремности, дисгармонии и психологической неуравновешенности. В Европе, по непониманию, эту особенность ставили на счет каких-то мистических свойств так называемой славянской или просто русской души («l'ame slave, l'ame russe»). У подкомандных наций, которые лучше оценивали положение, она вызывала — особенно в широких народных массах — резкие, непрекращающиеся национальные отталкивания, как стеной отгораживающие великороссов от всех иных наций.

Эта же особенность и была главной причиной того, что великороссы, несмотря на все их огромные усилия и огромные жертвы, не только не стали сами подлинной командной нацией в государстве, ими же созданном, но не сумели даже стать базой для творимой нации имперской. В некотором отношении их национальное положение было даже худшим, по сравнению с нациями подкомандными. Так, они, единственная из наций императорской России, не имели своей собственной только им принадлежащей, только их нужды обслуживавшей национальной интеллигенции. Ибо почти вся интеллигенция, выходящая из великорусских рядов, автоматически и бесповоротно уходила в состав имперской нации, для обслуживания чисто великорусских национальных нужд плохо приспособленной.

За пределы своей этнографической территории великороссы, в качестве колонизаторов, проникали лишь на восток, в направлении своей исторической экспансии, — в Западную и Восточную Сибирь, частью в Среднюю Азию, образуя там иногда даже большинство населения. Национально, однако, великорусские переселенцы оказывались столь нестойкими, что на протяжении двух-трех поколений, как это констатировано этнографами (Штернберг и др.), если не де-

национализировались до конца, в смысле языка, то воспринимали не только народную стихию якутов и бурят, но и их внешний расовый облик*.

На запад же и на юг своей территории великороссы за все время существования империи не продвинулись ни на шаг. Их не было там даже в качестве сколько-нибудь заметного меньшинства. На восточных окраинах бывшего польского государства, присоединенных к России, оказались, правда, великорусские островки, но это были исключительно так называемые раскольники, бежавшие от преследований своего правительства и получившие тут «азиль»**. Такие же, так сказать, азильные островки находились и в лесистых частях Северной Украины, к которым в ней надо присоединить крестьянские островки великороссов, насильственно водворенных на юге, в украинских степях, великорусскими же помещиками, главным образом, на пожалованных им свыше, после разгрома Сечи, запорожских землях.

Городам в этой полосе империи полагалось быть русскими, хотя бы только с внешней стороны. Они и были таковыми. Но этот характер придавали им не великороссы, — которых тут, если не считать чиновников, отдельных лиц и их семейств, вообще говоря, не было, — а обрусевшие части местного населения, — указанные выше национальные полуфабрикаты, усвоившие язык имперской нации и продолжавшие жить в атмосфере, насыщенной их собственной национальной стихией. Вне городов, однако, характер этот исчезал окончательно, и в деревнях даже полуфабрикаты были явлением редким и исключительным.

На юго-востоке империи, — вне пределов собственно Европы, — отграничение командной и некомандных наций было еще более резким. Правда, на Кавказе одно время жила небольшая группа великороссов-молокан, но и те, в поисках более прочного «азиля», перебрались оттуда в Канаду. Великороссов, вообще говоря, там не было вовсе, а имперская нация была представлена отдельными лицами. О русскости Кавказа можно говорить разве только в том смысле, что русский язык, благодаря имперской школе, был здесь несколько более распространен, чем в соседних провинциях, турецких или персидских, что Кавказ получал много чиновников, присланных из центра.

О лежащем за Каспием Туркестане даже и этого нельзя было сказать. Правда, Туркестан тоже получал чиновников из центра, но они были совершенно чужеродным телом среди местного населения и должны были действовать через переводчиков. Производство национальных полуфабрикатов было здесь затруднено до чрезвычайности, — на весь Туркестан их можно насчитать буквально два-три десятка людей, и Россия держалась тут даже не полицией, а исключительно силой расположенных в стране гарнизонов.

О юридическом положении подкомандных наций говорилось выше. Для имперского закона они как бы не существовали. Их язык изъят был из государственного и публичного обращения и лишь ограничительно допускался в литературных произведениях и в частной жизни. Их национальные учреждения были разгромлены и заменены общеимперскими, их государственно-исторические

* Лев Штернберг (1861–1927) — известный российский этнограф, профессор Петроградского университета (с 1918). Начиная с 1889 г. изучал народы Дальнего Востока, Севера и Восточной Сибири. — *Ред.*

** Французское слово «asile» означает «убежище, приют». — *Прим. ред.*

традиции квалифицировались как политические преступления, как государственная измена. Силы подкомандных наций указанной выше государственной политикой императорской России были всесторонне подорваны, национальные проявления затушеваны интеллектуальными достижениями имперской нации.

Главные удары всего этого падали на высшие классы наций, среди которых с особою силою и довольно успешно культивировалась, если не полная денационализация, то губительная, указанная выше система двух национальных душ. Значительно страдали от этого и средние классы, и широкие народные массы, лишенные национальной школы и нормального руководства, а потому не организованные и систематически превращаемые в людскую пыль.

Естественное движение национального развития подкомандных наций было нарушено и деформировано, но не приостановлено. Потенциал силы подкомандных наций оставался огромный, и покоился он духовно – на самоотверженной работе национальной интеллигенции, сумевшей использовать старое внутреннее национальное сцепление своих народов и их высокий культурный уровень, а материально – он базировался на том, что подкомандные нации, каждая на своей территории, были подавляющим большинством, что все вместе были они большинством и в империи. Огромное значение для этого имел еще и тот факт, что экономически главнейшие из подкомандных наций были совершенно независимы от центра, были богаче его, а те экономические связи, которые между ними и центром были установлены, были в большей части своей явлением искусственного порядка.

Чтобы этот потенциал из своей статической формы перешел в острую фазу национальной динамики, нужен был лишь тот или иной внутренний или внешний резкий сдвиг или хотя бы значительный толчок. Таким толчком стала для подкомандных наций война 1914 года, а сдвигом – революция 1917 года.

Как выше было указано, борьба каждой подкомандной нации с Российской империей начиналась с момента ее присоединения. Первая фаза этой борьбы характеризуется тем, что нации стремились с оружием в руках оборвать свою насильственную связь с этим государством. Фаза эта затянулась на очень долгое время. Так, последнее восстание на Украине датируется 1855 годом; Польша окончательно покорена была лишь в 1864 году, завоевание Кавказа относится приблизительно к тому же времени, а Туркестан фактически до самого конца империи так и не был окончательно завоеван, ибо последняя вооруженная борьба его с Россией произошла в период великой войны (в 1916 году). История этой фазы национальной борьбы весьма поучительна и во многих отношениях показательна, но, к сожалению, даже конспективный рассказ о ней занял бы слишком много времени. Перейдем поэтому к следующей за ней фазе, окончательно установившейся приблизительно во второй половине XIX столетия и продолжавшейся все до того же рокового для императорской России 1917 года.

Характерным для этой, второй стадии национальной борьбы было то, что подкомандные нации вовне как бы резиньировались, как бы простились со своей мечтой одним ударом отвязать свою судьбу от судьбы императорской России и установить сразу свое самостоятельное существование. Вместо вооруженной борьбы они обратились к так называемой органической работе (термин взят из истории польского национального движения). Резиньяцией, конечно,

это не было, но было в этом много элементов так называемой передышки, желания применить форму своей работы к условиям имперской жизни, работать в этих условиях, но против них*.

Работа началась сразу же среди всех подкомандных наций, велась она во всех областях национальной жизни – в интеллектуальной и экономической, в городской и сельской – и направлена была на организацию внутренней жизни нации, на создание и укрепление всесторонней ее национальной арматуры. Эта работа – практическая, вполне реальная, лишенная красивых слов и внешнего блеска, на протяжении времени давала огромные результаты, разбивая денационализирующие усилия имперского государственного аппарата и сводя на нет базированные на этих усилиях национальные приобретения имперской нации.

В этой стадии борьбы, – как и в первой – не все подкомандные нации были в одинаковом положении, ибо, как это видно из предыдущего, не все они были равно разгромлены имперским государственным аппаратом, не все равно национально разъединены могущественными влияниями российской общественности.

Так, в Финляндии, как знаем, к этому времени сохранились в значительной мере даже внешние формы государственной обособленности, как сейм, монета, таможня и пр.; сохранилась национальная администрация и национальная школа, что обеспечивало финляндцев от проникновения к ним тех или иных влияний имперской нации.

В Польше внешних признаков обособленности уже не существовало, если не считать, скажем, Кодекса Наполеона; но многогранная интеллектуальная культура этой нации и живая ее традиция собственной государственности творили неустранимый оплот против сколько-нибудь широкой денационализации ее населения. Правда, имперская нация сумела и в Польше включить в свой состав некоторое количество членов из польских интеллектуалов, но и эти люди вошли туда лишь внешним образом, пройдя российскую школу, а внутренне все они остались национально и государственно – поляками.

На Кавказе и в Туркестане таким же оплотом против русификационной политики были – сравнительно недавнее их присоединение и слишком уже разительные отличия – расовые, языковые и всего уклада местной общественной и в особенности частной жизни всех классов населения. Внутреннее национальное строение народов Кавказа и Туркестана осталось поэтому почти незатронутым.

От системы государственной русификационной политики и от интеллектуальных влияний имперской нации сильнее других пострадала одна из главнейших подкомандных наций – украинская. Этому способствовал целый ряд причин, внутренних и внешних. Говорить о них всех – это значило бы пересказывать историю Украины за последние, по крайней мере, двести лет. Мы этого делать здесь не можем, поэтому схематично укажем лишь на некоторые из этих причин.

---

* Резиньяция – устаревший термин, означающий «покорность судьбе, смирение». От французского «resignation». – *Ред.*

Важнейшей из внешних причин была не прекращавшаяся все время чрезвычайная напористость денационализаторских усилий имперского государственного аппарата и российской общественности в украинском направлении. Объясняется это тем, что обе составные части имперской нации, – государственный аппарат и российская общественность, работавшие на Россию, кто сознательно, кто бессознательно, – чувствовали, что географически, экономически и даже демографически Россия без Украины не могла бы существовать, как империя, а в Европе вряд ли могла бы даже стать великодержавной силой.

Из внутренних причин укажем на известную национальную нестойкость командных классов украинской нации, – ее крупных землевладельцев и буржуазии, а также на исторически сложившуюся некоторую нелюбовь украинцев к урбанизации, вследствие чего в украинских городах всегда было слишком много чуженационального населения, не только торгового, но и рабочего.

Благодаря этим и некоторым иным причинам, имперский аппарат мог произвести на Украине огромные национальные опустошения, а имперская нация – навербовать значительное количество своих членов, и среди них и таких, которые были ценнейшим для нее приобретением (Безбородко, Гоголь, Репин и многие другие). Национально более или менее нетронутым осталось на Украине лишь ее сельское население, т. е. крестьянство и близкие к нему мелкие классы нации. Ему, этому сельскому населению, и выпала на долю историческая миссия – сохранить нацию, укрепить ее и вдохнуть в нее новую жизнь. И оно блестяще выполнило эту задачу. Уже во время существования императорской России и против железной воли ее аппарата, оно продвинуло свою национальную территорию на юг до естественных границ – до Черного моря и до Кавказских гор, где сомкнуло свои ряды с кавказскими народами; на восток – через область Войска Донского до Волги, а за нею отдельными колониями она протянулась до Тихого океана, где создалась особая национальная область, именуемая ныне Зеленой Украиной*.

Упрочив свое территориальное положение, украинство в то же время организовало наново – опять-таки против воли имперского аппарата – и свою интеллектуальную жизнь. На опустевшее командное место в нации оно поставило новую национальную силу – интеллигенцию, вышедшую почти исключительно все из тех же широких масс сельского населения, а потому органически связанную с ним; оно возродило национальную литературу, занявшую сразу же третье место среди славянских литератур; поставило на твердых началах – правда, вне России, в украинской Галиции, – научную деятельность; организовало общественную и политическую жизнь нации, преодолело даже свою, указанную выше историческую нелюбовь к урбанизации, заложив свои плацдармы среди городского населения. Теоретически, в курсах национологии, истории украинского возрождения обеспечены почетные страницы, а практически, для подкоман-

* Зеленая Украина, или Зеленый Клин – полоса поселений крестьян-колонистов в Западной и, отчасти, Восточной Сибири, прибывших сюда из Украины. В 1913 г. общая численность жителей оценивалась в 547 тыс. чел. Население региона сильно пострадало в периоды раскулачивания (1929–32) и «большого террора» (1937–38). – *Ред.*

дных наций, пострадавших, как украинская, или даже еще более обездоленных, она давно стала предметом изучения и подражания.

Не будем останавливаться на перечислении и описании тех организационных форм, которые были созданы подкомандными нациями в борьбе за свое развитие в рассматриваемый период органической работы. Это отняло бы слишком много времени, и к тому же — это уже история. Укажем лишь на то, что формы эти были весьма разнообразны, в соответствии с теми условиями, в которых жила каждая отдельная нация, но все они преследовали одну и ту же цель и шли в одном и том же направлении, которое определялось стремлением создать в составе нации единый авторитет, а тем и единое руководство. В период этой работы выросла и окрепла мощная и вместе с тем чрезвычайно эластическая национальная арматура, главным образом, интеллектуальная, проникавшая во все поры национального организма, представлявшая из себя готовые кадры руководителей национального действия, когда для него наступит время.

За исключением Финляндии, где, как знаем, сохранился еще национальный государственный аппарат, и части Туркестана, на территории которого существовали еще два, хотя уже и вассальные, но все же национальные государства, вся работа подкомандных наций велась нелегально или в лучшем случае полулегально*. Значительно, однако, облегчало ее то обстоятельство, что, как указано выше, имперская граница не совпадала с границами национальными, а потому большинство подкомандных наций имело свои национальные секторы и вне пределов Российской империи, — в государствах, которые не были заинтересованы в успешном действии русификаторской политики императорской России.

Благодаря этому, почти каждая нация имела за границей, так сказать, собственный Пьемонт, в котором, с одной стороны, сохранялись наиболее ценные и наиболее подверженные ударам части национальной арматуры; где, с другой стороны, могли быть до известной степени проверены на практике идеологические построения и политические концепции, и где, вообще говоря, могла быть производима разного рода национальная работа, чересчур опасная или вовсе невозможная в условиях деспотического режима императорской России. Как велико было значение заграничных Пьемонтов, видно хотя бы из того, что именно там подкомандные нации положили начало первым кадрам своих будущих национальных армий, что в России, конечно, было бы делом совершенно неосуществимым (легионы Пилсудского, украинские и другие начинания в том же направлении).

Однако, чем шире и успешнее шла национальная работа подкомандных наций, тем более затруднительным делалось их внутреннее и внешнее положение в российском государстве. Идеологически оформление нации должно заканчиваться созданием национального государства, практически же у подкомандных наций на такого рода предприятие не было достаточных сил.

Поставить открыто в порядок политического дня тезис о национальной государственности в условиях российской действительности было невозможно, и

* Два вассальных государства — это Бухарский эмират (протекторат России с 1868 г., власть эмира была свергнута в сентябре 1920 г.) и Хивинское ханство (протекторат России с 1873 г., власть хана свергнута в феврале 1920 г.) — *Ред.*

работа над этим по необходимости велась лишь подпольным, нелегальным порядком, т. е. без участия в ней широких народных масс. А это заводило в тупик национальное движение и обрекало его на незаконченность. Нации оказывались фактически лишенными главного своего психологического двигателя — **чувства интегрального национализма**, который возникает и действует лишь тогда, когда у нации уже есть национальное государство или когда она реально борется за его создание.

В этом отношении положение подкомандных наций было до известной степени аналогично с положением творимой нации имперской. Поскольку эта последняя, как об этом была уже речь, строила свое здание с импозантной крыши и не могла подвести под нее достаточно прочных стен, а особенно — не находила для этого какого-либо фундамента, — постольку же подкомандные нации, в обратном порядке, — начиная с прочного фундамента и возведя столь же прочные стены, не имели возможности покрыть все здание соответствующей, защищающей всю постройку крышей, — национальным государством.

Время указанной выше передышки подходило к концу. Создавалось трагическое положение, которое еще больше осложнилось в период так называемой первой революции 1905–1906 годов, когда и для подкомандных наций в России появилась возможность известного политического и национального проявления вовне. Выходом из положения были — либо взрыв и открытая борьба за национальное государство, либо опять же таки новая передышка, завуалированная разного рода тактическими компромиссами. Ввиду очевидной для того времени невозможности открытой борьбы, остановились на компромиссах. Компромиссы эти не требовали больших поисков, — их нашли уже готовыми в национологических арсеналах. В теоретической плоскости, — говоря о главнейших, — это были — с одной стороны, оправдывавшая действительность национологическая теория о двух и более национальных душах (И. Бодуэн де Куртенэ и др.); с другой — рабочая в той же области гипотеза о разделении понятий и государства (М. Славинский и др.)*.

Практически же все это выразилось в появлении в программах национальных политических партий, — даже таких, которые до того стояли на немедленной реализации национальной государственности (польская П. П. С.), — пунктов о федерализации Российского государства, а также в организации Союза автономистов-федералистов, как отдельной фракции в Государственной Думе, а позже — аналогичного политического сообщества с главным центром в Москве. Любопытной особенностью этого последнего центра было то, что душою его был чистый великоросс, — Обнинский, случай неповторенный**. Этим впервые реализованы были давние стремления к организации сотрудничества подкомандных наций на почве их общих национальных интересов.

---

* Иван Бодуэн де Куртенэ (1845–1929) — лингвист, член-корреспондент Петербургской академии наук (с 1897). Основоположник Казанской лингвистической школы, основатель структурного метода в языкознании. — *Ред.*

** Виктор Обнинский (1867–1916) — общественный деятель и журналист. Один из создателей партии конституционных демократов (в 1906). Депутат Государственной думы первых трех созывов, где входил во фракцию автономистов. Кроме того, один из видных российских масонов. Окончил жизнь самоубийством, причины которого неизвестны. — *Ред.*

Компромиссы эти оказались, если не до конца убедительными, то все же удобными для большинства руководящих кругов подкомандных наций, ибо они смягчали трагическое положение, создавали новую передышку и давали возможность вести национальную работу в более или менее широких масштабах. Действенная их сила длилась, однако, не так уж долго, – приблизительно до начала 1917 года, и лишь частью, в виде слабых отзвуков, проявлялась и до осени этого знаменательного для России года. Позже, в разлившемся потоке революции на востоке Европы, эти компромиссы, как временные хрупкие мостки в половодие, были без остатка снесены могучими национальными движениями и отошли бесповоротно в область истории. Не лишнее, может быть, при этом будет отметить, что творцы указанных компромиссов сами заранее предвидели их будущее и, дожив до этого, отнюдь не сожалели о такой их участи (Бодуэн де Куртенэ и другие).

V

Российская революция 1917 года – слишком обширная тема, чтобы о ней говорить более или менее подробно. Мы остановимся поэтому лишь на ее национологическом аспекте. Предварительно, однако, для избежания недоразумений, – небольшая оговорка.

Обычно принято думать, что в конце февраля 1917 года (ст. ст.) в России произошла революция. В действительности – это глубокое заблуждение. События, выпавшие на указанные дни, вовсе не были революцией. Это было явление совершенно иного порядка, редко случающееся в истории, грандиозное по своим последствиям. Это была внезапная для большинства ее современников государственная катастрофа.

Весьма мало европейская, плохо и архаично организованная, лишенная внутренних скреп, императорская Россия не выдержала огромной тяжести великой войны, рухнула и развалилась, распалась на отдельные части свои, – по нациям, областям и народам. Об этом мне лично приходилось писать уже в 1917 году, но мысль эта была тогда непопулярной, для российской общественности неприемлемой, и российские политики стали подходить к ней лишь теперь, в самые последние дни (Милюков)*.

Подлинная революция пришла значительно позже, и была она двоякого рода. В Великороссии она приобрела чисто социальный характер, у подкомандных наций социальные элементы ее ярко окрасились в национальные цвета. Этапы тогдашнего революционного нарастания отмечены почти повсеместными движениями и вспышками, относящимися приблизительно к апрелю и июлю месяцам того же 1917 года, а сама революция разразилась окончательно уже осенью, – в Великороссии приняв форму большевицкого переворота, у подкомандных наций – положив начало отделению их от империи и провозглашению государственной независимости.

Исключением из этой схемы являются Польша и Финляндия, которые указанных этапов не проходили, а сразу же организовались, как самостоятельные

* Павел Милюков (1859–1937) – историк и публицист, теоретик и лидер партии кадетов (конституционных демократов). В эмиграции с 1920 г. Автор трудов по истории России XVIII–XIX вв., Февральской и Октябрьской революций. – *Ред.*

государства; некоторые, не вполне, однако, ясные уклонения от указанной выше схемы проявила также и Литва.

Катастрофа 1917 года оказалась фатальной для существования Российской империи; в ее огне растаяло, как воск, созданное с таким трудом формальное единство этого государства. Главными устоями этого единства, как указано выше, были: возглавляемый династией государственный аппарат, имперская школа и имперская нация. Все это исчезло или потеряло свою силу, не найдя нигде и ни в ком какой-либо защиты себе, — и произошло это сразу, мгновенно, как по мановению волшебного жезла. Не будем говорить о жалостной судьбе династии, она ушла со сцены истории без достоинства и без сопротивления, не оставив после себя элементов, на основе которых впоследствии могла бы родиться, — кажется, даже и в Великороссии. Государственный аппарат частью разделил судьбу династии, частью — распылился. Школа перестала быть единой и российской и сразу же реорганизовалась, как национальная.

Имперская нация обеднела качественно и количественно; качественно — утративши свои позиции в государстве и потерявши таким образом точки приложения своих сил; количественно — потому, что ее человеческий материал, с первого же дня катастрофы, стал уходить из ее рядов, возвращаясь в свои национальные секторы. Статистически число возвратившихся не установлено, но на глаз можно определить, что имперская нация потеряла не менее двух третей своего состава. Значение этих потерь усугублялось еще и тем, что вместе с катастрофой для имперской нации исчезали всякие перспективы каких-либо новых национальных приобретений за счет подкомандных наций.

Дни имперской нации были сочтены. К чести ее, однако, надо признать, что ослабевшая и умаленная, она все-таки была единственной имперской силой, которая не сдала своих позиций без сопротивления, которая продолжала свою имперскую работу не за страх, а за совесть, и ушла со сцены лишь тогда, когда ее усилия были сломлены в открытом бою. Произошло это, должно думать, потому, что в этот период катастрофы во главе имперской нации стояла указанная выше левая часть русской общественности, одушевленная идеалами европейского политического и социального демократизма. В глазах имперского населения этот факт придавал ей известное обаяние. С демократической Россией, — как говорили тогда, можно иметь дело, можно пойти и на разного рода соглашения. Все, что можно было сделать, — в период от февраля до октября 1917 года, — все, что было сделано тогда для сохранения государства, — все это принадлежит этой, временно оставшейся в действии, демократической части имперской нации:

Она попыталась вложиться целиком в динамику совершающихся событий и овладеть ими изнутри. Она создала в хаосе из ничего новое имперское правительство, придав ему, правда, временный характер; она модифицировала его, приспособляя к темпу развивающихся движений; она, наконец, выдвинула из своей среды и вождя, который по своим данным и по своей одаренности, — объективно и ретроспективно говоря, — нисколько не уступал многочисленным вождям в других государствах, появлявшимся до и после него*.

* Автор имеет в виду Александра Керенского (1881–1970), возглавлявшего Временное правительство России с 8 июля по 7 ноября 1917 г. — *Ред.*

Огромные усилия имперской нации, однако, оказались тщетными; на борьбу она бросила всю свою элиту, но ее работа не дала сколько-нибудь ощутительных результатов. В этом проявился грех ее происхождения и развития. Она работала, так сказать, в пустом пространстве, не имея ни внешних, ни внутренних связей с населением империи. Она нигде не могла найти опоры для своей деятельности. Государственная катастрофа наглядно указала и притом не теоретически, а на жизненной практике, насколько имперская нация, эта подлинная элита, порожденная свыше, нужна была государству, с которым она почти всегда враждовала; насколько она была беспомощна без этого государства, и насколько в то же самое время она была не нужна и чужда всем нациям, введенным в состав Императорской России.

Чужда она оказалась и великороссам, на литературном языке которых она говорила, но нужды которых обслуживать не могла и не умела, и которые к моменту катастрофы оказались лишены какого-либо национального руководства и в национальном отношении представляли собой настоящую людскую пыль. И в особенности, конечно, чужда она была всем подкомандным нациям, национальное утверждение и оформление которых прошло не только без ее участия, но и против ее воли, ибо какой-либо определенной национальной программы, вообще говоря, она не имела, национально-государственных проблем касалась крайне неохотно и к нациям относилась достаточно недружелюбно и подозрительно.

Тот факт, что великорусская нация, которая можно сказать, вчера еще как будто была командной, проявила себя не как нация, а как национальная пыль, — сыграл решающую роль в период самого острого для имперской нации кризиса, порожденного государственной катастрофой. Случилось это осенью того же 1917 г., незадолго до последнего и победного выступления большевиков в Петербурге. Выступления этого ждали тогда все, и все страшились его. Имперская нация – по понятным причинам, ибо победа большевиков означала для нее окончательную гибель. Подкомандные же нации – те из них, которые за истекший короткий срок не успели завершить своей национальной реорганизации применительно к новым условиям, — рационально опасались, что победа большевиков в Петербурге и Москве, а тем самым и во всей Великороссии, которая с самого начала стала уже как бы национальной базой большевизма, повлечет за собою, если не анархическую войну всех против всех, то по крайней мере непосильную борьбу с великорусско-большевистским нашествием.

Неся ответственность за судьбу своих народов, и не желая, как говорили тогда, прыгать в неизвестное, центральные учреждения подкомандных наций решили взять на себя и ответственность за единство реконструированной, согласно их планам, империи. Руководили ими при этом, конечно, не столько идеологические, сколько тактические соображения, но факт остается фактом. По инициативе, исходящей от революционного украинского парламента – Центральной Рады, созван был в Киеве Съезд Народов, на котором, вместе с Великороссией, должны были быть представлены все нации, народы и области, проявившие стремление к самостоятельному государственному существованию и создавшие для того центральные национально-политические установления.

Кроме поляков и финляндцев, которым не было места на такого рода съезде, ибо они уже успели окончательно установить свое отношение к империи, отделившись от нее, — съехались все, несмотря на крайнюю затруднительность тогдашнего передвижения Приехали представители всех европейских наций России, казаки, делегаты от наций и народов Кавказа, Туркестана и даже отдаленных частей Сибири. Даже имперское правительство прислало своего представителя, правда, без определенных полномочий, — скорее в роли наблюдателя, чем участника.

Не прибыл только никто из Великороссии. Среди командной нации не нашлось ни одной политической партии, ни одной политической, профессиональной или общественной организации, которая заинтересовалась бы делом, казалось бы, касавшимся в первую очередь именно великороссов, как народа, усилиями которого создана была теперь разваливающаяся империя. Никто даже не ответил на неоднократные настойчивые приглашения, — даже частные лица, — настолько ничтожен был их интерес к имперскому единству. Этим великорусским отношением к делу Съезда, конечно, предрешена была и участь его планов и его работы. Конкретный план федерализации России и соответствующая практическая реорганизация имперского правительства Съездом, правда, были выработаны и через специальную делегацию были даже представлены имперскому правительству, но до реализации этих планов не дошло, не дошло даже до их формального обсуждения. Что же касается представителей подкомандных наций, то после опыта этого съезда они окончательно перестали думать об империи, — даже исходя из чисто тактических соображений.

Говоря о Съезде Народов, уместно будет коснуться одного, иногда бессознательного, иногда нарочитого недоразумения, связанного с национально-государственной проблемой в императорской России. В российских политических кругах была весьма распространена — распространена и сейчас среди российской эмиграции — мысль — что национально-государственные движения в России, — особенно те из них, которые принимали отчетливую форму сепаратизма, — были всецело делом национальных интеллектуалов, и что широкие народные массы подкомандных народов этим совершенно не интересовались и очень охотно шли, если не на слияние с командной нацией, то во всяком случае на полное государственное слияние с империей. Мысль эта весьма мало соответствовала действительному положению вещей, и пример Съезда Народов как раз ярко иллюстрирует эту ошибку.

Внешним образом, как указано выше, Съезд этот не дал никаких результатов потому, что его игнорировали великороссы, а также частью и потому, что к нему недостаточно внимательно отнеслось тогдашнее Временное Имперское Правительство. Внутренне, однако, Съезд, как это выяснилось несколько позже, и без того был обречен на бесславный провал, — и именно потому, что он был созван интеллигенцией подкомандных наций, которая кое-где не успела, а кое-где не могла проконсультировать в этом направлении свои народные массы.

Массы же, как оказалось, были резко настроены против какого бы то ни было нового объединения с империей, хотя бы даже и с федеративной, хотя бы даже и в тактических целях. В этом отношении они были гораздо радикальнее своих интеллектуалов и решительно стояли на отделении от империи и на полной го-

сударственной самостоятельности своих наций. Доказательствами такого настроения масс полны позднейшие революционные события на Кавказе, в казачьих областях, в Туркестане; но наиболее выразительное и понятное для всех доказательство дали этому массы украинские, т.е. как раз те, именем которых созван был указанный Съезд Народов.

Так, в апреле 1918 года, как известно, по инициативе и при поддержке немцев, оккупировавших тогда Украину, установлено было в ней гетманство Скоропадского. Режим был насквозь реставрационный и антидемократический, но с этикеткой полной национально-государственной независимости. Благодаря этому, хотя гетман Скоропадский в народе и был весьма непопулярен, чтоб не сказать больше, но его все же терпели, в надежде на перерождение и внутреннюю эволюцию его правительства*. Терпели ровно до того момента, пока он к указанным качествам своего режима не прибавил еще своих федеративных симпатий. И буквально в тот же день, когда Скоропадский опубликовал свой известный манифест про федерацию с Россией, против него вспыхнуло подлинное народное восстание, а через две недели после этого он сам и его федеративные сотрудники очутились вне пределов Украины.

Максим Славинский
в дореволюционный период

Эпизодические расхождения в настроениях национальных интеллектуалов и их народных масс случались, однако, только в начальной стадии национальных революций в империи. Объяснить это явление нетрудно, ибо причины его очевидны и лежали они во всем том, что национальным революциям предшествовало. Резко расходясь со всей имперской нацией в вопросах национально-государственных, интеллектуалы подкомандных наций чувствовали, однако, некоторую если так можно выразиться идеологическую конгениальность с той частью российской общественности, которая выше обозначена как демократическая, и которая, как и они, воспитана была политически на идеях европейского демократизма и социальной справедливости. Между ними всегда была известная, — правда, очень сдержанная, — близость, а всякая близость порождает и некоторое доверие.

Поэтому, когда демократическая часть российской общественности, как указано выше, в напряженный час катастрофы проявила себя действенной, став во главе государства, этот факт у значительной части интеллектуалов подкоман-

* Павел Скоропадский (1873–1945), генерал-лейтенант российской армии, крупный помещик. Во время Мировой войны командовал кавалерийской дивизией, потом корпусом. С октября 1917 командовал вооруженными силами Центральной рады Украины. В апреле 1918 на съезде хлеборобов был избран гетманом Украины, провозгласил создание Украинской державы, а себя — ее верховным правителем (при поддержке командования германских войск, оккупировавших Украину по условиям Брестского мира). В декабре 1918 эмигрировал в Германию, где и окончил свой жизненный путь.

дных наций породил иллюзорное представление о возможности договориться с новой демократической Россией о возможности сотрудничества с нею и сожительства. То есть о том, что в преобразованном федеративно-имперском объединении подкомандным нациям можно будет постепенным, мирным, без насилий и конфликтов, продвижением достичь своего национально-государственного оформления, — приблизительно такого и таким способом, как его достигли английские доминионы, не выходя из пределов Британского Объединения. Такими мыслями и таким настроением руководились главные инициаторы Киевского Съезда Народов (Грушевский и др.)*. Политическая реальность впоследствии их резко дезавуировала.

Иначе чувствовали и иначе относились к этому вопросу народные массы подкомандных наций. Из всего предшествующего опыта своего они знали только одну Россию, а именно императорскую, т. е. ту, от которой они никогда ничего доброго не видели, — все равно, обращалась ли она к ним под видом имперского государственного аппарата или в лице российской общественности. Всем укладом своей жизни отгороженные от имперской нации, без каких-либо следов ее влияния, они о демократической части российской общественности просто не имели никакого представления, а ту демократическую Россию, которая существовала в период государственной катастрофы, они восприняли как эфемериду, исчезнувшую раньше, чем они могли что-либо о ней разузнать.

Для народных масс подкомандных наций историческая Россия всегда являлась силой враждебной и чужой, распад ее казался чудесным избавлением, и всякая попытка, хотя бы даже тактическая, направленная к восстановлению имперского единства в каком бы то ни было виде его, — представлялась им стремлением так или иначе реставрировать ненавистное прошлое, была для них изменой национальному делу.

Съезд Народов таким образом послужил как бы некоторого рода оселком для определения того, как относились к национально-государственной проблеме разного рода национальные и политические силы конца периода катастрофы в тогдашней — формально еще — России. Наиболее полезным неуспех этого Съезда был для интеллигенции подкомандных наций. Он отрезвил ее настроение, очистил ее сознание от остатков ненужного прошлого, предотвратил возможный конфликт со своими же народными массами и навсегда зачеркнул ее доверие к конгениальной с нею политически демократической частью российской общественности. С этого времени можно говорить о полном слиянии ее национально-государственных настроений с такими же настроениями народных масс. Что же касается российских политических кругов всяких направлений, то они в общем во всем этом, — надо это констатировать, — просто ничего не поняли. Единственным исключением из этого непонимания были большевики, которые как раз тогда появились на великорусской авансцене. Доказали это они тем, что в своей пропаганде, обращенной по адресу вчерашних подкомандных наций,

* Михаил Грушевский (1866–1934) — выдающийся украинский историк, автор «Истории Украины-Руси» в 13 книгах (изданы в 1898–1936 г.). В 1917–18 гг. был председателем Центральной рады в Киеве. В 1919–24 гг. находился в эмиграции. После возвращения был избран академиком АН УССР (1924) и АН СССР (1929). Отравлен агентами ГПУ. — *Ред.*

они всесторонне использовали не ими созданный, но ими усвоенный лозунг о праве каждой нации на самоопределение, вплоть до отделения.

VI

В конце октября 1917 года (ст. ст.) – большевики, как известно, произвели успешную революцию в Петербурге, несколько позже в Москве, а потом с чрезвычайной быстротой и почти автоматически стали господами положения во всей Великороссии. При этом необходимо, однако, помнить, что произошло это только в Великороссии, в ее этнографических пределах, – там, где было подавляющее великорусское большинство среди населения. В этих пределах народные массы приняли учение большевизма, как нечто совсем свое, как нечто, можно даже сказать, национальное. Предполагаю учение большевизма известным. Преподнесено оно было этим массам, конечно, в очень упрощенном виде и соответствовало поэтому архаической психологии чрезвычайно отсталых, почти не тронутых европейской цивилизацией великорусских масс, не вышедших еще из пережитков старых форм примитивного коммунизма (община и пр.). Поэтому народные массы Великороссии приняли новую власть большевиков не только без сопротивления, но даже до некоторой степени – с пафосом.

Известное сопротивление большевики встретили в Великороссии лишь со стороны разрозненных остатков бывшей имперской нации. Слева это были – мелкие вспышки восстаний, организованные главным образом социалистами-революционерами внутри страны, а также мимолетные коалиционные и социалистические правительства на периферии; справа же это были – разного рода интервенционисты и вообще все так называемое белое движение, поднятое частью человеческого материала бывшего государственного аппарата и раздавленное не столько большевиками, сколько самими же народными великорусскими массами.

Совершенно иное отношение к большевикам, к их учению и к власти проявлено было решительно всеми подкомандными нациями бывшего Российского государства. Если у того или иного слоя среди этих наций и были еще до того, как это указано выше, кое-какие иллюзии относительно имперского сосуществования, то теперь, с появлением на авансцене большевизма, они выветрились без остатка. Победа большевиков в Великороссии стала для этих наций как бы грозным сигналом предстоящих бедствий, грубых посягательств на исторический уклад их жизни, на народные традиции, на национальные святыни, на все их национальное будущее.

Утверждение большевицкой власти в Великороссии поэтому как бы датирует собою не только фактическую, но и формальную дислокацию Российского государства. Ибо все указанные выше нации сразу же, одна за другой, после этого поспешили отгородиться от большевицкой Великороссии собственными государственными границами, отделившись от империи и провозгласивши свою независимость. Кроме Финляндии и Польши, отделившихся, как указано, уже ранее, стали самостоятельными государствами, с севера на юг: Эстония, Латвия, Литва, Белоруссия, Украина, Казацкие земли, весь Кавказ и весь Туркестан; заговорили о государственной самостоятельности даже и в Сибири, – в тех ее ча-

стях, где великорусская колонизация хотя и представляла уже большинство населения, но была оторвана от исторических традиций собственной Великороссии; и в других, где, как на берегах Тихого океана, преобладание имела колонизация украинская.

И примечательно при этом, что новые государства между собою не сумели установить сразу же точных границ, – это откладывалось на будущее; но там, где они соседили с Великороссией, границы сразу же оказались точными, ибо они всецело совпадали с границами этнографическими. Не смешивались с великороссами, живя в одной империи, не захотели иметь ничего общего с ними и отделившись.

Явление большевизма не только не ослабило исторического национального отталкивания, как это принято думать в некоторой части левой российской эмиграции, как на это надеялись некоторое время и сами большевики, но наоборот, – довело его до степени крайнего напряжения. Появление, а потом и властвование большевиков на востоке Европы, – теперь в СССР, – не внесло каких-либо существенных изменений в национально-государственную проблему сравнительно с прежним. Изменилось не существо ее, а формы выявления, иными стали соотношения борющихся сил и самый удельный вес этих сил, а потому и борьба получила иной характер, приобрела иные возможности и ведется иными методами.

Однако для того, чтобы это понять, необходимо оставить в стороне все то, что прежде всего бросается в глаза, когда речь идет о российском большевизме, а именно, – всю его внешнюю социальную динамику, мечты о мировой революции, о диктатуре пролетариата, и т. п. Если это сделать и взглянуть на большевиков не в социальном, а в национальном аспекте, то весь рассматриваемый вопрос приобретает совершенно точные очертания, которые, с одной стороны, указывают на связь большевизма со всем российским прошлым, а с другой, говорят и о его неизбежном, более или менее близком будущем.

Как уже указано выше, большевики усвоили себе известный лозунг о самоопределении наций вплоть до отделения. Лозунг этот, конечно, был принят ими из соображений чисто тактических. Идеологически он, пожалуй, и не противоречил их программному учению, но практически и психологически он для них был совершенно неприемлем, ибо этому органически противилась прежде всего их национальная природа. Эти слова о национальной природе большевиков способны у многих вызвать подлинное недоумение, так как и до сих пор еще в политических и, в особенности в обывательских кругах весьма распространено мнение, что не только само учение большевизма является продуктом интернациональной мысли, но интернационален и человеческий большевицкий материал в СССР. В действительности это совершенно неверно, – как по отношению к самому учению, так и по отношению к человеческому материалу.

Источники большевицкого учения, конечно, интернациональны, как интернациональной еще и сегодня остается фразеология его, но то претворение, которому подверглось это учение в СССР, носит на себе отчетливые следы национальной, так сказать, эманации того народа, который стал для большевиков их национальной базой. Что же касается человеческого материала большевизма, то здесь в заблуждение вводило и вводит обилие не великорусских и вообще не-

славянских фамилий в составе его членов. Этот факт, однако, ровно ничего не доказывает. Ибо, если исключить некоторую незначительную примесь съехавшихся в Москве, и то не сразу, а гораздо позже, — коммунистов разных наций, то весь прочий человеческий материал большевизма первого, так сказать, призыва принадлежал к одной нации, а именно к бывшей имперской российской нации, будучи самой экстремной ее частью. Эта же экстремная часть, как известно, в составе имперской нации всегда была наиболее разношерстной по происхождению своих членов.

Позже, после победы большевиков в Великороссии, когда произошел разгром имперской нации и ее окончательная дислокация, не только вся имперская нация, но и большевики, как ее часть, отрезаны были от тех истоков, которые питали их людьми в дореволюционное время. Человеческий материал большевизма с этого времени пополнялся поэтому, главным образом, великорусскими элементами, вследствие чего и весь большевизм, идеологически, психологически и практически, стал, естественно, скользить от линии имперской нации в направлении стихии великорусской и к великорусским государственным традициям.

Скольжение это шло одновременно с революцией, двигалось быстрыми темпами и дало поэтому, если пока еще и не очень устойчивые, то во всяком случае весьма осязательные результаты. Ибо в настоящее время можно со значительной уверенностью уже говорить о том, что большевистский человеческий материал стал скелетом создающейся, наконец, великорусской национальной интеллигенции, что претворенное в СССР учение большевизма стало на сегодня официальной идеологией великорусской нации, и что сама эта нация, исторически и генетически всегда динамическая и ярко экспансивная, на наших глазах как бы стремится к неудержимому, быстрому, как в кинематографе, повторению всей истории востока Европы, начиная с московского царства и кончая императорской Россией. Что весь этот процесс происходит под руководством и, так сказать, под высокой протекцией человека, фамилия которого оканчивается на «швили», не должно никого удивлять*. Великороссы привыкли издавна к такого рода явлениям, — ведь и их последняя династия носила не великорусскую фамилию, ибо это были вовсе не Романовы, а Готторпы...

Каковы фазы этого повторения? Прежде всего это была стадия завоеваний и так называемого собирания земель и возвращения отторгнувшихся и вырвавшихся на свободу бывших подкомандных наций в одну империю, в реставрированную тюрьму народов. Естественно, что вкусившие суверенной свободы нации не захотели добровольно возвращаться в заточение. Понадобилось военное принуждение, началась вооруженная борьба. Перипетии этой борьбы пересказывать не будем, — они более или менее известны всем. Укажем лишь, что она была жестокой и длительной. Внешним образом она закончилась приблизительно к 1924–1925 годам; внутренне и психологически — она продолжается доныне, ибо каждый день может вспыхнуть заново, на этот раз, быть может в форме еще более жестокой, чем это было раньше.

---

* Настоящая фамилия И. Сталина – Джугашвили. — *Ред.*

Мыслить ее в такой форме приходится потому, что со стороны подкомандных наций в борьбе участвовали не столько правильно организованные армии, — которые в период борьбы необходимо было еще импровизировать, — сколько широкие народные массы, которые спонтанно стали на защиту своей нации, а с ней и своего государства, ибо они, эти массы, никогда этих двух понятий, не мыслили отдельно. Борьбу эту подкомандные нации проиграли. Боролись они разрозненно, помощи ниоткуда не получали, боевого снабжения не имели и пали жертвою чисто физического преобладания великорусской массы, руководимой большевиками. Их поражение, однако, нисколько не отразилось на динамической силе национально-государственной проблемы внутри этих наций. Произошло это потому, что в этой борьбе между ними и великороссами, не только между армиями, а что гораздо важнее, между народами, — легла кровь, а как известно в народном представлении кровь пролитая вопиет об отмщении, вопиет в поколениях.

Указанный факт определил собою то явление, что в новосозданной большевиками империи национальное отталкивание между великороссами и подкомандными нациями приняло гораздо более разительные формы, чем это было до революции. Явление это, до сих пор еще недостаточно осознанное российской эмиграцией, сразу же было замечено большевиками, а потому и было положено в основу их национально-государственной политики во время второй ее фазы.

Разбивши нации в открытом бою, они удовлетворились, на первых порах, лишь формальным единством так называемой большевицкой социальной и политической структуры, но не рискнули атаковать в лоб национальные и государственные их достижения. Они ввели покоренные государственные образования в состав своей советской империи, но сделали это на началах союзности, конфедеративности и за главнейшими из них сохранили даже все внешние атрибуты их суверенности, вплоть до обязательных представителей в полпредствах и даже до права выхода из Советского Союза на легальных основаниях. Еще более опасливо поступили большевики с достижениями чисто национального характера. Они не только не аннулировали их, но наоборот — потребовали от государственного аппарата всех союзных и автономных республик и вообще от всех самоуправляющихся единиц, чтобы в кратчайший срок была произведена полная национализация всей местной жизни во всех ее плоскостях и во всех установлениях, конечно, там, где такого рода процесс не был еще нациями закончен.

Со стороны Советов такая политика была, конечно, неискренней и диктовалась чисто тактическими соображениями, причем, — это надо подчеркнуть, — соображениями имперского, а не какого-либо иного порядка, ибо большевицкому программному учению она не противоречила. Мысль была такова. Сохранение внешних атрибутов суверенности и национализация местной жизни должны быть не целью, а методом, — своего рода глубоким стратегическим обходом государственно-национальных движений с тыла, при помощи которого большевики предполагали отрезать интеллигенцию подкомандных наций от ее народных масс. Льстя государственному сознанию этих масс и охраняя их национальные достижения, они как бы приобретали право сказать про себя, что они, мол, тоже националисты, не хуже своих противников.

Этот метод был для них уже не нов. Они его испробовали в великорусской среде, встретившись там с преобладанием в крестьянской массе партии социалистов-революционеров. В борьбе с этой партией, казалось, такой могущественной в тот час, они вышли победителями, обойдя ее с тылу, а именно, приняв всю ее земельную программу, и тем отрезав ее от крестьянских масс. Что из этого вышло позже, вопрос иной, но, благодаря этому маневру, большевики в Великороссии стали властителями крестьянских дум.

Тот же маневр, повторенный вне Великороссии в области национально-государственной проблемы, дал результаты, обратные тем, на которые рассчитывали большевики. Тезою большевицкой политики было: сохраняя, по крайней мере, временно, в империи разнообразие внешних атрибутов местной самостоятельности, а также, как неистребимое зло, и разнообразие языков, создать внутреннее единство на базе единой, в данном случае марксистской, идеологии, как называли большевики свое учение. Претворить в жизнь это задание должны были, — с одной стороны, местная школа, с другой, — государственный аппарат местных же самоуправляющихся единиц, человеческий материал которых присылался из Москвы или назначался из тщательно подобранных местных коммунистов и так называемых сочувствующих.

Методологически говоря, все это задумано было не так уж плохо; из рук вон плохи были лишь исполнители, — никуда не годился идеологический цемент, избранный для скрепления указанного единства, и совершенно не соответствовало предпринятой задаче внутреннее соотношение сил командной и подкомандных наций, обозначившееся вскоре после революции, а с особой силой — и после первой стадии борьбы с большевиками, о которой говорилось выше. Случилось так прежде всего потому, что большевики не обладали достаточным контингентом интеллектуалов, а те новые кадры, которые им удалось сколотить в процессе революции, были весьма невысокого уровня.

Прежняя имперская интеллигенция к этому времени уже перестала существовать, ибо была частью физически истреблена, частью изгнана за пределы нового государства. Ее командное место занял большевистский человеческий материал, претворяющийся, как указано выше, в национальную великороссскую интеллигенцию, но этого претворения далеко еще не закончивший. Не утвердившийся в каких-либо прочных национальных традициях, не связанный с прошлым, отрезанный от европейских влияний и замкнутый в узкой догме упрощенного и неупорядоченного учения большевизма, материал этот, проникая в национальное окружение самоуправляющихся единиц, идеологически был слаб и немощен сравнительно с противниками своими, национальными интеллектуалами, которые превышали его и своим цельным национальным мировоззрением, и высоким чувством патриотизма, и широким общим развитием и, наконец, просто своею индивидуальной культурой. К тому же противники эти по отношению к большевикам применили их же тактический прием, а именно, в свою очередь и очень успешно, обошли их в еще более глубоком тылу, отрезав им какие бы то ни было пути к национальным народным массам и лишив их возможности идеологически влиять на эти массы.

Сторонним людям маневр этот должен был казаться полной резиньяцией. Так на него вначале смотрели и большевики, ибо для его исполнения националь-

ная интеллигенция отказалась от открытой вооруженной борьбы и приняла Советскую конфедеративную империю, а вместе с нею и официальную национальную политику большевиков, говорящую о внешнем разнообразии и внутреннем единстве наций. Действительность, однако, была иной. Фактически этим принятием подкомандные нации создавали себе необходимую им передышку, во время которой они в новых условиях повторили свой старый опыт так называемой органической работы, о которой речь была выше.

Передышка длилась несколько лет, и ее результаты были тем значительнее, что в работу на этот раз вложились не только интеллектуальные силы подкомандных наций, но и широкие народные их массы. Они поставили из своей среды действенный человеческий материал для всего местного государственного аппарата, для всех административных, судебных, педагогических, муниципальных и вообще публичных установлений, и на этой работе в короткое время прошли, если так можно выразиться, практический семинар национального государствоведения.

По-своему претворили подкомандные нации и провозглашенную большевиками национализацию местной жизни. Лозунг этот они обратили в свою пользу не только в том направлении, что в самом деле национализировали свою жизнь, но и в том смысле, что позаботились о дерусификации этой жизни, — о том, чтобы очистить ее от всего того, что еще оставалось в ней от недавней российской стадии сосуществования; от национальных полуфабрикатов, от остатков былой имперской нации, взрощенной заботами ушедшего в вечность императорского режима и растоптанной последующими событиями.

Процесс дерусификации на этом, однако, не остановился. Национальная динамика продвинула его далеко вперед и частное явление претворила в синтетическое обобщение. Среди населения подкомандных наций как бы неожиданно, но по существу спонтанно и естественно, возник лозунг, докатившийся и до советской прессы, — лозунг короткий и выразительный. Он гласил: прочь от Москвы, от всякой Москвы, — красной и белой, от всякого режима, — царского, большевицкого и демократического, от всякого имперского единства, — внешнего и внутреннего, — вообще. Созданием этого лозунга логически закончена была стадия передышки и органической работы, и для подкомандных наций наступила эра возродившегося снова интегрального национализма, а вместе с ним и неизбежность новой борьбы за новую реализацию полного национально-государственного суверенитета, т. е. в конечном счете — за дислокацию Советской империи.

Большевики, конечно, заметили указанный процесс и спохватились, но сделали это с некоторым опозданием, когда уже стало невозможно остановить развернувшееся движение. Само собой разумеется, что побежденными они себя не признали. В их руках по-прежнему оставалось имперское властвование в национальных республиках и во всех вообще самоуправляющихся единицах; оставалась политическая полиция и многочисленные отряды особого назначения, иначе говоря, государственная жандармерия, организованная в виде военных частей; оставалась единая на всю империю всемогущая централизованная партия, человеческий материал которой переплетался с таковым же материалом имперского государственного аппарата; оставалась централизованная и руково-

димая свыше пресса; имперские способы экономического воздействия, имперская армия и многое другое. Все это оставалось и кое-что даже и прибавилось, ибо за последние годы большевики, чувствуя национальные опасности, деятельно и планомерно продвигались по пути решительной централизации своей теоретически-конфедеративной империи, превратив самоуправление национальных республик и автономных областей в подлинную фикцию.

Но главное, без чего нельзя вообще мыслить длительное существование какого бы то ни было государственного единства, — то в руки им не далось. Они не могли и не сумели установить между центральным правительством и подкомандными нациями даже некоторого подобия идеологической связи, — той связи, которая одна, без полиции и мер принуждения, в нормальном государстве цементирует имперское единство и удерживает сцепление его частей. В Великороссии, по указанным выше причинам, эта связь населения с Советами наладилась и стала даже в некоторой степени органической. Среди подкомандных наций, как знаем, предпосылок для этого, вообще говоря, не существовало и раньше, под длительным же властвованием Советов даже и там, где возможности для этой связи как будто бы зарождались, они исчезли без следа.

Банкротство советской национальной политики, естественно, закончило вторую ее стадию, и в третьей продолжающейся еще и сегодня, большевики переменили если не методы деятельности, то во всяком случае точки приложения ударяющих сил. Прежде всего необходимо отметить резкое усиление правительственного террора на территориях подкомандных наций. Террор, как известно, является неотъемлемой принадлежностью советского режима; он существовал всегда, и национальные жертвы в этом отношении неисчислимы. Если сосчитать все казни, тюрьмы и ссылки, часто равнявшиеся медленной смерти, то плафон этих жертв, — без преувеличения, подымается до миллионов.

Но раньше, если так можно выразиться, жертвы эти подавались публике под другим соусом, — к государственно-национальным провинностям, как правило, прикалывались еще и контрреволюционные социальные этикетки. Истребляются, мол, не национальные люди, а социальные вредители той или иной национальности. Теперь это правило, если и применяется, то крайне небрежно, — больше по старой привычке, и выводятся в расход, почти без социальных этикеток, просто национальные вредители, люди, которые стремятся оторвать ту или иную нацию от Советской империи. Переменилось и ударное направление террора. Москва бьет теперь не так по широким народным массам, не столько даже по национальной интеллигенции, сколько по национальному государственному аппарату, — и особенно по высшим его представителям, начиная с местных министров и премьер-министров,, т.е. в конце концов по своим же как будто людям.

Как могло это случиться? Объяснение дано выше. Государственное сознание национальных масс разлилось так широко, интегральный национализм создал такую действенную национальную атмосферу, что от ее влияния не могли уйти даже и эти люди, бывшие до того всегда безукоризненными большевиками, а потому и занимавшие министерские посты, как особы, которым Москва всецело доверяла. Характерно при этом, что среди этих истребляемых ныне людей по-

падаются и лица великорусского происхождения, присланные из центра и поддавшиеся эманациям местного национального окружения.

Мы не можем здесь останавливаться на именах и на перечислениях фактов, — тем же, кто хотел бы проверить наши указания, советуем пересмотреть хотя бы газетные известия о казнях, самоубийствах и погромах, произведенных за последнее время большевиками в республиках, с севера на юг: в Карелии, Белоруссии, на Украине, в Грузии, Армении, Азербайджане, Казахстане, Таджикистане, в немецкой Поволжской и даже в еврейской Биробиджанской республиках.

Нам могут указать, что в данное время террор свирепствует не только в национальных республиках, но и в подлинной Великороссии. Да, он свирепствует и тут, и там. Но есть разница, — в жертвах и в приложении террора. В Москве и в Ленинграде и во всей Великороссии бьют по так называемым троцкистам, желающим низвергнуть нынешнего вождя Советов, и по врагам народа вообще, т.е. дело идет о государственном режиме и о каких-то элементах социального порядка, — каких, — в данном случае неважно. В национальных же республиках к жертвам террора, конечно, предъявляются обвинения и социальные, но главная их вина всегда лежит в плоскости местного национализма и государственного сепаратизма.

Национологически говоря, можно сказать, что два указанные выше типа российской революции, завершив кровавый круг своего движения, вернулись к своим исходным точкам: великорусская — замкнулась в области государственного и социального режима; национальные, — утверждая свои социальные приобретения, неудержимо стремятся к дислокации, — на этот раз уже — советской империи. Можно еще и добавить, что сегодня реализация этих стремлений — всего только вопрос времени, — не больше.

Заканчивая наше изложение, может быть, следует отметить, как национологический курьез, попытку советской власти организовать идеологическую базу для создания в СССР новой единой имперской нации, или по крайней мере — единого для всех его наций имперского патриотизма.

Попытка эта производится как раз теперь, на наших глазах. Усвоив практически, что учение большевизма, в качестве национального и патриотического цемента, попросту говоря, ничего не стоит, и не находя в более или менее известном им архиве марксизма сколько-нибудь достаточных национологических традиций, советские люди в ударном порядке стали искать материалы для этого в том, что было у них под рукою, и нашли их в истории Московской государственности, в том ее отображении, которое дано старым императорским историографом Карамзиным*. Его известная статья «О любви к отечеству и народной гордости» стала как будто настольной книгой советских политиков и их идеологов. Как по мановению жезла, засияли вдруг советской красотой имена Владимира Святого, Александра Невского, Ивана Калиты, Сусанина, Минина, Пожарского, даже и Петра Великого. Воскресла теория единства русского народа и его трех ветвей, но к ним, правда, по причинам, которых лучше не доискиваться,

* Николай Карамзин (1766–1826) — историк и писатель. С 1803 г. официальный историограф при императоре Александре I. Автор знаменитого труда «История государства Российского» в 12 томах (1816–29 гг.), который до сих пор составляет основу официальной российской историографии. — *Ред.*

прибавлена еще и неизвестная доныне какая-то «кавказско-русская раса». Воскресло сразу и многое другое из старых московских традиций, на чем останавливаться не будем. Все это должно как будто бы лечь в основу имперского патриотического чувства всех граждан СССР; основою же их наднационального единства должен стать все тот же русский язык, который в Москве стал литературным, т. е. великорусский. Он обязан быть для всех наций СССР вторым языком, а местные языки должны быть лексически, и синтаксически к нему привязаны при помощи словарей, прессы и школы.

Что же можно сказать об этой попытке. Для великороссов она пройдет, вероятно, не бесполезно, ибо кое-что из всего указанного они могут и должны взять в свой национальный инвентарь, — особенно мысли Карамзина «о любви к отечеству и народной гордости», которых им в истории всегда недоставало. Что же касается подкомандных наций, то для них эта, так сказать, национологическая попытка, является на их государственно-национальном пути новым и скверным анекдотом. Но всякого рода неприятностей они уже так много имели и пережили, что переживут и эту; она не самое плохое из того, что есть и было.

VII

Какой вывод из всего вышесказанного? Укажем на один из них, — не политический, а чисто человеческий. По-человечески говоря, единственно разумным было бы враждующим сторонам — прекратить борьбу и разойтись по добру, по здорову. Это было бы чрезвычайно полезно для обеих сторон. За великороссами, — и без подкомандных наций, — осталось бы огромное, по европейским масштабам, государство; подкомандные же нации получили бы возможность нормального государственно-национального оформления своего, не отягощенного борьбою с покорителями.

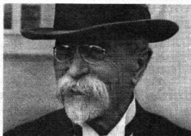
Благоразумие, казалось должно было бы подсказать именно этот вывод, потому что иного выхода, как дислокация СССР, на востоке Европы все равно нет и быть не может. Надеяться на это, однако, нет никаких оснований. Отдельные люди, очутившись в аналогичном положении, может быть, и способны были бы к подобным решениям, но нации до этого не доросли. Конечно, речь идет о нациях командных, империалистических. Из этих наций зародыши указанного, так сказать, национологического благоразумия имеются в некоторой степени только у англичан, но эта нация не может идти в счет, ибо она перенасыщена чувством господства над другими народами.

Мы же имеем дело с великороссами, — народом, который и был командной нацией и в эту роль окончательно не вошел; вкусил от чувства имперского господства и властвованием не насладился. Такой народ неспособен на благоразумный отказ от своих претензий на властвование. И особенно не могут сделать этого его командные слои, бывшие и настоящие, ибо эти претензии стали органической частью в составе их национального мироощущения, а то или иное изменение этого мироощущения требует, как известно национологам, весьма длительного времени. За примерами не надо далеко ходить, — достаточно взглянуть на остатки российской имперской нации, пребывающие в эмиграции. Ведь эти люди и сейчас в своих газетах, книгах и в публичных выступлениях говорят о

России, о единой и неделимой России, о «нашей» Малороссии, о «наших» Кавказе и Туркестане – говорят так, как будто за последние двадцать лет ровно ничего не произошло, как будто там, на востоке Европы, все стоит так, как это было в великорусский период истории (термин Ключевского), закончившийся в 1917 году*.

Это же мироощущение оказывается характерным и для экстремной части той же российской имперской нации, захватившей там на месте власть и претворяющейся ныне в великорусскую национальную интеллигенцию. Эти новые советские люди, конечно, знают, что за двадцать лет все переменилось вокруг них, что самой России уже нет, а есть всего лишь СССР. И тем не менее единороссийское наследие, полученное ими от их матери – имперской нации, живет в них и требует своего выражения. И отвечая этому требованию, как видели мы выше, они, строители социализма, договорились до Минина и Пожарского, вспомнили даже Сусанина.

Нет, империалистические тенденции, раз просочившись в национальное сознание народа, изживаются нелегко. Долго еще их будут изживать и великороссы, все равно по какому пути пойдет их политическое развитие. Подкомандным нациям на этот счет не годится создавать никаких иллюзий. Борьбой и кровью окрашен их отрыв от императорской России, в той же атмосфере произойдет и их освобождение от СССР. Других путей к разрешению национально-государственной проблемы на востоке Европы история не знает, а современная действительность не указывает.

Максим Славинский
в тридцатые годы XX века

Коротко об авторе

Максим Антонович Славинский родился 12 (24) августа 1868 г., умер 23 ноября 1945 г. Украинский общественно-политический деятель, публицист, дипломат, переводчик.

Вошел в историю политической мысли как автор «национологической теории». Согласно ей, в России образовалась особая «имперская нация», вбиравшая в себя лучшие силы национальной интеллигенции. Госаппарат противопоставлял ее национальным движениям, что и являлось, по мнению Славинского, главной причиной экономического и политического кризиса в стране, в том числе в советское время.

Родился в селе Ставище Киевской губернии в крестьянской семье. Был членом литературного кружка «Плеяда» («Литературная громадка»). Вместе с Лесей Украинкой переводил стихи Генриха Гейне («Книга песен») под псевдонимом М. Стависький.

Окончил юридический (1887–1891) и историко-филологический (1891–1895) факультеты Киевского университета имени Св. Владимира. После этого жил в Екатеринославе (ныне Днепропетровск), где редактировал газету «Приднепровский край». Принимал участие в деятельности Украинской радикально-демократической партии, основанной Михаилом Драгомановым.

* Василий Ключевский (1841–1911), крупный российский историк, академик (с 1900 г.). Жил и работал в Москве. Главный труд – «Курс русской истории» в 5 томах (1904–22 гг.). – *Ред.*

В 1898 г. переехал в Петербург, был сотрудником газет «Жизнь», «Северный курьер», «Свободная мысль», секретарем журнала «Вестник Европы».

В 1906 г. — редактор «Украинского вестника» — печатного органа украинских депутатов Государственной Думы. Являлся также председателем «Василеостровского общества народных развлечений». В 1914–16 гг. был издателем и техническим редактором первого справочника украиноведения «Украинский народ в его прошлом и настоящем» (2 тома; Петроград).

Во время первой мировой войны сблизился с группой федералистов в Государственной Думе и с бюро Союза автономистов.

После Февральской революции 1917 г. активно участвовал в организации Республиканско-демократической партии (затем — Российская Радикально-демократическая партия), вошёл в её ЦК, стал заместителем председателя. Один из организаторов газеты «Отечество».

В соответствии с партийной резолюцией от 4 июля о создании коалиционного кабинета был назначен председателем образованного 11 июля Особого совещания по областной реформе при Временном правительстве. Главную задачу совещания видел в «согласовании проявленной некоторыми областями Российского государства потребности в автономных формах управления с интересами других областей, таких требований не проявлявших, а также с интересами государственного единства». (ЦГАОР, ф. 1788, оп. 1, д. 22, лл. 1 — 1 об.).

В марте 1917 г. выступил соучредителем Украинского национального совета в Петрограде, был членом его исполкома. Представитель Украинской Центральной Рады при Временном правительстве России.

Сознавая последствия нерешительности Временного правительства, Славинский указывал, что в целях победоносного окончания войны необходимо сплотить все нации на основе их самоопределения и создания общенационального правительства:

«Нельзя вставать в позу критика — и откладывать все реформы до Учредительного Собрания, ибо многое отлагательства не терпит» («Отечество», 1917, 23 июля).

В начале сентябре 1917 г. представлял Временное правительство в Киеве на Съезде Народов, где вырабатывалась линия социалистических партий в национальном вопросе в Учредительном Собрании. Здесь он заявил:

«Мы заинтересованы в цельности и неделимости России, ибо каждый народ в отдельности не представляет особой силы. Но вместе взятые, мы хозяева России... Старая власть была властью тонкой прослойки господствующих классов. После этой прослойки власть перешла в руки широких масс одного народа. Чтобы она перестала быть неустойчивой и слабой, нужно, чтобы государство использовало силы всех народов. Форма использования только одна — федерация» («Утро России», 1917, 11 и 17 сентября).

В 1918 г. вернулся в Украину, принадлежал к Украинской партии социалистов-федералистов. С мая 1918 г. член совета Министерства иностранных дел Украинского государства, временный представитель Украинского государства на Дону. С 24 октября по 14 ноября 1918 г. министр труда во втором правительстве Ф. Лизогуба.

В 1919 г. возглавлял дипломатическую миссию УНР в Праге. Оставшись там в эмиграции, с 1923 г. читал лекции по истории западноевропейской литературы в Украинском педагогическом институте имени М. Драгоманова, был професором новейшей истории в Украинской хозяйственной академии в Подебрадах. Продолжал партийную деятельность, сотрудничал с эмигрантским правительством УНР. В конце 1925 г. после конфликта в среде социалистов-федералистов потерял ведущие позиции в партии.

В 1945 г. его арестовали в Праге органы советской военной контрразведки СМЕРШ. Умер в Лукьяновской тюрьме в Киеве 23 ноября 1945 г. (в возрасте 77 лет) еще до конца следствия, не успев получить приговора.

В 1993 г. Максим Славинский посмертно реабилитирован.

Часть III

БЕЛАРУСЫ В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

БЕЛАРУСЫ НА СОЛОВКАХ

Семён Подгайный

Беларусь ты мая, Беларусь,
Сінявокая сястра Ўкраіны...

В 1655 году, во время войны Москвы и Украины с Польшей, войны, ради которой Богдан Хмельницкий в 1654 году заключил соглашение с Московским царем, протопоп Максим Филимонович в своих «Прелестных письмах» (прокламациях) писал беларусам, чтобы они «все его милости, ясновельможному нашему гетману Богдану Хмельницкому поклонились и в опеку и протекцию вдавались; чтобы, избавь Боже, Москва в наших местах свое право не поставила и на вечный час в холопы и подданные нас, вольных, не обернула».

Предостережение это было кстати, ибо как раз с того времени начинается совместная судьба Украины и Беларуси, которые постепенно входили в орбиту влияния Московской державы с ее холопским правом и дикими обычаями против всех тех, кто «латыни научился».

С того же времени начинается и наша общая борьба против Москвы за свою национальную жизнь, за государственную независимость наших стран.

Судьба наша одинаковая, различается только тем, что борьба происходила в своих территориальных границах. Одинаковой осталась она и тогда, когда украинцы и беларусы, пролив море крови за свою независимость, в конце концов оказались в пасти у большевистской Москвы.

В 1930 г. на Украине проходил громкий судебный процесс «Спілкі Визволення Украини». В том же году на Беларуси – «нацдемовский процесс». В 1932–33 годах на Украине дело «Украинского национального центра», а на Беларуси – дело «Беларуского национального центра». В 1934 году дело «Украинской Войсковой Организации», тое же и на Беларуси.

Это было время, когда Москва сводила счеты с «инонационалами» и прежде всего с украинцами и беларусами, ибо первые уже прославились как «предатели», а другие были ничем не лучше.

Надо полагать, именно потому украинцы и беларусы первыми в начале войны крикнули «Сталин – капут» и бросили советское оружие. И они сделали это со-

Соловецкий кремль (современный вид)

значительно, так как хорошо понимали, что только в орбите западноевропейских государств есть перспективы для серьезного национального развития их, а дальнейшее пребывание в орбите Москвы — это национальная смерть.

***

Я хочу рассказать о своих встречах с беларусами на Соловках, где мне пришлось еще раз увидеть нашу общую судьбу и твердо запомнить, кто наш враг. Моя память, к сожалению, сохранила только фамилии, а имена многих из тех, которых я знал, уже забылись.

Зимою 1933 г. я находился недалеко от станции Кемь на так называемом пересыльном пункте, через который шли этапы на Соловки. Здесь я на «Морсплаве» встретил группу беларусов, прибывших из Минска.

Прежде всего вспоминаю здесь группу так называемого «Беларуского национального центра», состоявшую из западных беларусов, которые перебрались в Беларусь советскую. Это были прежние члены «Беларуской Громады», которые со временем, сделавшись коммунистами, внесли раскол в эту национальную организацию на территории Западной Беларуси, что находилась под властью Польши. Эта группа оказалась в польской тюрьме и со временем была обменена на польских и беларуских узников, сидевших в советских тюрьмах.

С большим триумфом и помпой ехали эти жертвы польского произвола в советскую Беларусь, в «счастливую, независимую и самостоятельную» социалистическую советскую Беларусь. Курорты, санатории, банкеты, лучшие должности — все было к услугам мучеников-революционеров, которых так мучили фашисты-поляки. Действительно, у них начался сплошной праздник, а не обычная жизнь. Симон Рак-Михайловский, Игнат Дворчанин, Петр Метла, Иосиф Гаврилик были безмерно счастливы. Как же слепы те советские беларусы, что недовольны этим раем! И вся эта группа искренне приветствовала погромы нацдемов с Иг-

натовским во главе, сама искренне приложила руки к уничтожению национальных антибольшевистских сил в советской Беларуси.

Но тем временем праздник незаметно кончился, начались обычные советские будни. Члены «Громады», прежние депутаты польского сейма, к тому же коммунисты, меньше всего ждали этих будней и начали удивленно озираться вокруг. А вокруг был ужас, а вокруг был погром за погромом. И «громадовцы» задумались. Но думать долго не пришлось, так как вскоре эти обычные беларуские будни зацепили их самих, уверенных в том, что советская власть — счастье беларуского народа.

Иосиф Гаврилик

Они настали, эти будни, неожиданно. И оказались те мечтатели и предатели своего отечества в самой большой из тюрем Минска, на беларуской, но, к сожалению, не своей земле.

Позже, на Соловках, эти беларусы тепло вспоминали польскую тюрьму и противопоставляли ей тюрьму советскую как сплошной ужас, со всеми ее дикими, жуткими порядками.

Игнат Дворчанин

Рак-Михайловский, Метла, Дворчанин и другие были осуждены за шпионаж в пользу Польши, участие в подпольной националистической организации, в вооруженном восстании, в использовании государственной трибуны в контрреволюционных целях, в терроре против представителей советской власти. И все эти страшные проступки они будто бы совершили в подпольной контрреволюционной организации, что называлась «Беларуским центром».

В минском ГПУ эти «возвращенцы» поняли, наконец, что представляет собой советская власть и что такое советская социалистическая Беларусь. Здесь уже были не поляки, против которых можно было произносить речи, призывать к вооруженному восстанию, морочить голову себе и своим людям. Нет, здесь были старобыховские, чаусские, гомельские и минские большевики, которые меньше всего хотели терпеть каких-то дураков, что им поверили и помогали, а потом стали украдкой высказывать свое недовольство советскими порядками.

Петр Метла

«В тюрьму их, гадов, на Соловки» — кричали они, и прославленные герои оказались в подвалах минского ГПУ.

Но мало было бросить их в тюрьму. Надо было заставить очернить себя, написать про себя, что они действительно заклятые враги советской власти, что они совершили ужасные преступления, и слезно просят о помиловании. Почти год сидели бывшие «громадовцы», и костоломы из ГПУ не только повытаскивали им жилы, но к тому же еще и души втоптали в грязь.

Несчастные и исхудалые прибыли на Соловки эти господа, ставшие последними невольниками. Среди них самым выдающимся и самым бодрым был Рак-Михайловский.

Не знаю о его прошлом, не знаю и о деятельности его в советской Беларуси. Могу утверждать только одно, что этот человек в самом деле открыто и без всякого сожаления говорил: «Так нам и надо». Мне довелось несколько раз разговаривать с Рак-Михайловским, и он произвел на меня хорошее впечатление. Казалось, что человек, у которого голова была битком набита всяким советофильским мусором, не может так быстро опамятоваться, но у Рак-Михайловского этот угар развеялся быстро. Он решительно и категорически осуждал всё, во что слепо поверил, и так он казнил себя за прошлое. На Соловках он держал себя независимо, работал на тяжелых физических работах, везде и всегда подчеркивал свою ненависть к большевизму, к Москве и наконец в 1936 году попал в один из соловецких изоляторов. Оттуда я не имел никаких вестей о нем.

Высокий, стройный, с синевато-серыми глазами, Метла был лирически-тонкой натурой. Я любил слушать, как он рассказывал о Польше, о том, что побудило его сделаться беларуским коммунистом, что привело его к этим страшным трущобам. Он был болен чахоткой, кашлял, а работал на тяжелой, непосильной для него работе. Еще на «Морсплаве», строгая бруски в деревообрабатывающей мастерской, говорил: «Нет, не выдержу! Если бы хоть нормы были меньше!» — и никогда не выполнял норму. А на Соловках пришлось ему копать канавы на мелиоративных работах, и в результате всего попал он в соловецкий госпиталь, откуда тайно вынесли только труп Метлы, а где закопали, никто не знает. Это печальное событие произошло весной 1936 года.

Бледный, с черною бородой, чуть сгорбленный, Дворчанин своей манерой разговоривать напоминал профессора. Он никогда не говорил речей, как это делал Рак-Михайловский, и не ставил точки над «і». Нет, он стремился спокойно все взвесить, переоценить и найти забытый уже путь к собственной нации.

На Соловках держал себя очень порядочно и держался порядочных компаний. Работал вначале на так называемых общих работах, и хотя в отношении его не было никаких претензий со стороны ГПУ, но в 1936 году он тоже попал в изолятор, и после о нем ничего больше не было слышно.

Гаврилик был типичным крестьянским учителем. Высокий, русоволосый, с рыжеватой бородкой на округлом открытом лице, с чуть курносым носом. От него так и веяло крепким беларуским дядькой. Был он милым человеком, кротким и тихим работником. Он неохотно вступал в разговор, а если начинал говорить, то говорил долго и горячо, словно боялся, что слушатели не поймут его. Чаще всего он бывал один. Ни на ком из этой группы беларусов минская трагедия не отразилась так тяжело, как на этом учителе. Он не мог даже слышать разговоры о Минске, о советской Беларуси, о советском социализме. Так он его ненавидел и так проклинал. Он напоминал шекспировского героя, говорившего:

«Да, вы меня научили говорить, и я могу теперь вас проклинать». И эта страшная травма, этот непреодолимый ужас привели Гаврилика к отрицанию самой возможности каяться. Он говорил так: «Я самый несчастный человек, ибо не имею даже права поднять свою голову к небу и полюбоваться на звезды с их вечной и нерушимой справедливостью». И вот он, прежний коммунист, искренне и преданно стал молиться Богу, просил помиловать и простить его, окаянного...

Как-то в конце 1935 года я снова встретил Гаврилика на небольшом острове «Малые зайчики», где он был с несколькими «штрафными». Кто-то из тамошних бывальцев назвал его «коммунистическим монахом». Он был очень измучен, ни с кем не разговаривал, вечерами выходил из барака и за дикой, замшелой скалой становился на колени и долго молился. Уже полубезумного забрали его с тех «Малых зайчиков» и посадили в изолятор, откуда он так и не вышел.

* * *

Недобрую славу приобрел себе только один из этой группы – За-нич. С этим членом «Громады» и депутатом сейма мне случайно довелось познакомиться поближе, а потому хочу рассказать о нем подробнее.

В роли фуражира 1-го соловецкого сельского хозяйства я имел право осматривать сенокосы на территории этого хозяйства. Однажды прихожу я на «командировку» «Пичуги» и встречаю там За-нича. Надо сказать, что За-нич, вернувшись со своими товарищами из-за кордона, занял высокий пост в беларуском государстве, а к тому же руководил плановым отделом Академии наук БССР. Я уже знал, что в минском ГПУ он держал себя среди своих коллег настолько скандально, что еще в вагоне, когда шли этапом на Соловки, товарищи избили его. Перед этими «Пичугами» он был на острове Анзер (5 километров морем от Большого Соловецкого острова), но потом его почему-то перевели на «Пичуги» – наихудшую «командировку». Он был старик и считался инвалидом.

Радостно встретив меня, он стал просить, чтобы я взял у него два запечатанных письма: одно на имя начальника беларуского ГПУ, второе – на имя начальника III части. Уверенный в том, что туда я не пойду, он просил только бросить эти письма в ящик под «Белым домом» управления. Третья часть (тюремный НКВД) – на Большом Соловецком острове. Весьма неохотно, но наконец я согласился, ведь действительно положение его было достойно жалости, а в этих письмах, как он мне объяснил, было написано: в одном – прошение о том, чтобы разрешили ему жить в соловецком кремле, а во втором – чтобы ему дали право переписываться с родней. Этот беларус, как и все другие узники, знал меня как человека интеллигентного и порядочного, видимо, поэтому он и доверил мне это дело.

Возвращаясь к соловецкому кремлю с этими письмами, я спросил сам себя, зная, кому они адресованы: «Что я несу? А что, если это доносы? А что, если в этих письмах такое написано, что в результате несколько человек будет расстреляно? Ведь этот беларус – человек ненадежный. Правда, в тот момент никто не говорил про него, что он на острове имеет отношение к доносам. А, с другой стороны, как мне, человеку интеллигентному, распечатывать чужие письма и читать. А может, там написано что-то невинное, нужное только ему, и никого другого не касается»...

Я долго колебался, но, наконец, решил одно письмо прочесть. Зашел в кусты, осторожно распечатал и, как только прочел первые строки, мне стало ясно, что это за письма. В письме к начальнику беларуского ГПУ этот «верноподданный» доносил на своих товарищей, беларусов-коммунистов, с которыми он был обменен из польской тюрьмы, — Рак-Михайловского, Метлу, Гаврилика, Дворчанина и других, характеризуя их как злейших врагов коммунизма. В письме к начальнику III части он доносил на целую группу политических узников, передавал их разговоры и вместе с этим не брезговал разными бытовыми мелочами, которые запрещались заключенным.

Ровно через 10 дней я опять выбрался на эти «Пичуги» и опять встретил этого «писателя». Сказав ему, что письма в тот же день бросил в ящик III части, я так же по-приятельски с ним разговаривал, и этот «прожжённый политик», видя во мне наивного мальчика, опять попросил меня бросить еще одно письмо в тот же ящик. На этот раз я охотно согласился и, покинув «Пичуги», уже не колеблясь, распечатал письмо. На этот раз в письме были описаны узники, что находились в «Пичугах», и описаны так, что в результате не один из них мог бы проститься с жизнью. Особенно остро он характеризовал Г. Садовского, яркого, безоглядного и немного неосторожного врага ГПУ. Чтение этого письма было для моих товарищей интересным и поучительным.

Встал вопрос: что делать с этим «верноподданным». Естественно, лучше всего было бы уничтожить его, но уничтожить так, чтобы никто не пострадал. В лагере осуществлялся очень строгий контроль, так что сделать это, да еще и на «Пичугах», было невозможно. Понятно, что после того, как были прочитаны первые письма, всем, кому следовало о том знать, сообщили о том, что представляет собой этот «депутат польского сейма», но сделать что-то большее не удавалось.

Наконец случилось так, что этот «депутат» попал на «командировку» в Филимоново. На Филимоново тогда (1935 год) между прочими заключенными сидело несколько мальчишек за людоедство в голодные 1932–33 годы. Это были мальчишки по 12–14 лет. Работали они в обувной мастерской и работали, как взрослые, по 12 часов. В обувную мастерскую иной раз заходил и наш «писатель», а на Филимоново его уже хорошо знали и искренне ненавидели. Так вот Садовский и подбил этих мальчишек — а они его очень уважали — бросить работу и требовать от начальства, чтобы им работать только по 6 часов, а когда уполномоченный III части спросит, кто их этому научил, пусть покажут на беларуского «стукача» За-нича.

Уже на следующий день ни один из мальчишек на работу не вышел, а на третий день приехал уполномоченный искать «крамолу». Начал с «пристрастием» допрашивать мальчишек, как и что, кто их научил. Мальчишки не говорят. Наконец один «признается», что научил их этому тот дед-беларус, а за ним и другие «признались». Как только мальчишки подписали протоколы, сейчас же уполномоченный схватил «верноподданного», лупил его сколько хотел, потом забрал с собой и бросил в самый темный изолятор под «Белым домом», откуда этот бедняга, едва дуба не дав, вышел только месяца через три. Так что недолго довелось ему жить в кремле; видимо кто-то ему еще «помог», и потом этот бывший член «Громады» остался в изоляторе уже навсегда.

Никогда не забуду выдающегося беларуского этнографа Гриневича. Совсем седой, с небольшой бородкой, в пенсне, с всегда приветливым лицом и добрыми погасшими глазами, такой непоседливый дедок. Он, как только приехал в 1933 году на «Морсплав», так сразу стал ходить между заключенными и выбирать тех, кто хочет петь. Он был на положении инвалида, ибо совсем был старик.

Целыми днями сидел он и на лоскутках бумаги писал ноты к самым разным песням. Когда был досуг, собирались любители-певцы и под его дирижирование пели. Из-за того, что большинство заключенных были украинцы, пели преимущественно украинские песни, а чтобы позабавить деда, то еще и беларускую «Як жа мне ня пець, як жа не гудзець».

На Соловках жил Гриневич, эта живая энциклопедия беларуского народа, в инвалидной комнате. Работать в лагерных «культурно-воспитательных» учреждениях он не хотел, а ни к какой другой работе не был способен. Был он честным и порядочным человеком и таким оставался до 1938 года, пока не покинул Соловки, выбыв неизвестно куда после ликвидации соловецкой тюрьмы.

Из категории уже советских беларусов стоит упомянуть наркома Адамовича. Правда, я его на Соловках не встречал, но знаю, что он был в 1937 году в изоляторе и на «Морсплаве», где обвиняли его в каких-то фашистских грехах, и будто бы за это получил он там еще десять лет заключения.

На самом острове, на «командировке Филимоново», в 1937 году сидел и беларуский нарком земельных дел. Фамилии его, к сожалению, не помню. Это был еще молодой, высокий и коренастый дядька и, как мне казалось, мало интересный, а к тому же набитый советскою чушью. Обвинялся он по пункту 5 статьи 58 уголовного кодекса РСФСР – использование государственной трибуны с контрреволюционной целью. Знаю, что писал он длинные письма Сталину, где уверял в своей непричастности к контрреволюции, и, естественно, нас, давних контрреволюционеров, мало интересовал.

Антон Гриневич

Симон Рак-Михайловский

Александр Адамович

Соловецкие беларусы не объединялись друг с другом, и у них не было явно выраженной национальной группы, как это было у татар, украинцев, грузин, немцев и представителей других национальностей на Соловках.

Но кое-кто из беларусов домогался такой консолидации и обособления.

По этому поводу передали мне разговор Рак-Михайловского с писателем Алексою Слисаренко, который, выслушав жалобы и сетования этого выдающегося беларуского националиста, шутя, предложил: «И чего вам, товарищи беларусы, так беспокоиться и страдать за эту беларускую державу. Лучше передайте эти заботы нам. Мы вам дадим гимназию, а если хотите, то и две, и пришлем вам пару добрых корпусов украинской жандармерии, неужели вам этого будет недостаточно».

Присутствующие смеялись, а Рак-Михайловский сказал, «что он, разумеется, ничего не имеет против содружества Украины и Беларуси, но лучше пусть беларусы сами строят свое государство, хотя это и трудно. А что до жандармерии, то он убежден, что в этом деле беларусы сумеют проявить свой талант лучше, чем в деле консолидации беларуской нации».

Уже немало уплыло воды со времени моей встречи с беларусами на острове ужаса и смерти. Но еще и сегодня стоят у меня перед глазами образы лучших людей, преданных до конца делу борьбы с большевизмом. Разные были это люди, из разных партий и сословий беларуского народа, но только те из них, которые насквозь прогнили и отравились большевистской «наукой» или были физически раздавлены энкавэдистскими кнутами в этом аду на земле, остались «верноподданными». Таких были единицы. Остальные — все, независимо от сословий и партий, были врагами большевизма, истинными сыновьями своей земли, своего народа.

Примечания

Гаврилик Иосиф (1893–8.12.1937), расстрелян.

Дворчанин Игнат (1895–8.12.1937), обменен 15.09.1932, арестован 16.08.1933, расстрелян.

Метла Петр (1890–12.08.1936), обменен в 1930, арестован 1.09.1933, умер в заключении.

Рак-Михайловский Симон (1885–27.11.1938), переправлен в БССР в октябре 1930 г., арестован 16.08.1933. Привезен с Соловков в Минск и там расстрелян.

Александр Адамович (1900–1937), нарком земледелия БССР в 1928–29 гг. Арестован в июле 1930, в 1931 осужден на 10 лет. Расстрелян на Соловках.

Антон Гриневич (1877–1937), этнограф и фольклорист. Жил в Витебске. Арестован 6 сентября 1933, осужден на 10 лет лагерей. Умер в Соловецком лагере.

Коротко об авторе

Семен Подгайный (1907–1965). Украинский историк, общественный деятель. Родился на Кубани, закончил аспирантуру в Харьковском Научно-исследовательском институте материальной культуры. Арестован в 1933 г. До 1941 г. в советских концлагерях. После войны в эмиграции (Германия, Канада). Автор книг «Украинская интеллигенция на Соловках» (1947 г.), «Недострелянные» (2 тома, 1949, 1953), «Islands of death» [Toronto, 1953].

ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ: 1941–1945 гг.

Павел Боянков,
протоиерей

Заранее оговоримся: данная тема весьма и весьма болезненна. Чтобы приблизиться к указанным временным рамкам, мы начнем с некоторых исходных позиций. Будем, по возможности, кратки.

...Историческая Россия была погублена в 1917 году. И не в октябре, а еще в феврале. Это – отправная точка. «А если бы кто захотел спорить, то мы не имеем такого обычая» (1 Кор.11.16).

19 января (2 февраля) 1918 г. смиренный Тихон, Божией милостью Патриарх Московский и всея России, в своем послании обращается к большевикам с такими словами:

> «Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело: это поистине дело сатанинское (подчеркнуто мною – *П.Б.*), за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной.
>
> Властью, данною мне от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафематствуем (подчеркнуто мною – *П.Б.*) вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.
>
> Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение».

И никакими последующими «декларациями» эту анафему не отменить.

Все дальнейшие события, вплоть до начала Великой Отечественной войны, можно наглядно оценить, изучив даты кончины святых, входящих в Собор новомучеников и исповедников Российских (по календарю 2011 г.).

Эти списки содержат свыше 1800 человек (святых!), а за ними еще тысячи и тысячи людей, простых верующих, невинно убиенных священнослужителей и мирян). Как в зеркале, отражается здесь вся страшная напасть, постигшая наш народ в 1917 г., а ведь Церковь всегда разделяла с народом его судьбу.

Первый период: 1917–1922 гг., революция, гражданская война и явный пик – год красного террора 1918-й. За эти 5 лет – приблизительно 33 % от всего списка убиенных.

Второй период: 1923–1927 гг., пять лет некоторой относительной передышки, НЭП, единичные случаи казней.

Третий период: 1928–1934 гг., семь лет «великого перелома», коллективизация, раскулачивание и, одновременно, новый удар по Церкви, приблизительно 6 % от всего списка казненных новомучеников.

Два года – 1935-й и 1936-й численно сравнимы с пятью годами второго периода (см. выше).

Четвертый – и самый страшный – период: всего два года – 1937-й и 1938-й, 55 % расстрельного списка. К ним примыкают 1939-й и 1940-й годы, каждый из

Из журнала «Новая Немига литературная», 2013, № 1.

которых по отдельности сравним с 1922 годом (годом расстрельных процессов при конфискации церковных ценностей), все это – шлейф за 1937–38 годами, как хвост зловещей кометы*.

Так за несколько безбожных пятилеток земная, человеческая составляющая Церкви была поставлена властью на грань полного физического уничтожения. На свободе остались всего четыре правящих епископа, включая самого митрополита Сергия (Старогородского), в отношении которых накопилось столько «признательных» показаний, что их арест был просто неминуем. Недоброй памяти декларация 1927 г. никого не спасла.

Но грянула война. Ее начало 22 июня 1941 г. стало для подавляющего большинства рядовых советских граждан полной неожиданностью. Правда, не для всех. Например, 21 апреля 1941 г. один из будущих защитников Брестской крепости писал в письме к брату: «Время в данный момент – самый разгар второй империалистической войны, на краю этой войны находимся и мы». Такую чеканную формулировку могли подсказать бойцу только комиссары. Оказывается, война эта перестала быть империалистической лишь после вступления в нее советской империи Сталина...

Имелись, однако, и люди абсолютно компетентные. Вот что сказал Ф. Рузвельт в августе 1941 года (т.е. до вступления США в войну! – *П.Б.*):

Православный священник перед «судом» убийц

«В данный момент основные игроки – это русские, китайцы и, в меньшей степени, англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в игру в решающий момент».

Таково мнение человека не просто знающего, но ПОСВЯЩЕННОГО. Сценарий всей войны был ему хорошо известен заранее. А его (Рузвельта) будущий сменщик на посту президента Гарри Трумэн в газете «Нью-Йорк Таймс» от 24 июня 1941 г. изрек:

«Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом, пусть они убивают как можно больше».

Здесь мы сознательно удержимся от любых комментариев – они увели бы нас в опасные глубины и потребовали бы написания отдельной статьи...

Напоследок – еще одна яркая деталь. Говоря о нападении гитлеровской Германии на СССР, легендарный советский разведчик Ким Филби в книге «Моя тайная война» приводит характерные сомнения своих британских коллег:

* График гонений на православных христиан, построенный на основе базы данных Православного Свято-Тихоновского университета «За Христа пострадавшие», подтверждает мои расчеты (см. журнал «Фома», 2012, № 3, с. 27).

«На чью сторону встать, когда Сатана пошел войной на Люцифера?»

И далее:

«Самое разумное для рядовых англичан было подождать, пока выскажется премьер-министр. Черчилль разрешил проблему. Когда он кончил речь, Советский Союз уже стал союзником Англии».

Вот так Черчилль, лишенный иллюзий прагматичный политик, сделал ставку на Люцифера и, как скоро выяснилось, не ошибся.

Тот же выбор оперативно сделал и митрополит Сергий, хотя руководствовался он, скорее всего, другими соображениями. Возможно, он вспомнил следующие евангельские слова:

«Если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собою: как же устоит царство его?» (Мф.12.26).

Тем не менее в годы войны и сразу после нее гонения на Церковь не прекращались. Пятый период (1941–1945 гг.) дает 6 % нашего списка, что сравнимо с семью годами третьего периода (см. выше). Особенно выделяются 1941–1943 гг. Из всех лагерных «эпох» самая страшная — пришедшаяся на годы войны:

«Кто в войну не сидел, тот и лагеря не отведал».

После начала войны скудный лагерный паек был жестко урезан, ухудшилось и качество самих продуктов. Как прямое следствие — повышенная смертность (в 1942 г. она составила 25 %, а в 1943 г. — свыше 20 %). В те годы с одобрения лагерного начальства всех заключенных по знаменитой 58-й статье (а с ними и «церковников») звали на зоне «фашистами». Самое расхожее лагерное обращение к ним — «фашистская морда, фашистская сволочь».

Однако, с учетом массового открытия храмов на оккупированных немцами территориях, некоторые нюансы и декорации безбожной политики пришлось видоизменять. Антицерковная политика была на время смягчена, ведь речь шла о выживании и сохранении советской власти. Церкви милостиво разрешили молиться о даровании победы, развернуть сбор народных средств и пожертвований на создание танковой колонны и эскадрильи военных самолетов, на подарки бойцам, на содержание раненых и сирот. Позволено было выступать с проповедями и воззваниями патриотического характера.

Расстрелянные священники и монахи (период Гражданской войны)

Главным было сохранить над Церковью жесткий контроль, возможность манипулировать ею в пропагандистских целях, «не допустить использования Церкви как организации, в качестве пятой колонны в нашем тылу». Поэтому во время войны власть еще смотрела на благотворительную деятельность Церкви

сквозь пальцы, но после победы постаралась как можно быстрее свести ее к минимуму (шефство Церкви над госпиталями было свернуто уже в 1943–44 гг.).

Вчерашние гонители отнюдь не изменили модель церковно-государственных отношений и признали за Церковью право лишь на временное существование. Власть, допустив избрание Патриарха (угодного ей!), открытие некоторых приходов и духовных школ, только на время отложила свои планы полного разгрома Церкви и ее окончательного устранения из жизни народа. Впоследствии хрущевская «оттепель» (а для Церкви — жестокая стужа) стала неопровержимым тому доказательством...

Из лагерей была выпущена лишь часть священнослужителей. Представляя всю изощренность той системы, можно утверждать, что освобождали тех, кто был готов к самому тесному сотрудничеству и давал соответствующую подписку. Люди более принципиальные и отвергшие в свое время декларацию 1927 г. сидели до самого конца (если выживали), а после войны повсеместно попадали в разряд «повторников».

Еще один пример. 27 октября 1943 г. Патриарх Сергий обратился в Совет по делам РПЦ к Г.Г. Карпову (полковник НКГБ, специалист «по борьбе с церковно-сектантской контрреволюцией»!) с просьбой об амнистии 26-и человек (из них 24 епископа, 1 архимандрит и 1 иеромонах). Оказалось, что из этого скорбного списка к тому времени уцелел лишь один человек, все остальные были расстреляны в достопамятные 1937–38 годы.

К сожалению, нашлись и те, кто понимал свой патриотический долг достаточно своеобразно: регулярно и осознанно «стучал» на своих церковных собратий, заслужив наравне с другими правительственные награды.

Неординарный пример патриотизма представляет собой деятельность архиепископа Василия (Ратмирова). Находясь на Калининской кафедре во время немецкой оккупации, он активно сотрудничал с советскими органами безопасности, участвуя в операции по внедрению к немцам советских разведчиков под видом церковнослужителей («рукополагал» чекистов), за что и получил золотые часы (в 1944–46 гг. — архиепископ Минский и Белорусский).

А как же сам «святой Иосиф», он же (якобы) «ученик афонских старцев», он же (якобы) «член тайного православного ордена»? Лично Сталин никоим образом не изменил взглядов на Церковь и религию. Вот вам убедительный пример — один из эпизодов Тегеранской конференции 1943 г. В одной из бесед Черчилль заявил:

> «Я полагаю, что Бог на нашей стороне. Во всяком случае, я сделал все для того, чтобы Он стал нашим верным союзником... Сталин поднял голову, с хитрецой посмотрел на Черчилля: «Ну а дьявол, разумеется, на моей стороне. Потому что, конечно же, каждый знает, что дьявол — коммунист! А Бог, несомненно, добропорядочный консерватор...»

Умри, но лучше не скажешь!

В свою очередь, далеко не все православные люди смогли забыть о личных трагедиях и перенесенных страданиях. Но кто бы решился осудить их? Начавшаяся война всколыхнула в народе все накопившиеся счеты и обиды, что выплеснулось на оккупированных территориях настоящими волнами взаимной

злобы. Классовая борьба и классовая ненависть сплотить людей не могли по определению.

Из двух возможных зол не всегда можно было выбрать меньшее. В первый момент в немцах видели своих освободителей, встречали их цветами, хлебом и солью. Тем более горьким и быстрым было отрезвление.

...Жаркий июнь 41-го. Белоруссия. В колонне советских заключенных, этапируемых на восток, раздались выкрики «Да здравствует Гитлер!». Начальник тюрьмы отреагировал так: около ближайшего леса из 916 подконвойных 600 «крикунов» были расстреляны. Свидетельствует ли этот факт о поголовном патриотическом подъеме? А ведь это – только один из многочисленных случаев внесудебных расправ с «зэками» тем летом.

А судьба миллионов наших военнопленных, оказавшихся просто в отчаянном положении? Это ведь о них «отец народов» сказал:

«У нас нет пленных, а есть «изменники Родины».

Суд над священнослужителями РПЦ (1920-е гг.)

В конце 1941 г. в плену около 3,5 млн. советских солдат. В 1942 г. к ним прибавилось еще более 1 млн., а всего за период войны – свыше 5,7 млн. В фашистских лагерях смерти погибло 2 млн. 543 тыс. советских военнопленных (по другим данным – свыше 3,5 млн.). За этот же период в советских лагерях жизни скончалось 1 млн. 710 тыс. «зэков» и 135 тыс. были расстреляны по приговорам военных судов. Как видим, цифры жертв с той и другой стороны вполне сопоставимые.

Ненависть и безысходность толкали людей к вступлению в ряды гитлеровской армии. Всего за годы войны в германских вооруженных силах граждане СССР составляли: «Хиви» (добровольные помощники) – 665–675 тыс. человек,

вспомогательная полиция – порядка 390 –400 тыс., Вермахт – 385–390 тыс., войска СС – 85 тыс*.

Некоторая часть верующих отождествляла советскую власть с властью антихриста. Наивно и преждевременно, конечно, ну а по сути? Они восприняли нападение нацистской Германии на Советский Союз как «карающий меч», обрушившийся на «антихристову власть». Чтобы ускорить ее падение, они уклонялись от службы в Красной армии, прятались долгие годы в погребах и подвалах, иногда сотрудничали с оккупантами.

В ряде районов Рязанской, Воронежской и Орловской областей (позднее эти районы вошли в состав Липецкой области) во время боев на Курской дуге эти люди с нетерпением ждали прихода немцев как своего избавления от «власти антихриста», а разгром гитлеровской армии восприняли как наказание за собственные грехи. Тогда они решили усилить покаянные молитвы, целыми семьями затворились в своих избах, замуровали их окна. В таком добровольном затворе они находились около года, до тех пор, пока летом 1944 г. не были депортированы в восточные районы страны. По ходу этой операции в Омскую, Новосибирскую области, Алтайский и Красноярский края были выселены 1673 человека.

...Ненависть духовно ослепляет, но «кто-то» очень сильно потрудился, чтобы довести собственных сограждан до такого состояния.

Именно поэтому Церковь на оккупированных территориях оказалась в весьма непростой ситуации. Архиепископ Афанасий (Мартос) вспоминал:

> «Положение белорусского духовенства, особенно в селах, было чрезвычайно тяжелым. С одной стороны – партизаны, которые смело ходили по деревням и грабили население и духовенство, с другой стороны – немецкая жандармерия и подразделения СД, которые вели борьбу с партизанами и сурово расправлялись со всеми, у кого партизаны бывали».

Во время карательных экспедиций в Гомельской области были сожжены 19 церквей и в самом Гомеле 2 храма. В бывшем Освейском районе Витебской области сожжено 5 церквей. В ходе только одной операции, проводившейся в Пинской области (февраль 1943 г.), было сожжено около 70 деревень и 14 церквей. В деревне Вулька 47 жителей, включая местного священника и его семью, согнали в церковь и заживо сожгли. Более 300 жителей деревни Хоростово (ныне Минской области) вместе со священником Иоанном Лойко были сожжены в местном Свято-Покровском храме на праздник Сретения Господня...

В тех случаях, когда немцам становилось известно о сотрудничестве священников с партизанами, их ждала смерть. Так были замучены и убиты священники Павел Сосновский, Александр Волосович, Павел Щерба, Петр Бацян, Владимир Назаревский и многие другие.

Несмотря на это, священники оказывали партизанам существенную помощь: передавали продукты питания и медикаменты, предоставляли убежище и лечение раненым, укрывали военнопленных, помогали молодежи избежать угона в Германию, выдавали справки о благонадежности и т.д. Среди них – священники

* Итого от 1 млн 445 тыс. до 1 млн 550 тыс. – *Ред.*

Николай Хильтов, Борис Кирик, Виктор Бекаревич, Василий Копычко, Александр Романушко.

С другой стороны, печальная статистика свидетельствует и о том, что партизаны жестоко карали тех священнослужителей, которые, по их не всегда ответственному мнению, сотрудничали с оккупантами. По неполным данным, партизанами было расстреляно 42 священника.

Что было потом? Пример – Минск. С приходом Красной армии церкви св. великомученицы Екатерины (ныне Свято-Петро-Павловский собор) и св. равноапостольной Марии Магдалины немедленно закрыли. Возобновились и репрессии против духовенства. Предвосхищая это, весь белорусский епископат ушел на Запад и оказался в эмиграции.

Шла жестокая война, и не только на полях сражений, но и в душах людей. Повторимся: кто решится здесь на однозначные оценки и приговоры? Для нас представляется небезынтересным мнение А.И. Деникина:

«Испокон века русский человек был смышлен, талантлив и нутром любил свою родину. Испокон века русский солдат был безмерно вынослив и самоотверженно храбр. Эти свойства человеческие и воинские не смогли заглушить в нем 25 советских лет подавления мысли и совести, колхозного рабства, стахановского изнурения и подмены национального самосознания интернациональной догмой. И, когда стало очевидным для всех, что идет нашествие и завоевание, а не освобождение, что предвидится только замена одного ярма другим (подчеркнуто мною – *П.Б.*), – народ, отложив расчеты с коммунизмом до более подходящего времени, поднялся за русскую землю так, как поднимались его предки во времена нашествия шведского, польского и наполеоновского...

Под знаком интернационала прошла бесславная финляндская кампания и разгром Красной армии на путях к Москве; под лозунгом защиты Родины произошел разгром германских армий.

Священники — узники УСЛОН (соловецкая «голгофа» — остров Анзер)

Я лично приветствую народный подъем в деле защиты России, радуюсь победам ее над немцами, желаю окончательного их разгрома, но не перестану осуждать – доньдеже есьм – большевистскую систему удушения русского народа».

Война, начавшаяся походом «Сатаны» на «Люцифера», в мае 1945 г. общими усилиями завершилась победой в самом «логове». Но досталась эта победа настолько дорогой ценой (о ней поют в известной песне – «не постоим»!), что реальные цифры потерь от нас до сих пор скрывают (Сталин озвучил цифру 7 млн., Хрущёв – 22 млн., Горбачев – 27 млн., кто больше, и где правда?).

А вот с «Люцифером» все оказалось намного сложнее. Победный май 45-го явился только промежуточным финишем. В декабре 1991 г. страна подверглась полному разгрому, бесславно капитулировала, была разделена на целый ряд оккупационных зон, управляется соответствующей АДминистрацией, исправно платит триллионные репарации – горе побежденным!

Излишне жесткие формулировки? Но книга А.И. Солженицына «Россия в обвале» значительно жестче...

Между тем Церковь сумела одержать в этой войне свою, личную победу. Она смогла не только организационно укрепиться, но и занять определенное место в «безбожном» обществе, несколько упрочить свое положение и влияние в стране.

Однако не хитросплетенная политика, не псевдопатриотическая ура-пропаганда, не «борьба за мир во всем мире», не систематическое хождение на совет нечестивых, но подвиг прославленных и непрославленных, ведомых и неведомых новомучеников и исповедников Российских сделал возможной эту победу. Настоящими исповедниками были и те 56,7 % граждан СССР, объявивших себя верующими по результатам переписи страшного 1937 года.

Интересно, что некоторые исповедники, пережив время открытых гонений, мирно отошли ко Господу в конце 50-х, 60-х и начале 70-х годов, пережив большинство своих гонителей.

В те годы явилось на свет Божий и наше поколение. Свидетелями и непосредственными участниками всех последующих событий довелось стать нам.

Церковь устояла, ее спасительная миссия продолжается.

Коротко об авторе

Протоиерей Павел Боянков родился 23 марта 1957 г. в Минске. Окончил машиностроительный факультет БПИ, позже — Минскую Духовную семинарию. С 1991 г. священник Русской Православной Церкви. В настоящее время клирик Свято-Александро-Невской Церкви в Минске. Член Союза писателей и Союза журналистов Беларуси.

«ГАВОРЫЦЬ МЕНСК!»
Оккупационное радио в Беларуси

Василий Матох,
историк

Деятельность немецких структур радиовещания в оккупированной Беларуси в 1941–1944 гг. до сих пор остается недостаточно исследованной. Обычно ее лишь упоминали в рамках общего анализа немецкого режима на оккупированных территориях. Исчерпывающее описание организации и деятельности в оккупированной нацистами Беларуси немецкой радиопропаганды (особенно белорусскоязычной) на основе архивных материалов, а также по доступным вне архивов источникам (журналам и газетам периода Второй Мировой войны, исследований нацистской пропаганды, мемуарам и др.) пока отсутствует.

В этой статье рассмотрены основные аспекты деятельности оккупационного радио, вещавшего на белорусском языке из Минска на территорию Генерального комиссариата Беларусь и, частично, на тыловой район немецкой группы армии «Центр», и подчинявшегося гражданской оккупационной администрации. Отметим, что на территории Беларуси, в основном в тыловом районе немецкой группы армии «Центр», действовали и другие оккупационные радиостанции, подчинявшиеся армейскому командованию, и вещавшие на русском языке. В данной статье их деятельность не рассматривается, поскольку белорусская национальная специфика в их деятельности отсутствовала.

ОБЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РАДИОВЕЩАНИЯ В ОККУПИРОВАННОЙ БЕЛАРУСИ

На территории рейхскомиссариата Остланд действовали (по состоянию на 1943 г.) следующие радиостанции, объединенные в «Группу радиостанций Остланд» (Sendergruppe Ostland): 4 в Латвии (Рига, Кульдига, Лиепая, Мадона), две в Литве (Вильнюс, Каунас), 3 в Эстонии (Таллинн, Тарту, Тюри), 2 в Генеральном комиссариате Беларусь (Минск и Барановичи).

Радиостанции в столицах генеральных комиссариатов: Каунасе, Таллинне и Минске имели статус Landessender (LS) – «краевых радиостанций». Радиостанция в Риге (столице Остланда) считалась «главной радиостанцией» (Hauptsender). Главные и краевые радиостанции, в том числе Минская, имели право формировать собственную программу вещания. Все остальные должны были работать только как ретрансляторы, передавая в эфир записи программ, получаемые из центра своего генерального округа. Минской радиостанции была подчинена радиостанция-ретранслятор в Барановичах.

Руководитель группы радиостанций «Остланд» входил в отдел пропаганды при имперском комиссаре Генрихе Лозе (Heinrich Lohse) как референт по радиовещанию, соответственно руководители краевых радиостанций были референтами в отделах пропаганды при генеральных комиссарах, то есть радиовещание здесь было подчинено гражданской оккупационной администрации. От-

метим, что в рейхскомиссариате Остланд была скопирована германская система организации радиовещания – непосредственно передающие установки подчинялись Имперской почте (Reichspost), а студии радиостанций со всей техникой и персоналом – Имперскому радиовещанию (Reichs-Rundfunk G.m.b.H.).

Но, хотя радиостанция «Минск» перешла в ведение гражданской администрации еще 9 ноября 1941 г., вплоть до лета 1942 г. она продолжала именоваться «солдатской радиостанцией» (Soldatensender Minsk) и обслуживала, прежде всего, немецких солдат и служащих немецкой оккупационной администрации. В конце мая – начале июня 1942 г. белорусская оккупационная пресса опубликовала несколько материалов о переходе Минской радиостанции под управление имперского радиовещания. Более-менее активное использование радиовещания в Генеральном округе Беларусь для работы с местным населением началось только со второй половины 1942 г.

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОККУПАЦИОННОГО РАДИО В БЕЛАРУСИ

В июле 1943 г. руководитель группы радиостанций «Остланд» Ганс Криглер (Hans Kriegler) заявил в «Ежемесячнике рейхскомиссара Остланда» (Monatsschrift des Reichskommissars fur das Ostland), что население оккупированных территорий может беспрепятственно пользоваться радиоприемниками, запрещено лишь прослушивание «вражеских радиостанций». В качестве примера он приводил Латвию и Эстонию, где немцы возвращали населению радиоприемники, изъятые ранее советскими властями. Однако, рассказывая о положении в Беларуси, Криглер сообщал откровенно ложную информацию. В частности, Криглер заявил, что при советской власти использование эфирных радиоприемников в Беларуси было запрещено (владение ими якобы разрешалось только высшим партийным функционерам), а радиовещание было исключительно проводным. Именно этим Криглер объяснял отсутствие эфирных радиоприемников у населения оккупированных белорусских территорий.

Криглер «забыл» сказать о том, что в оккупированной Беларуси немцы ввели строжайший запрет (под страхом смертной казни) на владение эфирными радиоприемниками. На совещании высшего руководства Генерального округа «Беларусь» в апреле 1943 г. руководитель отдела пропаганды Генерального комиссариата Ганс-Иоганн Шрётер открыто признал, что местному населению запрещено иметь радиоприемники, оно может пользоваться только радиоточками проводного радио.

Таким образом, в деятельности оккупационного радиовещания в Остланде существовало определенное противоречие: разрешая населению Летувы, Латвии и Эстонии пользоваться эфирными радиоприемниками, немецкая оккупационная администрация запрещала делать это населению Беларуси, что в немецкой прессе не оглашалось. В то же время нацистская пропаганда (в том числе русско- и белорусскоязычная) часто повторяла, что в Германии каждая семья имеет радиоприемник, даже крестьяне. Это преподносилось как доказательство высокого культурно-бытового уровня жизни в национал-социалистическом государстве.

Причиной таких непоследовательных действий были опасения немцев, что в открытом противостоянии советской и нацистской радиопропаганды на территории Беларуси они окажутся в проигрыше. Выходом из ситуации могло стать использование советской сети проводного радио. Но проводная радиосеть в Беларуси существовала преимущественно в крупных городах и поселках, где немцы имели возможность использовать для пропаганды прессу. Основная же масса сельского населения даже в восточной части БССР проводным радиовещанием охвачена не была, не говоря уже о населении Западной Беларуси, вошедшей в состав СССР лишь осенью 1939 г. К тому же при отступлении советские войска старались уничтожать радиосеть.

Радиостанция «Минск» (1942)

На 1 января 1943 г. в Генеральном округе Беларуси действовало порядка 7,5 тысяч радиоточек, в тыловом районе группы армий «Центр» — около 25 тысяч. Напомним, что только на территории Генерального округа «Беларусь» в годы оккупации проживало порядка 2,5 миллионов человек. К тому же, за пользование радиоточками проводного радио в период оккупации надо было платить, что вряд ли способствовало его популярности среди обнищавшего населения.

Большой проблемой для немцев в Беларуси стало отсутствие квалифицированного местного персонала для обслуживания радио, как технического, так и для подготовки белорусских программ. Сотрудник Краевой радиостанции «Минск» Герман Толле отмечал, что Беларусь в этом отношении была обеспечена хуже всех остальных территорий Остланда — не хватало переводчиков на белорусский язык, знатоков истории Беларуси, что делало проблематичной подготовку радиопередач для белорусского населения.

Существовали также серьезные технические проблемы — советские радиостанции считались ненадежными в техническом отношении, а их ремонт и обслуживание были затруднены из-за нехватки запасных частей. Имеющихся в наличии радиостанций было недостаточно для того, чтобы обеспечить выполнение всех задач, поставленных перед оккупационным радио.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ ОККУПАЦИОННОГО РАДИО В БЕЛАРУСИ

Руководитель группы радиостанций Остланд Ганс Криглер в начале 1942 г. заявлял в журнале «Мировое радиовещание» («Welt-Rundfunk»), что программы вещания радиостанций Остланда составляются, прежде всего, для обслуживания немецких солдат, т.е. ретрансляции германского радиовещания из Третьего

рейха в прифронтовую зону и зону оккупации, передачи сводок Вермахта, политических обозрений прессы и радио.

В июле 1943 г. Криглер писал о четырех главных задачах радиостанций Остланда: 1) обслуживание немецких солдат и служащих; 2) информирование местного населения; 3) музыкально-развлекательное радиовещание; 4) культурный обмен между Германией и Остландом.

Герман Толле, специалист из Имперского радиовещания (Reichs-Rundfunk G.m.b.H.), направленный летом 1942 г. на радиостанцию «Минск» для организации ее работы под новым управлением, так определял задачи немецкого радиовещания в Беларуси: 1) обслуживание немецких солдат и служащих; 2) связь между немцами и местным населением.

Руководитель отдела пропаганды Генерального комиссариата Беларусь Ганс-Иоганн Шрётер на совещании высшего руководства Генерального округа Беларусь в апреле 1943 г. говорил о трех задачах радиовещания: 1) обслуживание военнослужащих Вермахта и всех немцев, проживающих в Белоруссии; 2) радиовещание для местного населения; 3) пропаганда и агитация на Германию.

Как видим, все немецкие чиновники, ответственные за функционирование радио в оккупированной Беларуси, на первое место ставили задачу обслуживания немецких солдат и служащих немецкой оккупационной администрации.

БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОЕ ОККУПАЦИОННОЕ РАДИОВЕЩАНИЕ

Радиовещание для местного населения активизировалось с лета 1942 г. С передачей радиостанции «Минск» (LS Minsk) под управление Имперского радиовещания началась разработка радиопередач для местного населения.

На протяжении второй половины 1942 г. в «Беларускай газэце» был опубликован ряд заметок об открытии новых радиопередач на Минской радиостанции, тогда как за первую половину 1942 г. таких заметок было только две – они сообщали о трансляции 15-минутных белорусскоязычных передач (с апреля 1942 г. – ежедневных) на культурные, общественные и просветительские темы. Собственных названий и какой-то определенной тематики у этих передач еще не было.

Летом 1942 г. радиостанция «Минск» выпустила в эфир ряд передач на белорусском языке. Была запущена ежедневная белорусская служба новостей (дублировавшихся и на русском языке). Началась трансляция еженедельных белорусских передач: «Краткое обозрение» («Kleine Rundschau») – интересные новости со всего мира; «Короткий доклад» («Kurzvortrag») – информационные сообщения в юмористической форме; «Страна строится» («Land im Aufbau») – выступления немецких и белорусских специалистов по вопросам восстановления и переустройства Беларуси; «Под знаком прогресса» (о новинках науки и техники). В рамках «культурного обмена» были запущены передачи «Мы показываем Германию», «Говорит Европа» («Hier spricht Europa») – новости национал-социалистического строительства в Европе, и «Немецкий рассказчик» (о немецкой литературе). Все эти передачи готовили немецкие журналисты и ученые, затем их переводили на белорусский язык.

Белорусские авторы читали лекции на темы здравоохранения (передача «А что на это скажет врач?»), сельского хозяйства («Крестьянское радио»), помощи белорусским домохозяйкам. В эфир выходили также новости Минска и провинции, обзор прессы, белорусская музыка (передача «Белорусы поют и играют»), белорусские сказки и другие передачи для детей. В конце 1942 г. в эфир вышла историко-публицистическая передача «Беларусь – наша родина».

Кроме регулярных программ, в программе Минской радиостанции были передачи от случая к случаю, подготовленные по какому-то пропагандистскому поводу. Например, в годовщину начала работы гражданской оккупационной администрации в Беларуси в сентябре 1942 г. был проведен праздничный радиоконцерт под названием «Освобожденный народ». В День урожая, 4 октября 1942 г., была проведена трансляция торжественного митинга в Минске, а также «благодарственного молебна» из Минского православного кафедрального собора.

По архивным документам и публикациям в оккупационной прессе можно выявить до 30 циклов передач радиостанции «Минск» в 1942–1944 гг. Приблизительно половину из них составляли новости, обзоры и передачи информационно-публицистического характера, а вторую половину – передачи культурно-просветительного и развлекательного содержания (музыка, передачи о литературе и культуре, советы крестьянам и домохозяйкам).

Объем белорусскоязычного радиовещания со временем существенно возрос. В сентябре 1942 г. в неделю транслировалось 12 циклов белорусскоязычных передач – почти 7 часов новостей и информационно-публицистических передач и 2,5 часа передач культурно-просветительного и развлекательного содержания. В декабре 1943 г. в неделю выходило уже 26 различных передач с общим временем звучания порядка 25 часов.

Например, во вторник, 4 января 1944 г. суточная программа вещания радио «Минск» составила более 10 часов (из них 3,5 часа – вещание на белорусском языке). Белорусские и немецкие передачи в программах радиостанции шли вперемешку.

Отметим, что в феврале 1944 г. программа вещания радиостанции «Минск» претерпела серьезные изменения. Вещание стало почти круглосуточным, причем объем белорусскоязычного вещания увеличен не был, соответственно его доля в общем времени работы радио снизилась. В программу были добавлены передачи и концерты для немецких солдат, а также новости на русском и украинском языках, предназначенные, очевидно, для служащих национальных вооруженных формирований, размещенных в Беларуси.

Эти перемены стали следствием изменений в системе пропаганды в Беларуси – в январе 1944 г. в генеральном комиссариате Беларусь вместо отдела пропаганды было создано управление пропаганды, имевшее статус отдела Имперского министерства пропаганды. Если до этого в значительной степени пропагандистскую политику немцев на территории Беларуси определял генеральный комиссар (т.е. гражданская оккупационная администрация), то теперь руководство ею перешло в руки имперского ведомства Йозефа Геббельса.

ЗАДАЧИ БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНОГО ОККУПАЦИОННОГО РАДИОВЕЩАНИЯ

Какие задачи ставились перед белорусскоязычным радиовещанием? К сожалению, мнения белорусских сотрудников радиостанции «Минск» на этот счет неизвестны, а немецкие источники (Г. Криглер, Г.-Й. Шрётер, газета «Minsker Zeitung») не высказывались конкретно по этому вопросу, говоря лишь об общей пропагандистской и культурно-просветительной работе и содействии развитию национальной культуры белорусов.

По заявлению Германа Толле, белорусскоязычные новостные выпуски, имея целью охватить как можно большую аудиторию, были адресованы в основном двум группам населения – женщинам и крестьянам. Он объяснял это наличием у них «сильных родственных чувств» и «тяги к семейной жизни», на которых и должно было играть радио своими «человечными» (menschlich) передачами. В рамках этой политики были разработаны программы для белорусских домохозяек и крестьян, налажена регулярная трансляция православных богослужений из Минской митрополичьей церкви и концертов православной церковной музыки. Толле подчеркивал, что трансляция церковных богослужений оккупационным радио была осуществлена впервые в белорусской истории (позже Шрётер указывал на популярность таких передач среди населения). Т.е. целевой аудиторией белорусского оккупационного радио можно считать православных крестьян, хотя как раз крестьянам радио было доступно меньше всего. В текстах радиостанции часто повторялся тезис о белорусах как крестьянском народе, которому чужды коммунизм и колхозный строй.

Расписание белорусских передач Минской станции на декабрь 1943 г.

Разумеется, культурно-просветительные передачи несли в себе определенное пропагандистское содержание. В передачах для домохозяек давались советы по воспитанию детей в *«национальном духе»*. В литературных передачах в юмористической форме высмеивалась советская действи-

тельность. Из музыкального репертуара радиостанции изымались произведения авторов-евреев.

Текстов передач белорусского радио сохранилось мало, в архивах Беларуси они встречаются лишь эпизодически. Сохранившиеся тексты в подавляющем большинстве относятся к сфере литературы, музыки и санитарно-медицинского просвещения.

Материалы радиопередач откровенно агитационного характера (т.е. антисемитские, о борьбе с большевизмом, о западной плутократии и т.п.) в белорусских архивах пока не выявлены. Хотя такие материалы, несомненно, существовали, являлись частью антисемитской и антикоммунистической немецкой пропаганды.

В белорусской оккупационной прессе, анонсировался, например, *«доклад немецкого публициста К. Гальфельда о плутократии доллара»* в сентябре 1942 г. (передача «Наше короткое сообщение»). В июле 1943 г. в цикле «Говорят белорусы» вышли передачи о Союзе Белорусской молодежи, борьбе белорусского батальона СС с партизанами, о школьном деле в Генеральном округе Беларусь, об экономической политике поляков в Западной Беларуси до 1939 года.

Тогда же была анонсирован цикл литературно-музыкальных передач с громоздким названием *«Молодая Беларусь в семье молодых славянских народов сражается с большевизмом на стороне Германии»*. В них белорусские ученые, литераторы, композиторы, артисты и общественные деятели должны были освещать «восстановление освобожденной от большевизма Беларуси» и ее борьбу *«за свое счастливое будущее в новой Европе»*.

Тема национальной борьбы против «жидо-коммунизма» за «будущее Беларуси» и «Новую Европу» под руководством Германии хорошо прослеживается в текстах сохранившихся белорусскоязычных новостей радиостанции «Минск». Она (параллельно с темой страданий Беларуси под российской, советской и польской оккупацией) также муссировалась в белорусских радиопостановках, стихах и песнях, передававшихся по радио. Вечернее прощание радиостанции «Минск» с белорусскими слушателями заканчивалось словами «Смерть жидобольшевизму!» и «Да здравствует Беларусь!» («Жыве Беларусь!»).

Среди специальных пропагандистских акций белорусского радио можно упомянуть передачу «Папа, мама, до свидания» («Vater, Mutter auf Wiedersehn!»), которая была открыта в ноябре 1942 г. для белорусских остарбайтеров. Сотрудник Минской радиостанции Герман Толле лично посетил белорусских рабочих в Германии и отобрал тех из них, кому было разрешено передать привет своим родным и близким через радио.

В ноябре 1943 г. радиостанция «Минск» организовала трансляцию радиопередачи якобы из одного из лагерей военнопленных в Беларуси. Военнопленные, или те, кто их изображал, рассказали о своей хорошей жизни в плену, об организованном ими оркестре и хоре. Было заявлено, что у военнопленных есть хорошая аптека, госпиталь и даже собственная церковь. Подобный «радиоконцерт военнопленных» был организован также в Борисове в мае 1944 г.

Попытками наладить «мост» между Беларусью и Германией можно назвать беседы с белорусскими рабочими, работающими в Германии, беседы с белорусскими фольксдойче, например, передача «Молодые минские фольксдойче рас-

сказывают об имперской трудовой службе (RAD)» («Volksdeutsche Minsker Jungen erzdhlen vom RAD»).

Радиостанция «Минск» проводила также передачи, в которых знакомила немцев с Беларусью и белорусами. Например, в сентябре 1943 г. в эфире LS Minsk вышли несколько передач, в которых обсуждалась книга немецкого профессора Вернера Радига «Викинги и восточные славяне». В этих передачах профессор Радиг лично отвечал на вопросы журналиста, касавшиеся глав книги, посвященных Беларуси и белорусам. В инструкциях Генерального комиссариата, адресованных радиостанции «Минск», подчеркивалось, что эти передачи должны транслироваться исключительно на немецком языке, т.е. данная информация не была предназначена для распространения среди белорусского населения.

Начальник отдела пропаганды Генерального комиссариата Беларуси Шрётер в апреле 1943 г. отмечал, что в передачах радиостанции «Минск» предполагается освещать для Германии ситуацию в Беларуси, но тут же оговаривался, что пока это сделать затруднительно из-за тяжелого положения белорусского населения (очевидно, имелось в виду, что оккупационной администрации не удалось достичь успехов, о которых можно было бы сообщать). По мнению, Шрётера, Минское радио могло бы информировать Германию о работе немецких учреждений, оккупационных властей и восстановлении хозяйства, но опять же с оговоркой «*настолько, насколько это возможно в нынешних условиях*».

СОТРУДНИКИ БЕЛОРУССКОГО ОККУПАЦИОННОГО РАДИО

С белорусским оккупационным радио сотрудничали многие известные деятели белорусской культуры, например, белорусские композиторы Николай Щеглов-Куликович, Алексей Туренков, Григорий Самохин. Радиостанция «Минск» была заинтересована в сотрудничестве с ними, поскольку для организации белорусских радиопередач была необходима белорусская музыка. В квитанциях на выплату авторских гонораров, в программах радиоконцертов часто упоминаются фамилии этих композиторов.

Сотрудничали с радиостанцией и деятели белорусской коллаборации. Руководитель Белорусской Народной Самопомощи доктор Иван Ермаченко читал на радио лекции на санитарно-медицинские темы. В качестве авторов с радиостанцией сотрудничали публицист Юрка Витьбич, руководитель отдела культуры Белорусской Центральной Рады Евгений Колубович, поэты Наталья Арсеньева, Лариса Гениюш, Алесь Соловей, Аристарх Крот, Владимир Дудицкий, Янка Золак и ряд других.

Тексты белорусских передач читали руководитель Краевого издательства «Менск» Антон Адамович, сын начальника Белорусской краёвой обороны Владимир Кушаль. С докладами о деятельности белорусских организаций, действовавших в период оккупации, выступали глава СБМ Михаил Ганько, автор оккупационного учебника по истории Беларуси Язеп Найдюк.

С радиостанцией сотрудничал оркестр Белорусского театра и белорусский хор, хотя среди музыкантов и исполнителей было значительное количество немцев, видимо, музыкантов-белорусов не хватало.

О белорусах, входивших в штат радиостанции, известно мало. Передачу для белорусских домохозяек на радиостанции «Минск» вела Нина Глебка, жена известного советского белорусского писателя Петра Глебки (1905–1969), который в годы войны жил в эвакуации и работал в партизанской и партийной печати. Возможно, именно его заслуги спасли жену от репрессий после войны, хотя людям, сотрудничавшим с нацистской пропагандой (работа на радио расценивалась советскими властями именно так) избежать репрессий было почти невозможно. Доказательством тому может служить судьба композитора Алексея Туренкова (1886–1958), упоминавшегося выше. Через три недели после освобождения Минска он был арестован и через год осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей как *«пособник немецких оккупантов»*. Один из белорусов, работавший инженером на Минской радиостанции, также был осужден на 10 лет лагерей.

Можно упомянуть, что коллега Туренкова, композитор Николай Щеглов-Куликович (1893–1969) вместе с отступавшими немцами выехал сначала в Германию, проживал в ФРГ, позже – в США и там продолжал свою творческую деятельность.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ОККУПАЦИОННОГО РАДИО

Затрагивая такой важный вопрос, как эффективность оккупационного радио, нужно помнить, какие задачи перед ним ставились. Свою первую и главнейшую, с точки зрения немцев, задачу – обеспечение вещания немецкого радио на немецких солдат и служащих, распространение нацистской пропаганды на немцев, находящихся за пределами Германии, оккупационное радио в Беларуси выполняло вполне успешно.

Что касается вещания на местное население, то оно находилось в очень сложных технических и организационных условиях (нехватка свободных мощностей для радиовещания, отсутствие квалифицированного белорусского персонала – и технического, и для подготовки программ). Вещание было возможно только по проводному радио, которое охватывало незначительное количество населения, проживавшего в крупных населенных пунктах. Крестьяне, рассматривавшиеся в качестве основной аудитории белорусского оккупационного радио, практически не имели возможности его слушать.

В создавшейся ситуации значительную (а возможно, и основную) часть деятельности белорусского оккупационного радио составила культурно-просветительная деятельность, заключавшаяся в трансляции передач на санитарно-медицинские, культурные, литературные и музыкальные темы, сотрудничестве с белорусскими композиторами, поэтами, литераторами. Незначительное количество сохранившихся в белорусских архивах текстов белорусскоязычных передач оккупационного радио не позволяет ответить на вопрос, насколько существенной была его агитационно-пропагандистская деятельность. Технические и организационные проблемы не дали белорусскому оккупационному радиовещанию стать влиятельной пропагандистской силой.

Можно предположить, что еще одним препятствием для этого было отсутствие у немцев четкого понимания того, какой именно должна быть радиопропаганда для белорусов. Ни в архивных документах, ни в публицистике военного времени нет указаний на то, чего именно хотели добиться немцы с помощью радиопропаганды от местного населения.

Вероятно, этот вопрос следует рассматривать как часть более общего вопроса об эффективности нацистской белорусскоязычной пропаганды в целом. Начальник отдела пропаганды Шрётер признавал, что немецкие пропагандисты прибывали в Беларусь, ожидая увидеть здесь *«примитивный, отсталый, провинциальный народ, которым можно управлять простыми средствами»*, но вскоре убедились, что *«белорусы вовсе не такие простаки»* и что *«белорус упрямо и трезво констатирует, что ему живётся всё хуже и хуже»*. Как часть общей немецкой пропаганды в оккупированной Беларуси, оккупационное радио в своих сообщениях противоречило оккупационной повседневной действительности, и потому не могло быть эффективным.

Кроме того, население оккупированной Беларуси имело (пусть ограниченную) возможность верифицировать информацию немецкой пропаганды. Речь идет о партизанских листовках, газетах, устной агитации партизан и подпольщиков, нелегальном прослушивании советского радио. В тех районах, где немцам удавалось прекратить или существенно ограничить влияние советской пропаганды, популярность нацистской пропаганды возрастала.

БУНТ ПРИЗЫВНИКОВ В МАРТЕ 1945 ГОДА В БОБРУЙСКЕ

Максим Петров

О ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ СОБЫТИЯХ

После освобождения восточной части Польши в июле 1944 г. в Люблине был создан – по указанию Сталина – Польский комитет национального освобождения (ПКНО), ведущую роль в котором играли коммунисты*. Он провозгласил себя временным польским правительством. ПКНО объявил 15 августа 1944 г. всеобщую мобилизацию в Войско Польское – вооруженные формирования, созданные на территории СССР и сражавшиеся против нацистов совместно с войсками Красной Армии.

В западных областях БССР (т.е. на землях бывших «восточных окраин» Второй Речи Посполитой) с августа по декабрь 1944 г. проводился призыв добровольцев-поляков для пополнения Войска Польского, воевавшего в составе РККА. С этой целью при восстановленных советских военкоматах работали польские офицеры. В результате их работы удалось призвать в Войско Польское 41.072 человека.

Значительную долю этого контингента составили этнические белорусы. Советское командование преднамеренно способствовало зачислению белорусов в польские части, так как считало, что они не связаны с польским подпольем. Подполье (Армия Крайова) внедряло в части Войска Польского своих соратников с целью разложения армии, воевавшей за правительство, созданное сталинскими подручными из числа польских коммунистов, уцелевших в конце 30-х годов при разгроме органами НКВД компартий Польши, Западной Беларуси и Западной Украины.

Правительство БССР и ПКНО подписали в Люблине 9 сентября 1944 г. соглашение «Об эвакуации белорусского населения с территории Польши и польских граждан с территории БССР». Это соглашение позволило многим людям сознательно выбрать себе гражданство. И оно же создало проблему для советских властей, опасавшихся «усиления антисоветских настроений». Суть проблемы сводилась к вопросу, отнюдь не риторическому: «Кого отпустить в Польшу и кого принять оттуда?»

Вот характерный пример, извлеченный из справки от 20 апреля 1945 г., составленной начальником отдела Совнаркома БССР по делам репатриации граждан СССР И.П. Баркова для секретаря ЦК КП(б)Б В.Н. Малина – «О приеме и устройстве белорусского населения, эвакуированного из Польши»:

«В Дятловском районе Дворецкого с/с Барановичской области переселенцы Офелюк Н.К., Вакула З.И., Голенко С.С. проживают в доме кулака, ранее проживавшего в Америке. Последний агитирует переселенцев, что 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско

* Формально ПКНО объединял представителей четырех партий: Рабочей (т.е. коммунистической), Социалистической, Народной и Демократической.

Парад освободителей в Бобруйске (1944 г.)

состоится конференция (посвященная учреждению ООН. – *Авт.*). Америка дала директиву, что граница Польши переместится дальше на Восток, и мы снова очутимся в Польше».

СОБЫТИЯ В БОБРУЙСКЕ

Многие белорусы во время призыва специально называли себя поляками, чтобы попасть в Войско Польское. Их непольское происхождение было столь очевидно, что сторонники польского эмигрантского правительства (находившегося в Лондоне) называли их «исполняющими обязанности поляков».

Вот текст одного из рапортов:

Командиру 71 стрелкового полка
од бойца Парадня Василія Ивановича

Прошу Вашего ходатейства в том что я по нацыаналности полак зачыслен в рады руской армии. Прошу Вашего ходатейства перевести меня в полскую армию, бо я в руской армии служыт не жалаю.

Василій Парадня.

Ткнуть бы носом этого Парадню в букву «и» с точкой в конце собственноручно написанного имени: Василій. Ткнуть и спросить:

«Видно, что грамоте тебя учил дьячок из местного православного прихода. Учил по старой русской орфографии. Так какой же ты поляк?»

Если же надеть польские погоны не удавалось, призывники начинали всячески выражать свое недовольство, что с точки зрения советского командования означало бунт.

Так, утром 29 марта 1945 года в Бобруйске в 34-й запасной стрелковой дивизии РККА свыше 100 призывников заявили о нежелании выходить на построение к завтраку. Организованный отказ нижних чинов от приема пищи – это бунт. Начальник отдела контрразведки СМЕРШ 34-й запасной дивизии майор Пальчиков в своем докладе уполномоченному ЦК КП(б)Б Николаеву написал:

«...в указанные данные не вошли также 80 чел., прибывших в 75 запасной стрелковый полк, и 47 чел., прибывших в 71 полк, которые накануне были обмундированы в советскую форму, но сего числа отказались выходить на завтрак».

«Отказников» уже через час после случившегося стали по одному вызывать в кабинеты офицеров контрразведки. Эти юнцы 1927-го года рождения «кололись» как орехи и быстро соглашались на сотрудничество:

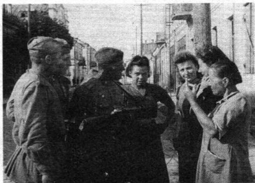
«Твой земляк и друг Кастусь подробно нам рассказал, что в период немецкой оккупации ты состоял в СБМ — фашистском «Саюзе беларускай моладзі». За это положены рудники, где на общих работах загнешься через полгода. Хотя, скорее всего, тебе в первую же ночь в лагерном бараке заколотят в ухо гвоздь... Поэтому сейчас ты напишешь, а также будешь под псевдонимом писать и впредь, кто и о чем говорит у вас в роте».

Перепуганные кастуси и юраси — выпускники беларуских школ и гимназий, которые еще вчера среди своих товарищей были благородными и честными до самопожертвования, которые душевно напевали «Люблю наш край, старонку гэту» — вдруг начинали строчить признания:

«Рядовой 75-го запасного стрелкового полка Фурс В.В., обращаясь к военнослужащим роты, заявил: "Я не поляк, а белорус, но записался поляком. Когда я и другие белорусы будем отправлены в польскую армию, то мы потребуем открыто, чтобы советское правительство обратно отдало Польше Западную Белоруссию, и снова будем жить в Польше.

Рядовой 282-го полка Фомин Х. заявил: «Белорусы, вы должны заявить, что вы поляки. Я тоже белорус, но записался поляком. Нам нужно записаться в польскую армию, так как польская армия потерь на фронте имеет меньше, ибо поляки воюют там, где можно, на пушки не лезут, а если мы попадем на фронт с русскими — погибнем. Русские валят людей в мясорубку. Белоруссия советской не будет, она должна отойти к Польше. Это поддерживают Америка и Англия, поэтому нам бояться нечего».

Рядовой Карась А., обращаясь к группе бойцов, говорил: «Не принимайте оружия. Этим мы затянем боевую подготовку, а неподготовленных на фронт не посылают». В другом случае он заявил: «Польша будет по Смоленск и будет находиться под влиянием Англии и Америки. Советский Союз никакого значения иметь не будет, им будут управлять союзники».

Красноармейцы на улицах Гродно (лето 1944 г.)

Второго апреля 1945 года генерал-лейтенант П.К. Пономаренко, он же первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, получил доклад от инструктора военного отдела ЦК партии Николаева: «О создавшемся положении в 34-й запасной стрелковой дивизии в г. Бобруйске».

Вот преамбула доклада:

«34-я запасная стрелковая дивизия дислоцируется в городе Бобруйске, готовит рядовой и сержантский состав для пополнения частей действующей Красной Армии. Срок обучения в дивизии колеблется от 25 дней до 6 месяцев. Перед командным составом, политработниками и парторгами дивизии стоит ответственная задача за короткий срок изучить и подготовить новое пополнение». (...)

«В связи с поступлением в дивизию больших контингентов военнообязанных из Западных областей Белоруссии, в том числе отдельных групп, на протяжении нескольких месяцев уклонявшихся от мобилизации и скрывавшихся в лесах, людей мало живших в условиях советской власти, подвергавшихся на протяжении многих лет антисоветской агитации и в настоящий момент имеющих в своей среде ставленников лондонского эмигрантского правительства, немецкой агентуры, старающихся всеми мерами разлагать новое пополнение Красной Армии, — командование дивизии стало перед фактами организованного неподчинения, саботажа и контрреволюционных преступлений.

В марте часть военнослужащих нового пополнения, прибывшего из районов Молодечненской области, отказалась мыться в бане и получать красноармейское обмундирование, заявляя: «Мы поляки, не желаем служить в Красной Армии и требуем направить нас в польскую армию».

В предпоследнем абзаце содержался вывод:

«Политико-воспитательная работа с офицерским составом в дивизии проводится недостаточно. Среди офицерского состава много случаев аморальных поступков и преступлений. Большое число офицерского состава укомплектовано за счет офицеров, бывших в плену, а изучение офицерского состава не на должном уровне».

Как видим, не всех командиров РККА после освобождения из немецкого плена бросали в лагеря или в штрафбаты. Кое-кто оказался в тылу, на офицерских должностях в запасных дивизиях, где они принимали и обучали армейское пополнение.

«В списках и актах, присланных из РВК, все прибывшее пополнение числится белорусским. Однако на руках у части военнослужащих оказались документы, подтверждающие их польскую национальность (паспорта, выданные отд. милиции в 1944 г., свидетельства о рождении, эвакуационные листы, подписанные комиссией по эвакуации в Польшу, и др.). Большинство из этой группы заявили, что им были вручены повестки о призыве их в польскую армию: „Нас обманули, призвали не в польскую армию, а в Бобруйск».

Несколько человек сохранили повестки. Попытка обмундировать эту группу не увенчалась успехом, и вся группа численностью в 33 человека находится в своем обмундировании в распределительном пункте 282 полка.

Став перед фактом категорического отказа этой группы обмундироваться, командование дивизии не проявило решительности в пресечении нарушений уставов, а отдан был приказ по полкам: „От всех, считающих себя поляками, взять рапорта об отказе служить в Красной Армии».

В результате такого приказа на имя командиров полков начало поступать огромное количество рапортов о нежелании служить в Красной Армии, и к 24 марта количество бойцов, объявивших себя поляками, выросло до свыше тысячи человек. В том числе объявили себя поляками:

по 282 ЗСП — 424 чел.
по 75 ЗСП — 250
по 71 ЗСП — 206

В 14 зап. полку 120 призывников 1927 года рождения потребовали отправки их в польскую армию.

В 1 стрелковом батальоне 282 полка 195 чел. отказались принять присягу, заявляя, — примем только польскую и в польской армии.

Временная растерянность и нерешительность командования дала возможность антисоветской агентуре развернуть работу и сколотить группы, заявляющие массовый протест, неподчинения, организовать группы для совместного дезертирства.

Так 23/III-с.г. по пути следования роты нового пополнения в баню 4 военнослужащих сели на мостовую и отказались идти дальше. После попытки красноармейцев заставить их подняться мл. лейтенант приказал сержанту арестовать их и отправить на гауптвахту. В этот момент рота сомкнулась, образовав толпу, не дав арестовать нарушителей, и только после того, как сопровождающие открыли огонь из автоматов над головами, рота построилась и последовала в баню...»

Стрельба по своим в тылу — пусть поверх голов — это уже признак не массового неповиновения, а мятежа! Товарищ Сталин может задать вопрос:

«Почему, товарищ Пономаренко, в те дни, когда героическая Красная Армия добивает фашистского зверя в его логове, у вас в Белоруссии приходится оружием подавлять антисоветские восстания? Так вы обеспечиваете надежность нашего тыла?»

Командиру 71 стр полка
од бойца Роговому
Антону Иванович
1 роты стралковая
1 Звода

Рапорт

Прашу Вашего ходатаелства
в том что по нанацыяналности
полак и заЯлели в ради руской
и Прошу Вашего ходатаелство
вести меня в полскаю армию
в руской армии служыу не жалаю

Роговой Антон

Командиру 71 стр по.
от бойца Капуста Михаиц
Васийвич
1 стр роты 2 взвода

Рапорт

Прошу Вашого ходацелес-
тови что я по нацсиональ
насци поляк зачулен
радух красной армий.
Прошу Вашего ходацел-
тво перавесци в маше
родне полскай армий
бо я в руской армии
служиць не жалаю

М. Капуста

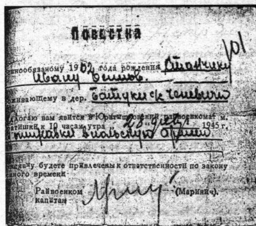
Рапорты «отказников».
Вверху — А. Рогового, внизу — М. Капусты

Опытный аппаратчик Николаев писал в своем докладе:

«За небольшой промежуток времени в подразделениях установлен целый ряд открытых антисоветских выступлений. Рядовой Король, обращаясь к товарищу, сказал: „Новичок! Присоединяйся к нам, пойдем служить в польскую армию. Как придем туда, тебя отпустят домой, так как пожилые в польской армии не служат, их отпускают по домам».

Есть факты, когда отдельные призывники группой готовятся к дезертирству: „Вот только получим оружие, тогда махнем. Наших теперь в лесах около Минска много».

Есть много заявлений призывников 1927 г., что с ними в эшелоне ехал подполковник польской армии и предупреждал их, что Польша будет в старых границах. Война скоро кончится. Идти нужно только в польское войско и т. д. Такую работу в пути следования могут проводить там, где отсутствует наша политическая пропаганда и агитация, где работники военкоматов забыли свой долг и потеряли большевистскую бдительность».

ПОВЕСТКА

...еннообязаному 1902 года рождения Станчику Ивану ...

...живающему в дер. ...

...лагаю вам явится в ... райвоенкомат м. ...атишки к 10 часам утра „28" ... 1945 г.

...неявку будете привлечены к ответственности по закону ...енного времени

Райвоенком капитан ... (Маринич).

Призывная повестка Ивану Станчику

Но чем занимались в бобруйской запасной дивизии советские офицеры? А вот чем:

«Не лучше обстоит дело с отправкой эшелонов с пополнением в действующие части из дивизии. Офицерский состав, отправляемый для сопровождения эшелонов, не подбирается и не изучается. Посылают того, кто попал под руку.

Эшелон численностью 2100 человек, отправленный 3 марта из 34 дивизии в Восточную Пруссию, сопровождало 30 офицеров. Во время следования (15 суток) никакой политической работы не велось, а преобладающее большинство офицеров пьянствовало вместе с бойцами.

В результате чего из эшелона дезертировало на участке Барановичи – Волковыск 73 бойца. В дивизии есть случаи, когда сопровождаемые в дивизию по дороге занимаются под руководством офицеров грабежами».

После всех этих фактов «товарищ Николаев» сделал вывод:

«Несмотря на большую ответственную работу, которую должен проводить офицерский состав, политотдел дивизии недостаточно проводит с ним работу, не воспитывает постоянно у офицеров чувство понимания политической ответственности за подготовку и воспитание бойцов и сержантов Красной Армии».

Как видим, от выдачи конкретных рекомендаций по решению возникшей проблемы он уклонился. Встал вопрос: что делать? Двух-трех бунтовщиков можно было бы судить показательным судом военного трибунала и расстрелять на плацу перед строем солдат и офицеров. А если таких тысяча? Да не только из

Молодечненской области бунтуют призывники, а, как докладывает начальник штаба дивизии подполковник Федоров, также из Полоцкой, Вилейской, Барановичской, Пинской, Полесской. И происходит подобное не только в 34-й дивизии в Бобруйске...

Выход нашли такой: рассредоточить призывников из западных областей Беларуси по внутренним военным округам СССР. Рассеять их в Забайкалье и на Урале, в Приморье и Туркестане, в Закавказье и на Кольском полуострове. Загнать туда, где лет пять ни единого слова на «мове» услышать не смогут.

***

Что же представляли собой молодые люди, категорически не желавшие служить в Красной Армии?

За годы оккупации в Беларуси сформировалось новое поколение молодежи. Это ему в значительной мере было посвящено специальное постановление «О политической работе среди населения», которое принял состоявшийся 12–18 февраля 1945 года VI пленум ЦК КП(б)Б. В постановлении говорилось:

> «Партийные организации в западных областях БССР должны систематически разъяснять населению, что только советское государство, основанное на дружбе народов, обеспечит трудящимся западных областей Белоруссии подлинную свободу, материальное благосостояние и быстрый культурный подъем. Партийные организации обязаны разоблачать...»

Однако поколение «Эўропа-1945», которое не проходило выучку в пионерских и комсомольских организациях, плевать хотело на разъяснения «преимуществ советского строя».

Моральные установки парней, разговаривавших на беларуско-польском жаргоне, были еще те. Каждый второй – спекулировал на черном рынке, каждый третий подделывал документы. Они привыкли изворачиваться, обманывать, красть, присваивать то, что плохо лежит. Многие имели опыт грабежей или мошенничества, пьянство и проституция тоже были знакомы им не понаслышке.

С таким «житейским опытом» они и попали в 1945 году на призывные пункты РККА. А тут началась в Восточной Пруссии советская наступательная операция. И первыми на пулеметы и пушки немцев погнали их отцов и старших братьев – тех, кого наскоро призвали полевые военкоматы летом – осенью сорок четвертого.

Как известно, к призывникам с бывших оккупированных территорий советская власть относится как к людям «второго сорта», которым доверия нет. Им шинели и паек похуже, а участки наступления – самые опасные. Большинство тех, кого в Беларуси призвали в Красную Армию летом 1944 года, уже до конца года погибли – кто в Польше, кто в Восточной Пруссии.

В дни бобруйского бунта потоком шли на Беларусь похоронки: 150 тысяч бойцов РККА погибли в Восточной Пруссии, не менее половины из них составили белорусы призыва 1944 года. Зная это, парнишки 1927 года рождения решили «закосить под поляков». Но «откос-1945» обернулся «дембелем-1951». Только с 1951 года, через 6 лет, их начали увольнять из Советской Армии. Все же «косили» они не зря – остались живыми!

БЕЗВРЕМЕНЬЕ

Зоя Ковш

Поезда шли на восток. На дверях вагонов замки, окна затянуты колючей проволокой, конвой ощерился автоматами и пулеметами. На каждой остановке солдаты старательно обстукивают доски вагонов, нет ли где повреждений, чтобы не было утечки груза. Груз живой, и за любую утечку охранники отвечают своей головой. В вагонах тишина, разве что иногда прорвется надрывный кашель или стон. Конвой старается заставить молчать своих подопечных.

Поезда шли далеко на восток, куда не докатывались военные волны, в заснеженную тундру, в дремучую тайгу, прерывая гудками паровозов и грохотом колес ее первозданную тишину. Недавно здесь еще не ступала нога человека, были только тропинки зверей. Синее чистое небо, блестящий снег напоминают те доисторические времена, когда человек еще не знал, что такое издевательство и неволя. Богатый край. Его богатства нужны для укрепления мощи империи, для их добычи нужны сверхчеловеческие усилия миллионов, десятков миллионов людских жертв. Теперь среди первобытной природы проложены железнодорожные и автомобильные трассы, появились жилые островки по несколько бараков, обнесенных густой сетью колючей проволоки. Вокруг вышки; на вышках часовые, готовые прошить автоматной очередью любого, кто бы решился приблизиться к проволочному забору. Поезда останавливаются в тайге или тундре, выбрасывают свой груз, и толпы промерзших изголодавшихся людей тянутся в эти загороди. Угрюмые лица, погасшие глаза, на лицах клеймо безнадежности.

Закрылась одна карточка в жизни человека, развернулась новая, а на ней кто-то жестокий, безжалостный написал судьбу, противную той, которую назначила ему природа. Человек рождается свободным, имеет свободный дух. Кто вправе лишить его свободы — этой величайшей ценности, данной ему природой, держать в загоне, словно скот?

Кончились долгие месяцы допросов в тюрьме, когда те, кого допрашивали, часто не могли понять, чего от них хотят, в чем их обвиняют, а те, кто допрашивал, не всегда знали, о чем должны спрашивать, в чем обвинить, и просто мастерили обвинение, чтобы не оказаться на месте тех, кого обвиняли, кого допрашивали. Нервное напряжение бессонных ночей и голодных дней тюремных камер сменилось тупой безнадежностью лагеря. На что может надеяться безвольное существо, скот, о чем может думать рабочая лошадь у плохого хозяина? Люди жили, двигались без участия своего сознания. Жизнь стала просто существованием. Не все ли равно, сколько лет человеку отмерили — десять или двадцать пять: пути отсюда нет. Если посчастливится отбыть десять, разрешения на выезд отсюда не дадут, оставят на поселении. Если приговор был вынесен заочно, так называемым «Особым совещанием», то по после отбытия десяти лет то же «ОСО» может добавить еще десять на том основании, что человек еще «не

* Из журнала «Спадчына», 2000, № 6, с. 223–266. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

исправился. О том, чтобы выдержать здесь двадцать пять, ни у кого и мысли не было. Люди были отрезаны от нормальной жизни навсегда.

Дни шли за днями, похожие друг на друга как две капли воды. Подъем — люди вскакивают с нар, натягивают на себя всю одежду, которую имеют, спешат в столовую, чтобы получить кусок хлеба, оттуда — на развод. Возле лагерных ворот ждет нарядчик и конвой. Нарядчик вызывает рабочие бригады одну за другой. Каждая бригада должна выслушать сакраментальную формулу начальника конвоя: «Внимание, бригада поступает под руководство конвоя. Шаг вправо, шаг влево считается побегом, конвой стреляет без предупреждения». Потом долгие километры пути через заснеженную тундру. Пар от дыхания замерзает на лице, лицо покрывается тонкой коркой льда. Ветер сбивает с ног, не хватает воздуха. Сердце работает из последних сил от быстрой ходьбы и от недостатка кислорода. Кажется, вот еще раз стукнет и остановится навсегда.

Вокруг не видно ничего. По сторонам, сверху, под ногами только подвижная масса снега без конца и края, и в этом безграничном снежном океане, как снежные комки, фигурки женщин-узниц, маленькие, беспомощные среди грозной стихии. Вокруг не слышно ничего, кроме шума пурги, биения собственного сердца и окриков конвоя «подтянись». Каждый шаг — это страдание, надо напрягать все силы, чтобы оторвать ноги от земли. Будет ли конец этой дороге? Кажется, она тянется в какой-то неведомый ужасный мир.

Наконец, путь пройден. Заключенные получают рабочие инструменты: кирку, лопату, лом — такие неподходящие для слабых женских рук. Начинается сражение с вечной мерзлотой. Мерзлая земля под ударами кирки отваливается маленькими крохами. За весь рабочий день можно выковырять киркой ямку как для куриного гнезда; сколько ни старайся — больше не выдолбишь. Гранит можно расколоть сильными ударами, вековую мерзлоту никак не расколешь. А норма — один кубометр на человека. Такого количества никто не способен выдолбить даже за неделю. При невыполнении нормы уменьшается паек, а он и так маленький. По какой-то неведомой ассоциации в памяти всплывают строки стихотворения:

А за стеной смеется поле,
Сияет небо из окон...

Рабыни князя Радзивилла по крайней мере через окно видели небо и солнце, когда ткали ему золотые пояса, эти же мученицы Сталина не видят не только солнца, но и неба, ибо вокруг пурга, будто кто-то через огромное сито сеет снег на бескрайний простор. Руки, хотя и в ватных рукавицах, так окоченели, что не могут больше держать кирку. Каждый удар по мерзлоте отражается эхом в изболевшемся сердце. Силы убегают куда-то, а вместе с ними жизнь, вот ее осталось уже совсем мало — несколько капель. Хочется лечь на ледяную землю, пускай снег засыплет и наступит вечное спокойствие могилы, и уже кончатся эти страдания. Но бригадир пристально следит за работой. Она хотя и сама узница, но требует работы от других, ведь если бригада будет постоянно невыполнять норму, ее снимут с бригадирства и направят на «общие» работы, иначе говоря, самой придется долбить мерзлоту. Опять кирка ударяет в мерзлую землю, как в кремень.

А время тянется, кажется, конца рабочему дню не будет. На часы здесь никто не смотрит, ибо ни кого их и нет: часы отобрали при аресте. Наконец конвой снимает бригаду. Рабочий день окончен. Женщины сдают инструмент, наконец-то руки отдохнут от этих опротивевших инструментов страдания; становятся попарно, конвой считает, и начинается обратный путь в жилую зону, или, иначе говоря, в лагерь. Хочется бежать, чтобы скорее вырваться из пурги, с мороза, обогреться в безветренном уголке, дышать нормально, полной грудью, но исчерпанные силы не позволяют, мешают валенки, которые на десяток номеров больше ноги – сколько ни навертывай портянок, все равно их не заполнишь. Валенки тянутся за ногами, как злая судьба за человеком. Трудно тому, кто не привык к такой обуви, спотыкается, натирает ноги, бредет по колено в снегу. А конвой покрикивает: «подтянись».

На вахте опять считают, сравнивают, сходится ли число бригадных карточек с количеством людей. Беда, если малограмотные вахтеры не могут справиться с таким счетом: заключенные иногда еще час должны мерзнуть возле вахты. Наконец впустили в жилую зону. Бригадир не стоит над душой, не слышно криков конвоя, исчезает напряжение, чувствуется облегчение. Скорее в барак, сбросить лишнюю одежду – бушлат, ватные подштанники, чуть обмыться – и в столовую, получить миску «баланды» – супа из капусты с крупой, кусок вареной рыбы, а потом – самое приятное место за весь день – нары.

В бараке полно. Нары в два этажа, на нарах женщины, в пожилом возрасте и совсем молоденькие девушки, попавшие сюда еще подростками. Одни оставили семью, детей, по другим матери выплакали глаза бессонными ночами. Некоторые сознательно боролись против несправедливости, другие и сами не знают, за что и почему здесь оказались. Угас веселый огонек в девичьих глазах, обмерзла и потрескалась кожа на лицах, заскорузли руки от кирки и лопаты. Все они политические заключенные. Слышится разноязычная речь. Здесь собраны женщины из разных стран мира. Катилась по Европе с востока волна насилия и принуждения, вот и подхватила каждого, кто был на ее пути, и забросила сюда, в эту глушь. Неволя на всю жизнь, отсюда пути нет.

Еще один рабочий день ушел в небытие. Каждая занята своим делом, это их свободное время: кто-то чинит одежду, кто-то расчесывает волосы, кто-то беседует. Скорей бы проверка, отбой и уснуть, хотя бы во сне вырваться из этой страны ужаса, на пару часов перенестись в подсознании туда, где светит солнце, где родные лица, где люди еще умеют смеяться, наслаждаться жизнью. Наконец появляется надзиратель, дает команду: «шум прекратить». Все выстраиваются в одну линию по середине барака. Надзиратель называет фамилию, вызванная отвечает свой номер, который всегда носит на рукаве (о, этот номер, он неотлучен от заключенного, как нательный крест от верующего христианина, с ним узник идет и в могилу), свое имя, имя отца, статью и срок. Проверка окончена, двери барака закрывают извне на засов и на замок. Совсем как когда-то в беларуских деревнях закрывали лошадей, чтобы их не украли цыгане. На окнах решетки. Ни решетки, ни замки здесь не нужны – тундра самый лучший сторож, пройти по ней тысячи километров никто не способен: зимой занесет снегом, летом заест мошкара, но надо же докучить человеку, унизить его человеческое достоинство, заставить его еще раз ощутить, что он лишен свободы, что он существо

низшего сорта. Писатели часто употребляют выражения: «жизнь течет, жизнь плывет»; здесь она остановилась, как в топи, где черная вода стоит без движения, куда не падает солнечный луч, не отражается ни блеск луны, ни сияние звезд. Да и не было ли это черным безвременьем, в которое судьба спихнула людей?

Вот в такие условия пришлось попасть, получив срок, клеймо политического заключенного, или «контры», на всю жизнь, преодолев этап с его пересыльными тюрьмами, где в переполненных камерах с трудом можно было найти место для сна на грязном полу, возле двери или параши, ибо все места на нарах были заняты блатными и теми, кто смог подружиться с ними за какие-то предметы женской одежды. Я такой возможности не имела, ибо то, что было на мне, было уже так выношено, что никакой ценности иметь не могло. Единственной более-менее ценной вещью были сапоги. Блатные на них хищно посматривали, поэтому не снимала их ни днем, ни ночью. Видела, что с каждым километром этапа мороз усиливается, и остаться без сапог значило остаться без ног. Удивительно, как у этих людей развита привязанность к материальным вещам, даже в таком положении, в каком они находились. А сапоги были все-таки заграничные, что для них представляло особую ценность. Как я была благодарна судьбе, что меня арестовали зимой, все же на мне была более-менее теплая одежда.

Измученная перасылками, путешествием в вагонзаке, где кормили соленой рыбой, а воды не давали (конвой развлекал себя тем, что ставил ведро с водой перед решетками, так что узницы воду видели, а пить не давал), промерзшая, изголодавшаяся, окончательно ослабевшая, прибыла в Ухту, место моего назначениня. Опять пересылка. Здесь на удивление малолюдно. В бараке холодно, но мест на нарах достаточно. Жмемся друг к дружке, натягиваем на себя все лохмотья, какие есть. Опять баня, как и на всех пересылках, с ее унизительными процедурами, деликатно называемыми санобработкой. Не столько человек моется, сколько еще раз убеждается, что его человеком не считают. Сплошная цепь унижений, издевательств.

Женщина на допросе в МГБ

После бани врачебный осмотр. Врачи осматривают, ставят категорию, кто к какой работе способен. Получаю третью — самая легкая работа, хотя сомневаюсь, способна ли я вообще к какой-нибудь работе, но, видимо, по их мнению, и от меня еще можно получить какую-то пользу. На пересылку приезжают начальники лагпунктов и выбирают узниц, словно какую-то скотину или невольников в давние времена на рынке — с той разницей, что осмотр за них уже сделали врачи. Им остается только выбрать по формулярам, где проставлена категория. Каждый из этих «купцов», как их прозвали заключенные, хочет получить более крепких физически. Мне с моей третьей категорией пришлось ждать до-

вольно долго. Слабых начальники лагпунктов не хотят брать. Они тоже должны выполнять план, а от такого, кто еле на ногах держится, немного пользы. Наконец, пришел и мой черед. Приехали трое: начальник лагеря, лагерный врач и еще кто-то третий с ними, просмотрели формуляры, выбрали, что им надо, в том числе и мой. Говорят, в совхоз, работа легкая, питание хорошее, женщины надеются. В трудном положении каждый надеется на лучшее, хотя надежда чаще всего обманывает.

Начало лагерной жизни на всех лагпунктах одинаковое: проверка по формулярам, баня, выдача обмундирования: бушлат, телогрейка, ватные подштанники, белье. Как правило, новоприбывший заключенный получает обмундирование, сильно поношенное его предшественниками и неподходящего размера. Если бушлат висит как на вешалке, это еще не беда, можно подпоясать, перешить пуговицы, но когда валенки на десять номеров больше ноги, это уже совсем плохо, особенно потому, кто никогда такой обуви не носил: спотыкаешься на каждом шагу, натираешь ноги до крови. Намотать портянки тоже надо уметь: что же делать тому, кто понятия об этом не имеет. После этого заключенного назначают в бригаду, заполняют на него бригадную карточку, он получает место в бараке. Завтра пайка лагерного хлеба и выход на работу с бригадой. Бытовые условия были все-таки чуть лучше, чем в тридцатые или в начале сороковых. Здесь уже были бараки, построенные нашими предшественниками.

Как же тяжелы первые лагерные дни. Кажется, все существо человека каждым своим нервом протестует против насилия и издевательства. Каждому живому созданию присуща свобода, и каждое создание очень тяжело переносит ее утрату. Если во время следствия узник еще сохранял свою индивидуальность, еще думал, боролся за свою судьбу, следственные органы занимались им как отдельной единицей, то в лагере он становился только номером, каплей в океане таких же заключенных. Сознание потери своей индивидуальности угнетало не меньше, чем все внешние недостатки.

Надежда на легкую работу в совхозе обернулась лесоповалом — работой, на какую обычно в нормальных условиях отбирают молодых крепких мужчин. Здесь вот на эту работу были отправлены женщины с третьей категорией, почти инвалиды. Что ж, это был «идейно чуждый элемент», предназначенный Сталиным на уничтожение, а перед этим надо было извлечь из них хотя бы маленькую пользу для укрепления той империи, которая, захватив их отечество, вынесла им смертный приговор.

Утром пять километров по замерзшей реке на работу. Лес, как в первобытные времена. Верхушки сосен маячат в синем безоблачном небе, что и глазом не достанешь. Вокруг серебристый блестящий снег. Какая красота. Неужели она создана для того, чтобы человек еще сильнее ощущал свою недолю? Оттепели здесь не бывает, ветра тоже, и поэтому снег всю зиму сыпучий, как песок.

Четыре женщины пилят деревья. Они здесь уже не первый день, освоили это умение, к тому же они сильные, получают больший паек. Такая работа требует ловкости и умения, так как при малейшем недосмотре сосна может упасть не в ту сторону и придавить пильщиков. А такие доходяги, как я, должны катить бревна к реке на сплав приблизительно полкилометра. Ноги проваливаются в сыпучем снегу до колен, вытащишь одну ногу — утонула вторая, остатки сил идут

на то, чтобы вытаскивать их из снега, а надо ведь катить перед собой огромное бревно, его надо подталкивать жердями, но жерди тоже не имеют опоры в снегу, тонут до самой земли. Не работа, а страдание.

Возле реки горит костер, жгут ненужные ветки — «сучки», при нем греются конвой и бригадир. Собирать и жечь сучки, безусловно, легче, чем катать бревна, — блатная работа, и бригадир ставит на нее тех, кто ей нравится, а нравится тот, кто может что-то дать из посылки от родственников. Я пока что посылок не получаю и ничего ей дать не могу, вот она и сделала на меня донос соответствующему начальству, будто я сказала: на советскую власть работать не буду. Соответствующее начальство вызвало меня, чтобы выяснить дело, пригрозило еще одним сроком, но все обошлось. Наверное, она была уже известна своим излишним рвением. Правда, работник из меня был никакой, так как, во-первых, я была совсем обессилена тюрьмой, во-вторых, не имела никакого опыта в работе такого рода. Валенками, какие были, наверное, на десять номеров больше ног, натерла на пятке кровавый пузырь, каждый шаг отзывался острой болью. На работу и с работы я тянулась как улитка, один из конвоиров вел меня отдельно, далеко от бригады, потому что иногда я отставала на полкилометра.

Надежды на то, что в совхозе будут поить молоком, тоже не оправдались. Вместо молока получали по кружке отвара сосны как средство от цинги.

Сразу после прибытия в лагерь написала письмо матери, сообщила ей свой адрес. Мать телеграфным переводом немедленно прислала сто рублей. Я тешилась мыслью, что смогу купить себе в лагерном ларьке что-то съедобное: в моем состоянии полного истощения от голода это было очень кстати, но меня ждал уже начальник КВЧ (культурно-воспитательной части) и сказал, что я должна отдать эти сто рублей в «фонд мира», иначе буду несоветским человеком. Советским человеком я никогда не была, но подтвердить это в тех обстоятельствах, в каких я находилась, значило навлечь на себя еще один срок, может, больше моих десяти. Мне осталось только расписаться в получении денег и в «добровольном» пожертвовании их в «фонд мира». Написала матери, чтобы денег мне больше не посылала, а если сможет, прислала посылку. Надеялась, что продуктов в «фонд мира» начальник КВЧ не заберет. Долго колебалась, прежде чем попросила у матери посылку, ибо в том, что ее материальные условия тяжелые, у меня не было сомнения, но знала, что без ее помощи не выдержу. Не знала только, что ее здоровье было много хуже моего. Начальник КВЧ, однако, не поколебался отобрать у голодного узника кусок хлеба. Узник, обиженный уже тем, что у него отобрали свободу, постоянно служил предметом эксплуатации со стороны разных мелких начальников и подначальников и даже таких же заключенных.

Что мне запомнилось хорошего из ухтинских лагерей, так это климат: сухая морозная зима, ранняя, для тех широт, весна. В апреле заключенные уже сдавали валенки и получали ботинки, так как в валенках было мокро, снег таял. Красивая природа: вокруг холмы, покрытые лесом, весной множество цветов, которых не приходилось видеть на Беларуси. Однако этот климат не шел на пользу тем, кто к нему не привык. Вскоре после приезда у людей начинали опухать ноги — результат нехватки кислорода в воздухе. Ходить было трудно, работать еще труднее. И в результате всех этих обстоятельств я попала в лагерный госпиталь. Не

помню, чтобы меня там чем-то лечили, но не надо было ходить на работу, а это уже само по себе было лекарством, к тому же питание было немного лучше.

Много помог мне в ту тяжелую минуту лагерный врач Семен Ильич Кристальный. Старый уже человек, сам отбыл десять лет по обвинению в отравлении Горького. Был московским врачом, и подцепила его чекистская метла, когда надо было смастерить очередной процесс. Жена и сын отказались от него, как тогда это практиковалось, чем нанесли ему еще один удар. После отбытия срока права на выезд он не получил и остался работать вольнонаемным как лагерный врач. В заключении судьба свела его с молоденькой девушкой. Жила она до ареста в Румынии, была пламенной комсомолкой. Поверила лживой советской пропаганде, что в Советском Союзе уже осуществлены все исконные мечты человечества, и нелегально перешла границу. Здесь немедленно была арестована и получила десять лет за шпионаж. В этой бездне горя они нашли свое семейное счастье. Сам отбывший срок, Семен Ильич был чуток к судьбе заключенных, он делал все, что мог, чтобы облегчить их судьбу. Меня он продержал в госпитале довольно долго. Правда, для этого у меня были уважительные причины.

Большое спасибо и низкий поклон лагерным врачам вроде Семена Ильича Кристального. Пройдя тяжкий путь заключенного, они старались помочь заключенным в меру своих возможностей, и не раз по этой причине вступали в конфликт с лагерным начальством.

Сколько за годы моего заключения довелось встретить разных характеров — от высоко благородных до ничтожно подлых. Здесь каждый имел повод проявить себя особенно ярко.

* * *

В госпитале я пробыла всю весну и лето. Добрый Семен Ильич держал бы меня и дальше, так как мое сердце никак не могло привыкнуть к северному климату, но начальник санчасти настоял на том, чтобы меня выписать. Сам он, правда, не очень был грамотен в медицине: на фронте был санинструктором, но получил работу как настоящий чекист: делать ничего не надо, а деньги и паёк обеспечены. Вся его работа сводилась к тому, чтобы как можно меньше заключенных были освобождены от работы по причине болезни.

Семен Ильич, несмотря на свой возраст и плохое состояние здоровья, боролся за каждого своего пациента. Правда, и лагерное начальство должно было с ним считаться, так как обращались к нему за врачебной помощью для себя и своих семей. Другого врача поблизости не было, а специалистом он был хорошим. На лесоповал меня больше не послали, мне было трудно ходить, мучила одышка, я все время отставала бы от бригады, а посылать со мной отдельного конвоира не имело смысла. Направили на более легкую работу.

Долго я здесь, однако, не пробыла: вместе с группой других женщин была отправлена в другой лагерь, где основная работа была на кирпичном заводе. По какой причине нас туда отправили, не могу вспомнить. Здесь я попала в бригаду, которая работала в карьере, добывала глину для кирпичного завода. Никогда не видела такой красивой глины: она шла слоями, были слои глины зеленой, как молодой горошек, и опять слои совсем синей; в сравнении с привычной рыжей, красноватой глиной эта выглядела как-то неправдоподобно. Работа снова была

тяжелая: целый день, сгорбившись под низким настилом, надо было долбить киркой, ибо глина была довольно твердая, распрямиться было нельзя, болела поясница, болела шея, ноги, не говоря уже про руки. Одно было хорошо, что карьер был рядом с заводом, ходить было недалеко. Работа шла в две смены, таким образом, работать приходилось и ночью. Настил из досок, сделанный кое-как, лишь бы поскорее, иногда не выдерживал давления верхнего слоя, ломался, и он падал вместе с корнями деревьев и камнями на работающих. Одной девушке камень упал как раз на спину. Она лежала, и не было надежды, что когда-то сможет подняться собственными силами.

Однажды, снимая верхний слой земли, наткнулись на старое кладбище заключенных, видимо, наших предшественников 30-х годов сталинского террора. Никаких обозначений на поверхности, никаких гробов, только кости, к ноге прицеплена бирка — маленькая дощечка, на ней фамилия, параграф УК, срок, дата окончания срока. Бедняги так и не дождались этого окончания. Может быть, судьба сжалилась, сократила их страдания. Возможно, их еще ждали близкие в то время, когда мы выгребали их кости. Так никто и не узнает, где они нашли конец своей жизни, встретили свой «час всех часов».

Этот срок, начало и конец срока, параграф, каждый узник в течение стольких лет на проверках повторял утром и вечером каждый день. Вот только у меня был один лишь срок, параграфа не было, и я каждый раз вместо статьи должна была повторять формулировку: «за участие в антисоветской националистической организации десять лет лагерных работ».

Почему меня так «обидели», не дав параграфа, не знаю. Тех сталинских заключенных 20-х и 30-х годов иногда вывозили в лагерь без ссылки на УК, с буквами СО — «социально опасный», у меня и этого не было, просто дали срок без всякого обоснования. Может, надеялись, что я еще образумлюсь, сломленная тяжелыми лагерными условиями попрошу о «помиловании». Но никакой жалобы я писать не могла, так как «решение окончательное, обжалованию не подлежит». По каким рецептам готовились блюда на кухне МГБ, как их варили, я знать не могла, да и теперь не знаю. Спросить некого. Просить «помилования» — это значило бы признать себя виновной, сказать: пожалейте, больше не буду, но я за собой никакой вины не ощущала. Вот и тянула свои «лагерные работы», почему не «исправительно-трудовые», как у других, тоже не знаю.

Однажды я с бригадой копала траншеи по лодыжки в воде. Бригадир, бабка, наверное, не очень грамотная, сидела на сухом пригорке и вместе с начальником конвоя рассматривала бригадные карточки. Вдруг зовет меня к себе. Подхожу, спрашиваю, что надо. «Так ты бандера?» — «Какая я тебе бандера?» — «Вот еще и не признается, у тебя же и в карточке так написано», — и сует мне под нос бригадную карточку. Читаю: «за участие в антисоветской националистической банде». Нарядчик перестарался в своем стремлении проявить ненависть к «врагам народа» и слово «организация» заменил на «банда».

Истинным страданием была разгрузка вагонов с лесом. Кирпичный завод работал на дровяном отоплении, деревом также отапливались бараки и кухня. Требовалось его очень много. Вагоны, или, как их называли, «пульманы», приходили и днем, и ночью. Всех, кто мог держаться на ногах, независимо от категории, выгоняли на разгрузку, чтобы не было простоя вагонов, так как за каждый

час простоя «производство» (т. е. кирпичный завод) платило дорого. Денег было жалко, а людская сила, людское здоровье в Гулаге ничего не стоили.

Четыре женщины разгружали один вагон. Бревна были такой толщины, что обхватить их руками человеку было трудно. Одна женщина была внизу, откатывала бревна, чтобы дать место следующим. Работали таким способом: две поднимали один конец, клали на край вагона, третья поддерживала другой, когда первый конец был закреплен, шли к другому концу, поднимали, толкали, и бревно катилось вниз. Обычно на такой работе используется техника, но зачем было использовать ценную технику, если ее можно заменить дармовой женской силой. Это была дополнительная работа к тем часам, которые узники отрабатывали в своих бригадах. Хуже было, если вагоны с лесом приходили ночью. Тогда после ночной разгрузки (она считалась аварийной работой, и потому в зачет не учитывалась) надо было утром идти на ежедневную работу.

Пошли слухи, что женщины из этого лагпункта будут вывезены, а здесь будут мужчины-уголовники. Начальник лагеря ходил как отравленный, говорили, что он потерял сон и аппетит. Могла ли быть более послушная рабочая сила, чем женщины-политзаключенные?! С мужчинами-уголовниками завод план не выполнит. Они могут постоять за себя. Не очень-то их заставишь и работать, ибо, если начальство не понравится, могут отомстить по своему обычаю. Лагерь начал расширяться, стали строить кирпичные бараки, безусловно, руками женщин. Теперь мне довелось работать на стройке. Однажды, когда я с другой женщиной шла с носилками через узенький коридорчик, случайно зацепили балку, которая там стояла, она упала и стукнула меня по голове. Я потеряла сознание. С этого времени начались боли в голове и ослабление зрения. Когда новые бараки были сооружены, женщин разбросали по другим лагерям. Я попала в маленький лагерь, тоже при кирпичном заводе. Опять работа в карьере. Здесь было легче тем, что завод, бараки и кухня отапливались газом, не приходили вагоны с лесом, не надо было их разгружать. Это был уже третий лагерь за мой срок.

Зима кончалась, приближался величайший праздник, который в семье всегда был радостным, а здесь вызывал грусть и горькие воспоминания о том дорогом, что потеряно навсегда. Однако каждая из нас ощущала праздник и по возможности стремилась сохранить традицию. В пятницу перед рождеством большинство женщин не ело до вечера. Обеды выдавали в столовой по талонам. Не вернулись три четверти талонов, выданных узницам. Начальник лагеря, узнав о таком событии в его хозяйстве, встревожился, пришел на кухню: «Отчего они не захотели есть? Плохо сварено, бунт?» Ему повара объясняют, что сегодня пост. «Что такое пост, что значит пост?» Еле-еле женщины объяснили ему, что такое пост.

Здесь я познакомилась с Лидой. Услышала свойскую речь, спрашиваю, откуда. Говорит: из-под Друи. Это для меня была счастливая находка. Прежде не встречала в лагерях ни одной беларуски. Лида была симпатичная чернявая девушка. Мы с ней быстро подружились, делились всем, что имели, варили себе общие обеды на так называемой индивидуальной кухне. Лиду арестовали за то, что была связной у партизан, но у тех послевоенных, которые боролись против сталинского насилия. Лида имела лагерного мужа, тоже заключенного из соседнего мужского лагеря. Как она сумела с ним познакомиться и встречаться, я

никак не могла понять. У меня на это, наверное, не хватила бы ловкости. Видимо, чувство способно победить все преграды. Однажды, когда в лагере был концерт с участием самодеятельности из мужского лагеря, она меня с ним познакомила, но мне он не понравился. Не хотела бы иметь такого свояка.

Опять этап. На этот раз собирают всех режимных для отправки куда-то далеко. Прощай, Ухта, богатый край, с его покрытыми лесами холмами, нефтяными вышками, с бесчисленными километрами газопроводов, теплым, относительно долгим периодом весны и лета, сухой, не слишком свирепой зимой*. Для «контры» это слишком хорошее место, она этого не стоит, здесь можно разместить уголовников, они люди лучшей категории, достойны лучших условий. Хотя у меня нет ни статьи, ни параграфа, на основании которого дан срок, все-же на формуляре стоит «РЕЖ». Лида не режимная, на этап ее не берут. Неизвестно, доведется ли когда-нибудь встретиться с этой милой девушкой. Так уже складывалось, что судьба всегда разлучала меня с теми, кто был близок сердцу.

Женщины в сталинском концлагере (начало 1950-х гг.)

Снова ухтинская пересылка. Собрано человек около шестисот. Женщины уселись на полу вдоль всего барака, у каждой одна мысль: куда везут, какова дальнейшая судьба? Своей судьбе они не хозяйки. Вот сейчас послышится команда: «выходи». Должны встать, идти куда говорят, без всяких вопросов. Вдруг вся эта толпа женщин запела:

* Город Ухта находится в южной части Республики Коми. – *Ред.*

Просим Тебя, Дева,
Шлем к Тебе глас.
Сиротам Ты матерь,
Не оставляй же нас.

Эта песня-молитва была жалобой на все пережитые обиды, жалобой к Той, перед кем не обидно покориться, не стыдно стать на колени и просить, на кого одну была теперь наша надежда. От кого же было невольницам рабыням ждать милости? От людей можно было надеяться на новые издевательства, новые страдания. У многих текли слёзы. В жизни не слышала более искренней молитвы, в которой было бы вылито столько горя.

* * *

Промерзшие вагоны, затянутые колючей проволокой окна, закрытые на замок двери. Посередине вагона железная печка, едва теплится, можно возле нее погреть руки, дальше вытянутой руки тепло не достигает. Но топится она недолго, топлива очень мало. Нары в два этажа, на них женщины поприжались одна к другой, как курицы на насесте. Хотя мы и одеты в лагерное «вещдовольствие» — ватные подштанники, бушлат, валенки, однако эта одежда может быть удовлетворительной, только когда человек в движении, за работой или во время ходьбы. Каждая старается залезть в середину. Здесь, безусловно, теплее, хуже тем, кто возле стены. Спать боимся, чтобы не замерзнуть насмерть — во время сна это очень легко. Слышим, как за стеной вагона воет ветер, кажется, вот-вот своим усилием перевернет поезд, через щели навевает снега в вагон. В окрестностях Ухты ветра не было.

Куда нас везут? Наконец, приезжаем на место назначения — воркутинские лагеря за Полярным кругом*. Въезжаем в полярную ночь. Солнце всю зиму не поднимается над небосводом. Днем чуть развиднеет, словно на рассвете, часа на три-четыре, — и опять темно. Снег, снег, здесь он сбит ветром, твердый, как камень. Нигде ни одного деревца, только среди заснеженной тундры поднимаются терриконы шахт и сторожевые вышки вокруг лагерей.

В Воркуте ощущалась нехватка рабочей силы. Заключенные начала сороковых годов (тогда везли сюда каторжан) умерли от цинги и от голода военных лет. Часто из тысячи (номера им давали до тысячи) к концу сороковых оставался один, нужна была замена. Кроме того, строились быстрыми темпами новые шахты, жилые дома, казармы, железные дороги. Сталин стремился превратить свою империю в промышленного гиганта бесплатным трудом заключенных. Мужчин везли сюда для работы в шахтах, женщин на строительные работы.

Опять проверка на вахте по формулярам, опять отвечаю: «за участие в антисоветской националистической организации». Баня. В бане ушат воды из растопленного снега. Обед на кухне варят тоже из растопленного снега, водопровода нет. Бараки, в спешке построенные нашими предшественниками, хотя и старые, однако все-таки защищают от ветра и мороза. Топится печка, можно вытянуться на нарах без бушлата и валенок.

* Город Воркута находится в северной части Республики Коми, за Полярным кругом. От Ухты до Воркуты по железной дороге 700 км. — *Ред.*

Здесь мы узнали, что значит режимный лагерь и что мы режимные заключенные. На окнах бараков решетки, двери от отбоя до подъема закрывают на засов и на замок. Писать можно два письма в год, столько же получать, посылок получать тоже только две в год. Мать их регулярно присылала. Каждое ее письмо было для меня праздником, радостным от сознания, что близкий мне человек живет на свободе, что высокий чин не исполнил свою угрозу, не посадил ее в тюремную камеру или за колючую проволоку в лагерь. Я и теперь содрогаюсь от мысли, что такое могло случиться. Одновременно каждое ее письмо и тревожило, строки письма были неровные, не хватало букв, чувствовалось, что мой арест сильно отразился на ее здоровье. О состоянии своего здоровья она ничего не писала, наверное, не хотела меня тревожить, а это наводило на печальные мысли. Не знаю, кто из нас больше страдал морально – я или она.

Здесь мы получили арестантские номера – кусок белого полотна, на котором нарисован черной краской номер. Эти номера мы должны были нашить себе на рукав одежды. Свой номер я, наверное, буду помнить и в гробу. Номер был неотделим от заключенного; если кто-то из лагерного начальства, хотя бы самого низшего, встречал узника bts номера, сразу отправлял его в БУР за неподчинение лагерному режиму. Случилось это однажды и со мной.

Опостылели частые обыски, на языке заключенных «шмоны». Надзиратели перетряхивали в бараке все нары, на которых спали заключенные, ощупывали сенники, подушки. Отбирали ножницы, ножи, спицы для плетения вязанок и носков. Нельзя было иметь ни фотографий, ни святых иконок; если такая иконка попадалась в посылке, ее отбирали наравне с антисоветской пропагандистской литературой. Я сумела схитрить, вышила иконку на куске ткани, вложила в подушку. Подушка была набита ватой, слежалась, сделалась твердой, и нащупать мягкую вещь в ней было трудно. Эту иконку имею и теперь. Однажды мне сказали, что ее надо отнести в церковь освятить, я ответила, что она достаточно освящена слезами. Одно было хорошо: здесь не было уголовников и блатных, и поэтому никогда не случалось ни одной кражи.

Трудно было прывыкнуть к полярному климату. Кислорода в воздухе здесь было еще меньше, чем в Ухте. Слабело сердце, повышалось кровяное давление, люди болели гипертонией. Пурга сменялась морозом, мороз опять пургой. Мело так, что на удалении метра не было ничего видно. Казалось, что человек попал в какую-то подвижную густую белую массу. Избави Боже оказаться в пургу на открытом месте – верная смерть. С наступлением пурги каждый спешил спрятаться в какое-то безветренное место. Бывали случаи, когда пурга заставала бригаду в тундре на работе и заметала всех вместе с конвоем. Их находили только весной. В жилой зоне протягивали канаты от бараков в столовую и на вахту. Только держась за них, можно было ходить.

Правда, в последние годы пурга была уже не такой свирепой. Что было причиной, неизвестно: изменение ли климата, или Бог пожалел несчастных узников, которыми по воле Сталина заселялась эта полярная пустыня. Мела она обычно ночь и день. Не менее лютыми были морозы, достигавшие 50 градусов. Позже, когда подвели водопровод (трубы положили над землей в большой длинный ящик, засыпанный опилками, ибо в вечной мерзлоте он бы сразу замерз и

никогда бы не отогрелся), вода текла из крана и в ту же минуту густела в ведре, как кисель. При 30 градусах на работу за зону не выходили.

Главной продукцией воркутинского района был уголь. Мужчины работали в шахтах, давали продукцию «матери-родине», которая была для них хуже свирепой мачехи, женщины строили дома для тех, кто приезжал руководить добычей угля и нами, белыми невольниками, прокладывавшими железные дороги на шахты. Довелось и мне и дома строить, и железные дороги, и казармы для тех, кто сторожил, чтобы я не убежала.

Однажды несколько бригад долбили в вечной мерзлоте траншеи под фундамент для какого-то здания за несколько километров от лагеря. Начиналась пурга, начальник конвоя снял бригады и повел в лагерь. Ветер усиливался, женщины бежали все быстрее, чтобы не попасть в пургу. Я старалась бежать вместе со всеми, но сердце отказалось работать, и я упала на снег. Женщины бегут все быстрее, понятное дело, им хочется вырваться из пурги, что ж, думаю, значит, конец. Вдруг слышу начальник конвоя крикнул: «Колонна, стой! Вы что, человек лежит, а вы убегать». Здесь он не пожалел сильных слов. Остановились, слышу украинскую речь, но ни одна не подошла. Подошли две латышки, помогли встать. «Можешь идти?» — спросил начальник конвоя. «Могу, только потихоньку». — «Становись в голове колонны». Латышки поддерживали меня под руки, и пока пурга разыгралась во всю силу, так мы дошли до лагеря. Начальник конвоя должен привести на вахту столько, сколько взял, иначе отвечал бы за побег заключенного. На следующее утро лагерь был одним большим наметом, место бараков можно было узнать только по дыму, который шел из дымоходов. Целый день делали тоннели в столовую и на вахту.

После случая во время пурги на довольно долгое время попала в лазарет, место вообще невеселое, о котором, однако, мечтает каждый узник, чтобы хоть какое-то время отдохнуть от тяжелой работы. И здесь врачиха (здесь она была женщина) старалась использовать все возможности своего положения, чтобы хоть немного помочь заключенным.

Во время моего пребывания в госпитале в лагере случился трагический случай. Бригаду девушек везли машиной на работу. В одном месте дорога проходила через железнодорожный переезд. Вдали появился поезд, шлагбаума не было. Водитель надеялся быстро проскочить и завел машину под колеса паровоза. Семнадцать девушек погибли на месте. Только одна сумела прыгнуть с машины на полном ходу. Сильно побилась, долго лежала в госпитале с травмами головы и всего тела. Самое интересное, однако, что она после этого была обвинена в попытке совершить побег, против нее было начато следствие. В госпиталь приходил следователь для допросов. Бедная Марийка страдала от физической боли, от мысли, что может остаться калекой, и еще должна была отвечать на бессмысленные вопросы следователя. Неужели этот следователь не понимал, что на ее месте он сделал бы то же самое, чтобы спасти жизнь?

В окрестностях Воркуты строились новые угольные шахты. Уголь был крайне нужен, а район был богат углем, хотя и не очень хорошего качества. Мужчины были заняты на строительстве шахт, население женских лагерей прокладывало железные дороги через тундру. Летом, когда верхний слой мерзлоты таял, тундра была залита водой, так как мерзлая земля в более глубоких слоях воду не вбирала.

Шпалы клали в воду, на шпалы укладывали рельсы и закрепляли. Паровоз подвозил породу с терриконов по тому отрезку, который уже был построен, дальше женщины подсыпали ее лопатами под положенные в воду шпалы. Шпалы поднимали вместе с рельсами кольями и опять подсыпали. Никакого инженера или техника здесь не было, все делали сами, освоив эту работу практикой. Наверное, потом какой-то специалист сделанную работу проверял, давал инструкции, но во время работы никакого специалиста я не видела. Не удивилась бы, если бы узнала, что на такой железной дороге случилась авария.

Однажды на нашем участке появилась техника: машина выпускала специальные лапки, которые хватали рельсы, как руками, поднимали их вверх, насколько это было нужно, нам оставалось только подсыпать породу. Но наша радость от облегчения в работе была очень короткой. Через полчаса машина отказалась работать, и все старания машиниста опять заставить ее работать были напрасны. Теперь мы должны были всей бригадой таскать машину взад и вперед, чтобы она не мешала нам в работе, а машинист хохотал: совсем как в Америке, с той разницей, что там машины таскают людей, а здесь люди таскают машины. Работа опять пошла первобытным способом: человеческой силой и кольями.

Кроме жары и тяжелой работы, летом на нас валилась еще одна беда — мошкара. Откуда она здесь бралась, как ухитрялась пережить свирепую зиму, я не могла себе объяснить. Это была настоящая казнь египетская. Те, кто работали в тундре, вместе с другим «вещдовольствием» получали накомарники, что-то похожее на те капюшоны, которые одевают пчеловоды при уходе за пчелами. Перед лицом была густая сетка, но она защищала от комаров, мелкой же мошкаре удавалось пролезать сквозь сетку, грызть лицо, пролезать под рубаху, доводить человека до потери терпения. Теперь, когда пишу эти строки, вижу себя на платформе, груженной породой, с большой совковой лопатой в руках, а вокруг тучи мошкары. Жара, пот заливает глаза, а сбросить грубую куртку нельзя, ибо мошкара облепит в момент и вся кожа распухнет. Платформу надо как можно скорее разгрузить, чтобы паровоз привез породу еще. Нет времени отгонять мошкару, а она рада, разгуливает по моей коже, сосет мою кровь.

Всех слабых собирали в одну бригаду — «слабосильных». Такая бригада по принятым в лагерях правилам должна была работать на легкой работе в районе лагеря. Однако лагерное начальство в стремлении к выполнению плана этого не придерживалось, посылала даже далеко от лагеря на тяжелую работу. Работа на строительстве железной дороги ни в коем случае не могла считаться легкой. Только процентов слабосильной бригаде не писали, так, будто она на данном объекте не работала. Таким образом, врачебная комиссия ставила третью категорию, а нарядчик посылал на тяжелую работу. Кому было объяснять, что я работаю не по своей категории?!

Тундра цвела всеми красками цветов, выраставших прямо из воды. Лето за Полярным кругом короткое — едва улыбнется, и опять порошит снег, поэтому полярная растительность спешит за какие-то восемь недель пройти весь цикл, предназначенный ей природой, — рост, цветение, созревание семян, цикл, который в средней климатической полосе растение проходит в течение нескольких месяцев. И здесь, на этом безлюдье, есть какая-то своя растительная вегетация. Растения здесь другие, не встречаемые в средней климатической полосе,

8 Зак. 1936

они по-своему красивые, имеют своеобразный запах. Нашла в тундре цветок с сильным запахом ванили, набрала семян, привезла в Вильню, посеяла, но оно даже не взошло, наверное, здесь ему не понравилось, а вот человек, нравится ему или нет, должен приспособиться к любому климату, к любым условиям.

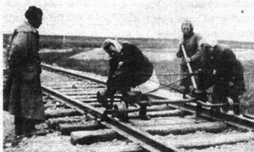
Что удивляло своей красотой, так это небо. Много бумаги извели писатели и поэты для описания восходов и закатов солнца, утренних и вечерних зорь, но описать полярное небо, видимо, никто из них не смог бы, как не смог бы, наверное, никто нарисовать. Таких переливов разных оттенков не довелось видеть нигде в природе. Возможно, передать нечто подобное на полотне смог бы разве что такой мастер света, как Куинджи, но ему не пришло в голову ехать за Полярное круг, чтобы рисовать небо. Так оно меня очаровало, что пыталась вышить его, вытаскивая нити для этой цели из лагерного «вещдовольствия», рискуя за это попасть в БУР. Безусловно, эти мои попытки были подобны попыткам бросаться с мотыгой на солнце. Вероятно, так уж случилось, что при разделе земных богатств нищета полярной земли была компенсирована красотой неба.

Опять тоска и ужас охватили женщин в загоне, называемом «исправительно-трудовым» лагерем. Была в лагере бригада, которая расчищала железнодорожные линии зимой ото льда, а летом сметала мусор. Бригада работала на этот раз возле самого городского вокзала Воркуты, безусловно, под конвоем. Один из солдат то ли невзлюбил, то ли, наоборот, полюбил одну из девушек. Какие чувства вызвала у него эта жамойтская Марица, неизвестно, но он угрожал ее застрелить. Никто не принимал эти его угрозы всерьез. В тот день погода была солнечная, теплая, во время перерыва девушки сели кружком и стали есть свои пайки. Вдруг раздался выстрел. Марица упала, тяжело раненная. Произошло это на глазах у толпы людей, которые как раз ждали прихода поезда. Поступок солдата вызвал такое возмущение присутствующих, что толпа, наверное, убила бы его, если бы не второй конвоир. Солдата арестовали и куда-то отвезли для рассмотрения дела. Несомненно, он оправдывался тем, что девушка собралась бежать. Чем закончилось его дело, неизвестно. Марицу повезли в соседний мужской лагерь, где были хирурги, но она дорогой умерла, не увидев ни свободы, ни своей родной Жамойтии. А свобода была уже недалеко, а с ней и Жамойтия. В мужском лагере мужчины сколотили гроб, одели в красивое платье (наверное, добыли откуда-то через вольнонаемных), усыпали девушку цветами. Так и осталась Марица в заполярной мерзлоте.

Меня умиляло отношение мужчин-заключенных к заключенным женщинам, в нем чувствовались нотки покровительства более сильного в отношении к слабому. Там, где приходилось работать рядом с мужчинами, мужчины по возможности старались облегчить работу женщин. Однажды направили меня в бригаду штукатуров подсобником. Мастер был человек средних лет, производил впечатление угрюмого, даже злого, стоял на лесах, штукатурил потолок. Я вымешала в большом ящике раствор, наполнила ведро и подаю ему, как следовало подсобнику. Мастер обернулся и буркнул, мне показалась, даже злобно: «Кто тебе говорил подавать, поставь на пол, сам возьму». — «А что мне делать?» — «Сядь и сиди». Через какое-то время мастер спрыгнул с лесов, сел рядом со мной, закурил. «Какой у тебя срок?» — спросил. Ответила. «Вот что, девка, учись штукатурить. Все же будешь в тепле, а не с киркой на морозе. Бери тёрку, затирай». Работа

пошла у меня довольно гладко, мастер был доволен. Но, к сожалению, меня через два дня послали на другую работу, и я не освоила эту так нужную специальность.

Сталинский ГУЛАГ построил свою систему эксплуатации человека таким образом, что надзор за трудом заключенных исполняли сами же заключенные, они заведовали работами. В каждом лагере был нарядчик, который распределял заключенных по бригадам, были бригадиры, которые стояли во главе бригад. Нарядчик давал бригадиру приказ, на какую работу он должен поставить свою бригаду, бригадир следил за тем, чтобы бригада выполнила поставленное ей задание. По старой беларуской терминологии крепостных времен это были тиуны, приказчики из тех же заключенных. Пусть простят мне лагерные нарядчики и бригадиры это сравнение, среди них было немало честных людей, которых я не хочу оскорбить, так как к ним у меня осталось чувство симпатии.

Женщины-заключенные
на строительстве железной дороги в Заполярье

Но были и такие, которые в своем стремлении к самосохранению использовали полученную микроскопическую долю власти далеко не по совести. Отвращение и обиду вызывает воспоминание о Софье Ермаковой, украинке из Львова, которая какое-то время была бригадиром «слабосильной» бригады. В ту пору бригада эта была оставлена для работы в зоне лагеря. То ли потому, что не было важной работы на «производстве», то ли потому, что доходяги уже совсем ослабели, не могу вспомнить, не помню также, что мы должны были делать в зоне лагеря, наверное, какие-то работы, связанные с обслуживанием. Так случилось, что я чувствовала себя плохо. Утром пошла в амбулаторию. Правило было такое: если у заключенного температура 37,5 градусов, врач автоматически освобождал его от работы. У меня температура была выше, однако врачиха сказала, что на сегодня она уже освободила столько, сколько это было разрешено, и больше вписать в список освобожденных не может, но так как бригада за зону не выходит, формальное освобождение не нужно, могу идти в барак и лечь, что я и сделала.

Через какое-то время в барак как фурия ворвалась Ермакова: «Ты почему не вышла на работу?» — «Я больная». — «А почему тебя нет в списках освобожденных?» Я ей стала объяснять, но она и слушать не хотела, стала бить меня ногами, приговаривая: вот я покажу тебе твою болезнь. Ермакова забыла, что она такая же узница, что существуют границы в отношениях между людьми, которые ни в коем случае нельзя переступать. Сталинский следователь меня ни разу не ударил за мое плохое, по его словам, поведение на следствии. Сколько у меня было бригадиров за мои лагерные годы разных национальностей, ни к кому из них не осталось чувства обиды, а эта вот свирепая украинка не поколебалась бить больную женщину, такую же узницу, как она сама, даже физиономия у нее перекоси-

лась от злобы. Может, думала, что я брошусь на нее, и тогда все те несколько украинок, которые были в бараке, бросятся на меня, убьют и обвинят в том, что я хотела убить Ермакову.

Жаловаться на Ермакову не было кому и не было смысла. Ермакова обвинила бы меня в саботаже, начальство безусловно было бы на ее стороне, в результате я получила бы еще один срок. С точки зрения лагерной власти, она поступила правильно, так как гнала лентяя на работу. В мужских лагерях с такими сводили счеты своим судом. Подстерегали где-нибудь на безлюдье и били как надо.

Беда по-разному действует на человека. Один становится более отзывчивым по отношению к себе подобным и ко всему живому, другой черствеет в своем стремлении к самосохранению и готов идти по трупам других, чтобы только достичь единственной цели — уцелеть самому.

***

Лагерь пополнялся все новыми заключенными. В 50-е годы стали привозить много немок из восточной Германии. Все они имели довольно странное обвинение «поджигатель войны» без ссылки на УК, так, как и у меня. Видимо, в УК не хватило параграфов или под те, которые были, нельзя было подвести всех тех, кого Сталин хотел засадить за колючую проволоку. Что означало это обвинение, они не понимали так же, как я свое «националистическое». Они очень тяжело переносили примитивные лагерные условия. В то время как славянки и жительницы Прибалтики довольно легко приспосабливались к примитивному лагерному быту, им это не удавалось.

Многочисленное население лагеря своей этнической разнородностью напоминало толпу при строительстве библейской вавилонской башни. Кого здесь только не было. Кроме представительниц всех народов, населявших Советский Союз, представительницы разных европейских народов: финки, мадьярки, итальянки, немки, даже турчанки. Да и не было ли это сооружение, спроектированное Лениным, построенное Сталиным и называемое Советским Союзам, той самой вавилонской башней и не суждено ли ей было однажды обрушиться?! Я прятала эту мысль как можно дальше в глубине своего сознания, чтобы кто-нибудь не подслушал, не подсмотрел (в лагере и такое возможно), а тогда не миновать второго срока, не менее 25 лет за сомнение в прочности Советского Союза.

Каждый узник стремился присоединиться к своей этнической группе. В беде или в радости человек стремится быть среди близких ему, и особенно — когда он в беде. В отношениях некой этнической группы к другим сказывался характер данного народа. Латышки относились очень сочувственно к другим, так же вели себя и эстонки, хотя более сдержанно. Украинки были очень солидарны между собой, но в отношениях с другими давали почувствовать, что они им чужие, хотя всех объединяла одна беда. Однажды на этапе мне случилось оказаться среди одних украинок. Одна старая женщина сказала другим, показывая на меня: хотя она и не наша, но тоже страдает. Это было сказано так, как я говорила о своем Рудике: хотя он и пес, но все равно живое создание. Не думаю, чтобы так могла сказать женщина из Прибалтики или русская. Для них в этом горе стирались национальные границы.

Когда врачебная комиссия после очередного моего пребывания в лазарете снова оставила меня на работе в зоне лагеря, я была назначена в лагерное обслуживание, должна была носить воду и уголь в кипятилку. Водопровод в кипятилку не был подведен, воду надо было носить с кухни довольно далеко, уголь еще дальше. Кипятильщицей считалась молодая крепкая украинка Василина. Она не делала вообще ничего, но не помню случая, чтобы она мне когда-нибудь помогла, хотя фактически носить воду и уголь было ее работой, в помощь ей я была назначена неофициально. Ни сочувствия в общем горе, ни уважения к себе подобным у них не ощущалось. Характер человека лучше всего познается в беде, то же можно сказать о характере целого народа и его культуре.

Много за свои лагерные годы встречала Мариек, Мариц, но не довелось встретить ни одной Марыси. Лида была единственной беларуской, встреченной в лагере. Думаю, надо радоваться, что их так мало попало за колючую проволоку. Количественно наибольшей группой были украинки, за ними шли литовки, латышки, эстонки, польки. Русских было мало: преимущественно это были женщины, чьи мужья занимали какое-то положение и были арестованы, а они попали в лагеря за то, что были женами своих мужей.

В сталинских лагерях, как и во всем Советском Союзе, была чрезвычайно развита слежка за каждым человеком. Для этого в каждом отдельном лагере был «оперуполномоченный», или, как его называли заключенные, «кум», МГБ в местах лишения свободы. Этот «кум» создавал свою систему разведки среди заключенных, чтобы следить за взглядами каждого и общим настроением. Может казаться странным, что люди, столь пострадавшие от этой системы, направленной на уничтожение их самих, соглашались ей в этом помогать. Здесь, как и на свободе, эта ненавистная система использовала инстинкт самосохранения. Получив в качестве награды более легкую работу, человек надеялся выдержать подольше. Инстинкт выживания побеждал моральные тормоза. Путем обещаний и угроз вербовалась армия «разведчиков». Наверное, немного среди них было убежденных, скорее всего, таких вообще не было, были люди измученные, доведенные до отчаяния сталинскими способами морального и физического уничтожения человека, и польза от них для «кумов» была минимальная. Но, видимо, и здесь действовал принцип количества. Каждый «кум» хотел отличиться выполнением плана, числом завербованных. Такой «кум» был похож на сытого паука, который ловил мух в сеть своей паутины и питался за счет их.

Была здесь и «Культурно-воспитательная часть», коротко – КВЧ. О ее целях говорит само название. При ней была библиотека, правда, очень маленькая. Преимущественно книги типа «Кавалер Золотой Звезды», «Молодая гвардия», но и на такого рода литературу надо было записываться в очередь. Иногда показывали кино, фильмы бывали даже неплохие. Бывали концерты, подготовленные самими узниками. Только можно ли было кого-то воспитать такими мерами, сделать другом советской власти после всего, что человеку довелось перенести во время следствия и в лагерях? Люди, которые до ареста относились к советскому режиму безразлично, после такого курса «перевоспитания» становились его лютыми врагами. Можно ли найти средство любить того, кто причинил столько горя?

Вдруг в этом сумрачном безвременье сталинских лагерей как гром с ясного неба прогремела весть: Сталин умер. Прокатилась эхом по всему Гулагу, всколыхнула черную топь, заставила спохватиться, крепче забиться сердце. Поначалу вызвала чувство какой-то растерянности, неуверенности. Отразится ли смерть человека с изуродованным умом и совестью на судьбе лишенных свободы? А если отразится, то как? Принесет ли она какие-нибудь перемены? Но на лучшее не надеялись: хоть бы не стало хуже. Столько довелось пережить разочарований. А что, если на место покойника придет кто-то еще более жестокий? Правда, трудно было придумать что-то еще более тяжелое. Но кто знает.

К лагерной ограде на дозволенное расстояние подходили какие-то мужчины, издали кричали: «Девушки, ура-а-а! Сталин умер, вам воля!». И подбрасывали шапки вверх. Ненависть к тирану за все обиды и горе, которое он причинил, скрытая до этого времени где-то в заначках сознания, радость от его кончины прорвались у этих людей бурной реакцией на свободу. Теплая волна подкатывала к сердцу. Плакали от радости, так как смеяться за годы неволи отвыкли, но верить боялись. Свобода казалась золотым сном, который не может исполниться. Крепко построенная система Гулага казалась непоколебимой. Однако невольно в сердцах пробуждалось, хотя и очень хилое, слабенькое, чувство наступающей предвесны. Не приходило нам тогда на ум, что начиналась другая эпоха, в которой высокий чин уже не сможет вынуждать меня подписать ложь, которую он называл «правдой», но я смогу открыто рассказать об его издевательствах.

Постепенно стали замечаться перемены: с окон сняли решетки, двери на ночь перестали закрывать на замки. Правда, эти перемены имели только символическое значение, ибо кому же пришло бы в голову после целого дня тяжелой работы блуждать в ограде из колючей проволоки, чтобы считать звезды на небе. Но это было знаком некоторого послабления режима. Через какое-то время были отпущены на свободу так называемые «малолетки», то есть арестованные еще несовершеннолетними. Через какое-то время отправили на родину граждан других стран. Те же, кто были сочтены гражданами Советского Союза, хотя бы и безосновательно, по-прежнему оставались невольниками Гулага, они теперь были главной бесплатной рабочей силой. В бараках становилось все просторнее. Из экономии лагеря начали соединять вместе, иначе говоря, заключенных из двух лагерей поселяли в один. Покинутые лагеря заселяли «бытовиками» и уголовниками.

Количество заключенных сократилось, но не уменьшился объем работы. На Севере строились шахты, железные дороги, города. Север был очень важной позицией в плане индустриализации. Все работы выполнялись руками заключенных. Руководство лагеря направляло на эти работы заключенных бригадами, а предприятие, которое вело те или другие работы, рассчитывалось за их работу с руководством лагеря. Так когда-то владелец мог отдать внаймы своего крепостного или хозяин — свою лошадь.

Повеяло волей, но она была не для всех. Жизнь заключенных текла, как и прежде, по руслу, раз навсегда установленному правилами Гулага. Утром человек автоматически вставал, автоматически шел на работу, автоматически работал,

а потом спешил как можно скорее сдать инструменты работы, прийти в лагерь, обогреться, поесть. От такого способа существования мозг тупел, люди превращались в живых роботов. Это, возможно, и было их спасением, ведь если бы человек начал думать и задумываться над своей недолей, наверное, многие кончили бы самоубийством. Ничто, казалось, не могло вырвать из этого отупения, однако случилось что-то такое, чего я и сегодня не могу понять.

После омерзительной выходки Ермаковой я не могла дальше оставаться в ее бригаде и попросила, чтобы меня перевели в другую бригаду, все равно какую. Меня направили в дорожную бригаду, которая работала на расчистке железной дороги при самом вокзале. Как обычно – кирка, лопата, лом. Однако эта работа имела свои выгодные стороны: долбить надо было не мерзлую землю, а лед, лед же откалывается не маленькими кусочками, а большими слоями. Легче было выполнить норму. Бригадиром была Ася, фамилии ее не помню, высокая, со скуластым некрасивым лицом. Происходила из восточных районов Союза, лет ей было, может быть тридцать пять. Когда-то была комсомолкой, за какие-то проступки попала в немилость, не говорила, а у нее и не спрашивали, по неписаным правилам узниц: если человек сам не говорит – не спрашивай. Женщина она была неплохая, на работе над душой не стояла и пайком не обижала.

Женщины-заключенные роют котлован

Бригада на работе поступала в распоряжение железнодорожного мастера. И он определял работу, принимал работу, ставил проценты за ее выполнение в зависимости от сделанного обьема. Заключенные получали паек в зависимости от тех процентов, какие он поставил. Летом кирка и лом на железной дороге не требовались. Но лето за Полярным кругом короткое. Солнце повисит несколько недель над небосводом, не заходя, а потом сразу опустится за небосвод, день начинает быстро сокращаться. Зимой оно совсем не поднимается, только развиднеет – снова начинает смеркаться, и скоро становится совсем темно. По мере того как сокращался день, сокращалось и время работы железнодорожной бригады, так как железнодорожный вокзал считался местом повышенной возможности побега. Пока бригада придет на работу, пока возьмет инструменты и пока мастер определит место работы, уже половина десятого, а в двенадцать часов получасовой перерыв на обед. Женщины шли в вагон, где топилась печка, чтобы обогреться и погрызть кусок черствого хлеба. Где-то около двух часов уже становилось темно. Движение на станции был довольно большое, поезда, загружаемые углем, шли в южном направлении, порожние шли на север, за углем. Все время маневрировали паровозы, собирая вагоны. Кроме того, каждый день приходили и уходили два пассажирских поезда.

Место для побега считалось весьма подходящим. В таких условиях начальник конвоя имел право по инструкции при плохом освещении снимать бригаду независимо от того, сколько часов она работала, что он охотно и делал. Солдаты были рады идти в теплую казарму, вместо того чтобы стоять на морозе и внимательно следить за каждым движением заключенного, а больше всего рады были женщины-узницы. Недоволен был только железнодорожный мастер, ибо за такой сокращенный рабочий день бригада не успевала много сделать, а при невыполнении нужного обьема работы мастер не получал премии и в результате меньше денег попадало в его карман. А он ведь приехал сюда за «длинным рублем» и ни в коем случае не собирался зарабатывать их собственным трудом, мозолями на своих руках. Случился повод заработать эти деньги работой других, и ради этого надо было вытянуть все силы до последней капли из этих белых рабынь, чтобы их работой обеспечить себе благополучие на всю жизнь. Если бы он мог, заставил бы работать этих несчастных по двадцать четыре часа без перерыва, пока они не попадали бы на месте.

Начальник конвоя спутал его планы. С этим мастер не мог смириться и написал на начальника конвоя жалобу в соответствующую инстанцию. Жалоба мастера не дала желаемого результата, только вызвала гнев у начальника конвоя. В ответ он начал требовать еще более точного подчинения инструкции. Если до этого времени бригада работала без оцепления, свободно переходя с одного места работы на другое, то теперь, согласно требованиям инструкции, место, где работали узницы, каждый раз надо было ограждать колючей проволокой, прикрепленной к столбикам. Работа пошла еще медленнее: каждый раз надо было снимать проволоку с одного места и закреплять ее на другом. Работать в оцеплении было трудно из-за тесноты. Надо было внимательно следить, чтобы не ударить киркой ту, которая работала впереди. Оцепление, или, точнее говоря, проволока длиной метров двадцать с прикрепленными к ней столбиками, при переходе бригады с одного место на другое носила Ася, так как женщины несли рабочие инструменты. «Как мне надоело таскать эту проволоку, — жаловалась она, — это оцепление вымотает мне нервы вконец».

Под конец года очередная врачебная комиссия опять поставила мне третью категорию — без вывода с территории лагеря. Как раз освободилась по окончании срока женщина, работавшая в хлеборезке, и меня назначили на ее место. По мере того как количество рабочих рук в лагере уменьшалось, а потребность в рабочей силе увеличивалась, лагерное начальство стало придерживаться правила в обслуживание лагеря назначать физически слабых, а более крепких посылать на более тяжелые работы, так как от слабых там было все-таки меньше пользы, чем от крепких. Кроме того, мои «лагерные работы», кажется, перестали быть тому преградой. Вот так я выбыла из бригады Аси.

***

Подошел Новый год. Даже для заключенных этот день был свободным от работы. Никто в лагере не встречал наступающий и не провожал уходящий. Прошедший не принес ничего хорошего, не было причин его жалеть, от наступающего ни на что лучшее не надеялись: сколько их уже прошло в заключении, все они были одинаковы, кроме кирки и лопаты, ничего человек не видел. В бараке,

как обычно, после отбоя легли спать, только Ася со своими подругами о чем-то тихо говорили. Может, вспоминали какие-то события из своей жизни, чуть подзабытые в неволе, и уснули далеко после полуночи.

«Послушайте, какой сон мне приснился, – затараторила на следующее утро Ася, – только послушайте». Видимо, ей очень хотелось рассказать свой сон. «Вот вижу я заснеженное поле, все загороженное колючей проволокой, а на другой стороне стоят Ленин и Сталин и зовут меня к себе. Я путаюсь в проволоке, и так мне тяжело, и не хочется, но из последних сил бреду. А они говорят: ты все равно скоро к нам придешь. Скажите, что такой сон может значить?»

Все молчали. Стало как-то не по себе. Тетя Таня, которую называли монахиней, ибо она была арестована за религиозные убеждения, или, как тогда говорили, «за веру», хотя никогда монахиней не была, перекрестилась, некоторые женщины умолкли.

– Какой-то странный сон, правда? – не могла успокоиться Ася.

– Дался тебе этот сон, – заговорили ее подруги желая развеять неприятное впечатление, – ты же была комсомолкой, неужели ты веришь в сны? Ты же хорошо знаешь, что во сне мозг человека перерабатывает те впечатления, какие он получил днем. Ты целый день таскаешь эту проволоку, вот ты ее и видишь.

Объяснение было логичным. Ася, кажется, успокоилась, среди узниц ее сон быстро забылся. Но то, что случилось позже, не удавалось объяснить никакими логическими суждениями.

Прошла неделя. Седьмого января был праздник Рождества. Религиозные праздники не отмечались по всему Советскому Союзу, тем более не отмечались они в лагерях. День был рабочий. Какая-то бригада раньше вернулась с работы, наверное, выполнив норму. Пришла сразу в столовую, когда раздаточная еще была закрыта. Женщины сели на скамейках за столами и стали распевать колядки. Одна за другой плыли песни, рассказывавшие о вифлеемской звезде, пастухах, о тишине и гармонии праздничной ночи. Казалось, стены барака раздвинулись, барак стал шире, потолок будто поднялся вверх. Стало как-то просторнее, светлее. Хотелось верить, что исчезнет человеческая ненависть, насилие, издевательство и на свете тоже воцарится гармония. Вдруг песня оборвалась, стало тихо, как в кладбищенском склепе. Удивленные внезапной тишиной, с кухни выглянули кухонные работницы.

– Девушки, почему не поете? От вашей песни становится легче на сердце, пойте еще.

– Асю поезд убил, – как удар грома послышался грустный ответ. Женщины сидели помрачнев. Исчезло праздничное настроение, воспоминания о семье, о свободе, о далеких счастливых днях. Мрачная весть мгновенно вернула в жестокую действительность.

Произошло это так.

Бригада переходила с одного место работы на другое. Женщины несли рабочие инструменты: кирки, лопаты, ломы; Ася, как обычно, несла оцепление. Один конец проволоки с колышком держала в руках, а всю длинную проволоку с другим колышком на его конце тянула по земле; она ее не скручивала для экономии времени. По рельсам ездил взад и вперед маневровый паровоз. Свободный конец проволоки попал под колеса, запутался в них. А тот конец проволоки,

который Ася держала в руке, обвился вокруг нее, впился в бушлат, она не сумела его сбросить, паровоз потащил Асю за собой. Женщины кричали машинисту, чтобы остановился, но он не слышал, и так протащил Асю, наверное, метров сто. Когда паровоз был остановлен, Ася была уже мертвая, ее лицо было изуродовано до неузнаваемости. Вечером Асю привезли в лагерь и положили в лагерном госпитале.

Вот здесь и началось странное, непонятное. Панический ужас охватил всех, как будто кто-то невидимый, страшный, жуткий пожаловал в лагерь, стиснул его своими когтями и держит так, что и вздохнуть страшно. Этот «страшный» ощущался просто физически каждым нервом, казалось, он бесшумно движется вслед, готов в любую минуту вцепиться в плечи. Страшно было выйти из барака вечером, если уж очень надо было, выходили по две, по три. Хотелась бежать, убежать куда-то с этого проклятого Богом и людьми места. Казалось, что там, за колючей проволокой, этот «кто-то» бессилен. Случалось, что и раньше смерть заглядывала в лагерь, но тогда она вызывала только грусть и гнев из-за той злой судьбы, которая преждевременно оборвала жизнь. Теперь не было ни грусти, ни жалости, для них просто не было место, так как все существо охватило ощущение чего-то жуткого, непонятного. Ночью вдруг вскакивала какая-то женщина с криком: «Вот она стоит у столба, синяя и зубы оскалила». Через какое-то время подхватывалась другая: «Смотрит в окно, синяя и зубы скалит». Так повторялось каждую ночь, пока тело Аси находилось в лагере. Днем во время работы об этом не думали, и было спокойнее, но как только приходили в лагерь, все повторялось опять.

А над небесным сводом как светящийся занавес висело северное сияние. Переливалось, двигалось, казалось, чья-то невидимая рука то поправляет, то сдвигает, то опять его отодвигает, будто манит в неведомый фантастический мир там, за этим занавесом, и хочется посмотреть, что там, и страшно. От этого непривычного для нас явления ужас еще увеличивался, превращался в какую-то массовую панику.

На третий день к ноге Аси прицепили бирку, на которой были написаны фамилия, имя, отчество, статья, срок, начало и конец срока и, безусловно, номер. Собрались свободные от работы женщины, запели «вечную память», прибежал надзиратель с криком: «прекратить шум». Гроб поставили на сани, рядом сел конвоир с автоматом — хоронили заключенных тоже под конвоем. Узнику и мертвому нельзя верить, а вдруг убежит. Вот как засыплют землей, чтобы не вылез, тогда другое дело. Так происходили похороны заключенных.

В лагере стало спокойнее, будто подул ветер с другого направления и принес более спокойный воздух. Но Ася будто бы каждую ночь стала являться тому конвоиру, который отвозил ее на кладбище, такая же синяя, с оскаленными зубами. Извёлся парень от бессонных ночей, а сказать никому не мог. Товарищи стали бы смеяться и шутить, дошло бы до начальства, оно объявило бы взыскание. Была в поселке старая женщина, пошел он к ней со своей бедой. Научила она его молитве, ведь откуда парню было знать молитвы, в школе не учили, а он же еще и комсомолец. Пошел парень на Асину могилу, прочел ту молитву, как посоветовала старушка, говорили, что после этого оставила его Ася в покое.

Прошло более сорока лет с того времени, а я никак не могу понять, что это было. Психоз, вызванный неволей? Массовое самовнушение? А может, повеял ветер из другого, внечувственного мира, о существовании которого мы не хотим думать?

Все проходит, и хорошее, и плохое. Подходила к концу свирепая полярная зима. Прекратилась пурга, кончились лютые морозы. Начало появляться солнце: сначала совсем узкий, как ниточка, краешек блеснет над горизонтом на несколько минут, рассыплет над тундрой свои лучи и опять спрячется. Потом стало оставаться дольше, посылало косые лучи прямо в окна бараков, слепило глаза, нагревало оконные стекла, но по снегу они только скользили и совсем его не нагревали, он по-прежнему лежал, твёрдо сбитый как брусчатка. По мере того как солнце дольше оставалось над горизонтом и подымалось выше, его лучи падали более перпендикулярно, заполярный снег начал поддаваться их воздействию, а женщины после работы ворошили его, чтобы он прогревался.

* * *

Повеяло весной. Тундра опять зацвела миллионами своих особых, только ей известных цветов. Весенний ветер принес через тундру весть, которая заставила крепче биться сердце, вызвала туманные мечты о свободе — шахтеры-заключенные объявили забастовку. Спускаются в шахту, но не работают, отсиживают смену и поднимаются на гору. Никакое оружие против них чекисты применить не могут — ни танки, ни солдат с автоматами, как это имело место в других лагерях Гулага. Женские лагеря не бастовали. Работали женщины на строительстве, жизненно важной продукции стране не давали, и потому их забастовка очевидной потери не принесла бы, тогда как день простоя шахты давал миллионные потери. А может, воркутинские шахтеры не хотели втягивать женщин в это рискованное предприятие. Они под землей держались как в крепости, нас же деревянные бараки не могли защитить ни от автоматов, ни от танков.

В нескольких километрах от лагеря проходила железная дорога, видны были все поезда, которые катились по ней. Пока шахты работали нормально, поезда шли один за другим. Теперь они стали идти все реже, особенно груженные углем, которые шли на юг. Хотя мы и не бастовали, но сердцем были с шахтерами. Наконец-то заключенные подняли голос протеста против растоптанного человеческого достоинства. Несмотря на всю предусмотрительность «кумов», они все-таки смогли сплотиться. Выдержки вам, друзья шахтеры, и победы в вашем справедливом требовании самых элементарных человеческих прав, элементарного улучшения условий своего быта.

Невозможно было надеяться, что забастовка сразу принесет очевидные изменения в судьбе заключенных, было понятно, что проломить броню Гулага, ощетинившуюся пулеметами и танками, невозможно, но она заставила МГБ подумать о том, что миллионы политзаключенных, разбросанных по всей стране на Гулаговских островах, — это сила, с которой нельзя не считаться. Забастовка политзаключенных — такого в Советском Союзе еще не бывало. Она встревожила все гулаговское высшее начальство. Из Москвы прилетели высокие чины, уговаривали, обещали, наконец одного забрали и повезли в Москву. Что с ним стало, не было слышно.

На востоке за железнодорожной линией вдали в туманной дымке, как мираж, маячил Уральский хребет, а сердце стремилось на запад, на свободу, подальше от угнетения, которым веял восток.

Ждали перемен. Но пока единственной переменой стал этап в соседний лагерь. В обоих этих лагерях освободилось много места, и не было смысла держать два женских лагеря. Работа та же, на строительстве железной дороги.

Тундра цвела, зеленела маленькими, не выше роста человека, деревцами. Вечная мерзлота мешала корням углубиться, и деревца не могли подняться вверх, но все-таки жили. Их жизнь напоминала жизнь человека в неволе. В воздухе звенели миллиарды мошек и комаров, не слышно было только птиц. Залежи торфа, которые здесь находились почти на поверхности, загорались от жары, дым застилал тундру, разъедал глаза, но совсем не действовал на мошкару. Порода пылила, дым смешивался с пылью, закупоривал нос, легкие, мешал дышать.

«Раз-два — взяли, ещё дружно, ещё нужно», — скандировали немки, нажимая на колья, которыми поднимали железнодорожные рельсы. Видимо, это было всё, что они усвоили из русского языка.

Солнце висело над небосводом, день и ночь пекло немилосердно, будто спешило использовать то короткое время, на которое ему было разрешено вырваться из зимнего заключения. Надо было привыкнуть спать при блестящем свете в часы, которые считались ночными, ведь говорить о ночи в летние месяцы здесь было нельзя.

Весной ко всем тем работам, которые исполняли заключенные, добавлялась еще одна — уборка территории вокруг домов, где жили сотрудники МГБ. Зимой их «дамы» выбрасывали мусор и помои прямо у порога. За долгую полярную зиму вырастали целые кучи этого «добра». Весной, когда сходил снег и мусор таял, дворы представляли собой мало привлекательное явление и отравляли окружающий воздух. На уборку этой грязи посылали женщин из лагерей. Зачем «дамам» самим это делать, если у них есть рабыни. Что чувствовала интеллигентная женщина, иногда с высшим образованием, когда ее вынуждали убирать грязь за такой «дамой», это никого не интересовало. То, что у этой белой рабыни после такого морального унижения не могло быть другого чувства ко всему этому строю, кроме ненависти и отвращения, тоже было безразлично. Мне такого не довелось делать. Я даже полюбила тундру с ее мошкарой и торфяным дымом, ибо работа здесь была хотя и принудительной, но не унизительной.

Однажды женщины нашли в горе мусора картину, нарисованную масляной краской. Принесли ее в лагерь и повесили в бараке. Художник нарисовал итальянскую ночь, миндальный сад в весенней красе. На переднем плане водопровод, под ним ведро. Возле водопровода стоят, тесно обнявшись, парень и девушка. Время для них, видимо, прекратило свой бег, ибо вода уже давно течет из ведра через край. Неизвестно, кто эту картину рисовал — скорее всего, какой-то заключенный, но, наверное, художник был неплохой. Я с удовольствием смотрела на картину со своего сенника. После того как я долгие годы была оторвана от всего красивого, для меня это было истинным наслаждением. Но однажды в барак зашел начальник КВЧ, увидел картину и заревел: «Порнография, немедленно выбросить». Так я лишилась и этого маленького удовольствия.

Несмотря на лагерный режим, который за долгие годы делал из человека существо, лишенное индивидуальности, личные события все-таки время от времени врывались в жизнь каждого и вынуждали вспоминать о своих близких, отделенных тысячами километров. Однажды получила письмо, написанное незнакомым почерком. Рука не сразу поднялась вынуть лист из конверта, сердце предчувствовало что-то нехорошее. Предчувствие не обмануло: соседка сообщала, что мать в тяжелом состоянии, нет надежды. Хотелось крикнуть так, чтобы голос докатился с Воркуты до Вильни: мама, не умирай, может, Бог вернет людям ум и они прекратят массовое уничтожение себе подобных. Может, еще увидимся. Бог заставил людей спохватиться, но для меня было уже поздно, мать умерла, не дождавшись полгода до моего возвращения.

Женщины-заключенные на лесоповале

Прочитав письмо, я заплакала, спрятав лицо в подушку, тихо, но горькими слезами, как плачут люди, с которыми это редко случается, и только тогда, когда горя набирается столько, что оно уже не умещается в сердца. Вдруг услышала, что кто-то легонько дотронулся до моего плеча. Подняла голову: молодая латышка, которая недавно прибыла с этапом, я не знала еще даже её фамилии, дотронулась до моего плеча. «Не плачьте», — услышала я доброжелательный голос, — я таких писем получила уже несколько, вы должны собрать силы и стараться выдержать». На сердце потеплело от сочувствия этой незнакомой девушки, но слезы потекли еще сильнее. Кроме горя утраты, мучила мысль, что в последние часы жизни матери я не могу ничем помочь, не могу даже быть рядом.

И на этом лагпункте стало много свободного места, и нас перевели в соседний лагерь — последний женский в Воркутлаге. Теперь на Воркуту везли только «бытовиков» и уголовников, заселяли ими свободные лагеря, политических заключенных поубавилось, а надо же было восполнить недостаток рабочей силы. Только вряд ли смогли заставить уголовников работать так, как работали политические узники, не знаю, в любом случае, сомневаюсь.

После смерти Сталина его режим держался еще какое-то время, скорее, наверное, по инерции, и постепенно стали замечаться послабления. Не знаю, какие инструкции получали начальники лагерей из Москвы, но перемены про-

* Город Потьма находится в Зубово-Полянском районе Мордовии, расположенном в западной части этой автономной республики. Станция Явас — в том же районе. Эта станция была центром так называемых «Темниковских лагерей». — *Ред.*

изошли. Писать и получать письма можно было без ограничений, то же самое и с посылками. Малосрочников, т. е. кому оставалось два-три года, расконвоировали, или, иначе говоря, выпускали за вахту без конвоя. Можно было свободно ходить в город, только отметиться на вахте. Начальство предлагало целым бригадам выходить на работу без конвоя, но женщины отказывались. В тундре работало много уголовников, и соседство с ними не могло быть приятным. Но вместо двух конвоиров теперь с бригадой ходил один.

Ощутились перемены и в поведении конвоиров. Теперь солдаты вступали в разговор с заключенными, даже шутили с девушками помоложе. Иногда, когда их было двое, шутили между собой так: «Кого караулишь? — спрашивал один. «Врагов народа», — отвечал другой, и оба хохотали. Приведя бригаду на место работы, конвоир говорил: «Бабы, сторожите мой автомат, а я лягу посплю», — ложился под куст и спал, сколько ему хотелось. Солдаты, конечно, подвергались соответствующей накачке — как надо караулить «врагов народа», но, встретившись с этими «врагами», убеждались, что их обманывали. Слышала, что во времена сталинского террора конвоир в одном из заключенных, которых он сторожил, узнал своего отца. После этого парень застрелился. Перемены ощущались и в более открытом сочувствии населения.

В лагерь приехали «купцы», набирали работниц для швейной фабрики. Этап предвиделся на далекое расстояние, говорили, в Мордовию. Отобрали самых слабых физически. Попала в этот этап и я. Седьмой этап за мои семь с половиной лагерных лет. По дороге нас задержали на Седой Маске, местности довольно далекой от Воркуты в южном направлении. Нас то ли «одолжили», то ли дали в «наем» какому-то совхозу, видимо, подшефному лагерю; мы должны были накосить сено. Здесь были густые высокие леса, крупная трава, много грибов. Когда мы уезжали из Воркуты, был август, уже начинал падать снег, а здесь было совсем тепло. Странной казалась смена климата и природы: после необъятной пустынной тундры густой лес.

Узнав, что из Воркуты едут «забастовщики», лагерное начальство так напугалось, что приказало спрятать все металлические предметы, даже снять дверцы с печей, чтобы мы, вооружившись ими, не подняли здесь бунт, чем насмешили нас до слёз. Какими беспомощными ощутили себя лагерные начальники после смерти своих шефов и покровителей, узнали страх перед теми узниками, жизнь которых еще недавно была в их руках. Боялись, что многомиллионная волна заключенных может однажды прорвать все плотины и уничтожить их самых. Не знаю, приняло ли это во внимание московское начальство, так как в Москве оно чувствовало себя в безопасности. На периферии же ощущалась тревога. Может и там, на самом верху, пришли к выводу, что период насилия над человеком отжил свой век и пора уже с этим кончать. Кто знает, как повернулись бы дела, если бы указ от 17 сентября 1955 года не снял напряжения; могло бы произойти еще немало забастовок и пролиться немало крови.

Косить сено нас отправили в лес. На берегу большой реки Усы стоял домик, предназначенный, видимо, для зимовки охотников. Местность называлась Будка Дондэ. На противоположном берегу, как раз напротив нашего жилья, стояла разваленная хатка, в которой, по рассказам, жил когда-то, еще в царские времена, сосланный сюда революционер по фамилии Дондэ. Каждое утро мы переправ-

лялись на лайбе на другой берег реки, за нами плыла рабочая корова, на которой мы возили сено. Другую корову нам дали для молока. Коса после кирки казалась мне приятным орудием труда. Хотя женщины говорили: бросай косу, бери грабли, какой из тебя косец, но косить мне нравилось. Кроме молока от коровы, которую мы сами доили, сами пасли, мы имели достаточно хлеба, рыбы трески, которую вымачивали прямо в реке, придавив хвост камнем, чтобы не унесла вода, кильки или тюльки, прозванной заключенными «весёлые ребята», сами собирали грибы, которых здесь было столько, что можно было косить косой, мы их даже сушили, так как некуда было девать, а мы не знали, сколько здесь задержимся. Однажды пришел какой-то начальник, увидел сушеные грибы: «Вы что, в побег собрались?» – забрал грибы и унес. Наверное, они были нужны ему самому. Одну женщину мы назначили поваром, она нам варила еду.

Эти две недели мы провели как на даче. Нам, измученным долгими годами лагерного режима, тяжелого труда – отсутствие подъемов, разводов, проверок, относительно легкая работа без нормы – никто норм не определял, никто не проверял – такая дача была очень кстати. С нами был один солдат-конвоир, но мы его редко видели, ибо он целыми днями ловил рыбу. Для какой цели его к нам приставили – то ли, чтобы мы не разбежались или не устроили бунт или забастовку, или охранять от диких зверей и других напастей, он, наверное, и сам не знал. Однажды ему все-таки довелось пострелять, когда я пошла по грибы, а уже вечерело, да заблудилась. Женщины ему дали знать, он стал стрелять, чтобы я шла на звук выстрела. Правду сказать, в лесу было и страшновато в сумерки, тем более что там водились медведи, и я была ему благодарна за его заботу, хотя выстрелы услышала уже, когда подходила к нашему поселению.

Когда начальство пришло к выводу, что мы накосили уже достаточно, нас посадили на баржу и повезли на ближайшую железнодорожную станцию. Снова товарный вагон. К счастью, было начало осени, погода стояла теплая. Конвой был теперь не такой суровый, в окна смотреть не запрещал. На станциях местные женщины, увидев вагон с заключенными, крестились и плакали. Однажды проезжали через какой-то городок где-то возле Вологды. Вдруг одна из женщин, которая смотрела в окно, крикнула: церковь! Столько времени не видели церкви. Уважение к своим древним традициям, вера, что за эти традиции стоит страдать, высказалась в этом импульсивном стремлении хотя бы вполглаза глянуть на эту старенькую, наклонившуюся церквушку без креста. Казалось, она могла послать свое благословение, облегчить тяжелую участь этих обездоленных. А может быть, верность традициям своих предков и поддерживала их в неволе?!

Станция назначения живого груза – Потьма. На этой станции линия «Всесоюзного правления железных дорог» кончается. Дальше заповедник МВД – здесь у него своя железная дорога. Подходит паровоз, цепляет вагон и тянет куда-то дальше. Вокруг лес. Ветви деревьев скребут по крыше вагона. И вот последняя станция моих путешествий в зарешеченных вагонах под конвоем – Явас*. Что сразу бросилось в глаза, удивило и насмешило – начальник станции встретил поезд в форменной красной шапке железнодорожника и в лаптях с белыми

* Станция Явас расположена в Зубово-Полянском районе Республики Мордовия. – Ред.

онучами. Если бы кто-то захотел смастерить себе одежду для маскарада, наверное, ничего более комического не придумал бы. Какая же здесь нищета!

И здесь нас встретили как «забастовщиков» из Воркуты. Начальство, вероятно, из осторожности старалось обходиться с нами как можно лучше, проявляло тот максимум внимания, какой был в его силах. В лагерном ларьке был только зубной порошок, и ничего другого здесь никогда не было. Начальник лагеря приказал привезти продукты. Через пару дней привезли в ларек творог, ибо ничего другого не сумели раздобыть. Творог был кислый, серый и с неприятным запахом, но и такого здесь никогда никто не видел. Продавали его только нам, с заполярного этапа, «забастовщикам». Какое магическое впечатление производило слово «забастовка»! Хотя мы в данном случае купались в сиянии лучей чужой славы, так как сами участия в ней не принимали. Безусловно, эти два десятка слабосильных женщин угрозой быть не могли, но начальство боялось, что они привезли с собой дух протеста и заразят им весь лагерь, а потом поветрие распространится на все лагпункты. А здесь начальству было так спокойно. Никакого «производства» жизненно важного для экономики. «Заключенные» преимущественно слабосильные или совсем инвалиды. Дорогой видели развод в мужском лагере, немало было хромых. Сюда отправляли тех, кто не годился для работы в шахтах.

Режим в этих лагерях был очень тяжелый. Красивая лагерная зона, много цветов, даже речка в зоне, но на дорожках таблички: «заключённым ходить запрещено», на скамейках таблички: «заключённым сидеть запрещено». Говорили, что в этих лагерях нередки были случаи самоубийств. Но во время моего пребывания здесь таких табличек уже не было. Когда я через 40 лет лет сказала одному человеку, что мне пришлось быть в темняковских лагерях, он удивился, что я там выдержала, ибо по его словам это была наихудшая ступень ада. И здесь наметилось ослабление режима, но дальше снятия этих табличек оно не пошло. Выходить за зону без конвоя было невозможно.

Воркутинских «забастовщиц» назначили на переборку картошки. Она лежала кучами под навесом. Есть на месте не запрещалось, нельзя было выносить, чтобы угостить тех, кто доступа сюда не имел, на вахте при обыске отбирали. Насыпали картошку в ведро, обмазывали глиной и засыпали горячим пеплом. Это было для нас лакомство, ведь в Воркуте в столовых картошки никогда не было. Начальство хотя бы картошкой хотело задобрить «забастовщиков».

Вокруг лес, деревья подходят под самый навес, где мы работаем, лес здесь без конца и края. Как-то непривычно после необозримого пространства тундры, глазам тесно, куда ни глянешь — повсюду зеленая стена. В лесу старые монастырские здания, в них содержатся мужчины, а женщины в обычных бараках. Для молитвы в этих предвечных лесах место, видимо, было очень подходящее, но от насилия и глумления человек страдает одинаково как в тундре, так и среди лесной чащи. Заключение здесь ощущалось острее, чем в Воркуте, казалось, что конец срока отодвинулся далеко, в необозримое будущее.

***

Никогда население Гулага не прислушивалось с таким вниманием к голосу диктора московского радио, как в тот день. Вместо опротивевших призывов на-

прягать все силы, давать стране больше угля, стали, хлеба диктор читал указ об амнистии политических заключенных от 17 сентября 1955 года. Неужели правда? Неужели это черное безвременье лагерей и тюрем уйдет в небытие, как злой сон, как лихорадочный бред? За все время существования Советского Союза амнистии объявлялись только для воров большего или меньшего калибра. После таких амнистий увеличивалось число жалоб от населения на грабежи, а милиции добавлялось работы. Если человек попадал в тюрьму по политическим причинам, хотя бы совсем безосновательно, он не мог рассчитывать на то, что когда-нибудь вернется к нормальной жизни.

Хотя указ был отредактирован ясно и точно, по баракам ходили политруки и объясняли по-своему. Из их объяснений следовало, что под этот указ не подпадают те, кто отбывает наказание за участие в национальных организациях. В моем приговоре было четко сказано: «за участие в националистической организации», значить, еще полтора года надо было отстрадать среди этих лесов, а потом отправиться туда, где назначат поселение, и там жить, а точнее, существовать до своего последнего часа. Оставалось склонить голову и принять очередной удар судьбы, на которые она была так щедра. Женщин одну за другой стали вызвать на освобождение. Вызвали и тетю Таню, она сидела «за веру» и с национальными организациями не имела ничего общего. Я дала тете Тане последние пару рублей, какие у меня были, и попросила зайти в церковь и заказать панихиду по моим родителям, ведь самой вряд ли доведется когда еще быть в церкви.

Женщины-заключенные в ожидании отправки на этап (1950-е гг.)

Переборка картошки закончилась, а вместе с этим закончились и послабления для «забастовщиков». Меня направили в пошивочный цех. Здесь выясниось, что не могу вдеть нитку в иголку, так как уже плохо вижу. Бригадир назначила меня на зачистку готовой продукции, т. е. отрезать ненужные нити. На это тоже была норма. Из-за того что в первый день с непривычки работа шла не так быстро, как надо, я осталась работать во время полуденного перерыва. В цехе были только я и бригадир.

Через некоторое время вошла дневальная из спецчасти с какой-то бумагой, начала разговор с бригадиром, и обе все посматривали на меня. Сердце сжалось – наверное, какая-то неприятность, может быть, опять этап или пересмотр дела с добавлением срока. Дневальная подошла ко мне, спросила фамилию и точно все персональные данные. После говорит: «Идите в спецчасть». – «Зачем?» – спрашиваю. «Как, не понимаете? На освобождение». Свет закачался у меня перед глазами, пол стал убегать куда-то из-под ног. Если бы не успела сесть на скамейку, упала бы на пол. Не скажу, что упала бы в обморок от радости, скорее от неожиданности. Я свыклась, сжилась с мыслью, что мне предначертана неволя до конца моих дней. Слишком неожиданной была свобода.

На следующий день обошла с «обходной» всех начальников частей, сдала лагерное «вещдовольствие», получила на дорогу большую селедку, хлеб и новый ватник. Я была уже свободная и среди узниц ощущала себя никак, я сочувствовала тем, кто оставался, но теперь была уверена, что и они здесь пробудут недолго. Вечером, когда уже изрядно стемнело, к вахте подъехала телега, запряженная лошадью, подошел конвоир, я и еще нескольких женщин, было нас, наверное, человек пять, положили на телегу свои небогатые котомки и пошли на железнодорожную станцию. Мы были уже свободные, но дорога все время шла лесом и было очень темно, одним женщинам было бы страшно. Хорошо запомнилось мне это путешествие, на всю жизнь, только не могу вспомнить, какие у меня были тогда мысли и чувства. Наверное, никаких, просто пустота от ошеломления.

Ночь. Дорога все время шла через лес по узенькой просеке. Деревья сплелись ветвями над головами. Идем через темный лесной тоннель. Поскрипывают колеса, вспоминаются детские годы и те родные леса. Конвоир переговаривается с извозчиком. Он идет с нами не для того, чтобы сторожить, чтобы мы не убежали, а только как провожатый, ибо жутко было бы идти через этот темный лес одним. Со вчерашнего дня мы свободные, наша связь с местами заключения прекратилась. Отошли от нас начальники лагерей и разных частей, «кумы» и конвоиры. Только отошли ли? Не будут ли они встречать среди нас в другой, менее заметной форме и навязывать нам свою волю? Женщины молчат, наверное, каждая думает о тех, кто ее ждет. Меня не ждет никто. От этого печально на сердце, не радует внезапный подарок судьбы.

Конвоир отвел нас до станции Явас, оттуда тот же поезд МВД с полупассажирским-полутоварным вагоном отвез нас на станцию Потьма. На следующий день мы здесь получили паспорта и билеты до места назначения. Мне через Москву в Вильню. Еду без конвоя. Вместо солдата с автоматом – советский паспорт, справка об освобождении и направление на постоянное место жительства в Вильню.

Еду в город, в котором прожила всю жизнь и не была последние одиннадцать лет. Что меня там ждет? Знаю, что никто: нет не только никого родного, но и близкого знакомого. Всех разбросала военная гроза. Надо начинать жизнь заново в совсем других, непривычных условиях. Свобода. Но может ли быть полная свобода в стране, где человек существует для управленческого аппарата, а не управленческий аппарат для человека? Не замена ли это одной формы заключения другой, с более широкой зоной передвижения?

Поезд подходил к Минску. В памяти всплыла камера в минской тюрьме, высокий чин и та женщина, которая объявила мне постановление «Особого Совещания». Какие диаметрально противоположные роли были у нас! Я добывала в немецкой службе безопасности приказ «безотлагательно освободить» и мчалась с ним в тюрьму, узника выводили из камеры в проходную, и я выходила с ним за тюремные ворота. Та женщина прочла мне за это: «десять лет лагерных работ». Ей, безусловно, не пришло в голову, что она делает что-то не то. Она прожила самодовольную жизнь сытого животного, клеща на чужой шее. Я за свои страдания дождалась осуществления моей идеи, которая в том сорок седьмом году казалась мечтой, которая никогда не исполнится, видением, которое вот-вот бесследно исчезнет. Она была как маленький огонек — «зьніч», который вот-вот погаснет навсегда.

Восемь с половиной лет миновало в тюрьмах, этапах, лагерях. Кажется, прожито и не так много времени, а пережито столько, что хватило бы на две долгие человеческие жизни.

Коротко об авторе

Зоя Ковш (Ковшанка, по мужу Кратович; 1911–1994) — дочь беларуского православного священника Александра Ковша, расстрелянного немцами. Ее брат Святослав Ковш — православный священник, беларуский деятель зарубежья.

Закончила Виленскую беларускую гимназию и юридический факультет Виленского университета. Участвовала в беларуской общественной жизни в Вильне в 1930–1940-е годы. Входила в Беларуский студенческий союз. Летом 1944 г. уехала в Германию, жила в Берлине.

В 1947 г. ее арестовали советские органы госбезопасности за то, что во время оккупации работала в Беларуском Национальном Комитете в Вильне. ОСО заочно приговорило ее к 10 годам лагерей. Из неволи вернулась осенью 1956 г., жила в Вильне.

Часть IV
РАЗНЫЕ РАЗНОСТИ

БЫЛО ЛИ В СТАРИНУ «ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ»?

ЧАСТЬ I

Максим Петров

Любому образованному человеку доводилось когда-нибудь слышать или читать выражение «великое переселение народов» (ВПН). Но что скрывается за этой формулировкой? Для начала обратимся к энциклопедии:

> «Великое переселение народов — условное название совокупности этнических перемещений в Европе в IV — VII вв. — германцев, славян, сарматов и других племен (тюрков, иранцев, финно-угров) на территорию Римской империи. Непосредственным толчком к ВПН послужило массовое передвижение гуннов (с 70-х гг. IV века)»*.

Большинство исследователей называют в качестве причин великих переселений уход из регионов, оскудевших природными ресурсами, с целью поиска более привлекательных земель для проживания. Одной из главных причин стало общее похолодание климата, из-за чего население территорий с континентальным климатом якобы массово устремилось в районы с более мягким климатом.

Известна «картина» великого переселения народов, нарисованная авторами XIX века: огромные толпы диких варваров верхом на конях атакуют «железные римские легионы». В общем, сидели люди столетиями на своих местах и вдруг сорвались с этих мест и всем скопом устремились в южную часть Европы.

Но люди — не крысы-лемминги, они не могут размножаться каждые два месяца и становиться взрослыми в полгода. Человека не только трудно выносить и родить, надо еще вырастить его, воспитать, обучить. Даже у самых диких и воинственных народов мальчик не становился воином раньше двенадцати лет.

То есть, если где-то вдруг произошло внезапное увеличение рождаемости и, соответственно, резко выросло число едоков, то эти дополнительные едоки могли стать воинами не раньше чем через двенадцать лет. А эти двенадцать лет их надо было кормить, а также учить навыкам военного дела и (или) производительного труда! Но если люди нашли способ, как прокормить резко возросшее население — то этот рост не станет причиной дальнейшего переселения.

Если же способ не найден, то численность людей неизбежно начинает сокращаться по причине голода, болезней и т.д. «Огромных орд» снова не получится.

---

* Новый иллюстрированный энциклопедический словарь. Москва, 1999, с. 125.

Но предположим, что способ не найден, и в поисках пропитания внезапно умножившийся народ двинулся в какие-то дальние земли. В любом случае это будет достаточно медленное перемещение, в ходе которого сами переселенцы оказываются чрезвычайно уязвимыми. Идти огромной толпой все племя (народ) никак не может – идут отдельные группы, достаточно мелкие, иначе они неизбежно передерутся между собой в попытке прокормить себя на пути.

Итак, только мелкие группы могли понемногу просачиваться на территории соседних стран и селиться на пустующих землях, или же растворяться среди оседлого населения. Собственно, такой процесс происходил на протяжении всей истории и Римской империи, и любой другой, более того, он происходит по сей день (я имею в виду иммиграцию, как легальную, так и нелегальную). Народы, оседавшие на границах Римской империи, становились верными федератами, охраняли границы, и никак не способствовали ее завоеванию.

Но в конце IV – начале V веков вдруг что-то меняется. «Дикие варвары» словно сорвались с цепи! Аттила с «полумиллионным войском» (цифру оставим на совести Иордана) чуть не дошел до Рима, покорил всю Восточную Европу от Дании до Венгрии и Украины*. А потом его империя распалась – и франки завоевали Галлию, англы и саксы – Британию, славяне – Балканский полуостров, готы, вандалы и другие завоевали Испанию, Италию и даже Северную Африку.

Вторжение гуннов во главе с Аттилой

Но, если в Британии язык сменился на «староанглийский», если на значительной части Балкан (кроме Греции, Албании и Румынии) утвердились славянские языки, то франки на язык Франции оказали слабое влияние (французский язык родствен итальянскому и испанскому, хотя и отличается от них), а влияние готов и вандалов в Испании или в Африке вообще не прослеживается.

Вывод один – готов и вандалов, забравшихся в такую даль, было очень мало. Про англов, ютов и саксов известно, что они переселились на практически опустевший остров – старое население ушло оттуда вместе с римлянами, оставшиеся были оттеснены в Уэльс и Шотландию или же уплыли через море в Бретань.

Ну, а славяне внезапно оказались не только на Балканах – но и на всей территории бывшей державы Аттилы. По крайней мере, их там фиксируют византий-

* Аттила (ум. в 453 г.) – предводитель гуннов. Возглавил опустошительные походы в Византию (443, 447–448 гг.), в Галлию (451 г.), в Северную Италию (452 г.).

ские хроники, в том числе на берегах Черного моря (по северной дуге от Болгарии до Кубани).

Размножиться настолько, чтобы за 100–150 лет расселиться по всей Европе восточнее линии Любек – Триест (если считать, что изначально славяне были сосредоточены в одном месте) абсолютно нереально. Поэтому единственным правильным объяснением может быть только одно: славяне ОБРАЗОВАЛИСЬ ИЗ МНОГИХ НАРОДОВ, уже живших в этих местах, а не вышли из какого-то одного района.

За исключением переселения будущих англичан в будущую Англию, мы не видим кардинальных перемещений народов в результате пресловутого «Великого переселения». Слегка изменились языки, но большинство народов остались на своих местах.

Российский историк Щукин пишет о «великом готском котле народов», в котором образовались славяне, и о гуннах, «разбивших стенку этого котла», откуда народы хлынули на Рим. Скажу еще раз – хлынули не народы. Переселяющийся народ ставит на грань исчезновения себя, а не врага. Успешно воевать с Римом могли только хорошо вооруженные, хорошо обученные и хорошо организованные войска, а не толпы переселенцев с женами, детьми и стариками. Конечно, жены предводителей и дети вождей могли участвовать в военных походах, но они – далеко не весь народ.

Второй момент – численность этих войск. Как справедливо отмечал Ганс Дельбрюк, там, куда не дотянулись власть и культура Римской империи, численность народов ограничивал вполне конкретный фактор – более низкая, по сравнению с южными землями, производительность сельского хозяйства*. И скотоводство, и подсечное земледелие требуют значительного пространства на каждую семью и больших затрат труда. Но, в таком случае, откуда могли взяться «толпы варваров»?

Дикие северные варвары потом еще раз пойдут на Европу – в эпоху викингов. А потом «толпы диких варваров» сокрушат «цивилизации арабов и византийцев», только этими дикими варварами будут средневековые европейские рыцари. И еще раз такие же «варвары» сокрушат древние цивилизации, когда испанские конкистадоры приплывут в Америку.

Викинги семь веков подряд грабили и захватывали земли в Европе, доплывали даже до Сицилии, основали ряд княжеств (Нормандия, «Область датского права» в Англии). А ведь им противостояли наследники Империи Карла Великого.

Крестоносцы столкнулись с равной им силой – сельджуками. А вот конкистадоры в Америке почти не встречали сопротивления, потому результаты их «переселения» оказались более чем впечатляющими.

К чему я веду?

Да к тому, что «дикие варвары», разрушившие Рим, были далеко не дикими. И возникли они не из «вакуума». Просто их отделял от Восточной Европы целый

* Ганс Дельбрюк (1848–1929) – немецкий военный историк. Автор труда в 7 томах «История военного искусства в рамках политической истории», изданного в период с 1900 по 1936 гг. Он охватывает события с древности до 1871 г.

ряд «романизированных варваров» вроде германцев и готов. Поэтому римляне не знали об их существовании и даже не интересовались, что там происходит. Хотя и наладили «янтарный путь» до южных берегов Балтики.

Между тем, там происходили те же процессы становления государства, что и некогда на Италийском полуострове. Там сталкивались друг с другом различные племена, выделялась знать, обзаводилась дружинами профессиональных воинов. Там тоже строили крепости и храмы, правда, большей части деревянные, а потому не дошедшие до нас. Дворцы самого Аттилы были из дерева, судя по свидетельству Приска Паннийского.

Походы на Рим действительно были вызваны «перенаселением», но не в том смысле, как это понимают. Продуктов для пропитания в Восточной Европе вполне хватало, но там было много молодых энергичных людей, хорошо владеющих оружием. Они желали большего, чем могло дать им традиционное общество. Вот этой воинственной молодежи действительно было «душно» в новых складывающихся государствах. Они рассчитывали получить куда больше путем набегов и разбоя.

А потом эти государства, сложившись, отправлялись в уже сознательные завоевательные походы, венец которых — походы Аттилы. Такие государства ближе всего к классическому феодальному государству, которое складывается позже в Англии и у древних славян. Здесь еще почти все взрослые мужчины участвуют в «народном ополчении», но уже появились и дружины профессионалов во главе с князьями. А эти князья находятся в вассальном подчинении к «старшему князю». Так, гуннский князь Баламер (Валамер), по свидетельству Иордана, принял в подданство готского князя.

Именно такие дружины, объединенные вассальными отношениями, нападали на Римскую империю. Кто-то оседал на новых землях, отделившихся от Рима, в качестве новых хозяев. Кто-то ограничивался грабежом и выкупом.

Но главное — на территории единой державы возник единый язык и сходные обычаи, равно как перемешивались и сами входящие в нее народы. И потому на том месте, где раньше были гунны, позже оказались «славяне» — народы, явно различающиеся между собой антропологически, но родственные по языку и культуре.

* * *

Известны и другие концепции ВПН, менее масштабные. Вот что, к примеру, пишет Вадим Деружинский в своей книге «Тайны беларуской истории» (2010 г.):

> «По моим оценкам, в земли Западной Беларуси (сердце ВКЛ) с 1200 по 1340-е годы бежали от немецко-польской экспансии около 100 тысяч человек из Пруссии и до 150 тысяч из Полабья и Поморья» (с. 198).

То есть, 250 тысяч лиц обоего пола, включая детей, за 140 лет.

В другой своей книге — «Забытая Беларусь» (издана в конце 2011 г.) он уточняет этот общий тезис, попутно увеличивая число мигрантов:

> «По разным приблизительным оценкам историков, за сравнительно небольшой период (несколько десятилетий) на земли вокруг Новогородка, первой столицы ВКЛ, мигрировали:

– 20 тысяч русинов с острова Русен (Рюген);
– 30–40 тысяч ободритов;
– 40–60 тысяч русинов Руси-Мазовья (Помезании);
– 60–80 тысяч лютичей Лютвы Поморья;
– 60–80 тысяч лужицких сербов;
– до 100 тысяч пруссов (в основном из Погезании);
– плюс другие славяне и балты.
В сумме набирается от 300 до 400 тысяч человек.
Мигрировало в основном население городов Полабья, Поморья и Порусья – поэтому оно принесло сюда развитую цивилизацию. (...) появились самые передовые виды производства – литье стекла, обработка стали и прочее. А в военном плане большинство мигрантов составляли воины княжеских дружин (с семьями и слугами)» (с. 203).

На мой взгляд, это утверждение не просто очень смелое, а фантастическое. Говоря о переселениях более или менее значительных групп людей, надо всегда учитывать тот факт, что «настоящих» дорог на территории проживания наших предков до XIV–XV веков не было. Дороги постепенно появлялись по мере развития государств. А в древности основными путями сообщения служили судоходные реки.

Спрашивается: могли ли выходцы из Полабья в столь большом количестве мигрировать на восток по суше? Весьма и весьма сомнительно. Расстояние по прямой линии от Мехлина (Мекленбурга) до Белостока составляет около 800 км, до Новогородка – свыше 900. Но это по прямой линии, а прямой дороги сквозь леса, болота, озера и реки не было, значит надо добавить еще 250–300 км.

Аборигены вовсе не радовались пришельцам

И весь этот путь мужчин и жёнщин, взрослых, детей и стариков пролегал через земли, населенные воинственными племенами (мазурами и ятвягами), имевшими привычку убивать, грабить, захватывать в плен (с целью продажи в рабство) тех, кто посмел углубиться на их территорию.

Остаются реки. С Балтики в наш край можно попасть по трем маршрутам: 1) по Висле на Западный Буг и с него на Щару; 2) по Нёману; 3) по Западной Двине. Если и появлялись у нас селения пришельцев из Полабья и Поморья, то их надо искать по берегам этих рек и судоходных притоков.

Что ж, определенное сходство топонимов Полабья (ныне немецкой Мекленбургии) и Западной Беларуси действительно имеет место. Но абсолютно неизвестны подлинные документы, которые бы подтверждали гипотезу о переселении. Ни в актах монастырей на территории современных Германии, Польши, Летувы, ни в реестрах и грамотах саксонских, мазурских, галицко-волынских и прочих феодалов ни один такой документ до сих пор не обнаружен!

Реальность, как всегда, выглядит более скромно. В северо-западном секторе земель этнической Беларуси (т.е. включая часть нынешних Польши и Летувы) ученые обнаружили на старых картах от 30 до 40 небольших деревень, названия которых позволяют предполагать, что их основали выходцы из Полабья. Совокупное население этих деревень не превышало 8–9 тысяч человек. Как видим, число мигрантов с Запада было в 30 – 40 раз меньше тех величин, которыми оперируют В. Деружинский, а также П. Урбан, на которого он ссылается.

ЧАСТЬ II

Драголюб Антич (Сербия), автор книги «Континуитет Винчанской цивилизации»

Аргументы против аксиомы о мотивах крупных миграций

Рассмотрение переселений и военных походов логично начать с анализа мотивов таких предприятий, что облегчает оценку их осуществимости и приводит к правильным выводам. Начнем с самого простого разделения мотивов:

а) боязнь утратить достигнутый уровень жизненных благ;

б) желание добиться более высокого качества жизни.

Эти две группы мотивов находятся в своеобразной оппозиции друг к другу, причем первые мотивы являются первичными.

В доисторическое время первая группа мотивов в основном предопределялась природными условиями, а поскольку последние в географическом отношении (например, по течению Дуная и его притоков) подвержены медленным изменениям, то подобные мотивы могли вызывать потребность в переселениях только малых масштабов и на небольшие расстояния (в основном, происходила смена одних становищ на другие в пределах округа), что не оказывало серьезного влияния на соседнее население.

Вторая группа мотивов, как правило, не имела почвы для возникновения, поскольку население на обширной территории проживало при относительно схожих условиях, а все виды коммуникаций были медленными.

Весьма важно отметить существенное различие в мотивации кочевого и оседлого земледельческого населения. Номады (кочевники) ориентированы на постоянное движение с целью поддержания качества жизни, что вынуждает их вести поиск более богатых пастбищ, избегать близости опасного неприятеля и прибегать к грабежам слабо защищенного населения (чаще всего оседлого).

Однако номады не стремятся к долговременному занятию территорий, где живут земледельцы, поскольку, как правило, речь идет об областях с неблагоприятным для номадов климатом (им лучше всего подходит сухой степной или полупустынный климат и горные пастбища). Во время долгих боевых походов войска кочевников вынуждены рассчитывать на снабжение со стороны земледельческого населения, поэтому им невыгодно грабить и уничтожать его селения и поля (такие акции сводятся в основном к нападениям отдельных групп на ограниченные территории).

Оседлые же земледельцы ориентированы на расширение обработанных площадей и улучшение их качества. Они вынуждены защищать свои становища от нападений за счет укрепления естественных связей со своим окружением, вследствие чего уменьшается мотивация к грабительским походам на соседей и развивается ощущение приверженности к сообществу. Такая система способствует ориентации на оборону. Оседлое население привержено земле-кормилице и, естественно, во всех таких средах возникают религии, ориентированные на Мать-Землю и так называемые земледельческие культуры.

Крестьянин не склонен к риску и двинется в переселение только в случае большой нужды. Гораздо более вероятно, что крестьянин предпримет одиночное переселение на небольшое расстояние (скорее всего, по приглашению родственников или в знакомую среду, на заранее приобретенную и обработанную землю), туда, где его ждут более плодородная и легко обрабатываемая почва, благоприятный климат, достаток воды, и где он будет чувствовать себя в безопасности. Гораздо менее вероятно, что он решится на переселение в неизвестность.

Исторические книги пестрят сообщениями о переселениях кочевого населения, доказывающими, что от номадов происходят земледельцы или профессиональные воины, и наоборот. Никто из авторов не задается вопросом, насколько реальна такая «переквалификация», а потому описания событий лишены логики, хотя с момента первого составления их много раз интерпретировали.

На самом деле, практически невозможно быстро и эффективно приучить население, привыкшее к определенному образу жизни, к существованию в других условиях и к другому типу хозяйствования.

Исторические процессы имеют свою последовательность, подобно всем процессам в реальном физическом мире, и для правильного анализа необходимо исключение катаклизмов в культуре, экономике и языке, а тем более в физическом бытии народа. Существует физическая аналогия: каждый процесс имеет соответствующую скорость развития, и только некоторые из них относятся к реверсивным (могут развиваться в противоположном направлении); но для каждого изменения необходимо действие силы и вложение энергии.

Между тем мы видим, что историки легко игнорируют тот факт, что для обработки земли необходимы знания и практический опыт, которые многие поколения аккумулировали в одной среде. Нужны также соответствующие инстру-

менты. Кроме того, земледельцам свойствен свой особый образ жизни, так что им, привыкшим к одному климату, очень трудно переселиться в другой климат и выращивать те сельскохозяйственные культуры, которых они не знают и к которым они не привыкли. Тем более трудно кочевникам-скотоводам, а также охотникам и рыбакам перейти к напряженной обработке земли. Весьма характерно то, что на протяжении двух последних веков таборных цыган (европейских номадов) пытались приучать к земледелию, но вопреки всем усилиям они оседали в городах, где проблема приспособления решается проще.

Так художник представляет эпизод «великого переселения»

Плодородные земли в бассейне Дуная, рыбные богатства и наличие транспортных путей во все исторические периоды служили сильным мотивом для грабительских военных походов. Номадов притягивало сюда обилие продуктовых запасов и других материальных средств; отсюда их постоянные набеги, чем не брезговали ни отдельные шайки, ни отряды регулярных войск (дружины). В качестве ответной реакции это вызывало укрепление оборонительных сил населения и упрочение государственных структур, чем еще более явственно обозначались контуры всего того, что описывается понятием цивилизации.

Наблюдая подобные процессы, мы и делаем вывод, что на некой территории в тот или иной исторический период существовала определенная культура. В те периоды, когда население не имело должных возможностей для самообороны, оно отступало в менее доступные и более защищенные районы, в результате чего отдельные зоны подвергались временному опустошению.

Историки чаще всего рассматривают такие процессы в том плане, что они создают благоприятные условия для нашествия пришельцев, полагая, что именно в такие исторические периоды переселенческие волны достигали наибольшего подъема, и что именно в этот момент активно происходило замещение одного населения другим. Тем не менее, логично предположить, что если вновь создадутся условия для переселения земледельцев на заброшенные пустоши, то такое переселение будет представлять естественное возвращение прежнего населения (или их потомков) к своим старым очагам или в прежний округ.

Как бы ни стремились пришельцы издалека занять эти просторы, преимущество старожилов перед ними абсолютно. Они переселяются из менее удаленного региона (быстрее могут добраться), в совершенстве знают местность и способы возделывания здешних сельскохозяйственных культур, а также имеют несравнимо более сильные мотивы для такого переселения (у всех древних европейских народов существовал выраженный культ предков). Кроме того, старожилы могут рассчитывать на серьезную помощь родственников и близких соседей, с которыми живут в согласии; на ту помощь, которая всегда выручала беженцев.

Естественно, в ходе развития государства и его функций усиливается необходимость в управляемых сверху миграциях и военных походах, растут возможности их осуществления, но основные принципы по-прежнему остаются в силе. Появляются новые специфичные виды миграции: поступление на военную и государственную службу, переход в ремесленники или торговцы, переселения в города и т.д. При этом происходят основательные изменения образа жизни, вследствие чего становится необходимым соответствующее обучение, позволяющее начать новую жизнь. Логично, что такой процесс не может развиваться стихийно, и не может сам собой прийти в равновесие с реальными потребностями и возможностями новой среды.

Историки часто считают мотивом переселения голод, причем, как правило, оперируют тем большим количеством мигрантов, чем больше удалено во времени описываемое событие и, соответственно, чем меньше сведений сохранилось о нем. При этом они не принимают во внимание такое обстоятельство, как потребность в пище, требующая удовлетворения в ходе массовых переселений. Если переселенцы лишены продуктов питания, то их перемещение осуществимо только при максимальной солидарности с ними того локального населения, через зону обитания которого движутся колоны (но оно чаще всего само страдает от недостатка питания и не имеет возможностей для помощи посторонним). Говоря физическим языком, такие территории имеют ограниченную «пропускную способность», которая не способна выдержать массовых переселений.

Гораздо логичнее заключить, что голод чаще всего приводил к массовому вымиранию несчастного населения и к его сокращению до той численности, которая могла либо найти себе пропитание в сложившихся условиях, либо переселиться на новые становища, не встретив отпора со стороны местного населения.

Естественно, что голод стимулировал одиночные и групповые грабежи и грабительские походы, объектом которых были зажиточные и богатые края. Сильный голод приводил к сплочению больших группировок отчаявшихся людей, но, очевидно, что потенциальные жертвы считались с этой возможностью и предпринимали меры, чтобы пресечь такие нападения (в противном случае они

стали бы легкой добычей грабителей). Кроме того, степень истощения от голода обратно пропорциональна военным способностям, поэтому сильно оголодавшие орды недостаточно боеспособны в столкновении с армией, организованной на государственной основе.

Помимо обычной вооруженной обороны от подобных набегов, власти прибегали и к такой мере, как формирование оборонительных поясов, где селили людей, наделенных особыми привилегиями и обязанных защищать от нападений внутренние территории. Такой ход рассуждений подводит нас к «военным краинам», понятие о которых имеют не только сербы, но и все славяне.

Исторические источники упоминают многочисленные переселения, организованные или поддержанные со стороны государственной власти. Во всех этих случаях речь идет о переселении земледельческого (и оседлого скотоводческого) населения в отдельные районы с целью производства продуктов питания и обороны границы. Общественный статус земледельца в различные периоды и в различных государственных общностях различен по форме, но государство всегда было заинтересовано в том, чтобы земледельцы были живы, здоровы и производили продукты питания. Интенсивное превращение земледельцев в воинов или в городское население в древние времена не отвечало интересам никакой государственной организации и не совершалось без крайней на то необходимости.

Реальные демографические экспансии

Демографическая экспансия рассматривается историками весомой причиной миграции, что, без сомнения справедливо. Тем не менее, рассуждая на эту тему, они часто оперируют нереальными цифрами роста численности жителей, а потом с той же легкостью переходят к описанию военных походов и переселений, вызванных демографическими взрывами, вероятность которых весьма проблематична. Это становится еще более понятно в том случае, если процесс математически моделируется. Изменение численности жителей на какой-либо территории представляет собой известную проблему моделирования скорости развития некоего физического процесса, химической реакции или изменения биологических единиц (или частиц) в системе.

Демографические изменения — сложный процесс, обусловленный рядом условий, которым в процессе моделирования должны отвечать соответствующие параметры модели. К таким условиям относятся: качество питания населения, период детородности брачных пар, вероятность зачатия и ее уменьшение с течением времени и после каждых родов, проблемы в ходе беременности, генитальные аномалии, смерть родителей и детей вследствие распространенных болезней, эпидемии, войны и несчастные случаи, военные походы, связанные с долгим отсутствием мужчин, военные операции и угрозы прибегнуть к ним, смертность рожениц, новорожденных и малых детей, многоженство, стимулируемое похищением женщин в военных походах, успешность или безуспешность последних (повышение благосостояния за счет трофеев или его уменьшение вследствие военных потерь), нормы поведения, предписанные религией и т.д.

Простой качественный анализ доказывает крайне малую вероятность того, чтобы среднее количество детей в расчете на брачную пару в течение жизни од-

ного поколения для широкой популяции в какой-либо области превышало 4, иначе говоря, практически невозможно, чтобы одно племя за 100 лет увеличило свою численность более чем в 10 раз.

Правоту этого вывода подтверждает детальный анализ результатов моделирования демографических процессов на базе данных о демографических изменениях в странах мира за последние десятилетия. Данные о демографическом росте в современных странах в последние годы и сравнение их с данными предыдущих десятилетий в тех же странах показывают, что высокая рождаемость – частое явление в бедных странах, однако высокая смертность ограничивает общий прирост населения, отчего годовой прирост свыше 3 % не может быть достигнут в беднейших странах, несмотря на высокую рождаемость. В давние же времена большинство народов жило в условиях, ненамного отличающихся от тех, в каких сегодня живут беднейшие народы. Упомянутый анализ показывает, что такие народы редко могли позволить себе жить в условиях, обеспечивавших им более чем 3 %-ный ежегодный численный прирост, даже с учетом стимулирующей роли государственных структур, религии и активной ассимиляции народонаселения.

Было ли «Великое переселение народов»?

Официальная история часто описывает переселения этнических групп и народов, причем приводятся сведения о десятках тысяч переселенцев и их перемещении на расстояние свыше 1000 км, с попутным преодолением многочисленных естественных преград, причем новая среда их обитания сильно отличалась от исходной. Описывая т.н. «Великое переселение народов», историки с легкостью шахматных фигурок передвигают с места на место этнические группы, весьма различные по языку, религиям, обычаям и способу хозяйствования, причем эти перемещения на очень большие расстояния они укладывают в сверхкраткие временные интервалы (сравнимые с периодом смены поколений, т.е. более краткие, чем средняя продолжительность жизни).

Анализ авторский был основан на привязке известных фактов к реальным физико-техническим данным и к их качественной классификации. Использованы данные из военной литературы о силе тяглового скота, необходимом количестве пищи и воды для людей и скота, скорости движения колонн на марше, ширине Дуная, рельефе, болотах, количестве необходимых семян и т.д. На основе этих данных были рассчитаны необходимое количество грузов, скорость и временные интервалы и затем сопоставлены с реально возможными.

Анализ выполнен на примере переселения «откуда-то из-за Карпат» от 100 до 300 тысяч земледельцев с семьями и всеми наличными ресурсами, благодаря чему они могут считаться как этнической группой, так и организованной экономической и политической общностью. Они следуют на юг Балканского полуострова, в области со средиземноморским климатом, дабы на новых становищах возобновить земледельческую жизнь, но в соответствии с новыми условиями и новыми обычаями.

Переселение столь многочисленных народов – обычное явление, описанное в исторических книгах (нередки также переселения еще более многочисленных народов); так, переселение, датированное 626 годом, по Константину Порфи-

рогениту, византийскому царю, который жил в 905–959 гг., должно было охватить куда более значительную массу людей. Предположение о многочисленности переселенцев имеет исключительно важное значение, поскольку только при этом условии переселенцы могли иметь достаточно сил для освоения новой территории и укоренения на своей новой родине, что подразумевало готовность к ее защите.

Результаты качественного анализа показали, что такое переселение в физико-техническом отношении неосуществимо. В сжатом виде приведем лишь наиболее важные выводы этого анализа (изложенные в нашей книге).

Данный народ, прежде чем совершить столь грандиозное предприятие, должен был располагать:

а) двухлетним запасом концентрированного питания (учитывая, что год займет само переселение и еще год пройдет до созревания урожая на новых становищах);

б) необходимым количеством семян;

в) множеством верховых лошадей, тяглового и мелкого скота, упряжи и т.д.

Значит, он не имел мотив для такого переселения, поскольку столь богатый народ не имел нужды переселяться куда-либо, рискуя отдать себя в рабство. С его стороны, гораздо проще заняться созданием собственного мощного государства. Такие задачи, как защита от нападений врага или наем воинов для освоения территории он легко мог решить за счет излишков провианта и скота. Малове-

Один из привалов на длинном пути

роятно, что столь большие излишки провизии могли иметься на обширной территории, поскольку локальные неравномерности удавалось сбалансировать за счет торговли, а периоды урожайных и голодных лет в более длительной перспективе – ростом или снижением рождаемости, усилением или ослаблением государственного сообщества и т.д. Едва ли в период повышенного благосостояния и создания ощутимых запасов провианта у людей может появиться тяга к переселению.

Если бы народ все же решился на переселение, то не мог себе позволить взять с собой корм для скота, и тот вынужден был бы кормиться на пастбищах, т.е. подразумевается, что номады двигались через земли с хорошими пастбищами и достаточными запасами воды. Поскольку колонна переселенцев в 200 тысяч человек при общем движении растянулась бы примерно на 1000–1500 км, ясно, что они должны были отправиться в путь несколькими колоннами, достаточно разомкнутыми, чтобы вести поиск пастбищных угодий. Зона, охваченная движением таких колонн, составила бы около 10.000 кв. км, а в ходе переселения была бы вытоптана и практически опустошена площадь более 150.000 кв. км, при том, что плотность мигрирующего населения сравнима с плотностью населения этих местностей. Это неизбежно вызвало бы сопротивление последнего и, как следствие, замедление движения.

Помимо забот о выпасе скота, переселенцы столкнулись бы и с проблемой пересечения крупных рек и болот. Отсюда следует, что переселение могло происходить только в период благоприятных погодных условий, т.е. в течение 100–120 дней в году. Поэтому такое переселение в реальности было неосуществимо (ибо максимальная теоретическая скорость движения едва достаточна для переселения, тогда как любая из бесчисленных проблем повисла бы гирями на ногах переселенцев).

Переход через крупные реки – весьма трудная технико-физическая проблема для населения, не обученного преодолевать такие преграды. Потребовались бы около 300 паромов, а сама переправа людей, скота и упряжи длилась бы несколько десятков дней, причем гребцами пришлось бы стать самим путникам. Не меньшего напряжения сил потребовали бы и переходы через узкие коридоры между горными хребтами.

Болезни, нехватка провианта и корма для лошадей, несчастья, временные неудобства (например, плохая погода), нападения грабителей и отрядов враждебно настроенного местного населения привели бы к ощутимому падению морали. Часть переселенцев поддалась бы искушению остановиться в богатых краях, через которые лежал путь (и такие переселенцы очень быстро стали бы преградой для новых переселений).

Даже если бы народ сумел добраться в желаемое место, он не смог бы в короткие сроки самостоятельно приобрести знания, необходимые для занятия сельским хозяйством в новых условиях. А тесное сотрудничество с коренным населением привело бы к постепенной ассимиляции.

Чтобы все предприятие увенчалось успехом, народ должен был представлять собой образец безукоризненной организации и дисциплины, что противоречит исходной посылке об отсутствии у него сильной государственной организации, а также известным особенностям характера славян.

Наш анализ также показал, что по технико-физическим причинам были неосуществимы и великие военные походы, сопряженные с участием нескольких сотен тысяч воинов и с преодолением больших расстояний (хотя историография пестрит сведениями такого рода).

Установлено, что реально осуществимыми были походы небольших военных групп (военные походы), переселения правящих кланов и многоэтапные переселения народов, чаще всего на те пространства, где уже проживало (или куда ранее было организованно переселено) родственное население. При этом обычно значительную роль играло государство, владеющее данной областью. Оно, принимая переселенцев, получало новых подданных и обеспечивало защиту своих границ. Все явления такого типа похожи на диффузионные физические процессы, они имеют одинаковый финал – установление равновесия, т.е. такого состояния, когда переселенцы вливаются в новую среду и становятся защитниками новых очагов.

Также представляется реальной миграция больших групп земледельцев из одной области в малонаселенные районы, при поддержке государства, которое путем такого переселения решило увеличить производство сельхозпродуктов, дабы набрать рекрутов и усилить оборону границ. При таких акциях возможны переселения целых родов и небольших племен, вместе со своими старейшинами и войском, которое большей частью встает на службу нового государства. Благоприятствует таким переселениям сосредоточение переселенцев в той области, где уже живут их соплеменники, ранее поселившиеся здесь или когда-то давно отделившиеся от прародины. Такое население сохраняет некий вид автономии. Возможно, что оно проживет на новом становище сотни лет, прежде чем поднимет мятеж из-за ущемления своих прав, что будет отмечено в записях современников (историки же, по своему обыкновению, именно этот момент объявят моментом переселения сюда этого народа).

В странах номадско-военной или земледельческой традиции бывают периоды усложненной жизни (или перенаселенности), когда формируются боевые группировки, которые ищут лучшей жизни на службе в других государствах (пример – скандинавы в Византии) или уходя в грабительские походы (пример – походы викингов). Понятно, что власти этих стран в мирное время желают избавиться от таких беспокойных групп и охотно предлагают их услуги другим странам. Воинственные группировки в ходе грабительских походов часто погибают, а некоторым из них удается поступить на службу в других странах.

Существует логическая возможность, что такие группы могут постепенно прийти к власти в этих странах (особенно в случае предшествующей борьбы за власть между разными династиями). Вожди таких военных дружин могут даже основать новые династии, по имени которых в исторических хрониках с тех пор начинает называться все государство, а потом и сам народ. Эти правящие слои могут постепенно слиться с народом и принять его язык (пример – возникновение болгарского государства) или усилить свою этническую группу и постепенно навязать свой язык правящему слою (пример – Венгрия, Англия, Киевская Русь), чаще всего используя церковь и переводы священных книг на свои языки (или на языки тех народов, которыми они правят).

Совершенно логично, что осколки воинственных группировок после смерти вождя или же просто в стремлении к новым грабежам перебираются в другую страну и там по тому же рецепту устанавливают свою власть. Возможно, что в цепи таких событий возникают несколько государственных сообществ с одним и тем же именем, полученным по имени правящего слоя, причем народы в таких случаях могут иметь совершенно различное происхождение, язык и обычаи.

Исторические сочинения фиксируют историю правителей и правящего дома, а народ упоминается, в лучшем случае, только в списках налогооблагаемых граждан. Возможно, что по прошествии многих веков народу постепенно будет навязан язык правящего слоя, и историки позже заключат, что речь шла о переселении целого народа, а не одного лишь правящего слоя. Но проведенный нами анализ показывает, что переселение народов (достаточно крупных, чтобы навязать свою власть старожилам) неосуществимо в технико-физическом отношении.

В случае переселения в страну с иным языком и обычаями единственным способом врастания в среду является быстрое приспособление к ней. Даже если переселившийся народ известное время пытался сохранить свои национальные особенности, уже в последующих поколениях они были бы утрачены (хотя, возможно, остались бы в семейной памяти, в структуре имен и фамилий и т.д.). Значит, в конце концов, процесс подобной миграции, который похож на физический процесс диффузии, приводит к состоянию, похожему на итог всех диффузионных процессов — к равновесию со средой, а значит, к ассимиляции.

Переселенцы могут долго сохранять на новых местах обитания свою этническую самобытность только в том случае, если имеют значительную численность. Это обстоятельство подразумевает переселение многих десятков тысяч человек на широкое пространство в течение короткого времени. Чтобы переселившийся таким образом народ сохранял на новом становище свою изначальную самобытность несколько сотен лет подряд, необходимо, чтобы в момент переселения он был весьма многочисленным, имел эффективный механизм сохранения своего национального сознания (как, например, у евреев), или же увеличивал численность за счет постоянного притока новых переселенцев из мест своего древнего обитания.

Если в свете всего изложенного рассмотреть тот очевидный факт, что сербы, в результате постоянной борьбы за существование все-таки сумели выжить на новых просторах (при совершенно алогичном исходном условии, что они появились здесь «слабыми и неорганизованными»), то совершенно ясно, что в момент первого появления здесь сербы (если действительно считать их пришельцами) были весьма многочисленными.

Проведенный анализ указывает на серьезную основательность теории преемственности т.н. Винчанской культуры бассейна Дуная и ее прямого происхождения от праиндоевропейского народа.

Справка: культура Винча (она же Турдаш и Градешница). Это северобалканская археологическая культура эпохи неолита (V–III тыс. до н. э.). По мнению ряда исследователей, антропологически носители этой культуры являлись альпинидами.

Названа так в честь первых находок в районе города Винча в общине Гороцка близ Белграда. Помимо территории Сербии, культура Винча была распространена в Вен-

грии (Осентиван), Румынии (Турдаш) и Болгарии (Градешница). Носители Винча были знакомы с плавкой меди, что позволяет отнести данную культуру к энеолиту. Их хозяйство – земледелие и скотоводство (коровы, козы, свиньи).

Генетически культура Винчи связана с земледельческими культурами Малой Азии (Фикиртепе), экспансия которых мирно накладывалась на субстрат аборигенов. (Родство с малоазиатскими культурами доказал многолетний исследователь культуры Винча сербский археолог М. Васич). В дальнейшем северо-западные популяции носителей Винча участвовали в формировании культуры Лендьел, западные – Баденской, а восточные – культуры Гумельница. Культура Винча могла быть также связана с пеласгами, которые, по свидетельству ряда античных авторов, населяли Грецию до собственно греков (эллинов).

Древнейшие поселения представлены землянками с глиняными печами. Более поздние – прямоугольные мазанки с двускатными крышами и глинобитным полом. Еще позже (3900–3600 гг. до н.э.) появляются мегароны, т.е. достаточно крупные жилища, имевшие до 5 комнат с деревянными полами. В это же время возникают укрепленные поселения, что связывают с войнами. Над входом в дом обычно укрепляли голову быка.

Найдена керамика с пиктограммами (Тэртэрийские таблички, табличка из Градешницы, табличка из Диспилио и т.д.).

Дальнейший анализ распространения следов этой культуры путем наблюдения за пространственной и временной динамикой знаков «винчанской азбуки», а также за их появлением в форме буквенных знаков в 50-и видах письменности в Европейском Средиземноморье, в Малой Азии, на Ближнем и Среднем Востоке в течение более чем 4000-летнего предысторического и исторического периода, подтверждает этот вывод и позволяет проследить эту преемственность вплоть до сегодняшних дней. В пользу подобной теории говорят многочисленные следы прошлого, сохранившиеся в языке, обычаях, воплощенные в археологических находках, да и сами исторические записи.

Доказательство физико-технической неосуществимости великих переселений народов на широких континентальных просторах укрепляет обоснованность теории преемственности индоевропейцев, их связей с винчанской цивилизацией.

ЧАСТЬ III

Е. Розен

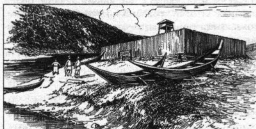
О происхождении индоевропейцев

Казалось, что может быть безобидней и отвлечённей, чем славная и тихая наука – языкознание. И скорее объединяющая человечество, нежели разъединяющая, поскольку как раз в ней ещё проще, чем с использованием другой объединительной науки – генетики, легко доказывается его единство. Но у людей никогда и ничего не бывает так просто, особенно, когда дело касается единства.

В XIX веке среди филологов возникло довольно ясное представление о том, что все языки делятся на семьи родственных между собой, и что подавляющее большинство европейских языков имеют общее происхождение так же, как общее с ними происхождение имеют некоторые азиатские языки – персидский,

хинди, урду и другие. Языковая семья, объединяющая эти языки, была названа индогерманской, индоарийской – сейчас она называется индоевропейской (в Германии – индогерманской).

Достигнутые носителями индоевропейских языков успехи в эволюции культуры за последние 3 тысячи лет стали причиной утверждения некоторых этнографов (профессиональных и непрофессиональных), а также политиков рубежа XIX–XX веков о генетическом преобладании индоевропейцев (слово быстро трансформировалось в просто «европейцев») по отношению к другим народам, что, в общем, поддерживалось и вполне салонным в те времена представлением о преобладании белой расы вообще.

Укрепленное поселение индоевропейцев (реконструкция)

Как это у людей водится, утверждения о преобладании европейцев быстро оказалось недостаточным. Скоро возник вопрос, а кто же среди этих лучших всё-таки лучше всех?

Лучше всех индоевропейцев должны были быть их представители, живущие в месте своего зарождения, т.е. в регионе, откуда они начали распространяться. И здесь, во всяком случае, по одной из версий, в определении такого эпицентра помогло языкознание. Оказалось, например, что корень слова «лосось» присутствует практически во всех индоевропейских языках, но сам по себе лосось в регионах обитания индоевропейцев водится в акватории Северного моря. Следовательно, исходным регионом могла быть только Северная Европа, место нахождения прагерманцев. О последствиях можно не рассказывать.

Меняются времена, даже эпохи, меняются взгляды на жизнь и идеологии, но удивительным образом остаётся в языкознании одной из самых интригующих всё та же тема – откуда и как начали своё распространение носители индоевропейского языка. И при всей академичности проблемы к ней, как правило, добавляется личный интерес – эти носители были нашими предками.

Ниже предлагается краткий пересказ статьи германского филолога и писательницы Рут Бергер (Ruth Berger) «Как пришли в Европу индоевропейские языки?» (журнал «Spektrum der Wissenschft» № 8 за 2010 г.).

***

В одном мы можем быть (почти) уверенными – до того, как индоевропейские языки завоевали Европу разговаривали здесь, в основном, на языке, более или менее родственном баскскому. Об этом свидетельствуют многие названия рек Центральной и Западной Европы.

Долгое время в теории распространении индоевропейских языков соперничали две гипотезы. Первая – гипотеза о кочевых конниках из прикаспийских и причерноморских степей, которые примерно 6000 лет назад, волна за волной

накатывались на Европу и Азию и мирно, или наоборот, путем завоеваний передавали местным жителям свои язык и культуру.

В конкурирующей гипотезе индоевропейцы происходили из Малой Азии. Они пришли в места своего теперешнего обитания гораздо раньше — свыше 8000 лет назад и принесли с собой в дикую малонаселённую Европу навыки сельского хозяйства, а вместе с ними и свой язык.

Примерно с 80-х годов XX века исследователи пытаются определить пути миграций своих далёких предков на основе генной информации теперешних людей. И кое-что находят. В Европе имеет место спад частот определённых генетических вариантов в направлении от юго-востока к северо-западу. Это значит — в пользу причерноморских конников.

Конкурентное направление, исследующее «неолитическую революцию» в Европе приносит, однако другую информацию — исследование ДНК останков оседлых крестьян и современных им собирателей показывает исключительную разницу между ними. Она кажется даже более существенной, чем генотипы европейцев и австралийцев. Т.е. как бы на самом деле подтверждается версия о переселенцах из Малой Азии.

Но стоп! Варианты ДНК собирателей и охотников наблюдаются в Европе по сей день, особенно в Восточной Европе, и некоторые из них считаются типично индоевропейскими. Генотипы как бы пришлых крестьян имеют, напротив, распределение, совершенно не характерное для жителей сегодняшней Европы. Этот неожиданный результат может означать, как минимум, две миграционные волны в Европе — сначала пришли земледельцы и вытеснили охотников и собирателей, а потом явились носители наиболее распространённых в Европе ДНК и вытеснили на периферию давешних земледельцев. Или наоборот.

Следует признать: и эти, и проведённые на Иберийском полуострове аналогичные исследования ясности в проблему не внесли и не подтвердили того, для чего они, собственно, предназначались — они не подтвердили версию о приходе носителей индоевропейских языков из Малой Азии.

В 2003 г. были опубликованы, с тех пор часто дискутируемые, исследования двух интересующихся языкознанием психологов — Квентина Аткинсона и Рассела Грэя (Q. Atkinson, R. Gray), взявшихся разрешить проблему происхождения индоевропейских языков своими методами.

Исследование они решили провести аналитически и чисто формально. Для этого они использовали компьютерную программу, разработанную для нужд генетиков и применяющуюся с целью определения генеалогических древ человека. В качестве исходных данных они ввели в программу по 200 слов и их эквивалентов для каждого из исследуемых индоевропейских языков, а также информацию о том, как долго длится процесс, в котором конкретное слово одного языка заменяется словом иного происхождения. Программа рассчитала генеалогическую схему для введённых языков, а также возраст корней и всех ответвлений. Результатом стала графическая таблица.

Понятно, что методика, помимо своей неожиданности, предполагает и допущения, о степени действенности которых никто не может ничего сказать конкретного.

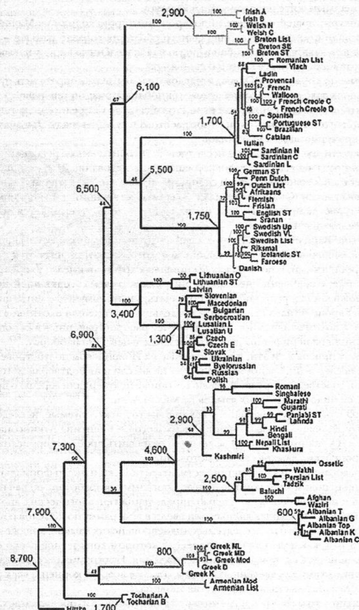

Схема Грэя-Аткинсона

Однако доверие к результатам компьютерного анализа поддерживается многими известными факторами, добытыми иными способами, и не противоречит известным выводам, достигнутым на основании других методик. Например, подтверждается изолированный статус албанского языка. Сегодняшние большие группы индоевропейских языков, такие, как германская, романская, славянская и другие представлены в схеме весьма корректно.

Из схемы Грэя-Аткинсона как будто весьма убедительно следует, что первое расщепление индоевропейских языков произошло примерно 9000 лет назад. И именно в Малой Азии нашёл себе место обитания древнейший индоевропейский народ – хетты. Да и начало распространения земледелия зафиксировано в Европе как раз по соседству с Малой Азией – в Греции. Там же «законсервировались» две ветви индоевропейских языков – албанский и греческий, тогда как остальные языки распространялись дальше. Т.е. шансов для конников из южнорусских степей, определившихся на 2000 лет позже, вроде бы не остаётся никаких.

Но стоп! А где уверенность в том, что хетты и греки на самом деле пришли в Малую Азию и на Балканы 9000 лет назад, а не двумя тысячами лет позже, отделившись когда-то от основной группы индоевропейцев, как те же тохары? Первые письменные документы хеттов, подтверждающие их принадлежность к индоевропейцам, появились только 4 тысячи лет назад, да и там упоминаются их священные объекты явно неиндоевропейского происхождения. А расшифрованные письмена древних жителей Крита говорят о том, что язык, которым они пользовались, принадлежал совсем другим корням.

Схему Грэя-Аткинсона на самом деле можно согласовать с тезисом о том, что индогерманские языки пришли в Европу с распространением земледелия, но доказать его эта схема не может.

Зато схема содержит другую дату, которая восхищает исследователей. Это дата, точнее малый промежуток времени, в котором произошло разделение (т.е. распространение) помимо хеттского, греческого и албанского других индоевропейских групп языков – индоиранских, балтийских, славянских, кельтских, романских, германских. Взгляд на карту открывает для этого простую возможность – может быть, эта волна расщепления и переселения происходила из степей севернее Чёрного моря? Оттуда можно относительно легко достичь и Ирана, и восточно-центральной Европы. Ну, а под конец известный аргумент в пользу этой версии – названия рек в причерноморском регионе: Дон, Днепр, Днестр, Дунай. Все они содержат индоевропейский корень – староперсидское и старокельтское слово «дану» – река.

***

Статья Р. Бергер на самом деле большая, она изобилует конкретными подробностями касающимися генных групп и их индексов, которые я опустил, постаравшись донести главную идею.

В общем ясно, что автор, изо всех сил стараясь сохранять объективность, склоняется всё-таки к версии возникновения индоевропейских языков и их носителей-народов в причерноморских степях.

Подтверждением тому могут быть ещё некоторые факторы, которые автор статьи не упомянула. Например, фактор, вытекающий непосредственно из схемы Грэя-Аткинсона. В этой схеме, изображённой в соответствующем масштабе, расстояние от локализации конкретного языка до главной ветви генеалогического дерева означает и степень его близости к праязыку индоевропейцев. Близость языка к праязыку означает, помимо прочего, степень влияния на него языков других народов и культур, во всяком случае потенциальную возможность таких влияний. Т.е. чем ближе язык к праязыку, тем теоретически меньше состоялось контактов его носителей с носителями других языков.

Из всех живых языков ближе всего к главной ветви расположена группа балто-славянских языков, а в этой группе – латышский язык. Это обстоятельство прямо указывает на автохтонность народов балто-славянской группы в регионе их проживания.

Кстати сказать, в другом, еще более старом, основывающемся на более традиционном методе, исследовании наиболее близким из существующих языков к праязыку назывался литовский. Что тоже подтверждает хорошее качество схемы Грэя-Аткинсона.

Другим фактором, несколько удалённым от филологии, может быть ответ на вопрос – а что же такое:

а) помогло так быстро и вдруг распространиться индоевропейцам в их теперешней, до сих пор невероятно обширной ойкумене;

б) стало причиной столь успешной передачи их языка народам, без сомнения проживавшим здесь до них и, естественно, говоривших как-то иначе.

Ведь известно, что передача и смена языков происходят во вполне конкретных условиях – при вторжении, например, на территорию автохтонов народа с более высокой культурой, или народа значительно более сильного в военном отношении и образовавшего новую элиту.

Видимо, причиной и быстрого распространения, и решающего силового преобладания индоевропейцев во всех географических областях, которых им удалось достичь, стало одомашнение лошади, произошедшее примерно 6000 лет назад как раз в области между Черным морем и Каспием. Лошадь принесла тем, кто её одомашнил, колоссальное и решающее преимущество в военном деле и в хозяйственной повседневности. А это, в свою очередь, оказало решающее влияние на передачу и распространение языка конников из причерноморских степей по разным направлениям.

ВО ХВАЛУ ПИВА!
(In Laudem Cerevisiae)

Алесь Белый

Герваз, прыпомніўшы часы былыя, просіць
РаспеРазацца ўсім — і ўжо яму прыносяць
Жмут паясоў. Ён звязвае іх нецярпліва,
Ідзе ў падвал і тут жа цягне бочку піва...
А. Міцкевіч. «Пан Тадэвуш»

Пиво – одно из старейших изобретений человечества, ровесник самой цивилизации. Уже 6 тысяч лет тому назад его варили шумеры, первый цивилизованный народ в истории – при раскопках могилы царицы Шубад в Уре найдены сосуды для питья, предки современных бокалов, и глиняные таблички с детальным описанием технологического процесса пивоварения.

Другие древние цивилизации тоже знали пиво – оно упоминается в древнеегипетской «Книге мертвых», а его изобретение египтяне, которые обычно варили пиво из недопеченного ячменного хлеба, приписывали богине Изиде или богу Осирису. Ут-Напишти, вавилонский предшественник Ноя, грузил пиво на ковчег во время мирового потопа. В римском пантеоне «ответственной» за пиво считалась Церера *(Ceres)*, богиня плодородия и подземного мира, откуда происходит латинское название пива cerevisia и ее производные в романских языках*.

Святым напитком было пиво у викингов. Конунг Рагнар Ладброк (середина IX века), захваченный в плен королем Нортумбрии и брошенный в яму с ядовитыми змеями, пел свою предсмертную песню, в которой хвалился и своими победами над врагами на Двине и Сене, и своими подвигами пьяницы-пивососа.

Сакральная роль пива, его связь с «тем светом» прослеживаются у большинства культур и цивилизаций. Недаром же беларусы считали полушутя, полусерьезно, что души умерших направляются «к Абраму на пиво», в чем видится и надежда попасть «в лоно Авраамово», и намек на обычную национальность шинкарей.

Скорее всего, пиво было изобретено случайно, когда оставленное в глиняном горшке зерно намокло и благодаря ферментации получился слабый спиртной напиток. Виды зерна, которые использовались для получения пива, в разные времена и у разных народов были самыми разными – рис, просо, сорго, кукуруза, пшеница, овес, гречиха, но чаще всего ячмень, культура достаточно нетребовательная и распространенная в разных климатических зонах. Особенно популярным ячмень был на севере Европы, поэтому пиво (да еще мед) здесь полностью доминировали. Зато на юге континента, где господствовало вино, пивом искренне пренебрегали. Один испанский солдат, участник войны в Нидерландах

Из журнала «Спадчына», 2000, № 1, с. 32–64. Перевод и редакция А.Е. Тараса.

* Например, по-испански пиво «cerveza». – *Прим. ред.*

в XVII веке, брезговал даже приблизиться к этому напитку, язвительно сравнивая его с лошадиной мочой, причем от лошади, больной горячкой.

Английское слово *«beer»* и немецкое *«bier»* происходят от древнесаксонского *«baere»* (ячмень), тогда как общеславянское «пиво», очевидно, происходит от глагола «пить». В середине XIX века шел горячий спор между славянами и немцами за культурное первенство во всем, в том числе и во внедрении ячменного напитка на севере Европы. В этот спор сделал свой вклад и известный беларуско-польский поэт Владислав Сырокомля, большой любитель пива. Ссылаясь на сообщение саксонского хрониста Титмара Мерзебургского о знаменитом торжественном застолье, которое в 1000 г. польский князь Болеслав Храбрый дал в честь германского императора Оттона III, он утверждал исторический приоритет славян в своей «Надписи на бокале». Приводим его по-польски, так как не имеем беларуского перевода:

Niemcy nam chcieli ukraść Kopernika
Z przywłaszczonego odarto ich blasku,
Chcieli nam dowieść że piwo wynika
Z ich wynalazku.

Ale w Dytmara pismach zostawiona
Pamiątka stara, kronikarska, żywa.
Bolesław Wielki przyjmował Ottona
Kufelkiem piwa.

Пивная тема не раз встречается у Сырокомли – например, своеобразной одой галицкому пиву звучит его перевод на польский язык соответствующего места из «Роксоланы» Кленовица. «Лирник деревенский», как известно, был патриотом «общепольским» не в меньшей степени, чем беларуским. И в том, что касается пивоварения, существовали определенные общие традиции Речи Посполитой – хотя в Литве имелись свои особенности, отличавшиеся от коронных.

Зато в бывшем СССР все было унифицировано, и пиво не являлось исключением. Во всех уголках великой империи потребителю предлагалось все то же «пиво вообще», которое обычно выступало под универсальной маркой «Жигулёвское», что, впрочем, не гарантировало единства технологии даже на одной и той же пивоварне. Никакие региональные особенности, особенно возведенные в ранг устойчивой традиции, мягко говоря, не приветствовались – возможно, только балтийским странам удавалось сохранять определенную «пивную автономию» и варить потихоньку известные издавна сорта.

Ничем особенным не могла похвастаться и подсоветская Беларусь, так что сегодня пивоварение в нашей стране начинается как бы с чистого листа. Но если всмотреться в нашу историю более пристально, то выяснится, что многие века технология пивоварения и культура потребления пива в нашей стране развивались в общеевропейском русле, в тесной связи не с тусклыми традициями восточного соседа, а с традициями ближних и дальних европейских стран.

Этим очерком, который не претендует на исчерпывающий характер, автор хочет восстановить по крайней мере основные вехи нашей «пивной истории» и набросать возможные направления возрождения отечественной пивной культуры, которая в старину была более-менее органично вписана в европейский

контекст. Как мы увидим ниже, Великое Княжество ощущало на себе сильное влияние немецких пивоваренных традиций, но они сплетались с более древними, сейчас уже в значительной степени утерянными — славянскими, балтскими, финскими.

* * *

Легенды и мифы, анекдоты и шутки тысячелетиями сопутствовали пиву, так что его можно с полным правом считать одной из «вечных тем», настоящим слоем культуры, который, к сожалению, у нас успел зарасти дерном. Для беларуской национальной идеи пиво — одна из возможностей прорыва в массовое сознание. Или в подсознание. Это иногда ощущается в акциях «Нашей Нивы» («Пиво за Беларусь») и «Белорусской газеты» («Пейте беларуское!»), которым, пожалуй, недостает знания традиций.

К сожалению, никто никогда не изучал по-настоящему историю знаменитых беларуских пивоварен (одна из причин, отчего и нет действительно знаменитых?), разве только с точки зрения классовой борьбы наемных работников с владельцами. Но какое пиво они варили, какие технологии употребляли, какие люди стояли у истоков отечественной пивоваренной промышленности? В последние годы вернулись из небытия имена лидских семей Пупко и Папирмайстеров, минчанина графа Кароля Чапского, австрийцев Лекертов, создавших своеобразную пивную империю в предреволюционной Беларуси, некоторых других пивоваров XIX — начала XX веков, однако это может рассматриваться только как начало долгого процесса восстановления исторической преемственности.

В постсоветском обществе до сих пор не прижилась принятая во всем мире классификация пивных стилей, и даже журналисты, которые постоянно освещают пивную тематику, обычно различают только «светлое» и «темное». Настоящих знатоков ячменного нектара у нас очень мало. В цивилизованном же мире пивные стили разделяют на две большие группы в зависимости от способа ферментации: «эль» (анг. *ale*) и лагер (*lager*, от нем. *lagern* — «сохранять»).

Первый, как правило, темнее и крепче другого, но это не принципиальное различие, ибо бывают темные лагеры и светлые эли. Главное же отличие в другом: при изготовлении эля ферментация или брожение (преобразование сахаров солода в спирт) происходит благодаря натуральным дрожжам, при комнатных температурах (15–24 °C) и сравнительно быстро (обычно весь технологический цикл занимает около двух недель). Дрожжи при этом действуют на поверхности сусла, потому такую ферментацию называют верхней. Лагер же получают при низких температурах (4–10 °C) со значительно более длинным периодом фермента-

ции – иногда до одного года! При этом наибольшую активность дрожжи проявляют на дне, соответственно говорят о нижней ферментации.

Абсолютное большинство самых древних сортов пива в истории человечества, и почти все сорта, которые можно сварить в домашних условиях, по такой классификации, относится к элям. Только в течение последних веков, благодаря изобретениям сначала баварских (в первую очередь мюнхенских), а затем чешских и датских пивоваров, пиво начали массово варить при низких температурах, а с развитием современной холодильной техники лагеры, более приспособленные для массового производства, почти совсем вытеснили традиционные эли. Впрочем, история лагеров тоже простирается в достаточно глубокую старину.

Поначалу лагеры варили исключительно зимой. В Германии самым известным среди них был *Marzen*, названный так потому, что с одной стороны, варился в марте *(Marz)*, последнем месяце, когда можно было производить ферментацию при низких температурах, а с другой, молотый солод успевал с осени как следует вылежаться, что считалось необходимым для хорошего пива. К тому же, родниковая вода в марте имеет наименьшую жесткость и щелочность, а качество воды – едва ли не главное условие для приготовления хорошего пива. Традиционный *Marzen* имеет медно-красный или красно-коричневый цвет, крепость около 5,5–6 % и легкую солодовую сладость. Сваренное в марте пиво (известное в Беларуси XVI–XIX вв. как «марцовае») было наиболее стойким и хранилось в холодных подвалах до лета – в зной оно было очень кстати.

Хмель используется в европейском пивоварении, по крайней мере, с VIII века, чтобы заглушить неприятную сладость солода, а также ради определенных антибактериальных качеств – хотя иногда употребляются другие ароматизаторы. Стандартным компонентом пива хмель сделался не сразу – в Германии к XII, в Нидерландах к XIII, а в Англии – в XV–XVI вв. С XVI века, когда начался стремительный рост пивоварен в Польше и своего хмеля там стало недоставать, выращивание этой трудоемкой и требовательной культуры в ВКЛ сделалось заметной и прибыльной отраслью экономики.

Привилеи на земельные наделы начала XVI века неизменно упоминают: «и со всими их землями пашными и бортными и с сеножатьями, и з лесы, и с дубровами, и с хмелники, и з боры, и с ловы звериными и пташыми...» Особая система единиц ВКЛ для измерения количества хмеля – «вантух», «солянка», «труска» – свидетельствует о важности этого продукта в экономике средневековой Беларуси. В 1508 г. смоленский монастырь Св. Троицы жаловался Жигимонту Старому, что его урядники /чиновники/ не выдают из казны традиционную ежегодную мерку хмеля, как было заведено во времена его старшего брата Александра, и Жигимонт приказал восстановить справедливость.

Большая часть хмельников находилась на западе Беларуси, ближе к рынкам сбыта. В 1605 г. только через Гродненскую таможню прошло «343 каменей, 35 вантухов и 61 с половиной вовов» хмеля. Таможенный сбор за вывоз хмеля, установленный в 1561 г. в связи с Ливонской войной, составлял «от каменя хмеля два гроша». Третий Литовский Статут (1588 г.) предусматривал достаточно серьезную ответственность за порчу хмельников:

«Хто бы кому хмелища подрал або порубал... таковый маеть гвалту платити двана-дцать рублей грошей. А если бы дерева не посек, толко хмель подрал, то маеть тры рубли грошей заплатити».

К сожалению, в новое и новейшее время выращивание хмеля в Беларуси неуклонно сокращалось, и сегодня почти весь он импортируется. В XIX веке были известны большие хмельники вокруг Щорсов, где находилась знаменитая пивоварня графов Хрептовичей, и в Желудке. В совсем недавнем прошлом большой хмельник был заложен под Молодечно, но он был уничтожен во время «антиалкогольной» кампании, и сейчас хмелеводство в Беларуси начинается почти с нуля — преимущественно на юго-западе.

Если за хмель взималась экспортная пошлина, то за готовое пиво, наоборот, импортная. Тот же указ Жигимонта Августа 1561 г. определял «от бочки пива кгданьского осьмъ грошеи, от фасы пива того ж шестнадцат грошеи». Чтобы ограничить прибыли заграничных купцов в пользу местных, законодательство запрещало первым торговлю пивом в разнос. Так, подтверждение Полоцку привилегии на магдебургское право (1510 г.) позволяло иностранцам продавать «вино какое-коли, и пиво немецкое, и иньшее питье чужии бочькою целою».

Иногда доходы от производства и продажи пива играли достаточно благородную роль в нашей истории. Инвестор Скориновской Библии, богатый виленский купец Богдан Оньков, как и его отец Онька, сколотил свой капитал, помимо прочего, на аренде трактиров в Мозыре, Речице, Бобруйске, Орше. Типичный пример буржуазных отношений, которые в первой четверти XVI века достаточно стремительно развивались в Великом Княжестве, пока магнаты не опомнились и не прибрали всю экономику к своим рукам, вытеснив из нее зажиточных горожан.

(Одно из свидетельств тому — устав 1522 г., запретивший виленским мещанам торговлю хмелем. Этот же устав назначил налог за право продажи пива в шинках в одну копу денег. Такой же размер этого налога, прозванного копщиной (от «копы» — 60 денег), был подтвержден в 1557 г. «Уставой на волоки»).

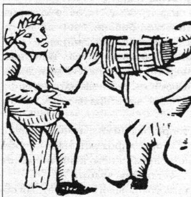
Еще один благородный пример из более близкого прошлого — известный общественный деятель, минский городской голова в 1890–1901 гг., граф Кароль Чапский, с именем которого связан расцвет пивоварни, известной сегодня как «Оливария». Своими личными доходами, в том числе и от пивоварни, Чапский закрывал дыры в городском бюджете (явление, которое сегодня невозможно представить!), благодаря чему в нашей нынешней столице появились конка, телефонная связь, электрическое освещение и многое другое.

Современной пивной индустрии свойственна концентрация производства в руках все меньшего числа крупных монополий, которые благодаря низким удельным расходам, возможности часто обновлять дорогое оборудование, тотальной рекламе и маркетингу, безжалостно, шаг за шагом вытесняют с рынка независимых производителей, так что количество пивоварен среднего размера в мире неуклонно сокращается. Если они и выживают, то за счет «непосполитых» сортов, рассчитанных на настоящих любителей и потому более дорогих. Эта тенденция рано или поздно проявится и в Беларуси, где государство пока искус-

ственно поддерживает на плаву пивоварни, неконкурентоспособные на открытых рынках, одновременно обдирая лучшие из них до последней нитки.

При монополизации часто теряются особенности национальных пивных стилей, стародавние сорта и вообще традиции и ритуалы, связанные с потреблением пива, которые приносятся в жертву массовым стандартным вкусам. Современный мировой пивной *mainstream* – это светлый лагер, как правило, стиля *Pilsner*, возможно и неплохого среднего качества (особенно на наш нетребовательный вкус), но всех ли он удовлетворяет?

Что касается Запада, то в 1971 году несколько «сердитых молодых людей» с севера Англии, озабоченные деградацией национальной пивной традиции, основали движение, которое назвали CAMRA (CAMpaign for Real Ale – кампания за настоящий эль). Они поставили своей целью сохранить национальные традиции «настоящего эля» – разнообразие стилей, прежде всего верхней ферментации, «дозревание» *(conditioning)* пива в чанах, традиционную британскую систему распространения и разлива, которым в тот момент угрожало непобедимое, как казалось, шествие бутылочного и баночного лагера, пастеризованного и искусственно карбонизированного.

Наши предки нередко пили пиво прямо из бочонков

Хотя CAMRA оставалась преимущественно британской организацией, постепенно к ней присоединялись пивные энтузиасты из других стран, так что сейчас в рядах этого движения на всех континентах уже более 50.000 членов. В 1990 г. CAMRA вместе с аналогичными организациями из Бельгии и Голландии основали Европейский Союз Потребителей Пива (European Beer Consumers Union, EBCU), который призван защищать на общеевропейском уровне права потребителей, и даже, если можно так сказать, «права пива». Благодаря усилиям EBCU удалось, в частности, обязать производителей раскрыть состав всех сортов пива, какие они варят, что раньше часто оставалось тайной для потребителей.

Во многих странах организованным любителям пива удалось сохранить или даже воскресить пивные традиции и стили, которым угрожало полное исчезновение. Многие сорта впервые получили точное определение, были стандартизированы и взяты под охрану национального законодательства.

Этот «пивной Ренессанс» опирался на поддержку не гигантских монополий, а в первую очередь так называемых микроброваров, которые в последние десятилетия упорно, хотя и с переменным успехом, борются с гигантами за симпатии потребителей. Микробровары появляются и у нас (пионером здесь является популярный «Раковский бровар») и тоже предлагают пиво, сваренное по рецептам, отличающимся от стандартного «мейнстрима», но с истинно национальным наследием пока что имеют мало общего. Прежде всего потому, что четко обо-

значенного национального наследия на сегодняшний день не существует – его фиксации должна предшествовать кропотливая опытническая работа, которая усложняется и плохой сохранностью и труднодоступностью источников, и вообще размытостью беларуских культурных традиций, отсутствием когда-либо очерченных канонов – не только в массовом сознании, но даже и в «культурной элите» общества.

Доставка пива клиенту
(резьба на дне польской бочки)

Пивная эстетика, к которой подсознательно стремятся хозяева и посетители «Раковского бровара» или «Пана хмелю», любители лидского и все другие, кто ощущает смутную ностальгию по старому доброму пиву, у нас совсем не разработана – а она должна была бы выражаться в названиях пивоварен и сортов, в дизайне бутылок, наклеек, картонных кружков-подставок под стаканы и бокалы, в интерьерах шинков и пабов, в восстановлении реликтовых технологий, в самых разных цитатах из отечественного и мирового пивного наследия. Современные технологии (в том числе рекламные) и национальный имидж – вот что нужно для полноценного беларуского «пивного культа».

Самый старый закон о пиве, который де-факто действует и в наши дни – это *Reinheitsgebot* 1516 г., баварский закон о чистоте пива, который установил, что единственными ингредиентами напитка могут быть ячмень, вода и хмель. Дрожжи, природа которых не была на тот момент достаточно понятной, остались как бы в скобках.

Позже к этому списку добавилась пшеница, чтобы таким образом легализовать пшеничное пиво – weizenbier. С течением времени *Reinheitsgebot* был принят по всей Германии и действует там поныне!

Правда, лет десять тому назад брюссельская бюрократия сумела устранить ограничения этого закона, чтобы открыть путь на немецкий рынок фирмам из других стран ЕС, не столь разборчивым в ингредиентах старого доброго пива, но собственно немецкие пивоварни добровольно отказались нарушать стародавнюю традицию. Настоящему художнику достаточно и скромных средств, чтобы выразить самую сложную творческую идею!

Вообще, далеко не каждая страна может похвастать собственным оригинальным, «автохтонным» пивным стилем. Так, в Польше только гродиское пиво из-под Познани может быть отнесено к самостоятельному стилю, который действительно нигде больше не встречается. Это подкопченное пиво «верхней» или

«теплой» ферментации (т.е. эль) из пшеницы каким-то образом пережило все социальные и технологические перевороты и сейчас, как и столетия тому назад, остается гордостью польских пивоваров. А больше всего разнообразных пивных стилей сохранилось в небольшой Бельгии – знаменитые ламбики, гёзы, трапистские эли... И за каждым стоит не только особая технология, но и давняя историческая традиция, судьбы конкретных людей, определенный этикет, неповторимые ритуалы, мифы, иногда предрассудки и суеверия – то, из чего сплетается ткань культуры.

Сами по себе составные элементы технологии гродиского не являются секретом. Исстари известен пивной стиль *Rauchbier* (от нем. *Rauch* – «дым»), подкопченное пиво, особенно популярное во Франконии (Северной Баварии), богатой когда-то буковыми лесами. Оно варится из солода, копченного в дыму от буковых дров, что придает ему определенный привкус ветчины. Также известны в разных странах сорта пива, которые варятся с дополнением или исключительно из пшеницы (она придает пиву чистый, освежающий, бодрый аромат) – баварское *weizenbier*, фламандское *witbier* или набирающие популярность в Соединенных Штатах новейшие *wheat beers*. Но уникальным гродиское пиво делает именно это сочетание традиций *Rauchbier* и *Weizenbier*, которое к тому же остается неизменным в течение нескольких столетий. Когда-то гродиское славилось на всю Речь Посполитую, а также охотно импортировалось немцами.

Историк Мартин Кромер (XVI век) утверждал, что в Польше пиво варят почти исключительно из пшеницы – это скорее преувеличение, но правда, что пшеница тогда использовалась в пивоварении значительно более широко, чем теперь. В стародавние времена пиво из пшеницы не было редкостью и в Беларуси. Кисло-сладкое, оно наилучшим образом соответствовало излюбленной вкусовой гамме литвинов и поляков. Инвентарь поместья Вольна (1571 г.), перечисляя содержимое панской пивницы, упоминает «пива бочок чотыры – три по пети ушатков, ечменного бочка одна – в ний ушатков пять, яричого пива две бочки – ушатков в тых бочках по пети, чварта бочка пива пшеничного – в ний ушатков два». Аттестат 1561 г., определяя нужное количество различных припасов, которыми должен был пользоваться Жигимонт Август проездом из Вильни на Мазовию, обязывал иметь «до пивницы: пива пшеничного бочок 10; пива росъходного бочок 42». Наследство пинской игуменьи Ульяны Почаповской, которое незаконно присвоили члены магистрата (середина XVI века), включало и «пива пшеничного пять бочек великих» – но ни одной из ячменного солода.

Привлекает внимание употребленный здесь термин «пиво росъходное». Инвентарь имения Сморгонь 1621 г. тоже упоминает ячменную крупу «на расход», т.е. для варки пива. Видимо, «расходным» в старину называли обычное пиво из ячменного солода. Следует ли разбрасываться хорошими словами? Если бы так назывался какой-то современный сорт отечественного пива, пусть самый обыкновенный, разве это было бы хуже сегодняшних названий – однообразных, угрюмых, лишенных какой-либо эмоциональной окраски и исторической преемственности?

Еще одним примером уникального и очень древнего пивного стиля, сохранившегося у наших не таких уж далеких соседей, является сахти *(sahti)*, который в Финляндии давно производится в промышленных масштабах, а в Эстонии

пока остается скорее реликтом, который чудом уцелел на отдаленных хуторах. Предмет национальной гордости финнов, сахти варится из ячменного солода с добавлением ржи и овса, но вместо хмеля употребляются ягоды можжевельника. Возможно, этот пивной стиль, который зафиксирован по крайней мере с IX–X вв., является реликтом древней традиции, общей для всех финских народов, и не только для них.

Веселье в корчме

Можно полагать, что и наши предки, которые соседствовали с ливами, древними финоязычными обитателями Нижнего Подвинья, были хорошо знакомы с этой традицией. Косвенно в пользу такого мнения свидетельствует тот факт, что ягоды можжевельника в старину широко использовались в шляхетской кулинарии (из них, в частности, изготавливали различные соусы), да и употребление можжевельника в пивоварении в разных уголках бывшей Речи Посполитой еще в XIX веке не было чем-то необычным, как свидетельствует, например, Зигмунт Глогер в «Старопольской энциклопедии»*.

Где пиво, там и азартные игры

Поэтому популярный сорт «Граф Чапский», который минская пивоварня «Оливария» варит с использованием настоя можжевельника — близкий родственник финского сахти, но вряд ли создан в результате сознательного обращения к национальным традициям. Скорее это случайная цитата из собрания мировой пивной рецептуры. К сожале-

* «Старопольская энциклопедия» З. Глогера была издана в 1900–03 гг. в 4-х томах. — *Ред.*

нию, такой аспект национального наследия, как технология, у нас абсолютно не разработан.

Вероятно, главной причиной того, что стиль сахти у нас не сохранился, был запрет производства спиртных напитков крестьянами (который не распространялся на шляхту и горожан). От «пропинации», исключительного права шляхты изготавливать и продавать спиртные напитки своим крепостным, наше пиво сильно пострадало. В Финляндии же и Эстонии сахти выжило именно благодаря зажиточному свободному крестьянству.

Вообще в Восточной Европе достаточно четко прослеживается тенденция: древние пивные традиции лучше сохранились там, где было слабее феодальное или государственное угнетение, где горожане и крестьяне были свободнее, меньше опутаны паутиной запретов и ограничений. Шавельская экономия в Жамойтии была в 1640 г. первой во всем Великом Княжестве и наиболее полно и последовательно переведена с барщины на денежный оброк, а здешним крестьянам было разрешено свободно варить пиво для собственных нужд и на продажу – и вскоре жамойтское пиво прославилось на всю бывшую Литву*.

Здесь, правда, сказались и достаточно глубокие языческие традиции, та роль, которую играло пиво в жизни древних балтов. У наших соседей и, в определенном смысле, предков летувисов пиво (лит. слово *«alus»*, очевидно, родственное английскому *«ale»*) считалось священным напитком, который на религиозных церемониях приносился в жертву языческим богам. Об этом, в частности, свидетельствует книга Яна Ласицкого «Про богов самогитов, других сарматов и ненастоящих христиан», написанная в конце XVI века в Заславле, в недалеких окрестностях которого автор, видимо, мог еще наблюдать очень древние языческие обряды**.

Шкляница для пива

Так, на праздник Вайжгантаса, покровителя льна, самая красивая в деревне девушка, стоя на одной правой ноге с полным кубком «алуса» в руке, заклинала этого божка, чтобы обеспечил хороший урожай. Торжества в честь Рагута, «летувисского Бахуса», в феврале, длились восемь дней – можно представить, с какой головой участники просыпались на девятый! Некоторые летувисские обычаи, аналогичные беларуским, дожили до начала XX века, как например «коштувес», когда из первого вара сцеживали несколько жбанов лучшего пива, которыми угощали соседей или тех, у кого одолжили пивоварскую начинку.

Пиво было незаменимым ингредиентом в гастрономии всей бывшей Речи Посполитой. Горячее пиво с медом или маковым молоком, колбасы, сваренные

* Шавли – нынешний Шауляй в Летуве. – *Ред.*

** Ян Ласицкий (ок. 1554 – ок. 1600) с 1581 г. служил у минского коменданта Я. Глебовича воспитателем его детей и жил в это время в Заславле. Упоминаемая автором статьи книга была издана в Базеле в 1615 г. уже после смерти Ласицкого. Это первое систематическое описание языческих верований балтов. – *Ред.*

в пиве, и другие блюда из пива были украшением стола. В течение веков шляхетские трапезы невозможно было представить без особого пивного супа, который заправлялся, как правило, сырыми яичными желтками, а также сметаной, творогом и разными специями. Такой суп, который назывался «граматка», «бермушка» или «фарамушка», или даже просто пиво, подогретое с кусками черствого хлеба или творогом, было принято есть с гренками. Пивные супы заменяли за стародавним столом в Речи Посполитой кофе и чай, которые начали их вытеснять только с XVII столетия, но еще и в XIX «граматка» пользовалась большой популярностью. Большим ее любителем, особенно во время поста, был король и великий князь Жигимонт Старый. Французский инженер Гийом де Боплан записал в середине XVII века:

Бочки с пивом в корчме (XVI век)

«Поляки [речь шла об украинской шляхте, а в широком смысле о всей Речи Посполитой – *А.Б.*] во время обеда пьют только пиво в огромных шкляницах, опуская в них гренки, политые маслом».

Действительно, такая посуда, как шкляница, употреблялась почти исключительно для пива. На всю бывшую Речь Посполитую славились шкляницы Урецкой и Налибокской мануфактур Радзивиллов. Но пили пиво и из более экзотических сосудов, как свидетельствует, например, известный летописец нравов и обычаев эпохи Сасов (1697–1763 годы) Анджей Китович:

Импортное пиво поступало в Речь Посполитую через порт Данциг (ныне Гданьск)

«Для пива употреблялись длинные стеклянные палки с большим набалдашником на конце – туда влезала кварта пива, бокалы с трубками, через которые надо было сосать питье, трубы, валторны, полугарцевые шкляницы с тремя обручиками. Палки, кубки, трубки делали неудобство не так самим напитком, ибо немного в них помещалось пива, как неудобным способом питья; чтобы пить из палки или трубки, надо было ломаться и выгибаться назад. Если же кто-то хотел отнять от губ куфель, а не знал, как заткнуть языком трубку, чтобы перестало течь пиво, так тут же обливался. Если

же кто брался выпить шкляницу с обручиками, должен был объявить всей компании, до какого обручика одним глотком выпьет; если не допил или слишком много выпил, то ему сразу доливали».

Описанная Китовичем «длинная стеклянная палка с большим набалдашником на конце» – не что иное, как знаменитый английский «ярд эля» *(yard-of-ale)*, особая посуда для шутейных пивных соревнований. Стандартная трубка такой посуды имела длину 1 ярд (91 см), а емкость была рассчитана на 2,5 английские пинты (1,42 л), что соответствует половине малого гарца, или скорее двум нашим давним квартам, чем одной. «Ярд эля», видимо, проник к нам вместе с английским пивом во второй половине XVIII века, речь о чем пойдет ниже. Шкляница с тремя обручиками – тоже достаточно распространенная европейская традиция. Вероятно, в названии нынешней голландской пивоварни *Drie Ringen* /Три кольца/ сохранился намек именно на нее.

Насколько известно, у древних славян пиво было лёгким, светлым, зеленоватым (так как чаще всего ограничивались только первичной ферментацией). В послелюблинской Речи Посполитой массовое или «ординарийное» пиво тоже преимущественно было светлым и слабым (2–3 % алкоголя), хотя варилось и более сильное, «дубельтовое» крепостью до 6, а иногда до 10 %. Слово «дубельтовое» заимствовано, скорее всего, в XVII веке из голландского языка – и сегодня в Голландии и Фландрии термином *dubbel* называют определенные сорта темного пива крепостью около 6 %. Когда-то крепость пива в Нидерландах помечалась количеством рисок на бочках, так что *dubbel* можно было узнать по двум рискам, а еще более крепкий *tripel* (8–10 %) – по трем.

Пиво, которое варили в панских фольварках, обычно не отличалось высоким качеством. Тренога, котелок (или горшок с узким горлом и дугообразными ручками), дежа или кадка – вот и все приспособления, которые требовались для домашнего пивоварения. Инвентарь имения Смоляны под Оршей (1593 г.) так описывает фольварк Обаль: «в бок з сеней бровар, в нем: чопы пивных три, кадей шесть, ушаток один». Никаких тебе немецких выкрутасов. Крепостные пивовары («пивоварцы дворные») не отличались и высоким мастерством, к тому же были склонны к краже – поэтому многие книги по рациональному ведению хозяйства и инвентари поместий содержат инструкции, как их надежнее контролировать.

Ординарийное или как еще говорили, «ценкушовое» пиво было еще не самым худшим напитком. Существовал еще «подпивок», известный также как «тазьбир» или «тайбир» (вероятно, от немецкого *Tisch Bier*, «столовое пиво») – напиток, который получался из повторного затирания осадка после сцеживания сусла, так сказать, «вторая заварка». В неурожайные годы пиво иногда варили из пырея – иной раз получалось неплохо, но бывало и так, что от этого напитка люди болели и умирали. Можно понять жалобу участников ганзейского посольства из Любека в Москву в XVII веке:

> «От самой Вильни до Орши нам приходилось покупать по дорогой цене и пить чрезвычайно плохое и нездоровое пиво, а местами и того нельзя было достать».

Надо думать, что в Орше путешественники получили определенное облегчение, ибо оршанское пиво тогда славилось на всю Восточную Беларусь — как в Западной гродненское.

Вообще в городах пиво варили значительно лучше, особенно там, где пивоваренные традиции были давние и поддерживались особыми цехами. Цехи солодовников существовали во всех значительных беларуских городах. Привилегии на содержание пивоварен и трактиров были предметом постоянной заботы магдебургских городов, так как давали значительную часть доходов городских бюджетов. Но и сегодня каждый европейский город гордится средневековыми привилегиями на пивоварение, дарованными когда-то могучими сеньорами, атрибутикой бывших пивоваренных цехов, любыми свидетельствами местной пивной старины.

Если хорошо поискать, то нашлось бы чем гордиться и беларуским городам. Подтверждая в 1507 г. Волковыску привилей на магдебургское право, Жигимонт Старый «для лепшого потверженя и помноженья места Волковыского и мещан всих дал и даровал приречоному месту... зложене, шинковане пива и меду и вина, которое жъ немецким языком зоветься шротарство» (от нем. *Schrot* — грубо размолотое зерно). Книга доходов и расходов Могилёва 1680–90-х гг. («реестр шафарский») содержит отдельный раздел «Реестр купованя солоду и вареня пива у дом Путятинский», где фиксировались все сделки магистрата, связанные с пивоварением.

Делопроизводство в магдебургских городах Восточной Беларуси и в конце XVII века велось еще по-беларуски, поэтому всматриваться в эти документы глазу националиста сегодня чрезвычайно приятно: «За розказанем пана войта и за картою, заплатили у Путятиной каменицы Францкевичовой за кгарцы двадцать тры пива... золотых тры и осмаков два» (Так называлась тогдашняя могилёвская городская пивоварня — «Путятина каменица»). И хотя мы вряд ли сумеем сегодня реконструировать ее внешний вид и рецептуру пива, отчего бы не воскресить по крайней мере название, дав ее здешней пивоварне либо одному из местных шинков или сортов пива?

Пили пива в старину очень много. В Польше и Литве оно лилось почти как вода — особенно в высших классах. Водой пренебрегали, что на тогдашний уровень санитарии было достаточно обоснованным. Брестский комендант Мартин Матушевич (середина XVIII века) записал в своем дневнике: «Пива не было, поэтому пили только воду, отчего впал в великую флегму и начал на здоровье слабеть». Даже крепостной крестьянин, как считается, выпивал до 100 литров пива в год. «Устава на волоки» признавала пиво таким же продуктом ежедневного потребления, как и хлеб: во время обязательной четырехдневной летней «талаки» /артели/ панский двор был обязан обеспечить батраков «хлебом и пивом». Стандартной же ежедневной нормой шляхтича было полгарца великого либо малый гарнец (около 2,8 литров) — что в год составляло до 700–1000 литров! По сравнению даже с современными чехами, мировыми рекордсменами в потреблении пива (160 литров на человека в год) эти цифры более чем впечатляют, не говоря о скромных среднестатистических 20 литрах в сегодняшней Беларуси.

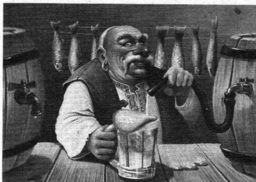
Те «времена былые», видимо, и вспомнил Герваз из «Пана Тадеуша», достав из склепа целую бочку. Как обычно с ней расправлялись, сообщает тот же Китович:

> «Бочка пива, вставленная в дымоход, когда подъехала компания хороших пияков, не продержалась и двух часов... Так делали отчасти и бережливости ради, ибо пахолок или другой слуга не так много сотрет сапог, если бочка стоит в дымоходе, как если часто бегать с крынкой к ней в пивницу. Четыре, а иногда всего только две хорошие глотки опустошали пятидесятигарцевую бочку от ужина до подушки, мало или совсем не зацепив полуночь. На триумф по победе напились водки и пошли спать с хорошим здоровьем...»

Даже если в такой бочке было 50 малых литовских гарцев (140 л), а не 50 больших коронных (185 л), победу действительно надо признать триумфальной. Кстати, насколько характерным напитком для наших предков было именно пиво, видно и из того, что слово «пивница» употреблялось в старобелорусском языке, как и в современном польском, в значении «подвал, склеп, подземелье». То, что пиво выступало синонимом спиртного напитка вообще, видно из юридических формулировок: в беларуском языке XVI века говорили не «в состоянии алкогольного опьянения», но «в пиве будучи». Преступники бормотали на суде в свое оправдание: «было в нас пиво».

Любили пиво не только шляхтичи, но и горожане, хотя их культура потребления была несколько другой. Например, как и сегодня, хорошо пилось в банях. Члены могилевского магистрата в конце XVII века «за лазню, што готовили для нас, заплатили золотых один и осмаков десять. Пива в лазни выпили гарцы три, заплатили осмаков осмнадцать. За голене дали осмаков осмнадцать».

Главным напитком было пиво в давних шинках и трактирах. Их здания выделялись среди других домов деревни или местечка: существовала целая система условных знаков, которая позволяла издалека узнать, какими напитками торгуют, как свидетельствует давнее выражение: «вянец на віно, веха на піва, крыж на мёд». Пивная «веха» представляла собой определенным образом скрученный пук соломы. «От вехи до вехи», от трактира к трактиру держали путь извозчики. Именно они считались лучшими знатоками пива. «Дзе ксёндз ды фурманы п'юць, там лепшае піва» — утверждала еще одна поговорка. А другая: «Калі піва скісае, вехі хаваюць». (Если монарх покидает резиденцию, его знамя спускают. Если нет хорошего пива, то что делать в трактире?).

Любитель беларуского пива

К сожалению, не все шинкари могли похвастать такой честностью. Часто, чтобы «поправить» скисшее пиво, в него доливали, в зависимости от кислотности, негашеную известь или поташ, которые

должен был выдержать несчастный желудок посетителя. Правда, если стояла одна задача – хорошо выпить, это было несущественно. Обычно, чтобы скорее дойти до «кондиции», к 1–2 литрам пива доливали 50–100 граммов водки, что по нынешним временам можно считать вполне приличным.

Официально трактиры вне городов позволялось держать только при большаках или в больших деревнях, где был свой войт или солтыс, чтобы собирать копщину. В крупных государственных экономиях (Брестская, Кобринская, Гродненская) крестьяне могли варить пиво на собственные нужды, откупив так называемую «пивную аренду». Был еще редкий повод, чтобы разрешить крестьянам сварить пиво без ограничения правом пропинации – это свадьба. Разумеется, существовали и подпольные или, как говорили в средневековье, «пакутныя» (от слова «кут» – угол) трактиры, которые не платили никаких официальных налогов – хотя, надо думать, что-то перепадало от них тому же солтысу или войту. Не потому ли известная берлинская марка пива называется *Schultheiss* (от этого немецкого слова происходит польское и беларуское «солтыс»)?

Любитель английского пива

Но где какой-нибудь беларуский «Солтыс» или «Старый Войт»? Хотя минская «Крыница», по случайному совпадению, находится как раз на улице Солтыса.

В Речи Посполитой было не так много действительно качественных сортов. Кроме гродиского, одним из знаменитых было варецкое (от местечка Варка на Мазовше). Сохранился исторический анекдот, будто папа Климент VIII, который в свое время (1588 г.) посетил Польшу как легат Святого Престола, настолько полюбил варецкое, что позже на смертном одре в горячечном бреду упоминал «Piva di Varka». Кардиналы, которые собрались вокруг больного, полагая, что он зовет на помощь какую-то малоизвестную святую, начали горячо молиться: «Sancta Piva di Varka, ora pro nobis» («Святая Пива из Варки, молись за нас»). Но в Новое Время к большинству сортов отечественного пива, как в Польше, так и в Литве верхи общества относились достаточно снисходительно, предпочитая импорт. В XVII веке популярными – у тех, кто мог себе их позволить – были сорта прусского (например тильзитское), или ливонского происхождения, брауншвейгское *Mumme* или гданьское (т.е. тоже немецкое) *Toppen Bier*. В середине XVIII века некоторое время держалась мода на чешское пиво, но в конце столетия оно уступило место английскому.

Пивной стиль, который впервые достиг в Британии уровня массового производства, установился в начале XVIII века и первоначально назывался там *entire* («цельный») — это был крепкий (7–12 % алкоголя) темный эль, окончательную ферментацию которого производили в больших деревянных чанах. Своеобразный символ английской промышленной революции XVIII века, этот дешевый и массовый напиток имел большую популярность у рабочего люда и быстро получил новое название — портер (от анг. *porter* – грузчик). Именно под таким названием он стал известен в скандинавских и балтийских странах, с которыми Англия вела оживленную торговлю — в том числе в Речи Посполитой и в России.

Но если на родине портер пользовался не самой высокой репутацией, то на востоке и севере Европы он был настоящим предметом роскоши и престижа. Так, «Газэта Варшавска» в 1789 г. с гордостью рекламировала «свежее английское пиво, прямо из Лондона». Как свидетельствует Китович, в Краковском и Сандомирском воеводствах ни одно пиво, кроме английского (прежде всего портера), не пользовалось уважением. Мода на английское проникала и в Великое Княжество, несмотря на то, что английский портер облагался самими высокими налогами — в Минске в 1765 г. за бочку портера взымали 18 злотых чопового сбора, тогда как за бочку местного только 1 злотый.

С таким же пиететом относились к английскому народному напитку и в России. После того как какой-то изобретательный шкипер подарил 5000 бутылок ячменного нектара питерским госпиталям, он был награжден исключительным правом поставлять английское пиво ко двору Екатерины II, а сам этот стиль в Англии стали гордо называть *Imperial Russian Stout* — «Императорское Русское Крепкое». Под таким названием изначальный стиль, известный у нас и наших соседей как портер, сохранился в Британии до наших дней, хотя его золотые дни давно кончились. Зато его ответвление, очень темный эль, известный сначала как *stout porter* — «крепкий портер», а позже просто как *stout*, прижился прежде всего в Ирландии, и дал начало стилю, известному благодаря таким знаменитым маркам, как *Guinness* и *Murphy's*.

Популярность портера вызвала много как «официальных», более или меньше честных, имитаций, так и чисто пиратских подделок, которыми не брезговали ни у нас, ни в самой Британии. Известный виленский врач, доктор медицины Якуб Шимкевич, который посвятил целый большой раздел своего исследования «О пьянстве» (1818 г.) различным способам фальсификациии пива, предостерегал от чрезмерного увлечения английским пивом:

> «Не надо гнаться за английским пивом и портером. Наше пиво, если делается из здорового ячменя и не скисшее, здоровее... Английское пиво полнит и дурманит, требует долгого привыкания и одаренности от природы крепким желудком».

Чтобы усилить дурманящий эффект, горечь и другие качества своего пива, английские пивовары добавляли в него табачный лист, испанский перец, алоэ и даже опий (ходили слухи и про мышьяк) — особенно в то пиво, которое предназначалось на экспорт, так как дома парламент все же следил за нечестными производителями. В начале XIX века, как писал Шимкевич, англичане в погоне за прибылью даже пытались полностью заменить солод и хмель какими-то хи-

мическими соединениями, так что готовый продукт, по выражению газеты *Lloyds Evening Post*, был похож на настоящее пиво «как известь на сыр».

«Изобретательностью» отличались и здешние шинкари. В пиво – как в импортное, так и местное – добавляли багульник, арнику, копытник (белокрыльник), тертую листву конопли и другие дурманящие травы. Чтобы замедлить ферментацию, в пиве держали оловянные тарелки, насыщавшие его солями олова. Все это часто вызывало острые отравления и хронические болезни. По сравнению с этим такие приемы, как доливание водки или добавление поваренной соли, чтобы вызвать жажду и принудить посетителя трактира пить все больше и больше, выглядят совершенно невинными уловками. В XVII веке соль вообще считалась абсолютно легальным компонентом: в Могилевском «Путятинском каменном доме» в 1688 г. несколько раз «до пива одного вару, абы не кваснило, соли кварт две купили».

Так же легально добавляли в пиво и некоторые травы. Например, пивовары «Путятинского каменного дома» в том же 1688 г. «купили бобков до подправованя пива за осмаки три». («Бобками» в старобеларуском языке называли лавровый лист). Ксёндз Криштоф Клюк, автор «Словаря растений» (конец XVIII века), очень рекомендовал употреблять матердушку *(Origanum vulgare)*, которая якобы придает пиву чрезвычайно приятный вкус. Хорошим вкусом считалось и употребление гвоздики, аира. Аир также служил признаком качественной воды, пригодной для пива.

В XVIII веке травы уже перестали постоянно отождествлять с колдовством, как это было раньше. Пивоварение, как и травництво, тоже долгое время было окружено своеобразной мистической аурой. Оно не сводилась к ряду технологических процессов, но было как бы таинством, секретом, доступным только посвященным. Польские архивы XV века содержат много уголовных дел против пивоваров и шинкарей, обвиненных в колдовстве ради привлечения клиентов. Кроме трав, в ход шли и более экзотические средства – так, одна шинкарка из-под Познани (1430 г.) добавляла в пиво... пальцы, тайно отрезанные у снятых с виселиц висельников. Адское пойло! Вот почему в раннем средневековье пивоварение много где в Европе было привилегией монастырей. По крайней мере можно было надеяться, что монахи не войдут в сговор с сатаной и пожалеют как души потребителей, так и их желудки.

Одним из качеств, за которое в Речи Посполитой ценили английский портер, была его необычная игристость. Отечественные технологии не могли похвастать здесь хорошими результатами, по крайней мере при готовке пива из ячменного солода или пшеницы. Но ингредиентом, который позволял получить

более пенистое пиво, был горох — широкое его использование в пивоварении являлось одной из региональных особенностей именно Великого Княжества. В современной Летуве сорта пива, в которые добавляется горох, сохранились поныне. Правда, эта особенность летувисского пива пока не настолько хорошо разработана, чтобы выделить «гороховое» в отдельный стиль. Что же касается портера, именно он на землях бывшей Речи Посполитой, уже после разделов, играл роль, так сказать, национального пивного стиля.

В Беларуси в XIX веке особенно славился портер пивоварни Игнация Богдашевского в Вязыни (у Фаниполя). Возможно, восстановление исторических традиций отечественного пивоварения следует именно с легендарного «балтийского портера», который уже возродился у наших соседей — поляков, эстонцев, латышей. Но в таком случае это должно быть не случайной имитацией, не просто крепким темным пивом, а именно «старым добрым элем» крепостью 7–7,5 %, сваренным по всем канонам соответствующей технологии, с ароматом хорошо пережженного солода, с фруктовым или кофейным привкусом. Чтобы было не стыдно перед «родственниками» — шведским *Pripps Carnegie Porter*, финским *Koff Portteri*, эстонским *Saku Porter*, латвийским *Aldara Porter* — правда, большинство из них на самом деле не эли, а лагеры, поэтому название «портер» носят не совсем заслуженно...

Дегустация «Речицкого»

Еще одним качеством пива, которым хвалились англичане и которое особенно ценилось у нас потому, что его трудно было добиться в кустарных условиях, считалась прозрачность. Чтобы сделать пиво более прозрачным, местные изобретатели добавляли в него яичные белки или даже студень из телячьих ножек. Эти приемы критиковал в XIX веке образованный Якуб Шимкевич, но в старину в этом не видели большого изъяна, как свидетельствует, например, книга *«Gospodarz Inflandski»* Яна Германа.

Изданный в 1693 г. в Слуцке, этот переведенный с немецкого языка трактат по рациональному ведению хозяйства содержал много сведений о пивоварении и считается первой книгой такой тематики в Речи Посполитой. Совсем неплохо, если учесть, что например, у чехов первый специальный трактат по пивоварению появился даже позже. *«Gospodarz Inflandski»* переиздавался еще в Вильне в 1791 г. и в Минске в 1823 — последнее издание увидело свет благодаря стараниям известного в свое время ученого, преподавателя Минской гимназии Игнация Легатовича.

Кстати, «Инфлянтский хозяин» советовал для кипячения сусла пользоваться раскаленными камнями, которые опускали в деревянную дежу, так как ее невозможно нагревать на открытом огне. Эта технология в старину использовалась очень широко, а в XX веке вернулась из небытия в производстве так называе-

мого *Steinbier*, популярного в микропивоварнях Австрии и Баварии. *Steinbier* имеет легкий копченый привкус, а интенсивное кипение в пару от раскаленных камней карамелизирует часть солодовых сахаров, придавая такому пиву типичный темный цвет.

Другой книгой, которой в старину широко пользовались наши пивовары, была *«Oekonomika ziemianska generalna»* Яна Гавра, выдержавшая в XVII–XVIII вв. много переизданий. Она была настольной у каждого солидного хозяина. (Гавр, кстати, был сторонником пшеничного пива, *weizenbier*. По его мнению, пшеницу надо было добавлять к ячменному солоду не менее чем в пропорции 1:2).

Кроме поляков, надо вспомнить и наших соотечественников, писавших книги на пивную тематику – генерала и ученого-химика Александра Ходкевича (*Nauka robenia piwa*, Варшава, 1811 г.) и особенно знаменитого беларуского этнографа и историка Александра Ельского, автора небольшой, но чрезвычайно содержательной брошюры *«Piwo i piwowarstwo w przeszlosci naszej»* (Варшава, 1887 г.), которая обобщила все исторические сведения о пиве и пивоварении на землях бывшей Речи Посполитой и, между прочим, послужила толчком к написанию этой статьи.

Ельский сам хорошо знал технологию пивоварения, с детства наблюдая за изготовлением этого напитка в отцовской пивоварне в своих родных Дудичах, которую считал, может не совсем справедливо, одной из лучших в современной ему Беларуси. Жаль, что в сегодняшних Дудутках, потакая «совковым» вкусам, посетителей угощают не пивом, а самогоном – еще одно доказательство того, что традиции отечественного пивоварения надо еще долго и заботливо возрождать. В брошюре Ельского перечислены и другие знаменитые пивоварни Беларуси XIX столетия, которые часто принадлежали известным деятелям нашей культуры (случайно ли?) – как логойская пивоварня Тышкевичей или щорсовская Хрептовичей. Может быть, в инвентарях этих и других поместий, в записях этнографов, в других архивных источниках находятся забытые рецепты, которые следовало бы попытаться восстановить?

PIWO I PIWOWARSTWO

W PRZESZŁOŚCI NASZEJ

Aleksander Jelski.

WARSZAWA
Druk Józefa Bergera

Брошюра А. Ельского «Пиво и пивоварение в нашем прошлом»

«Coca Cola – пей легенду!» – призывает рекламный слоган транснациональной корпорации. И действительно, на современном рынке продается и потребляется не столько определенное сочетание углеводов, красителей, ферментов и консервантов, которые составляют тот или иной продукт, сколько именно представление об этом продукте, та система образных ассоциаций, какую он вызывает, короче говоря, легенда или миф.

Нельзя сказать, что у беларусов совсем нет исходного материала, чтобы создать легенду о Национальном Пиве – пусть не столь блестящую, как у чехов, англичан, баварцев или бельгийцев, но в любом случае свою, самобытную и непо-

вторимую. Цивилизованные народы хранят традиции не столько для привлечения многочисленных туристов, но прежде всего потому, что сами не смогли бы жить в серых, неуютных, безликих странах. Могут ли вернуться или появиться вновь в нашем обыденном сознании «гороховое», «ярычнае», «росъходное», «марцовае», «дубельтовае», «граматка», «веха на пиво», «Путятина каменица», пивные фестивали – с полугарцевыми шкляницами с тремя обручиками, с бочкой пива в дымоходе или «ярдом эля»? Вернут ли себе прежнюю славу очень невзрачные сегодня гродненское и оршанское?

Разве не хватает нам эрудиции, сообразительности, хорошего вкуса, национального согласия, самоуважения, воли и настойчивости, чтобы заявить уверенно всему миру и самим себе: беларуское пиво – это не мутная жидкость неизвестного происхождения, без традиций и перспектив, но напиток достойных людей. *Oel er annar mandr* – «пиво есть тот же человек», утверждали викинги. Право «пивом зваться», как и зваться человеком, не дается просто так. Его надо заслужить. Сумеем? Да будет так!

Литература

1. Szymkiewicz Jakub. Dzieło o pijanstwie. Wilno, 1818.
2. Jana Hermana z Heydenburku. Ziemianin albo Gospodarz Inflandzki. Mińsk (Litewski), 1823.
3. Jelski Aleksander. Piwo i piwowarstwo w przeszlości naszej. Warszawa, 1883.
4. Kuchowicz Zbigniew. Obyczaje staropolskie XVII–XVIII w. Lódź, 1975.
5. Lees Benjamin. The Encyclopedia of World Beers. Graham & Myers, 1997.

ЗОЛОТАЯ ДЕСЯТКА БЕЛАРУСКИХ АВТОРОВ

Популярный еженедельник «Аргументы и факты в Беларуси» опубликовал в последнем (52-м) выпуске за 2012 год список 10 самых выдающихся произведений беларуской литературы XX века (стр. 42 в еженедельнике). Его составила преподавательница Института журналистики Белгосуниверситета Оксана Безлепкина. Вот этот перечень:

(1) Якуб Колас (1882–1956)– «Сымон-музыка», поэма (1911 г.).

(2) Янка Купала (1882–1942) — «Тутэйшыя», пьеса (1922 г).

(3) Максим Горецкий (1893–1938) — «На імперыялістычнай вайне», сборник рассказов (1926 г.).

(4) Андрей Мрый (1893–1943) — «Запіскі Самсона Самасуя», роман (1929 г.)

(5) Франтишек Олехнович (1883–1944) — «У кіпцюрах ГПУ», документальная повесть (1934 г.).

(6) Кузьма Черный (1900–1944) — «Млечны шлях», роман (1944).

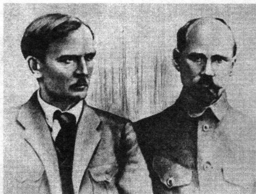
(7) Владимир Короткевич (1930–1984) — «Ладдзя роспачы», повесть.

(8) Василь Быков (1924–2003) — «Аблава», повесть (1989 г.)

(9) Иван Шамякин (1921–2004) — «Слаўся, Марыя».

(10) Андрей Федоренко (1964 г.р.) — «Вёска».

Понятно, что список субъективен, его можно оспорить, можно дополнить. Например, лично я поэму Коласа «Новая зямля» оцениваю выше «Сымона-музыкі», а повесть Короткевича «Дикая охота короля Стаха» мне нравится больше, чем его «Ладья отчаяния». Пьеса Олехновича «Круцi не круцi — трэба памерцi», на мой взгляд, имеет больше оснований для зачисления в «десятку», чем его же автобиографическая документальная повесть «В когтях ГПУ» (которую, кстати говоря, я перевел на русский язык и издал). Кто такой Федоренко я вообще не знаю, впервые прочитал эту фамилию. Отсутствует в списке такой замечательный писатель как Сергей Пясецкий (1901–1964), который родом из местечка Ляховичи.

Янка Купала (слева) и Якуб Колас

Но дело не в моих личных симпатиях и антипатиях. Преподавательница попыталась указать соотечественникам на

Максим Горецкий

Кузьма Черный

Андрей Мрый

Франтишек Олехнович

Владимир Дубовка

Владимир Короткевич

Иван Шамякин

Василь Быков

Андрей Федоренко

самые выдающиеся (по ее мнению) произведения нашей изящной словесности.

Отсюда риторический вопрос: читали ли мы все названные?

Призываю читателей присылать на электронный адрес альманаха (он указан на последней странице) свои варианты десяти лучших произведений беларуской литературы XX века. Мы опубликуем список, составленный на основе ваших мнений.

Чтобы не быть голословным, привожу в качестве примера свой вариант «золотой десятки»:

(1) Якуб Колас – «Новая зямля», паэма.

(2) Янка Купала – «Тутэйшыя», п'еса (1922 г).

(3) Максім Гарэцкі – «Камароўская хроніка», раман-эпапея (1930–37 гг.).

(4) Андрэй Мрый – «Запіскі Самсона Самасуя», раман (1929 г.)

(5) Францішак Аляхновіч – «Круці не круці, трэба памерці», п'еса (1943 г.)

(6) Сяргей Пясецкі – «Запіскі афіцэра Чырвонай Арміі», аповесць (1948 г.).

(7) Уладзімір Караткевіч – «Дзікае паляванне караля Стаха», аповесць.

(8) Іван Мележ – «Людзі на балоце» (1961 г.).

(9) Уладзімір Дубоўка – «О Беларусь, мая шыпшына», зборнік вершаў (издан в 2002 г.).

(10) Ларыса Геніюш – «Споведзь», книга воспоминаний (издана в 1990 г.).

Сергей Пясецкий

Лариса Гениуш

Понятно, что он отражает мои личные вкусы. Например, писатель Василь Быков – классик современной беларуской литературы и лауреат Нобелевской премии. Но я читать его произведения не люблю, не вызывают они у меня ни ни сопереживания литературным героям, ни восхищения мастерством автора. А к творчеству Ивана Шамякина я отношусь резко отрицательно. Это к тому, что не надо ни под кого подстраиваться в своих оценках, думайте своей собственной головой.

Анатоль Тарас

ДЕДЫ
ДАЙДЖЕСТ ПУБЛИКАЦИЙ О БЕЛАРУСКОЙ ИСТОРИИ

Основан в 2009 году

Выпуск 12
Составитель и редактор *Тарас Анатолий Ефимович*

Адрес для писем:
А.Е. Тарас, а/я-137, Минск-131, Беларусь
Электронный адрес: AETaras@tut.by

Подписано в печать 10.06.2013.
Формат 70 × 100 1/16. Бумага типографская. Печать офсетная.
Гарнитура «NewBaskervilleC». Усл.-печ. л. 17,22. Уч.-изд. л. 34,00.
Тираж 2000 экз. Заказ 1936.

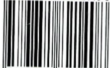
Ответственный за выпуск: *А. Е. Тарас*

Издательство ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

Республиканское унитарное предприятие «Издательство "Белорусский Дом печати"».
ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009.
Пр. Независимости, 79, 220013, г. Минск, Республика Беларусь.

ПІВА

ISBN 978-985-18-2140-8
9 789851 821408